

Н.Е. Сулименко

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Слово в курсе лексикологии

Учебное пособие

*Допущено Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 540300 (050300) —
Филологическое образование*

3-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус
С89

Научный редактор:

д-р филол. наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена
Е.В. СЕРГЕЕВА

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. СПбГУ
К.А. РОГОВА,

д-р филол. наук, проф. РГПУ им. А.И. Герцена
К.П. СИДОРЕНКО

Сулименко Н.Е.

С89 Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Н.Е. Сулименко. — 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-89349-800-4

Книга посвящена актуальным проблемам курса лексикологии, недостаточно обеспеченного учебно-методическими пособиями. В ней освещены как традиционные для курса проблемы, так и новые, связанные с интегральными концепциями языка и слова.

Книга адресована студентам, аспирантам и преподавателям филологических факультетов вузов.

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус

*Светлой памяти Учителя —
доктора филологических наук, профессора
Веры Васильевны Степановой — посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Книга отражает опыт проведения курса лексикологии на филологическом факультете и опирается на достижения современной лингвистической науки, включая результаты исследований участников проблемной группы «Слово как единица лексической системы языка», которую при кафедре русского языка РГПУ им. А.И. Герцена более четверти века возглавляла В.В. Степанова.

Издание восполняет недостаток учебно-научной литературы по лексической проблематике, связанной с языковыми новациями и сменой лингвистической парадигмы. Поэтому среди основных тем для изучения лексикологии предлагаются такие, как «Основные направления в изучении лексических явлений», «Активные процессы в русской лексике». При освещении других тем («Слово как единица лексического уровня языка», «Системный характер русской лексики», «Лексическое значение слова», «Однозначные и многозначные слова. Смысловая структура слова», «Проблема типологии лексических значений») привлекается специальная и учебная литература, отражающая сложившиеся взгляды на традиционные проблемы лексикологии, и отмечаются «узкие» места в их разработке.

В качестве иллюстративного используется материал словарей разного типа, прежде всего толковых, и разножанровых текстов (включая учебные, представляющие базовую лексику русского языка).

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Принцип антропоцентризма в лексикологии

Осознание тупика, в котором оказалась человеческая цивилизация, ведомая технократическим способом мышления, привело к смене приоритетов современной науки, утверждению принципа антропоцентризма в качестве ведущего, определяющего. Это относится и к гуманитарным наукам вообще (междисциплинарные связи с которыми не может не учитывать лингвистика), и к тому лингвистическому разделу, который непосредственно затрагивает связи языка и мышления, языка и внеязыковой действительности, — к лексикологии.

Принцип системоцентризма в изучении лексических явлений перестал быть самодостаточным и входит в сложное взаимодействие с принципом антропоцентризма. Изучение антропоцентрической направленности в устройстве лексикона требует выхода за пределы языка, в область знаний о мире, о человеке в различных его ипостасях, в широкую сферу человеческой субъективности. С исследованием роли человеческого фактора в языке связана серия монографических трудов последнего времени [182, 269], разработка понятия «языковой личности» и ее структуры [94, 290], когнитивно-прагматических аспектов языка [69, 156, 157, 199].

Идеи «активной грамматики» Л.В. Щербы и указание на необходимость создания «идеологических словарей», обеспечивающих потребности говорящего в описании тех или иных фрагментов реальности, стали для лексикологов определяющими в

становлении направления, называемого «активной лексикологией». Предложенная в 1960-е годы московской семантической школой модель «смысл — текст», предполагающая анализ в направлении от содержания к средствам его выражения и опору на теорию равнозначных преобразований, получила и свою лексикографическую интерпретацию в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна. В последние десятилетия вышла целая серия словарей «активного» типа (их описание см. в книге В.А. Козырева и В.Д. Черняк [104]).

Особую значимость идеи «активной лексикологии» приобрели в связи с формированием новой научной парадигмы — антропоцентрической, опирающейся на достижения генеративной грамматики, гипотезу лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, теорию речевых актов и прежде всего на труды В. Гумбольдта, Г. Гийома и отечественных лингвистов — А.А. Потебни (для лексикологов особенно важна его книга «Мысль и язык» [175]), Бодуэна де Куртенэ, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ю.Н. Караулова, Р.М. Фрумкиной и др. Антропоцентризм становится особым принципом исследования, определяя его перспективы и конечные цели с учетом «человеческого фактора», т.е. существования языка как неотъемлемого свойства человека и человека в языке. Принцип антропоцентризма требует изучения языка не в самом себе и для себя (в отличие от принципа системоцентризма в структурной лингвистике), а для более глубокого понимания и объяснения человека говорящего и мира, в котором он живет и о котором говорит. При таком подходе лингвистика и лексикология как ее важнейшая составляющая становятся частью общей науки о человеке. Соотношение принципов системо- и антропоцентризма истолковывается учеными по-разному: согласно одной точке зрения, они находятся в отношениях субординации при ведущей роли второго, согласно другому взгляду — в отношениях дополнительности, помогающей глубже и с разных сторон проникнуть в сущность такого сложного явления, как язык и входящее в него слово. В системно-структурной парадигме изучались по преиму-

шеству статические свойства слов и их группировок по форме и содержанию, виды системных связей в лексике и т.д.

Замечено, что антропоцентризм дает себя почувствовать даже там, где обычно его не замечают, в явлениях само собой разумеющихся. Так, с позиций «наивного» антропоцентризма естественно считать представления о человеке точкой отсчета для многих языковых значений: размеры тела человека в квалификации животных как крупных (*слон, мамонт*) и мелких (*мышь, кошка*); его физические возможности в квалификации многих параметров предметов (*тяжёлый, крепкий, ломкий* — с трудом или легкостью поддающийся деформации); свойственные человеку модусы восприятия с помощью разных органов чувств (*светлый, горечь, приторный, скользкий, тишина, громко* и т.д.).

Схема тела человека, его положение в пространстве, свойства окружающего универсума, необходимость ориентации в нем и его освоения формируют базовые оппозиции «верх — низ», «перед — зад», «правый — левый» и т.д., лежащие в основе осмысления не только физической, но и духовной реальности, которая моделируется по типу физической. По словам Г. Гийома, «будучи языком мыслящего человека, идеальный универсум построен по образу и подобию самого человека, который одновременно и зритель и наблюдатель — глазами тела и глазами разума — действительного универсума, реального мира» [64, с. 157]. Ср. в этом плане лексемы *умозрительный, низкий (дом и человек), пробовать (еду и что-либо сделать)*.

Не случайно зооморфизмы часто несут негативные оценки, основанные на представлениях человека об отклонении от «человеческой» нормы: *медведь (о человеке), змея (о женщине), щука (о ней же), зверь (о жестоком человеке)*, часто в конструкции противопоставления: *не человек, а зверь*. Эти отклонения фиксированы и в сравнениях: *лютый, как зверь; упрямый, как осёл; медлительный, как черепаха*, а также во фразеологизмах, связанных со специфическим видением мира тем или иным этносом: *белая ворона, волк в овечьей шкуре, стреляный воробей, ворона в павлиньих перьях, Лиса Патрикеевна, менять кукушку на ястреба* и др.

С принципом антропоцентризма связано внимание к фигуре наблюдателя, его пространству и времени, к «личной сфере» говорящего (термин Ю.Д. Апресяна), дающим о себе знать в самых обычных словарях: *показываться, маячить, белеть, желтеть, гордиться, стыдиться* и др. Даже частотность того или иного слова значима не сама по себе как факт статистики, а в «человеческом измерении», как факт социального предпочтения той или иной языковой единицы для целей познания и коммуникации.

Лексика текстов учебника для начальных классов, естественно, в наибольшей степени приближена к ядру идеографических подразделений (человек, животный мир, растения, органическая и неорганическая природа), имеющих прямые проекции в тему и лексическую организацию текста: «*Ёж — полезный зверек. Его боятся мыши*», «*Морские свинки могут жить только рядом с человеком. У нас есть эти животные в живом уголке...*» [180]. Однако, как видим, тема «животный мир» раскрывается с антропоцентрических позиций (интересов человека), принцип антропоцентризма дает себя почувствовать даже в самой «объективной» классификации лексики — идеографической. Очень значима для человека во вселенной тема природы, помогающая ему осознать себя как часть природы, оправданно поэтому обилие текстов, обращенных к экологической теме, хотя и включающих родо-видовые слова: «*Деревья. Входишь в лес и гладишь ладонью **деревья**, будто старых друзей похлопываешь по плечу. К **стволу** прислонишься, как к плечу друга. Плечо гладкое, скользкое — молодая **берёзка**. А то всё в пупырышках — это **осина**. Или изборождённое. Это **кора дуба**. Хочется стиснуть ладонями **руки-ветви** и крепко пожать*». Параллельное развитие двух тем оправдывает текстовую номинацию «руки-ветви». Антропоцентрично и разделение предметов в мире на естественные и артефакты, созданные человеком. Последние отражены в номинациях текста с названием «**Труд**»: *стол, кровать, тетрадь, ботинки, лыжи, тарелка, вилка, ложка, нож, гвоздь, дом, ломтик хлеба*. В основе раскрытия темы текста лежит бытовая лексика, связанная с хорошо известными учащимся реалиями повседневной жизни.

В связи с включением в поле зрения лексиколога говорящего и воспринимающего субъекта, его модели мира, языковых и внеязыковых, энциклопедических знаний, обеспечивающих процесс мышления и коммуникации, оказалось необходимым учитывать в трактовке лексических явлений междисциплинарные связи лингвистики с философией, психологией, психолингвистикой, литературоведением, теорией коммуникации, медициной. Все эти человековедческие дисциплины, как и гуманитарная основа любого знания, многое объясняют в строении и функционировании самих лексических единиц. Функции слова напрямую оказываются связанными в их изучении с тем предназначением, которое отводится языку в современной научной парадигме: он формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию — повседневную и долгосрочную, обслуживает социальные акции, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, ориентирует человека в окружающей его действительности, хранит историческую и культурную память народов, выполняет эстетическую функцию. Язык служит источником знаний о человеке и его мире [15].

В школьном учебнике «Русский язык» (5 класс) под ред. М.В. Панова [192] не только отмечается множественность функций языка («Язык позволяет людям думать», «Язык позволяет людям сообщать мысли друг другу», «Язык позволяет действовать», «Язык позволяет людям радоваться его красоте»), но и приводятся фрагменты идеографической классификации лексики, обращенные к разным сферам знания и опыта говорящих: «Слова обозначают предметы, людей, животных, птиц (лампа, трактор, вертолёт, мальчик, крестьянин, волк, голубь, змея), явления природы (гроза, ветер, дождь), семейной и общественной жизни (дружба, труд, собрание, праздник), различные действия, качества (читать, пилить, голосовать, хороший, красивый, быстрый) и многое другое» — в их пересечении с частеречной классификацией слов. Отмечается и роль слова в создании семантики возможных миров, в мифологизации сознания: «Однако слова обозначают не только то, что существует на самом

деле, но и то, что мы можем себе только представить, вообразить. Например, в сказках говорится о Снегурочке, о бабе-яге, о домовых, леших, русалках...» Раздел «Что такое лексика?» завершается обозначением объекта лексикологии и этимологической отсылкой, раскрывающей природу термина: «Все вместе слова языка образуют его словарный состав, или лексику. Слово лексика происходит от греческого слова *lexis* (лексис), что означает “слово”».

Многоаспектность в изучении лексических явлений, укрупнение научного объекта повлекли за собой создание целостной концепции языковой личности, что позволило объединить языковые и поведенческие характеристики говорящего, глубже проникнуть в его языковую способность, вскрыть разные уровни структуры языковой личности и представить ее возможные типы, выявляемые в первую очередь с опорой на лексические показатели (личность индивидуальная, групповая, этническая, общечеловеческая). В структуре языковой личности Ю.Н. Карауловым и его последователями [94, 290] выделяются ассоциативно-вербальный уровень, тезаурусный и прагматический, которые тесно взаимодействуют между собой, что подтверждается данными «Русского ассоциативного словаря» в его прямой и обратной версиях.

Данные ассоциативного эксперимента подтверждают и полевой принцип организации лексической системы, ядерно-периферийное строение ее элементов, обуславливающее процессы семного варьирования лексического значения в условиях коммуникации, реализацию коммуникативных прав и обязанностей адресата и адресанта. Так, глагол *проводить* (сов. провести), согласно МАС, имеет значение: «8. перех. Пробыть, прожить какое-л. время где-л. или каким-л. образом», в пределах которого отмечен оттенок в сочетании со словом «время»: «Заполнить чем-л. длящееся время, досуг». И это не предел расчленения значения, способного создавать нестандартные текстовые смыслы в зависимости от значения слова-актуализатора: «*Сколько времени в неделю вы проводите перед телевизором? — Шесть часов. Перед включенным — минут двадцать*» (В. Марты-

нов. Пять вопросов о ТВ). Пример блестяще демонстрирует наличие импликаций, сопровождающих нормативное использование языка. Логика усредненного носителя языка предполагает абсурдную ситуацию провозждения времени перед выключенным телевизором, мир комического эту абсурдность преодолевает.

С опорой на материалы «Русского ассоциативного словаря» установлено, что «ассоциативные поля помимо всех значений стимула отражают в своем составе также когнитивную (элементы энциклопедических знаний, страноведческие и культурно-исторические аспекты слова) и прагматическую информацию о нем (оценочные, рефлексивные, эстетические моменты)» [92, с. 21].

Экспериментально подтвержденная «психологическая реальность» когнитивно-прагматической информации, отражаемой языком, делает ее актуальной для лексикологического изучения в разных проявлениях: лексическая объективация семантики «возможных миров» (детская и взрослая картина мира, мифологическая и научная, картина мира тоталитарного общества, личности в обычных и стрессовых ситуациях и др.); динамическое описание лексического портрета современной языковой личности, ее эволюции.

Внимание к коммуникативным и когнитивным потребностям пользователя языка, говорящего, объясняет укрупнение объекта лексикологии, переход к изучению макропарадигм типа семантических полей, тематических блоков; развитие идей «активной» лексикологии, создание словарей идеографического типа, дающих в руки пользователя систему лексических средств для передачи определенной идеи; расширение элементов энциклопедической информации в толковых словарях, включение в сферу внимания лексиколога совершенно новых типов словарей, отражающих изменение способов концептуализации действительности и коммуникативных потребностей говорящих. Наряду с этим особую значимость обретают словари, обращение к которым помогает восстановить преемственность в системе знаний о мире, об обычаях, нравах, восстано-

вить разрушенные связи поколений. Отсюда пристальное внимание, например, к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, представляющему не только лингвистические, но и культурно-исторические аспекты слова. Ср.: «*Святцы, црквн. книга; месяцеслов, с полным означеньем на всяк день памяти святым... (Двенадцать икон, с изображеньем святых, поденно чтимых)*». Попытки преодолеть разрыв в традиции, культурологические и языковые лакуны содержит «Современный словарь иностранных слов», «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и др.

Подтверждается мысль о трех ипостасях языка, включая и способы бытования единиц лексического уровня: язык-система (с ее отражением в грамматиках и словарях), язык-способность и язык-текст.

Ассоциативно-вербальная сеть как отражение предречевой готовности языковой личности занимает промежуточное положение между языком-системой и языком — совокупностью текстов. Она включает в себя не только устойчивые фрагменты, организованные по системно-структурным признакам (например, родо-видовые группировки или группы слов, содержащие объединяющий их семантический признак в качестве ядерного, или синонимические, антонимические и др. группы слов), но и не всегда явные указания на способы осмысления мира в данном социуме, информацию об общечеловеческих ценностях, идеалах и национально-культурных предпочтениях, мотивах, установках усредненной языковой личности, ее прецедентных текстах, служащих ориентирами в культурной самоидентификации говорящих. Единицей ассоциативно-вербальной сети, ее фрагментом служит ассоциативное поле слова, которое на 75% хранится готовым к коммуникации, грамматикализованным. Исследователи (А.П. Клименко, Л.А. Климкова, И.Г. Овчинникова и др.) неоднократно отмечали, что ассоциативное поле слова легко может быть развернуто в текст, выступая как его потенция. Но если ядро ассоциативного поля слова организуется словом-стимулом, то ассоциативное поле текста, организованное такими элементами его структуры, как замысел, тема, идея,

не всегда имеет в качестве стимула однословное наименование (даже в заглавии). Разнообразие видов информации, связанных с различными функциями языка и замыкающихся на слове, иллюстрируют ассоциативные поля слов *жизнь* и *жить*: **Жизнь** — *не поле перейти / прожить, не поле перейти*. В кругу реакций представлены не только типичные синтагматические связи слова-стимула (*прожить*), но и прецедентный текст пословицы, отражающий житейскую истину, народную мудрость о сложности жизненного пути. С особенностями ландшафта и обусловленными им способами осмысления абстрактных понятий связано употребление номинации типичного локуса носителей языка — *поле*, отсылающей к истокам хозяйственной деятельности этноса, к земледелию как типичному роду занятий. Указание на типичные локусы, их значимость в концептуализации мира носителями русского языка, беспредельность пространства, отсутствие его замкнутости просматривается в серии ландшафтных метафор в ассоциативном поле слова *жизнь*: **Жизнь** — *поле, пашня, река, степь*. В него входят и ассоциаты, служащие отражением ментальности, ценностных ориентаций, максимализма и широты природы как свойств русского человека: **Жизнь** — *на всю. На всю жизнь* — *урок, друг, помнить, знать, наука. Всё от жизни* — *брать. Всю жизнь* — *положить. Жизнь с начала* — *начать. Всю жизнь* — *ждать, вспоминать, надеяться, платить*. Не случайно здесь многократное употребление определительного местоимения, указывающего на полноту охвата признаком соответствующей реалии.

Ассоциативное поле слова позволяет увидеть, что большую часть своих знаний о мире человек черпает не из непосредственного опыта, а из текстов, формирующих его языковую способность. Через тексты, прежде всего прецедентные, передаются огромные пласты культурного знания как формы социального наследования в отличие от биологического. Среди прецедентных текстов, как уже отмечалось, могут быть фольклорные. Ср. еще: **Жить-поживать да добра наживать. Жить, жизнь** — *припеваючи, жить* — *как кошка с собакой*. Среди ассоциаций встречаются реминисценции к различным культурным, историческим и иным событиям в жизни народа: *жизнь* — *за царя* (на-

звание оперы М.П. Мусоргского). *Жизнь* — *иль ты приснилась мне* (С. Есенин). *Моя жизнь* — *сестра* (название сборника стихов Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь»). *Жизнь* — *один раз* (элементы сентенции из романа Н. Островского «Как закалялась сталь»): «*Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...*»). Многочисленные ассоциации слов *жизнь*, *жить* связаны с обращением к песенному жанру как феномену массового сознания или самому слову *песня* в разных его формах, шифрующих стереотипы мышления и лозунги определенной эпохи: *В стране советской жить* — *хорошо*. *Жизнь* — *я люблю тебя*. *Жить помогает* — *песня*. *С песней по жизни* — *песней*. *Жить* — *песнями, песням, песне, песней*. *Жизнь* — *моя жестянка* (песня из мультфильма). Ср. еще апелляцию к словам популярного мультфильма: *Давайте жить дружно* — *ребята*. Идеологические штампы, безальтернативный, «черно-белый» способ мышления просматривается в замене системно-языковых синонимов *жить*, *существовать* прагматическими антонимами в ассоциативно-вербальной сети носителей языка: *существовать* — *а не жить*. *Жить* — *или существовать*. Не случайно глагольные слова вводятся в конструкции противопоставления, или взаимоисключения, отражая приоритеты бытия в определенном социуме, с его мифологизированным сознанием.

Уже приведенные ассоциативные поля ключевых в культуре слов-стимулов *жизнь* и *жить* демонстрируют возможности и направления анализа слова в современной лексикологии, основные аспекты его изучения. К их числу относятся **системно-структурный, функционально-коммуникативный, прагматический, когнитивный, культурологический**, соотносимые с уровнями структуры современной языковой личности.

Слово в когнитивной парадигме

Наибольшее внимание в изучении языковой способности человека, его лексикона привлекают **когнитивные** аспекты сло-

ва, дающего наиболее очевидный и естественный доступ к человеческому мышлению и поведению, к возникновению, хранению, переработке и извлечению информации, к «языку мозга». Когнитивная семантика связывает изучение значений с изучением структуры знаний, раскрывает взаимодействие языковой и внеязыковой информации в слове, универсального и этнокультурного, поскольку знание во многом предстает как культурное знание. На слове замыкаются такие **определяющие понятия когнитивной лингвистики**, как **картина мира, ментальные пространства, когнитивные модели, концепт, гештальт, фрейм, прототип** и др. Разработка этого аспекта исследования языка связана с именами Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ч. Филлмора, Р. Лангакера, Р. Джекендофа, Й. Фодора, Т.А. Ван Дейка, А. Вежбицкой, в русистике — Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, Ю.Н. Караулова, А.Н. Баранова, Р.М. Фрумкиной, В.В. Петрова и многих других.

Логика развития науки такова, что время от времени в ней происходит смена научных парадигм. В настоящее время в лингвистике всё большее распространение получает подход, согласно которому успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания [165, с. 45]. С этим подходом связано пристальное внимание лингвистов к проблемам речемыслительной деятельности (С.Д. Кацнельсон, Е.С. Кубрякова, В.А. Звегинцев, Е.В. Сидоров, Г.В. Колшанский и др.), к проблемам языковой личности (Ю.Н. Караулов), дискутируется вопрос о соотношении мышления и знания (лингвистической и экстралингвистической информации), отражении картины мира, фоновых, ситуативных знаний, информационного тезауруса в содержании лингвистических единиц и текстовых построений. Поскольку язык перестал рассматриваться только как конструкт, статичная схема, какой он предстал в рамках структурального подхода, внимание к динамике языка повлекло за собой необходимость учета в научных построениях реального субъекта речемыслительной деятельности — человека с его жизненным опытом, системой ценностей, коммуникативными потребностями, суммой знаний. По

словам Ю.Н. Караулова, «фактически лишь в наше время языковеды научились в полной мере связывать представления о внутренней и внешней структурах языка, связывать социальную, функциональную и территориальную стратификацию языка с теми или иными строевыми его особенностями» [94, с. 14].

Наблюдения психологов и психолингвистов вносят дополнительную аргументацию в положение о включенности когнитивного компонента в содержательную структуру языковой единицы. Так, А.А. Залевская, отмечая включенность слова в индивидуальном сознании в «когнитивный контекст сложившейся у человека концептуальной системы», считает, что «исследование слова в различных видах языкового контекста должно сочетаться с обязательным учетом взаимодействия последнего с когнитивным и эмоциональным контекстами, ибо вне такого взаимодействия само понятие слова как единства формы и значения теряет всякий смысл (напомним, что значение содержится не в слове, а в сознании идентифицирующего его индивида)» [81, с. 88, 89]. В основе данного утверждения лежит представление о единстве психической сферы человека и положение о том, что «мышление и знание вообще неотделимы друг от друга» [183, с. 53], а ум — это хорошо организованная система знаний.

Важна идея о переплетении лингвистических и энциклопедических знаний в общих схемах памяти, о вращении новой информации в старую с опорой на импликации. И если считать аксиоматичным положение о связи языка и мышления, то естественным должно быть признание участия в формировании значения слова структуры знаний, информационного тезауруса человека как базы его речемыслительной деятельности. Непосредственной зоной соприкосновения этих двух типов знания и перехода знаний о мире в языковые выступают пресуппозиции. Не менее значимо для лингвистов положение о подобии вербальной и визуальной семантики на глубинном уровне, об образе как генетически первичной, «ядерной» структуре значения. В систему аргументации включено и положение современной логики о диалектике взаимоперехода понятия (атомарные

пропозиции Дейка и Кинча) и суждения, благодаря которой понятие выступает как результат целостной совокупности суждений (потенциальная предикация как итог реальной предикации). Оно, думается, объясняет не имеющий однозначного истолкования факт включения потенциальных, скрытых сем в структуру, например, лексического значения при вероятностном его истолковании, как и правомерность самого этого истолкования, ибо если считать понятие свернутой формой суждения, то суждения тоже предстают как переменные и способные проецировать в понятие разные свои компоненты, они отражают динамику живой человеческой мысли. Из нее же выведен принцип сочетания осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, голографическая гипотеза хранения и свертывания информации. Ср.: «То, на чем фокусируется внимание, попадает в окно сознания», оно объективируется посредством слова, в то время как составляющие фон связи учитываются на подсознательном уровне и могут в случае необходимости быть объективированными через перенесение фокуса или изменение «угла зрения» [80, с. 164].

Значимость экстралингвистических факторов в становлении языковых значений и их употреблении, понимание связи процессов человеческой памяти и тех, которые определяют производство и понимание языковых сообщений, отразились в методике привлечения планов, сценариев, фреймов для лингвистических целей. Это структуры знаний, которые представляют собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают удовлетворительную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Они играют существенную роль в функционировании естественного языка. Аспекты этой роли — обеспечение связности текста, вывода необходимых умозаключений, «контекстов ожидания», позволяющих прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий [165, с. 42].

Много общего с описанными структурами знаний имеют гнезда дескрипторов «Русского семантического словаря» под

ред. С.Г. Бархударова, выступающие фрагментами тезауруса, отражающие типовые стандартные связи в гнезде, объединенном общим понятием, и содержащие кванты информации в виде семантических множителей. Близость ролей фрейма, сценария и гнезда дескриптора ясна из предисловия к словарю, предоставляющего право пользующемуся словарем на понятийном входе (от дескриптора к слову) осуществлять выбор и реализовать дальнейшие возможности системы, например, порождать из словарной статьи связный и достаточно изотопный текст для характеристики соответствующего понятия.

Особый интерес представляет возможность и степень предсказуемости появления новых связей и смыслов на базе предусмотренных словарем «контекстов ожидания», а также изучение границ прогнозирования текстовой информации и мотивов, определяющих эти границы, ибо только знание ситуаций обеспечивает понимание текста.

Ассоциативно-вербальная сеть как совокупность лексем языка и связей между ними воплощает в себе наивную картину мира носителя языка, естественный для него способ восприятия мира, его образ («коллективная философия» по Ю.Д. Апресяну, «наивный реализм» по Р. Халлигу и В. Вартбургу). Часто используемый термин «языковая картина мира» не имеет однозначного истолкования: это и «всё концептуальное содержание языка» [182, с. 176—177], и более консервативная, мифологичная в своей основе картина мира, чем наивная, бытовая, включающая и элементы научного знания [252], а Г.В. Колшанский считает термин «языковая картина мира» условным на том основании, что язык не познаёт действительность, это свойство человеческого сознания [109]. Но всеми признается ее отличие от **концептуальной картины мира**, которая шире, богаче языковой, так как связана не только с вербальным, но и невербальными типами мышления и полностью может воссоздаваться только в совокупности текстов [15]. Поскольку языковая картина мира имеет своей базой не только универсальные логические категории и национальные особенности мирозерцания, мировосприятия и миропонимания, но и закономерности языка,

то и в построении схем идеографических словарей русского языка как словарей активного типа [91, 93, 282] исследователи идут двумя путями, избирая челночный принцип представления лексического материала: от универсальных понятийных схем, отражающих естественное членение мира, к группировке средств выражения понятия и, напротив, от конкретных лексических группировок, связанных с выражением понятия (синонимов, антонимов, лексико-семантических групп), к идеографическим подразделениям, рубрикам тезауруса.

Несовпадение языковой и концептуальной картины мира отмечается и в вероятностной концепции языка: «континуальное смысловое содержание, стоящее за дискретными символами языка, оказывается принципиально неизмеримым» [148, с. 219]. Слово как такой дискретный символ имплицитно и языковую, и энциклопедическую информацию, все виды знания, хранимые в ассоциативно-вербальной сети и выступающие в ассоциативных полях ключевого слова в словаре и тексте.

Слово обеспечивает доступ как ко всей картине мира, если понимать ее как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира и являющийся результатом всей духовной активности человека» [182, с. 21], так и к ее базовым фрагментам, единицам — **концептам**. Использование термина «концепт» в его когнитивном осмыслении начинается в русистике в 80-е годы с перевода англоязычных авторов (Т.А. Ван Дейка, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, М. Минского, А. Вежбицкой и др.) и связано с необходимостью обозначения не формально-логического, а «очеловеченного» понятия: «В отличие от понятий в собственном смысле термина, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий...» [220, с. 40—41]. Связь концепта с картиной мира и всей духовной активностью человека отмечают авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» [118, с. 90]: «концепт — термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная еди-

ница памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике». В существующих определениях концепта раскрываются различные его стороны, аспекты, углубляющие наши представления о содержательной стороне слов, не только называющих концепты, но и представляющих их в ассоциативно-семантических полях имен концептов, в структуре полисемантов, в словообразовательных гнездах слов: «Концепт — содержательная сторона словообраза, его мыслеобраз; объемное ментальное образование, вбирающее в себя не только инвариант значений репрезентирующего слова, но и инвариант словообразовательного гнезда и одноименного семантического поля» [249, с. 5]. В определении А. Вежбицкой для лексиколога важно указание на имя концепта и его культурологические потенции: «концепт — объект из мира “Идеальное”, **имеющий имя** и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире “Действительность”» [291, с. 90]. Определяя концепт как «сгусток культуры в сознании человека», Ю.С. Степанов отмечает «слоистое» строение концепта, наличие в нем иерархии признаков: основного, актуального, дополнительных, пассивных, «исторических» и внутренней формы, этимологического признака, обычно не осознаваемого носителем языка. З.Д. Попова и И.А. Стернин [172], считая слово с его семами как компонентами значения одним из способов объективации концепта (наряду с фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, пропозициональными схемами предложений, текстами и их совокупностями), различают ядерные концептуальные признаки и те, которые данным словом непосредственно не названы и существуют в его значении как периферийные, скрытые, вероятностные, потенциальные семы. Концептуальные же слои (ср. «слоистое» строение концепта) обнаруживают себя в семемах, отдельных словозначениях. По соотношению слова с концептом различаются разные типы лакун: лексические (в русском языке в отличие от немецкого нет обозначений для таких концептов, как «запрет на профессию», «дети одних родителей» — ср. *Berufsverbot*, *Geschwister*), семан-

тические (нет слов и соответствующих концептов, например, чисто русские концепты духовность, интеллигенция, авось) и концептуальные, когнитивные, связанные с отсутствием соответствующего концепта и слова (ср., например, кальки «качество жизни», «сохранить лицо собеседника», безэквивалентную лексику русского языка, называющую реалии, отсутствующие в другой культуре).

Самый знак (а таковым выступает и слово) рассматривается, например, Л.О. Чернейко «как известная когнитивная структура», соотнесенная с концептом, преломляющим все виды знания о явлении, стоящем за ним, — знание по мнению, знание по доверию, знание по вере, знание эмпирическое [272]. Важно, что все эти виды знания преломляются в характеристике структурного характера лексического значения слова и фразеологического значения [241]. Концепт не исчерпывается содержанием понятия, а «охватывает все содержание слова — и денотативное, и коннотативное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятом в многообразии его ассоциативных связей» [271, с. 73—83]. Но словом не исчерпывается содержание концепта. Понятие концепта оказалось востребованным в антропоцентрической парадигме в ответ на вызов философии виртуальной реальности, семантики возможных миров: «...поскольку в определенном смысле состояние сознания любого человека является измененным по отношению к состоянию сознания других людей, то каждая реальность является виртуальной. Действительный мир... в философии виртуальных реальностей сливается с виртуальными реальностями человеческих сознаний и придуманными этими сознаниями дискурсами — идеологическими, риторическими, художественными, религиозными» [187, с. 80]. Принципиальная неисчерпаемость концепта связана и с его зависимостью от личностных смыслов, опыта говорящих, и с динамикой знания, воплощаемого в концепте как саморазвивающейся системе (метафора «зародыша» знания по отношению к концепту используется В.В. Колесовым в его «Философии русского слова» [105]).

Этим объясняются, например, несовпадения текстового концепта, особенно художественного, и общего для концептосферы русской культуры. Ср., например, текстовую интерпретацию концепта «доброта» у В. Некрасова:

«Ну, и еще одно качество — доброта (у И.С. Соколова-Микитова. — Н.С.). А что, собственно, значит “доброта”? Щедрость, широта, как у грузин: моё-твое? Не обязательно. У Ивана Сергеевича это была просто любовь делать людям приятное. Невзначай похвалить, обрадоваться какому-то твоему поступку, сказать доброе слово о человеке, на которого как-то мало обращают внимания. Даже слукавить, соврать мог, если видит, что это человеку доставит удовольствие» (От слова «любить»).

Ср. еще лексическую разработку концепта «судьба» в следующем текстовом фрагменте:

«Судьбу чувствуешь всей кожей. Судьба зовет не словом, просто вдруг слышишь рядом ее вещее присутствие... я услышал ее, и, если перевести всё в слова, получилось бы так: — Создавшему тебя неуютно видеть тебя в вечной тоске по далекому и призрачному счастью. Ты угоден там, где родился. В полудикой твоей отчизне твое место, а не в королевствах. Жизнь коротка, а потому возвращайся домой. И будет там много всего, чем усмирится мятежное сердце беглеца» (Г. Новожилов. Другие жизни // Циклон из Норвегии).

Поскольку многие лексические явления (многозначность, метафоризация, идиоматизация, слова-идеологемы и т.д.) находят свое объяснение в когнитивных механизмах обработки знаний, в разных способах концептуализации, осмысления мира, в поле внимания лексикологов попадают различные видовые проявления концепта, формы его существования и смежные с ним явления. Так, вокруг некоторого концепта организуются определенные концептуальные системы знания — **фреймы** (термин М. Минского). Фрейм представляет собой каркас, решетку с узлами и связывающими их отношениями, причем верхний

уровень фрейма содержит стабильные узлы, в них содержатся данные, всегда справедливые для подвергаемой анализу ситуации. Нижний же уровень представлен пустыми узлами (слотами), заполняемыми данными о той или иной конкретной ситуации. Эти пакеты информации для представления стереотипных ситуаций не изолированы друг от друга, и, кроме внутрифреймовых, существуют также межфреймовые связи. Динамические фреймы называют сценариями. Если считать всю информацию, включая лингвистическую, организованной по типу фреймов, то семантическим фреймом предстает и ситуация, организованная глагольным словом, а глагольная рамка представляет собой частный случай схем, с помощью которых хранятся знания человека, часть его семантической памяти. Ситуация при этом понимается как семантический фрейм, как «внутриязыковой способ выделения одного из “кадров” внешней действительности» [96, с. 27]. В глагольном слове, служащем номинацией ситуации, события, зашифрованы такие его участники, как агенс, пациенс, объект или инструмент, а также время, направление, место, причина и цель действия, в нем могут быть имплицированы признаки намеренности, контролируемости, результативности и т.д. события (ср., например, глаголы *ходить, говорить, писать*).

Ч. Филлмор приводит в качестве примера активизацию всего сценария торговой сделки всякий раз, когда человек встречается и понимает любое из следующих слов: *покупать, продавать, платить, стоить, тратить, назначать цену*, хотя каждое из них выводит на первый план лишь небольшой участок фрейма [284, с. 34].

Разграничение когнитивного и коммуникативного планов в семантике глагола в известной мере условно ввиду его «высказывательной» функции, подчиняющей себе и другие его характеристики. Ср. в этом плане определение глагола у Ю.С. Степанова [221, с. 312]: «Глагол есть слово (лексема, единица словаря), которое под покровом одного слова совмещает значение предиката и некоторое количество других семантических признаков, вытекающих из семантики субъекта, объекта, трансформаций, перифраз и т.д. данного предиката». И далее: «...пре-

дикаты — это особые семантические сущности языка, и они типизируются языком не в форме словарных единиц, а в форме «структурных схем предложений». Таким образом, семантика глагола синтаксична по самой своей природе, значение глагола «требует фразовой интерпретации» [13, с. 340].

Однако организующими центрами фреймов как когнитивных структур могут быть и имена существительные, поскольку наименование реалии, субстанции и приписывание ей признака являются базовыми мыслительными операциями в познавательной деятельности человека. Такими ключевыми словами, организующими лексическую структуру текстового фрагмента и представляющими фрейм поведенческой характеристики лица в соответствии со стереотипными социально-ролевыми ожиданиями, выступают слова *аристократизм* и *демократизм*, создающие основу для неожиданных текстовых интерпретаций:

*«С Твардовским дружба была настоящая. И не потому, что один писал, а другой печатал его (И.С. Соколова-Микитова. — Н.С.). Возможно, потому, что оба были смоленские, оба из мужиков. Но, как ни странно, из мужиков-то мужиков, но в обоих сквозил некий **аристократизм**. В Трифоныче — более барский — достаточно было посмотреть, как он входил в ресторан, официанты тут же стлались, — в Иване Сергеевиче же внутреннее, природное благородство. В каждом жесте, в каждом слове. Откуда бы?»*

*При всем своем **демократизме**, простоте, было в нем что-то от дворянина-помещика. Вряд ли он сек бы своих дворовых, но чубук бы покуривал, сидя у камина, и портреты в овальных рамах на густо-синих стенах его ленинградской квартиры висели, мебель вроде павловских времен, и не пахла она комиссионкой» (Виктор Некрасов. От слова «любить»).*

Слово и ассоциативно связанные слова, обеспечивая наилучший доступ к ментальным структурам, помогают «вытянуть» весь фрейм при восприятии высказывания адресатом. Он подводит содержание воспринятого сообщения, содержащего недомолвки, намеки, пропуски, под определенную стереотипную схе-

му и «достраивает» в уме то, о чем не было сказано. На этом, в частности, основана и известная методика анализа текста с опорой на ключевые слова — репрезентанты фрейма, с которым связаны определенные контекстные ожидания и прогноз будущих событий на основе уже имеющейся в сознании стереотипной информации. Так, в миниатюре Ю. Бондарева «Война» названная ситуация осмысляется как состояние «жестокого хмеля», вызванного борьбой. Многократное усиление в тексте яркости семы «борьба» заглавного слова выводит текстовую парадигму слов за пределы прогнозируемого ожидания, сюда включаются номинации: «*возбужденный, раскаленный, злой, неистово, блеснуть, разгораться, хриплый, задохнувшийся, прохрипеть, безумный*» и др.

Язык фреймов и межфреймового взаимодействия оказался важным в создании когнитивной теории **метафоры**. Дж. Лакофф представляет метафору как одну из моделей категоризации действительности наряду с пропозициональной, метонимической и образно-схематической моделью: «Метафорические модели — это модели перехода от пропозициональных моделей или схематических моделей образов одной области к соответствующей структуре другой области» [129, с. 32]. Это положение иллюстрируется метафорой «канал», которая позволяет перейти от знания о перемещении предметов в контейнерах к пониманию коммуникации как перемещения идей в словах. Так целевой фрейм коммуникации попадает в область когнитивного притяжения источникового фрейма канал. По словам А.Н. Баранова, также разрабатывавшего когнитивную теорию метафоры, она является «едва ли не единственным языковым феноменом, вносящим недискретность в дискретную сущность языка» за счет переконцептуализации целевого фрейма, вызванной смещением угла зрения говорящего в сторону фрейма-источника и внесения в первый элементов нетривиального знания [24]. Иллюстрацией новаций политического дискурса у автора служит метафора «корабль перестройки».

Модели метафор по их источнику чрезвычайно многообразны. Одним из самых распространенных и общедоступных источников метафоры в современном словоупотреблении, как явствует из «Словаря новых слов и значений-80», являются номи-

нации различных реалий предметно-бытовой сферы, например, посуды, предметов бытовой техники, убранства помещений, одежды и т.д. (ср.: чайник — 1) «о простоватом, наивном человеке (перен., в разг. речи ирон.)» и 2) «о малоопытном водителе (перен., жарг.)»; уют — «фарцовщик (жарг.)»; ковер — «2. У начальства (в разг. речи)»).

В концептуальном и собственно языковом плане показательны и другие модели метафор по их источнику, отмечающие как типичные, традиционные, метафорогенные области, так и те, которые отражают современную картину мира. Основными, приоритетными моделями метафоры являются **ориентационная (пространственная) модель**, опирающаяся на образные схемы *вместилище, верх — низ, передняя сторона — задняя сторона* и другие (например, аквариум — «помещение для жилья, работы со стеклянными стенами»), и **культурная**, с помощью огромного разнообразия видов которой носители языка решают всевозможные коммуникативные задачи. К числу **ориентационных** относятся следующие модели метафоры:

- географическая (*азимут* — «аспект, направление»);
- геометрическая (*асимметрия* — «несоответствие, неадекватность чего-то чему-то»);
- физическая (*возгонка* — «перевод на более высокую должность (жарг.)»);
- химическая (*выпасть в осадок* — 1) «обнаружиться в результате чего-либо (разг.)»; 2) «исчезнуть»; 3) «перестать воспринимать окружающее»);
- кинестетическая метафора, метафора физического действия (*сдвинуться* — «сойти с ума (жарг.)»);
- научно-профессионально-техническая (*аэродром* — «вид кепки»);
- спортивная (*планка* — «уровень, показатель чего-либо»);
- транспортная (*проколоться* — «ошибиться»);
- строительная (*демонтаж* — «поэтапное ликвидирование»);

- военная (*торпеда* — «ампула, вшиваемая пациентам с алкогольной зависимостью»);
- косметическая (*припудрить* — «приукрасить что-либо»).

Пространственная метафора ориентируется как на естественные прототипы архаической картины мира (например, модели, опирающиеся на образные схемы *вместилище*, *верх — низ*, *передняя сторона — задняя сторона* и др.), так и на метапрототипы, связанные с развитием научной мысли, культуры, в основе которых лежат базовые концепты пространственной ориентации (например, первые четыре модели в списке). Многие модели метафор лишь опосредованно связаны с базовыми пространственными образными схемами.

Среди очень большого количества **культурных моделей метафоры** можно выделить широко распространенную модель зооморфной метафоры (например, бобик — «о небольшой легковой машине (в разг. речи)»), а также такие модели, как антропоморфная, органистическая, растительная, природная, медицинская, этнографическая, игровая, цветовая, экономическая, экологическая, математическая, музыкальная, галантерейная и некоторые другие; например, донор — «тот, кто оказывает финансовую помощь», цунами — «сильное проявление чего-либо», по-черному — «очень сильно, неистово (разг. отриц.)» и многие другие [см. 237].

В когнитивной лингвистике разрабатывается прототипическая модель концепта. Термин прототип, пришедший из когнитивной психологии и связанный с именем Э. Рош, отражает осмысление мира как прерывно-непрерывного пространства в системе категорий, имеющих для человеческого сознания неодинаковую психологическую значимость. По определению А. Вежбицкой, **прототип** — «лучший, с когнитивной точки зрения, представитель данной классификационной категории, с которой у человека — носителя определенной культурной традиции — ассоциируется сама категория как таковая» [46, с. 29]. Теория прототипов позволяет глубже проникнуть в когнитивную природу собственно лексических явлений, например, лексической многозначности. Р.К. Рябцева, исследуя прототипи-

ческое значение концепта *вопрос* и указывая на его полевое, ядерно-периферийное строение, замечает, что «в основе концепта лежит исходная, прототипическая модель основного значения слова вопрос... а прототипический эффект возникает, когда более сложные элементы категории описываются в терминах более простых — элементарных, центральных представлений, составляющих ядро категории» [135, с. 73, 74]. Автор отмечает, что базисным компонентом концепта выступает «незнание», а внутреннее отрицание сопрягает с прототипическим значением все другие смыслы, связанные с этим концептом: сомнение (поставить под вопрос), невыявленное содержание (выяснить вопрос), нерешенная задача (решить вопрос) и мн. др. Все эти смыслы выявляются через обращение к концептуальному анализу с опорой на сочетаемость слова-номинации концепта. Вообще же концептуальный анализ направлен на «поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [120, с. 85]. Необходимость такого анализа мотивируется тем, что концептуальные структуры некоторых ключевых слов подвергаются радикальным преобразованиям, отражая процесс подведения под форму того же знака более сложного содержания (в отличие от постепенного изменения семантической структуры слов). Ср., например, смыслы, связанные с концептом *память*: *мозг, голова, сознание, душа; инструмент, орудие; ввод информации, ее хранение, распознавание, поиск, извлечение; объем, емкость, база; отпечаток, след; образная, логическая, вербальная, событийная; внутренний лексикон, энграмма* и мн. др. А разные значения одного слова, с точки зрения теории прототипов, часто представляют собой всего лишь различные манифестации одного прототипического значения [114], то есть явление когнитивное в своей основе. Не случайно поэтому метафора и метонимия как два универсальных семантических закона отнесены Дж. Лакоффом к идеальным когнитивным моделям [289]. Отмечая «охранительную» функцию прототипов, Н.Д. Арутюнова характеризует роль частицы *как бы*, сдвигающей понятие, заставляя его вторгаться в соседние зоны. Так, к числу настоящих

рыб относится *осетр*, а *кит* — это как бы *рыба*, *орел* как истинная птица отличается от *страуса* (как бы *птицы*, которая и летать не может), как бы *муж* демонстрирует смещение в сторону «возлюбленного» или «сожителя». Маркерами прототипа выступают определения *настоящий*, *чистое*, *натуральный* и т.п. [14].

Развитием теории прототипов служит выделение Дж. Лакоффом категорий базового уровня как промежуточных между предельно абстрактными таксономиями и предельно конкретными, индивидуализированными. Базовые категории оказываются приоритетными в процессах освоения мира, наиболее частотными и доступными, непосредственно связанными с визуальным и вообще перцептивным, физическим и культурным опытом. Не случайно нарушение концептуальных схем, принятых в культуре и связанных с категориями базового уровня, может создавать комический эффект: «— *Там кошка, голодная, как собака*» (В. Токарева. Кошка на дороге).

Еще одна содержательная форма концепта, один из видов его проявления — **гештальт**, образ, мыслительная картинка, «маска, которую язык надевает на абстрактное понятие» [272, с. 301].

Среди гештальтов, участвующих в представлении культурных концептов, отмечены, например, такие: товар, тупик, обязанность, труд, атмосфера, набрасывающие маску на концепт «свобода»: цена свободы; на него возложена свобода; свобода безысходности; раб, уставший от свободы; дышать воздухом свободы и др.

Гештальтный анализ, как и анализ метафорических моделей, а также сочетаемостных возможностей слова, стоящей за ним пропозиции позволяют проникнуть в глубинную семантику слова, голографически представить ассоциируемое с ним содержание, его отражение как бы в серии смещенных зеркал; «пучок смыслов», торчащих из слова (метафора О. Мандельштама). Любопытен в этом плане фрагмент «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», представляющий один из способов концептуализации эмоций в наивной картине мира носителей русского языка, для которых значимой оказывается идея света (но не блеска) в интерпретации положительных, «светлых» эмоций:

«Мы говорим свет любви, глаза светятся (сияют) от радости (от любви), глаза светятся любовью, ее лицо озарилось от радости, радость осветила ее лицо, но глаза потемнели от гнева, он почернел от горя, черный от горя и т.п. Нельзя потемнеть от радости или озариться от гнева... Можно зарумяниться (зардеться) от радости, побагроветь от гнева (от злобы)... С другой стороны... Ее глаза вспыхнули от радости (от гнева), его глаза горели любовью (ненавистью)».

Анализ осознаваемых и неосознаваемых связей слов и «шифруемых» ими концептуальных структур позволяет увидеть многообразие этих связей, способных базироваться «на денотативных отношениях между соответствующими фрагментами мира, на некоторых «классификационных» представлениях о понятийных иерархиях, на ситуативной соположенности определенных предметов и явлений и, наконец, на ассоциативных отношениях» [73, с. 5]. На этой основе и создается модель тезаурусного компонента языковой способности.

Поскольку знания человека о мире предстают прежде всего как культурные знания, обусловленные культурой как формой социального наследования в отличие от биологического, когнитивный аспект анализа слова в системе языка, в ассоциативно-вербальной сети и в тексте оказывается тесно связанным с лингвокультурологическим аспектом анализа лексических единиц.

Лингвокультурологический аспект анализа слова

Явления текущей культуры обнаруживают себя не только в неологических словарях, но и в кругу реакций на слово-стимул РАС, ср., например:

«Канал — телевизионный, видео, телевидение, молодежный, телевизор, видеомаягнитофон, видеосвязи, вход, доверия, занят, коммерческий, мультиплексный, первый, восьмой, передач, правый западает, сообщение, телепередач, телефон, радио...»

Машина — ЭВМ, мерседес, тачка, компьютер. Мотор, телега, Об жигули, вычислительная, дисплей, классная, лада, форд, тойота, ягуар, электронная...

Группа — здоровья, рок, кино, ансамбль, металлистов, Наутилус Помпилиус, риска, захвата, неформальная, межрегиональная, крутая...

Лицо — фейс...

Карандаш — дизайн, макияж, пен-клуб, писалка...

Комната — в коммуналке, Хилтон...

Жизнь — живот, тусовка...

Карман — душман, коридор — монитор...

Атомный — заводной, крутой...

Выйти — из игры, на орбиту, на рубеж...

Квадрат — жилищной площади, квартира, паркета, прочёсываемый...

Коридор — власти, крупный — навар, колесо — героин, морда — кирпич, тыква, шайба, тарелка, книжка — кирпич, маяк...

Колхоз — ударник, кохозом — архаизм, навалимся, навалиться, осилить, собрались».

Не менее отчетливо факты культуры дают себя почувствовать и в лексической структуре текстов, несущих печать современного способа мышления даже в тех случаях, когда это тексты юного современника, а не профессионально работающего со словом человека.

«Шум времени», элементы энциклопедической информации иногда ведут к неожиданному столкновению стереотипного и актуального смысла слов и выражений. В одних случаях это связано с возрастными различиями коммуникантов, в других — с их профессиональной ролью. Ср., например, текстовую разработку слов, объединенных семей «время»:

«Человек принадлежит своему времени. Я сейчас стучу ударником в школьной поп-группе «На рогах», изучаю с друзьями приемы каратэ, штурмую брейк и рэп. А родился я лет тридцать назад, чем бы я занимался? Строил бы планер или

стал юным натуралистом. В этом смысле мы все временщики. Не случайно у нас столько газет и телепередач имеют временные названия: «Невское время», «Час пик», «600 секунд», «24 часа». Из своего времени выпадают только гении» (Максим Цикунов, девятиклассник, «Санкт-Петербургские ведомости», 19.ХІ—1993).

Временная сема выступает здесь и в ранге актуальной, и в ранге потенциальной (в хронологически маркированных словах поп-группа, каратэ, брейк, рэп, юный натуралист), фиксируется в метаязыковой деятельности, в речевых оценках «темпоральных» названий. Как видим, лексические проявления личностного начала обнаруживают не только готовность словаря, представляющего консенсус между носителями языка на самом абстрактном уровне усредненной языковой личности, к выполнению стандартных коммуникативных заданий, но и его эвристические возможности. Нормативно использовано слово *временщик* в отличие от вышеприведенного текста, где оно переосмыслено («в этом смысле — указание на контекстную связанность»), у В. Распутина:

«Что происходит с человеком, превратившимся из хозяина своей земли в эксплуататора ее и временщика?» (Живу единением с природой).

Показательны тексты, имеющие лексические маркеры определенного способа мировосприятия и содержащие попытки его преобразования:

«Само слово «личность» (важнейшее в юридическом лексиконе) приобрело оттенок классово чуждого термина. В бытовой речи оно нередко использовалось в качестве осудительно-иронического ярлыка, а всерьез уместным считалось лишь в применении к выдающимся историческим деятелям. И наоборот, слово «масса» приобрело аффирмативную значительность. Оно нерасторжимо срослось с выражениями «народная», «трудовая», «революционная» и совершенно утратило

изначально заложенный в него социально-критический смысл» (Э.Ю. Соловьев. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права).

Культурологический аспект проблемы потребовал соответствующих терминологических обозначений, помимо уже существующих (языковые и культурные лакуны, национально-культурный компонент лексического значения, безэквивалентная лексика и др.). Д.С. Лихачев предложил по типу терминов В.И. Вернадского «ноосфера», «биосфера» термин «концептосфера» [134, с. 9], видя главное богатство словаря русского языка определяющимся не на уровне словарного запаса и богатства значений и их нюансов, не на уровне отдельных концептов, а на уровне концептосфер. Познавательную ценность этого понятия автор объясняет следующим образом: «Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры — культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности... язык в потенциальной форме его концептов — воплощение всей культуры народа» [134, с. 9]. Глубина и богатство концептосферы русского языка связываются с многообразием русской культуры в ее взаимодействии с культурами других народов. Концептосфера русского языка в качестве ядерных, ключевых средств своего обнаружения имеет «культурные концепты» типа человек, свобода, истина, судьба, добро и зло. Их лексическая разработка выводит на мировоззренческие аспекты языковой личности, систему ее знаний, мнений, ценностей, мотивов, установок. Ср. в тексте А. Битова:

*«Может, это единственно истинное чувство **свободы**, когда **человек** сознает, что только что поступил по-человечески... И, думал я, за сколь малое мы уже благодарны **людям**. А ведь мы счастливы, если встречаем **человека**, не растерявшего своего человеческого. И как хорошо, думал я, когда перед лицом чего-то значительного и серьезного вдруг очень многие извлекают из себя **человека**... Потом я снова видел лошадь (поскольз-*

нувшуюся и упавшую вместе с телегой. — *Н.С.*), как она лежала на боку, и вздымала свой другой, парной, бок, и отгибала свою седую морду, и беспомощно перебирала ногами. И я понял, что лошадь — это какой-то вовсе замечательный человек, на которого хочется молиться и плакать, и что нет зрелища грустнее лошади» (Бездельник).

В реализации авторских интенций использована текстовая семантизация слова *свобода*, диффузность лексических значений слова *человек* с усилением нравственных параметров характеристики с помощью сближения с однокорневыми словами и наведения эмотивно-оценочных сем у слова *лошадь*. Разделенные в лексической системе по разным лексико-семантическим группам, эти номинации живых существ оказываются ситуативно-речевыми синонимами.

Анализ ключевых слов культуры [45] выводит и на культурные концепты, и на константы культуры [220], и на метаязык семантических примитивов [46], и на особенности ментальности этноса, этнокультурные аспекты слов и фразеологических сочетаний, и на аспекты межкультурной коммуникации, лингвострановедения. Не случайно именно с ключевыми словами культуры связываются особенности ментальности этноса, творящего культуру как «вторую реальность», и способы самореализации человека в текстовом построении культурного пространства, семантики возможных миров.

Особенности ментальности, проявляемые в лексическом составе языка, настолько важны для осмысления истоков и судеб национальной культуры, что, казалось бы, специальные слова проникли даже в неологический словарь — десятилетник (СНСЗ-80): «Менталитет. Склад ума, мироощущение, мировосприятие. Ментальность. *Склад национального ума, психические особенности нации, отражающиеся в национальной культуре; образ мыслей, интеллектуальные особенности кого-либо*». Обращает на себя внимание в этих определениях тот факт, что понятие ментальности усредненной языковой личности не ограничивается только ее рациональной сферой, а охватывает и сферу ощущений, восприятий, представлений, эмоций, воли, привы-

чек, обычаев, то есть любых психических особенностей, всю сферу человеческой субъективности, отразившейся в национальной культуре и индивидуальных ее проявлениях.

Так, лексический состав русского языка как отражение «русской души» связывается с такими ее особенностями, как максимализм, тенденция к крайностям, повышенная эмоциональность, ощущение непредсказуемости жизни, недостаточность логического и рационального подхода к ней, тенденция к «морализаторству», «практический идеализм» (предпочтение «неба» «земле»), тенденция к пассивности или даже к фатализму, ощущение неподконтрольности жизни человеческим усилиям [38]. Соответственно авторы выделяют «лексические пары», соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов типа: правда и истина, долг и обязанность, свобода и воля, добро и благо и др. Кроме того, отмечаются понятия, специальным образом выделенные в русской языковой картине мира: судьба, душа, жалость и др.; к уникальным русским концептам, связываемым с широтой пространства и крайностями русской души, отнесены тоска и удаль. Выражением национального характера служат и «мелкие» слова — *авось, небось, вдруг, видно, -ка, -ну, заодно* и др.

Таким образом, принцип «культурной разработанности» словарного состава языка выступает важнейшим в его организации. Примером здесь может служить приводимое Д.С. Лихачевым в его «Заметках о русском» гнездо с корнем «род»:

«родной, родник, родинка, народ, природа, родина... И «порода» — лучшее, что дает природа в совокупных усилиях с человеком. Слова эти как бы сами слагаются вместе — родники родимой природы, прирожденность родникам родной природы. Исповедь земле. Земля — это главное в природе. Земля рожающая. Земля урожая... рожь — это то, что рожает земля».

Культурные стереотипы обнаруживают себя и в итоге осмысления результатов ассоциативного эксперимента, представленных в словарях, разделенных двадцатилетним периодом (в Словаре ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева и в РАСе).

В психолингвистическом ключе эти стереотипы, выявленные в ассоциативных связях слов, рисуют образы обыденного сознания современных русских и описаны Н.В. Уфимцевой:

«Русский — это человек, который предпочитает свежую ГАЗЕТУ, для которого (несмотря на общепризнанное его гостеприимство) ГОСТЬ прежде всего неожиданный и незванный, ДЕВОЧКА — маленькая и красивая, ЗДОРОВЬЕ — хорошее, ЛЕС — густой, зеленый и дремучий, а ВОДА — холодная и чистая, самая любимая ПЛОЩАДЬ — Красная, а ГОЛОС — звонкий и громкий, ДЯДЯ — обязательно Ваня, КИНО — интересное, ЛИТЕРАТУРА — русская и художественная, МАТЬ — родная, РАЗГОВОР — обязательно по душам и серьезный, ХЛЕБ — насыщенный, а УГОЛ — острый, ЗЕМЛЯ — круглая, КНИЖКА — интересная, РЕЗУЛЬТАТ — обязательно хороший, он МАСТЕР на все руки, ПОМОЩЬ оказывает другу, а ПРАЗДНИК предпочитает веселый. Русский — это человек, который ВСПОМИНАЕТ прошлое (детство), ПОЯВЛЯЕТСЯ на свет внезапно, обязательно кому-то ПРИХОДИТСЯ родственником (братом, сестрой), время ПРОВОДИТ, СТАРАЕТСЯ учиться, обязательно ВОЗВРАЩАЕТСЯ домой (назад), ДОГОВАРИВАЕТСЯ о встрече с другом, много ОБЕЩАЕТ, ПЕРЕДАЕТ привет, ПРИСЫЛАЕТ письмо, ПОДХОДИТ близко, громко КРИЧИТ, громко ПОЕТ, ПЬЕТ чаще всего воду, боится ПОТЕРЯТЬ друга, СЛЕДУЕТ примеру, очень часто САДИТСЯ в лужу, УМЕЕТ делать всё, ПОМОГАЕТ людям, очень часто ОКАЗЫВАЕТСЯ в дураках, ОСТАЕТСЯ самим собой, ЖЕЛАЕТ счастья, и несмотря ни на что, НАДЕЕТСЯ на лучшее» [255, с. 405].

Нетрудно заметить, что помимо тех свойств российской ментальности, о которых речь шла выше, здесь мы обнаруживаем и такие ее характеристики, как органический, неистребимый оптимизм, доброжелательность, приверженность традиции, национальным ценностям, дружбе, разносторонняя талантливость, естественность и т.д.; все эти самооценки существенно дополняют лексический портрет современного носителя рус-

ской культуры. Характеризуя модальную неопределенность ряда слов (*будто бы, как бы, нечто, что-то* и др.), Н.Д. Арутюнова связывает ее с такими чертами национальной ментальности, как ее дистанцированность от действительности, своего рода «клаустрофобия» — боязнь пространства, замкнутого конкретной и полностью эксплицированной информацией», потаенный смысл фактов, вытекающий из их неокончателности [14, с. 84].

Содержание культуры (народной, светской, церковной) связано с различными формами сознания: обыденным, мифологическим, религиозным, научным, художественным, находящими экспликацию в слове, служащем сигналом определенного культурного кода. По словам А.А. Потебни, «слово только потому есть орган мысли и непременно условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения» [175, с. 142].

«Культурная память» слова содержит в себе элементы мифологического способа освоения мира как первичной формы его упорядочения в сознании говорящих. В соответствии с мифологической логикой оборотничества, принципом «всё во всём», синкретизмом мифологического мышления в слове соединялось физическое и метафизическое, мир дольний и мир горний, вечное и космическое, светское и сакральное, земное и небесное. Не случайно «пространство созерцания» охватывает не только то, что воспринимается органом зрения, но и умственную, психологическую сферу человека (ср. лексемы *зрение* и *мировоззрение, внутреннее зрение*, разные значения слов *взгляд, рассматривать, видеть* и др.). Родственный культурный код с его архетипической оппозицией свой — чужой просматривается, как видно из материалов РАСа, в ассоциациях к слову *мать*: «и мачеха, матушка-природа, земля, деревня, культура, река-матушка (кормилица)», ср. *мама* — «Одесса, целина, свет, весна, теплота, теплое» или *сын* — «народа, родины, отечества, земли, неба, моря, полка» и др. Культурно-языковая компетенция человека связывается с его способностью видеть в слове традиции его литературной обработки, прохождения через разные слои

социально-культурного знания, разные типы дискурса, видеть интертекстуальные связи слова. Так, древнейшая концептуальная оппозиция «свои — чужие», «наши — ваши» организует лексическую структуру «Сравнительных комментариев к пословицам русского народа» В. Пьецуха, актуализирующую пласты культурно-исторического знания, помогающего осмыслить судьбы России. Пословица «*Кто в море не бывал, тот Богу не маливался*» сопровождается, например, следующим комментарием:

«Наши — один из самых сумрачных, невеселых, сосредоточенных, словом, слишком поживших, что ли, народов в мире, потому что мы горемычные и нам по воле Провидения досталось как никому».

Судьба «американцев» и «британцев» описывается как более благосклонная: «*эти тоже пригрелись на своем острове, со времени Вильгельма Завоевателя чужого сапога не нюхали*». Авторская пристрастность обнаруживает себя и в метафорическом строе, в оценочных номинациях, в опоре на прецедентные тексты, и в проведении исторических параллелей (Кромвель — современник «Миши Романова»), и в квалификации названия войны Алой и Белой роз («междоусобной розни») как «парфюмерного». Слова-хронофакты, слова-свидетели «нашей» истории, которая «*густо замешана на крови*», — царь Иван Грозный, который «*матушку Россию городами вырезал*», «*поляки*», «*Можайск*», «*крымчаки*», «*царь Михаил*», «*боярская Дума*», «*сакма*» (след татарской конницы. — Примеч. ред.), и это «*когда Паскаль разрабатывал начала кибернетики, Гюйгенс выдумывал часы, жил и творил Мольер*». Смысл комментируемой пословицы расшифровывается автором следующим образом: «кто в России не жывал, тот жизни не видал». У народов, которые мореходны, есть похожие пословицы, но смысл, конечно, уже не тот. И эти различия смысла связываются с особенностями жизни, истории и культуры народов, что отнюдь не предполагает ксенофобии, негативизма и неприимости к чужим культурам. Многообразные функции, приписываемые культуре и художественному творчеству как одной из ее составляющих [231, с. 146; 77, с. 41], оказываются релеван-

тными и для слова как представителя культурного универсума. Назовем эти функции: коммуникативная, социально-организаторская, социализирующая, воспитательная, просветительская, познавательная, эвристическая, развлекательная, гедонистическая, компенсаторная, катарсическая, суггестивная, оценочная и прогностическая. Ядро культуры представляет общенациональная картина мира, обеспечивающая «взаимопонимание представителей различных субкультур, входящих в данную культурную общность. В основе такого взаимопонимания лежит язык данной культуры» [77, с. 63]. Истоки национального самосознания, синтезирующего ценности славянской языческой и христианской культуры, ищутся в слове, создаются концепции имяславия, связанные с апологетикой Имени Божия в русском религиозно-философском дискурсе, в теоантропокосмической концепции слова школы всеединства В. Соловьева [174, 202, 203]. Донаучные лингвистические знания, включая знания о слове, связываются с его регулирующей функцией в сфере ритуализованного поведения, на этой основе создаются концепции о ритуальном происхождении языка (В.Н. Топоров, М.М. Маковский и др.). Сакральная функция слова [6], космоустроительная, помогающая преодолеть хаос, отмечается как важнейшая в народной традиционной культуре со свойственным ей мифопоэтическим способом освоения мира: «Большинство терминов «фольклорной» лингвистики погружено в сферу сакрального... где действуют силы «иноного» мира, будь то силы божественные или демонические, христианские святые или одушевленные стихии. И это понятно, ибо способность говорить оценивается как божественный дар, а слово как творящее начало... В народной культуре языческая вера в магическую силу слов «знающих людей» соединилась с молитвенным почитанием христианского слова Божия...» [150, с. 567]. Ассоциации в рамках магического мышления строятся с опорой на базовые концептуальные оппозиции: свой — чужой, верх — низ, левый — правый, внутренний — внешний, жизнь — смерть и др.

Сигналами «своей» культуры выступают наименования предметов быта, построек, блюд, средств передвижения, пред-

метов одежды (*самовар, ухват, изба, сени, светлица, терем, хоромы, палата, тройка, сани, олады, водка, расстегай, щи, квас, коговоротка, сарафан, валенки, варежки*); слова, отмечающие историческую приуроченность событий и явлений (*князь, стрелец, боярин, вече, дружина, челобитная, верста, сажень* и т.д.); лексика фольклора, фразеологические единицы, названия персонажей народной мифологии (*суженый, кудесник, за тридцать земель, чудо-юдо, русалка, леший, водяной, домовый, оборотень, змея подколодная, во всю ивановскую, верста коломенская, Фома неверующий*).

Культурную информацию несут слова, представляющие не только концептосферу русской культуры, но и ее персоносферу, это прежде всего имена собственные, за которыми стоят образы национальной культуры в ее высших проявлениях, определяющих формирование культурно-ценностных ориентаций носителей языка. Термин «персоносфера» введен Г. Хазагеровым, и его содержание иллюстрируется отсылкой к именам персонажей русской классической литературы. По словам Ю.С. Степанова, в семантике ключевых терминов культуры «сочетается значение обиходных слов и господствующие в обществе идеи» [223, с. 625—626].

Учет принципа «культурной разработанности» словарного состава языка и этноцентризма не исчерпывает полноты лингвокультурологического подхода к слову и группировкам слов в лексической системе языка. Исследователи всё отчетливее сознают необходимость сопоставления с иными формами восприятия, с другим опытом, аргументируя это тем, что национальное своеобразие лексико-семантических систем связано не с тем, что язык «творит» действительность, а лишь со специфическим отражением в языке первичной данности — объективной действительности [172, 173]. Поэтому наряду с интроспективным подходом к номинативным единицам предлагается и сравнительный, или сопоставительный, подход. Требование толерантности к другим культурам ведет даже к противопоставлению антропоцентризма и антропофилии [216]. Так, Ю.А. Сорокин справедливо утверждает, что «...культурально то, что антро-

пофилично / антропофильно; цивилизационно то, что антиантропофильно» [216, с. 56], то есть антропо-эгоцентрично. Культурные универсалии связываются с единством человеческой природы, многих особенностей жизнедеятельности людей в сходных условиях ее протекания (ландшафт, флора, фауна и т.д.). Этим объясняется наличие в разных языках эквивалентной и частично эквивалентной лексики (наряду с безэквивалентной, словами-реалиями, которые были приведены выше). Так, семантический признак хитрости приписывается лисе и в русском языке, и в немецком, и в английском, как задиристости — петуху в тех же языках. Но этнокультурные коннотации могут быть связаны с различной интерпретацией свойств животных в той или иной языковой среде: так, «адресованное монголке слово «волчица» является тяжелейшим оскорблением, для китайца оскорбительно сравнение с «зеленой черепахой» или «зайцем». В русском *свинья* — «бранное слово, но относительно мягкое по сравнению с его эквивалентом у арабов» [245, с. 116]. Отмечаются и другие особенности этноязыкового видения мира, связанные с разными лингвокультурными ситуациями: для индийской женщины «слон» ассоциируется с величественной грацией. У индийцев змея, сбрасывающая кожу, — символ обновления, а для русских — двуличия. Различие частотности употребления слов *солнце* и *луна*, их коннотаций и символического использования в русском языке и в языках жителей Передней и Центральной Азии объясняется, в частности, особенностями климатических условий и культурными традициями мест проживания этноса. Отсюда в русском лингвокультурном сознании контексты употребления названий светил: *солнце* — *ясное, красное, Владимир Красное Солнышко*, использование слова в ласковом обращении. *Луна* же — мертвая, зловещая, слово используется в описании чрезмерной полноты лица. Там же, где ночь и луна дают отдых от раскаленного солнцем дня, слово *луна* выступает символом любимой женщины [276].

Неоднократно отмечалась различная символизация реалии, обозначенной словом *берёза* в русском языке, где оно служит символом родины, женственности, и в скандинавских языках,

где оказывается символом мужества и стойкости. Любопытные особенности этнической ментальности выявляются при изучении лингвокультурологических аспектов русской неологии. Так, отмечена бедность ассоциативного фона к слову *кукушка* у американских испытуемых в отличие от носителей русского языка, развившего новое значение этого слова: «О женщине, оставившей рожденного ею младенца в родильном доме на попечение государства». Различия связываются с особенностями географии, быта, истории страны проживания носителя языка. Так, отмечено, что в Америке кукушки не живут и реальные особенности жизни этой птицы жителям не знакомы, а реакция «сумасшедшая» связана с постоянной суетой птички как детали настенных часов [42].

Полное или частичное отсутствие эквивалента к слову в другом языке связывается с понятием лакуны.

Лакуны выступают сигналами специфичности той или иной лингвокультурной общности и требуют компенсации в межкультурной коммуникации, в практике перевода. Различную лексическую разработку некоторых областей опыта на лексическом уровне обнаруживает, например, несовпадение в семантическом объеме слов, в степени частотности и стилистических сферах употребления, в составе лексических групп, связанных с выражением той или иной идеи, в типе лексических коннотаций, в конфигурации денотативных и коннотативных сем в лексическом значении слова и всей его смысловой структуры, в стратегиях наименования, в способах концептуализации мира, отраженных во фразеологии, паремиологии и прецедентных текстах вообще, если под последними понимать, вслед за Ю.Н. Карауловым, тексты, фиксированные в сознании носителей языка данной языковой общности и представляющие факт культуры в широком понимании и актуализирующие некоторую ситуацию [25, с. XIX].

Примерами таких несовпадений могут служить лексика цветообозначений (например, наличие двух слов *синий* и *голубой* в русском языке и однословного соответствия в английском и немецком языках *blue*, калька с английского *синий чулок*, но

калька с немецкого *die blaue Blume* — голубой цветок как символ немецкого романтизма; разная степень дифференциации названий посуды в болгарском языке (*чаша*) и в русском (*чаша, чашка, стакан, кружка, фужер*).

Рассматривая идиомы русского языка с дефиницией «умереть», Т.З. Черданцева сопоставляет их с итальянскими соответствиями, и в этом сопоставлении обнаруживает культурно-национальное представление о смерти и об отношении к ней в разных социумах. Так, указание на внешние признаки смерти при разных функционально-стилистических коннотациях обнаруживают в русском языке идиомы: *закрывать глаза (навек)*, *откинуть копыта*, *протянуть ноги*, при этом факт употребления слова *копыта* связывается с неуважением к покойному со стороны говорящего. Фразеологизмы *уйти в мир иной* и *уйти на тот свет* объясняются наивной верой в загробную жизнь или знакомством с христианской доктриной. Эвфемистичность, видимо, связанная с необходимостью табуирования некоторых реалий, характеризует фразеологизмы *уснуть вечным сном* и *приказать долго жить*, фразеологизмы *сыграть в ящик*, *дать дуба*, *протянуть ноги* с эмотивной коннотацией грубости «указывают на равнодушное или даже недоброжелательное отношение к покойному со стороны говорящего» [270, с. 68]. Идиома *отправиться кормить червей* содержит упоминание о погребении в землю (в отличие от способов захоронения в иных культурах). Специфическая информация, относящаяся к представлениям о смерти носителей итальянского языка (при наличии некоторых общих моментов) свидетельствует об их знакомстве с Библией и «достаточно фамильярных отношениях с дьяволом» [там же]. В буквальном переводе это фразеологизмы *заплатить дань Харону* и *отправиться в ту самую страну* или *туда, где дьявол живет*.

Представление о лакунах создается и при изучении стратегий именования в разных языках, например, отражения природных звуков в семантике слов разных языков. Так, при исследовании английских и литовских лексем, обозначающих голоса птиц, было выявлено, что крики одних птиц передаются по

языкам разным количеством ономастопов, а в других — вообще не находят отражения (англ. *петь* (о жаворонке), литов. *кричать* (о чайке) [188, с. 21]. Аналогичные явления просматриваются и в русском языке (если *журавли курлычат, вороны каркают, сороки трещат*, то другие *птицы* просто *поют*). Эти особенности в когнитивных стратегиях именовании определяют разное место этого участка картины мира в звукоподражательной системе языка: «*Английские птицы «трещат», «дрожат», «скрипят», тогда как литовские больше «шелестят»; и те и другие много «пищат» и «квакают»; английские птицы больше «визжат», в то время как литовские предпочитают «жужжать»; и те и другие немного «журчат», «воют», «ревут» и «кашляют»* [188, с. 25], что отчасти находит объяснение в различиях фонетических систем сопоставляемых языков, а также в способах мировосприятия носителей языка. Приведенный фрагмент «звуковой» картины мира настолько значим для говорящих, что отражается в лексической структуре текстов, используемых на начальных стадиях обучения языку в школе. Так, в учебнике по русскому языку для начальных классов Т.Г. Рамзаевой [180] в задании «Лесной хор» предлагается рассказать, кто и как в этом хоре поет и играет. Ответ на это задание предполагает внимание к одной из лексико-семантических групп в пределах «слов, называющих действия предметов», и сами эти действия оказываются конкретизированными в соответствии с общей семантикой глаголов звукообозначения: «*Звонкими, чистыми голосами поют* зяблики, соловьи, дрозды. *Барабанят* дятлы. *Хохочет* сова. *Ухает* филин. *Жужжат* шмели и пчелы. *Урчат и квакают* лягушки». Помимо интегрального семантического признака (сема) звукообозначения, глаголы содержат и дифференциальные семы, выступающие в словарных толкованиях лексических значений и объясняющие смысловое согласование глаголов с тем, а не другим названием птиц, насекомых, земноводных, которые в свою очередь объединяются в лексическую группу названий живых существ. Ср. некоторые словарные толкования: барабанить — «2. *Часто и мелко стучать*»; петь — «3. О певчих и некоторых других птицах: издавать *заливистые щёлкающие звуки, свист*» (ср. тексто-

вую поддержку дифференциальной семы — «звонкими, чистыми голосами», характер звучания ограничивает и круг птиц, о которых можно сказать, что они поют); ухать — «издавать громкий, низкий и отрывистый звук»; урчать — «издавать kloкочущие, рычащие звуки»; квакать — «о лягушке: издавать характерные отрывистые звуки, похожие на «ква-ква»»; жужжать — «производить однообразно дребезжащий звук, свистящий шум». Таким образом, глаголы общей ЛСГ звукообозначения в соответствии с дифференциальной семьей «характер звучания» допускают в качестве субъекта действия разных «исполнителей», и эти различия не так легко воспринять, опора в их понимании создается звукоподражательным характером семантики привлекаемых глаголов. Организует «звуковую» тему слово *хор*, вынесенное в заглавие и уточненное в своей семантике прилагательным, отсылающим к «исполнителям» указанием на место их обитания.

В разделе учебника «Русский язык» (5 класс) под ред. М.В. Панова «Лексика отражает жизнь народа» содержится указание на когнитивные аспекты слова и его способность выявлять особенности ментальности этноса: «Слов в каждом языке столько, сколько нужно людям, чтобы обозначать, называть всё то, о чем они говорят, о чем думают, что себе представляют. Поэтому слов в каждом языке очень много. Однако по количеству и составу слов языки разных народов могут очень различаться». В подтверждение этого тезиса приводятся 4 слова русского языка, называющие разные виды снега (снег, крупа, пороша, наст), и сведения о более чем 20 названиях снега в языках народов Севера: «Каждое из них называет определённую разновидность снега: снег рыхлый, снег твёрдый, снег тающий и другие его виды. Зато в их языке мы не найдём названий для различных оттенков цвета песка, зелени, солнечных лучей, которые имеются в языке жителей жарких южных стран, например, у некоторых арабских народов». Здесь, по существу, речь идет о разных способах концептуализации действительности, отражающихся в степени лексической разработанности определенного круга понятий, во многом обусловленной потребностями ориентации человека в

универсуме, особенностями его окружения, природы, истории и культуры, сформировавших определенный способ мировосприятия и мироощущения.

Межкультурное взаимопонимание может строиться двумя способами — «безлакунно» и с помощью восполнения культурологических и языковых лакун.

Обеспечение «**безлакунного**» способа основано на общности внеязыковых знаний и опыта участников коммуникации, а также на свободе ассоциирования в пределах общего опыта. При изучении семантических полей, содержательных блоков слов «укрепляется ощущение семантического универсализма, содержательного единства языков, их принципиальной взаимной переводимости» [124, с. 108]. Так, в переводе книги Д. Карнеги «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично» общность культурных реалий, преемственность познания делают прозрачным сравнение неудачного оратора с «обеденным колоколом»: «...когда он поднимался на трибуну, члены палаты начинали кашлять, шаркать ногами и толпами покидали зал». Со звуком этого колокола у читателя связывается не только сигнал к перерыву на обед, но и ощущение скуки, монотонности речи выступающего.

«Безлакунный» способ взаимопонимания связан и с общеизвестными географическими и культурно-историческими реалиями, отраженными в излюбленных Карнеги контекстах:

*«Запомните, что обычный человек будет более обеспокоен тем, что от него **хочет уйти повар**, чем проблемой выплаты Италией своих долгов Соединенным Штатам. Его больше выведет из себя **тупое лезвие бритвы**, чем **революция в Южной Америке**...»*

*Или: «Та речь, которую я только что описал, могла быть с тем же успехом произнесена в песчаной безводной **пустыне Гоби**. И действительно, она звучала так, как будто была произнесена в подобном месте, а не перед группой **живых людей**».*

Не менее понятно сравнение неторопливого вступления, рекомендуемого старыми риториками, с *поездкой в кабриолете*, а

людей вокруг энергичного оратора — со скоплением *диких гусей вокруг поля озимой пшеницы*.

Не столь прозрачны для понимания и требуют специальных знаний и игры воображения следующие фрагменты, содержащие **относительные культурологические лакуны**: «*Вам приходилось видеть людей, которые глядят по сторонам в поисках стула, сопровождая это движениями, напоминающими английскую гончую, укладывающуюся спать*». И далее очень наглядно описываются эти движения, вызывая комический эффект: «*Они вертятся вокруг, а когда обнаруживают, наконец, стул, то скручиваются и проваливаются в него, словно мешок с песком*». Ср. еще: «*Даже такой утонченный денди, как Дизраэли, не мог преодолеть этого соблазна (класть руки в карманы. — Н.С.)*». Здесь специфическая реалья создает уже квазипонимание.

Наконец, наличие в некоторых рекомендациях абсолютных культурологических лакун делает их неприемлемыми для носителей другой культуры: фраза «*белый петух бантамской породы со сломанной ногой*» вызывает в вашем представлении значительно более ясную и четкую картину, чем простой термин «*домашняя птица*» (автор говорит о необходимости опоры на сферу представлений слушателей. Однако в данном случае образный компонент лексического значения как раз затушеван специальным обозначением породы). Близко к этому: «*Когда вы говорите “черный шотландский пони”, то разве это не выразительнее, чем простое слово “лошадь”?*» (иноязычные читатели, очевидно, ответят «нет»).

Даже абсолютные культурологические лакуны не бывают бессодержательными. Активизируя определенные зоны сознания адресата самой своей непонятностью, они наполняются личностными смыслами:

«Несмотря на прогресс, достигнутый в других отношениях, некоторых школьников до сих пор заставляют декламировать высокопарные речи Вебстера и Ингерсолла — нечто столь же устарелое и далекое от духа нашего времени, как шляпки миссис Ингерсолл и миссис Вебстер, если бы они вдруг воскресли и появились в них».

Эпитеты автора помогают восполнить, компенсировать лакуны.

Иногда важна не сама экзотическая реалья (хотя и это будит воображение), а то, во имя чего она упоминается. Например: *«Их (правил красноречия. — Н.С.) не будет на этих страницах, ибо, как заметил в веселую минуту Джош Биллинг, нет смысла знать так много вещей, если они не такие, какими кажутся».*

Однако нередко оказываются зыбкими границы между культурологическими и языковыми лакунами, эти границы во многом определяются уровнем знаний интерпретатора. При необходимости языковые лакуны помещаются в примечаниях редактора переводного текста: *«“Сладкое мясо” — зобная и поджелудочная железы».* В иных случаях, даже при детальном описании реалии, стоящей за словом, собственно языковые ассоциации могут оказаться невостребованными, а образ — обедненным: *«...пусть выступающий будет виден, как заснеженная вершина Юнгфрау, возвышающаяся на фоне голубого неба Швейцарии»* (за именем собственным скрыты ассоциации с чистой, высокой, стройной девушкой). Только родовое обозначение воспринимается в следующих сравнениях: *«Одно или два важных слова возвышаются над ней (фразой. — Н.С.), подобно небоскребу “Эмпайр стейтбилдинг” на Пятой авеню в Нью-Йорке; Малейшее несоответствие в его (оратора. — Н.С.) внешнем виде так же бросается в глаза, как пик среди равнин».*

Коммуникативные аспекты изучения слова

Современную лексикологию интересуют не только лингвокогнитивные и лингвокультурологические проявления человеческого поведения, то есть система знаний, мнений, оценок, убеждений, проявляемых в использовании лексических средств, но и собственно коммуникативно-прагматические, тот лексический механизм, который управляет целенаправленной коммуникативной деятельностью общающихся и создает предпосылки успешной коммуникации, речевого воздействия на слушателя / читателя, гармонизации общения как условия само-

сохранения определенного языкового и вообще человеческого коллектива. Объектом анализа в этом случае становятся лексические проявления коммуникативных потребностей языковой личности (контактоустанавливающих, информационных, воздейственных, регулятивных и др.), коммуникативных стратегий говорящих, их социокультурных характеристик, ролевого статуса, возрастных, образовательных, половых и др. различий [2, 86, 210, 228]. Только в совокупности этих составляющих находят объяснение общие процессы порождения и понимания речевых сообщений, ибо успешное моделирование языка невозможно без учета законов коммуникативной деятельности человека в целом.

Интересную информацию в этом плане дают наблюдения над способами обеспечения речевой коммуникации, коммуникативных прав и обязанностей адресанта и адресата, над случаями «рассогласования» их коммуникативных намерений, над лексическими сигналами нарушения коммуникативного контакта, неудач в речевом общении. Рассмотрим некоторые из них.

1. *«Вопросы лейтенанта казались лишними и неуместными. Год рождения, образование, национальность, социальное происхождение...*

— *Чего? — переспросил Чонкин.*

— *Родители ваши кто?*

— *Так ведь люди, — ответил он, не понимая сути вопроса.*

— *Я понимаю, что не коровы. Чем занимаются?*

— *Во гробе лежат.*

— *То есть умерли?*

Чонкин посмотрел на лейтенанта удивленно...

— *Неужто живые?? — сказал он.*

— *Чонкин! — повысил голос лейтенант. — Перестаньте валять дурака и отвечайте на вопросы, которые вам задают. Если родители мёртвые, значит, так и надо сказать — мёртвые.*

— *Вот тоже... Кабы ты спросил, какие они, я бы тебе сказал — мёртвые. А ты спрашиваешь, чем они занимаются»* (В. Войнович. Жизнь и необычные приключения солдата Ивана Чонкина).

2. « — *И что же, в этом вашем Красном советской власти нет, что ли, а?*

— *В Красном нет, — подтвердила Нюра.*

— *Как, совсем нет?*

— *Совсем нет, — сказала Нюра. — Сельсовет-то у нас в Ново-Клюквине, за речкой. А у нас только колхоз»* (там же).

Здесь мы обнаруживаем коммуникативную двунаправленность в использовании лексических средств, связанную с теми ориентирами, которые расставляет автор, представляя столкновение разных типов сознания, реализуемых в бытовой и официально-бюрократической речи, а также ту маску «простачка», которая помогает персонажам вести диалог и характеризует жанр антиутопии, создаваемые в нем «возможные миры».

Исходными для учета коммуникативных аспектов слова служат положения М.М. Бахтина о диалогичности общения, о роли чужого слова как «двуголосного» при условии его введения в нашу речь [23]. Развивая эти положения, Н.Д. Арутюнова пишет о параметризации адресата в тексте, о «ксенопоказателях» как показателях чужой речи, их роли в выявлении речеповеденческой цели вербальных или невербальных действий: «Адресат должен ответить, выполнить действие, принять к сведению, учесть сообщение, понять что-то, принять решение, выбрать нужную позицию, испытать то или другое чувство и т.п.» [136, с. 444]. Такие «виды адресованного поведения» оказываются общими для разных типов дискурса, преломляясь в каждом из них по-своему. Проблема адресованности оказывается ведущей при коммуникативном подходе к текстовому слову, при понимании текста как «сопряженной модели деятельности адресанта и адресата» (Е.В. Сидоров [205]), с учетом ассоциативно-образного характера познавательной деятельности адресата, опирающегося в интерпретации смысла на ассоциативные поля ключевых слов (В.В. Степанова [2], И.Г. Проскурякова [179], Н.С. Болотнова [32] и др.).

В когнитивных ориентациях адресованность определяется через заложенную в тексте программу интерпретации: адресо-

ванность служит базой когнитивной обработки и интерпретации текста реальным читателем в ходе реконструкции им указанной программы по лингвистическим сигналам в ткани текста и распределечивания на этой основе включенного в текст представления о его адресате (О.П. Воробьева [56, с. 2]). Роль адресата как «сотворца» художественного произведения, связанная с его интерпретационной деятельностью, обосновывается культурологическим подходом к тексту, его проекциями в открытое пространство культуры, ибо, по М. Бахтину, понимание текста — это соотнесение его с другими текстами. Роль адресата в организации пространственно-временного континуума художественного текста, его лексической структуры, в построении ментальных пространств разного рода в его пределах рассмотрена в [20]. Лексические средства адресации были предметом специального рассмотрения [см. 239].

В самом общем виде можно утверждать, что любой элемент структуры текста (и прежде всего художественного) рассчитан на определенную модель адресата, который, в свою очередь, имеет иерархическое строение (самоадресация, внутритекстовая адресация, межперсонажная адресация, внетекстовая адресация). Адресат может рассматриваться как модель определенного типа языковой личности (индивидуальной, социумной, этнической, общечеловеческой). Можно говорить с учетом принципа обратной связи о сюжето-, стиле-, жанро- и композиционнообразующей функции адресата и средств адресации в построении лексической структуры текста.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

Происходящие в конце XX — начале XXI века изменения в языке и прежде всего в его лексическом слое можно сопоставить с тектоническими сдвигами пород в геологии, а на собственно языковом уровне — с взрывными процессами петровской и послеоктябрьской эпохи, связанными с коренной ломкой в жизни общества и в способах ее осмысления.

К особенностям современной языковой ситуации относят последствия второй волны языкового возмущения, пришедшего на смену эпохе языкового «застоя», застандартизованности бюрократического языка, новояза, обслуживавшего идеологические потребности тоталитарной системы [39, 188].

Важнейшим социальным событием, повлиявшим на состояние современного русского языка и прежде всего его словарного запаса как наиболее открытого и подверженного внеязыковым воздействиям, явилась перестройка и постперестроечные явления (середина 80-х — 90-е годы XX века), сопровождавшиеся гласностью, формированием новых типов мышления и отношения к официальному языку. Основными вехами на этом пути стали демократизация общества, формирование многопартийной системы, устранение идеологической монополии КПСС, августовский путч 1991 г., развал Советского Союза, октябрьские события 1993 года, дефолт 1998 года, события в Чечне, активизация криминала, терроризма и экстремизма разного толка.

Эти изменения в жизни страны и мира создали определенные социально-психологические предпосылки возникновения «лексического взрыва», к числу которых можно отнести расширение состава участников массовой, публичной коммуникации;

резкое ослабление цензуры и самоцензуры, возрастание личностного начала в речи, ее диалогичности и формирование новых культурно-речевых установок типа разрешено всё, что не запрещено; ослабление нормотворческой роли государства как узурпатора языка, роли языкового пуризма в пользу усиления принципа коммуникативности (часто с пренебрежением к этическим нормам как проявлением кризисного состояния сознания, психологического неприятия официального языка, новояза, включая и посткоммунистический, нигилистического характера эпохи); активизация спонтанного общения, стремление к свежим, неожиданным способам выражения. Многие из этих тенденций дают себя почувствовать в лексическом материале книги В.Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи» [110]. Так, стремление к языковой игре, установка «лишь бы не как раньше» иллюстрируются словами: *стервиз, мэриози, пофигисты, бывшевики, чубайсер, ельцинизм, прихватизация, деграданты, подписанты, «Памятники», СеНеГальцы* и др. Тенденция к обновлению проявляется и в возрождении старых слов (*вести, на-медни*), в рекламных текстах, например, телефонной компании: «*связь без брака — только за валюту*», в привлечении новых фразеологизмов типа «*крыша поехала*». Автором отмечается тенденция к стилистическому усреднению, связанная с прорывом в литературный язык разговорной стихии и жаргонов, иностранных слов, и всё это стилистическое снижение (*лимон, тачка, пахать, крутиться, разборка, тусовка, на халяву* и др.) оценивается как реакция на боязнь громких слов, хотя либерализация допускает и «вокнижение», архаику.

«Лексический взрыв» особенно наглядно обнаруживает себя в пределах даже одной тематической группы, например, наименований лица, демонстрируя такие способы ее пополнения, как: суффиксация и сложение (*авторитарист, визажист, галерист, рыночник, теневик, качок, флорист; видеоман, видеопират, суперзвезда, супермодель, фотомодель, экстрасенс*); заимствование (*аудитор, дилер, киллер, клипмейкер, клубмен, куафёр, нувориш, рэкетир, супермен, тинейджер, шоумен*); актуализация и переориентация значений слов пассивного словаря (*атаман,*

бакалавр, биржевик, брокер, гувернёр, губернатор, есаул, кадет, крупье, магистр, меценат, мэр, президент, продюсер, спикер, фермер, экономка); а также явления семантической деривации (*боевик, инфигированный, главный, голубой*) [см. подробнее об этом 248].

Наибольшие изменения обнаруживают предметно-понятийные группировки таких новаций, которые обращены к сферам:

- 1) политики, социального устройства, идеологии: *перестройка, гласность, диссидент, департизация, декоммунизация, деполитизация* (с актуализацией приставки отменяющего значения как проявлением нигилистического характера эпохи), *административно-командный, антиноменклатурный, посткоммунистический, фундаменталист, авторитаризм, эсэнговский, эсэнгешный, красно-коричневые, парламент, брифинг, саммит, рейтинг, консенсус, мэр, мэрия, партократия, плюрализм, имперскость, совок* и др.;
- 2) экономики и финансов: *теневик, конверсия, стагнация, стагфляция, приватизация, рынок, комок, ваучер, дефолт, либерализация (цен), акционирование, антирыночник, челнок, бартер, бартерный, безвалютный, бизнес, бизнес-центр*;
- 3) госбезопасности, обороны, деятельности правоохранительных органов: *декриминализация, теракт, омоновец, кагебешник, отказник, афганец, контрактник, дед, дедовщина, солдат удачи, хакер, скинхед, нарко (бизнес, банда, мафия и т.д.), беспредел, шмон, пахан*;
- 4) техники, автоматизации: *биокибернетика, пейджер, телекс, факс, ксерокс, ксерокопирование, компьютеризировать, компьютерщик, мобильник, дисплей, картридж, ноу-хау, видео* (и его производные);
- 5) медицины: *лазеротерапия, гериартрия, микрохирургия, СПИД, антиспидовский, акупунктура, мануальный, хоспис, токсикоман, игроман, торпеда, некрофилия*;

- 6) религии, верований: *ангел, апостол, благовест, благодать, Бог, всеночная, грех, духовник, крещение, заупреждение, литургия, освящение, отпевать, пастырь, патриарх, поститься, митрополит, праведник, православие, таинство, упокой, буддийский, карма, чакры, йога, шариат, рамазан, муфтий*;
- 7) паранормальных явлений: *полтергейст, экстрасенс, НЛО, инопланетяне, телекинез, астральное тело*;
- 8) музыкальной и массовой культуры: *андеграунд, рок-клуб, диск-жокей, шоу-бизнес, фанат, хит, ремейк, альбом, некассовость, нетленка, звездомания, чернуха, порнуха, хард-рок, хэви-рок, рэп*;
- 9) быта: *миксер, гриль, аэрогриль, тостер, электрогрелка, электроплед; батник, блейзер, бананы, боди, джинсы, лосины, легинсы, слаксы, мокасины, лейбл, кроссовки, памперсы, тампакс, гель, косуха, аляска, гамбургер, чизбургер, круассан, йогурт, пепси, пицца, фазенда, хрущёвка, хрущоба*;
- 10) спорта, игр, развлечений, досуга: *аэробика, шейпинг, бодибилдинг, ушу, брейк, ламбада, круиз, тусоваться, тусовка, оттягиваться, кайфовать*.

Способы пополнения современного словаря

Каковы же основные способы пополнения состава современной русской лексики? Прежде всего обращает на себя внимание образование новых слов по традиционно продуктивным моделям:

- а) аффиксальным способом в разных его составляющих: *десоветизация, постперестроечный, послеавгустовский, разгосударствление, нерыночный, неформальный; авангардизм, авангардист, манкуртизм, деревенщик, зачистка, перехват, завал, отпад, напруг, негатив, интим, криминал*,

микрофильмировать, приватизировать, компьютеризировать, ксерокопировать, люмпенизация;

- б) сложением и сложно-суффиксальным способом: *псевдодемократ, наркобизнес, видеофильм, секссимвол, секретарь-референт, полугласность, карательно-террористический, эрзацкультура, киноидол, бизнес-центр, спецназ, спецназовец, спецназовский;*
- в) сращением двух и более слов: *долгоиграющий, малообеспеченный;*
- г) компрессией: *незавершенка, наружка, оборонка;*
- д) усечением: *афган, автобио, зарубеж, фан, нал и безнал, маг, ретро, спец;*
- е) аббревиацией: *СНГ, СКВ, СМИ, ТВ, ОРТ, ГКЧП, ГУЛАГ, Ая, ГКО, БТР, ЛДПР, КПРФ, ОВИР, НЛО, ОМОН, ЧИФ* (ср. производные от них: *эсенгешник, омоновец* и др.);
- ж) способом семантической деривации: *зелёнка, отмывание* (денег), *саркофаг, грязный и чистый* (в экологическом отношении), *система, афганец, дед, фирменный, литье, колесо, кидать, крутой, иконостас* (ряд фотопортретов), *упаковка* (об одежде), *черёмуха* (слезоточивый газ...), *народник* (специалист в области народной медицины).

Мотивационные отношения в цепочке, содержащей слово *тень* в новом значении, выглядят следующим образом: слово *теневой* в значении «находящийся в тени, менее освещенный» мотивируется словом *тень* в значении «пространство, на которое непосредственно не падают световые лучи, а также темное отражение на чем-нибудь от предмета, который освещен с противоположной стороны», а в значении «существующий одновременно с чем-либо, неофициальный, нелегальный» является мотивирующим для слова *тень* в его новом обобщенно-собирательном значении «теневая экономика».

По данным «Словаря перестройки» 1992 г., теневая экономика — подпольная или полулегальная, находящаяся «в тени»

организация хозяйственной жизни или какой-либо отрасли хозяйственной деятельности.

Подобного рода образования, типа *тень*, возникают как особая разновидность обратного словообразования. Такие образования довольно широко распространены в современных текстах. Они возникают в результате десуффиксации: «*Везде жажда урвать монету, а рвать нечего*», депостфиксации (*Прогуливать пса*) и десубстантивации (*рабочая карточка* — карточка, выданная рабочему).

Новации и проблемные зоны современного словоупотребления отмечены в неологических изданиях (однолетниках, десятилетниках и тридцатилетниках), создающих лексический портрет усредненной языковой личности и общества на определенном витке развития. Так, многообразие способов пополнения словаря, включая отмеченные выше, иллюстрируется однолетником «Новое в русской лексике-89» следующими группами слов:

- 1) *безмешка, видешиник, вышак, дозастойный, киноэротика, конверсировать, крутняк, манкуртство, неучтёнка, отъезжант, постзастой, рассовечивание, трёхкассетник, хрущоба* и др. (морфологический тип словообразования с его разновидностями);
- 2) *глушение (прерывание нежелательной речи), заплодировать, затоптать (чью-либо речь), кредитка (кредитная карточка), накалывать, наколоть (обманывать, одурачивать), перегрев (напряжённость), пещерный (крайне примитивный)* и др. (семантическая деривация);
- 3) *агрессивно-послушное большинство, бегство от денег, пар уходит в гудок, дорога ведёт к храму, зона вне критики, сесть на иглу, человеческое измерение, митинговая демократия, перетягивание одеяла, правовое пространство, разумная достаточность, силы торможения* (устойчивые сочетания). Среди слов-хронофактов, слов-свидетелей отмечаются целые гнезда, отражающие стиль мышления и то, что занимает умы говорящих. Ср., например, следу-

ющие гнезда слов: *деморборческий, демокоммунисты, демократесса, демократическо-идеалистический, демократическо-общественный, демократишка, демократура, деморадикальный, демороссы, демороссовский, демфашисты, демплатформовцы, демсоюзовский, демэлита* и др., а также *бомж, бомжатина, бомжатник, бомжевать, бомжество, бомжиха, бомжовый* и др.

К «коммуникативно рискованным» группам слов в современной русской лексике относятся прежде всего **заимствования**.

Заимствования (внешние и внутренние)

Бум лексических заимствований связан с непосредственной обращенностью лексики к внеязыковой действительности и тем процессам, глобальным изменениям, которые в ней происходят в связи со становлением в стране демократического общества, открытого к сотрудничеству с другими странами в самых различных областях деятельности, к сосуществованию и обмену информацией в научной, экономической, культурной сферах и вынужденного самоопределяться в условиях глобализации, происходящей в мире, отвечать на вызовы времени, прежде всего связанные с угрозой международного терроризма. Интеграция в мировое сообщество породила **массу заимствований прежде всего из английского языка** как одного из мировых языков, обслуживающего достижения современной цивилизации и активно привлекаемого в средствах массовой информации, в языке рекламы, в виртуальном общении через Интернет. Не случайно англицизмы широко представлены в сфере делопроизводства, компьютерных и информационных технологий, дизайна: *байт, дискета, картридж, принтер, курсор, сканер, факс, ксерокс, офис, дисплей, ноу-хау, ноутбук, пейджер, он-лайн, процессор*.

Активное распространение получили англицизмы и в таких сферах деятельности, как:

общественно-политическая (*брифинг, саммит, рейтинг, импичмент, инаугурация, спикер*);

экономическая (*ваучер, дистрибьютер, демпинг, маркетинг, лизинг, менеджер, фьючерс, холдинг, дилер, мониторинг, демпинг, бартер, спонсор, транш, тендер, киднепинг*);

спортивная (*фитнес, фристайл, бобслей, кикбоксинг, скейтинг, сноуборд, серфинг, бодибилдинг, шейпинг* и др.);

массовой культуры (*шоу, сингл, хэви-рок, хард-рок, рэп, шоу, хит, клип, ремейк* и др.);

бытовая (*коттедж, супермаркет, джакузи, шопинг, скотч, кемпинг, блейзер, кейс, поп-корн, миксер, тостер* и др.).

Однако преувеличивать влияние заимствований в общей эволюции лексической системы современного русского языка не следует. По данным неологических исследований [3] в неологических изданиях доля заимствований в последнее десятилетие не превышает 10%. Кроме того, опыт заимствований предшествующих эпох показывает, что далеко не все иностранные вхождения сохраняются в системе русского языка на протяжении сколько-нибудь длительного времени, многие сокращают количество своих значений, вплоть до однозначности или развивают на русской почве новые значения. Заимствования представляют **одну из групп неисконной лексики**, являясь в той или иной мере освоенными системой заимствующего языка. Одни слова структурно совпадают с иноязычными образцами: *гамбургер, факс, фушет, пицца, рейтинг, саммит, ланч, клип, шоп* и др. Другие морфологически оформляются аффиксами заимствующего языка: *джинсы, попсовый, суперменша, приватизировать, эксклюзивный*, что свидетельствует об активно идущем процессе освоения их прототипов системой русского языка, и слова этой подгруппы далеко не всегда признаются иноязычными, как и те, у которых часть иноязычного образца замещена русским элементом: *шорты, конверсия, стагнация, конфронтация, консолидация*.

Показателем востребованности заимствованных слов говорящими и высокой степени их адаптации в лексической систе-

ме русского языка служит их объединение в группы по признаку тематической общности (*менеджмент, маркетинг, ноу-хау, бартер* — термины рыночной экономики, предпринимательской деятельности), лексико-семантической (ср. наличие общей семы «посредник» в словах *брокер, дилер, дистрибьютер*), деривационной (*менеджер и менеджмент; маркетинг, маркетолог, супермаркет; сканер — сканировать — сканирование*).

Исследователи [10, 130, 192, 229] отмечают, что подобные явления межъязыкового культурного взаимодействия естественны для языка, они имели место и раньше.

Так, на русской почве развились дополнительные значения у английских заимствований: *бостон* — шерстяная материя, *буфер* — лицо, смягчающее отношения двух других, *коктейль* — мешанина, смесь, путаница, неразбериха. На русской почве развились новые словосочетания с англицизмами, часто в связи с их детерминологизацией: *милитаристский айсберг, политический бумеранг, второй раунд переговоров, эскалация войны, бюджет гнева*. Некоторые устойчивые словосочетания возникли на русской почве и не имеют аналогов в английском языке: *объявить аврал, делать бизнес на чём-то, вагон и маленькая тележка, брать, давать интервью, висеть на телефоне, отфутболить кого-либо, выходить на старт*. Приспособление англицизма к новой языковой системе, как видим, сопровождалось разнообразными творческими усилиями носителей русского языка, их менталитет, как и особенности среды, накладывали свой отпечаток на указанные процессы. В свою очередь, вхождение англицизма порождало изменения и в самой лексической системе заимствующего языка: исчезновение соответствующих составных наименований: *компост* вместо *составное удобрение*, *пенальти* вместо *одинадцатиметровый удар*; изменение состава лексических группировок (*хобби* расширяет состав синонимического ряда с опорным словом *увлечение*); семантически разгружаются русские многозначные слова: слово *полоса* теряет значение «колесо-провод» в связи с заимствованием слова *рельс*; специализируются значения исконно русских слов: *бутсы* — *специальные ботинки для игры в футбол* или *ботинки на шипах*, *тест* — особый

вид проверки, испытания; исчезает или уходит в пассивный словарный запас слово или одно из его значений: *клоун* вместо *шут*, *гол* вместо *удар*, *бюджет* вместо *смета*, *контейнер* вместо *ящик*, *вместилище*; параллельные обозначения постепенно дифференцируются: *настольный теннис* чаще, чем *пинг-понг*, *вратарь* шире, чем *голкипер*, но *ринг* вытесняет *помост*, а *боксёр* словосочетание *кулачный боец*. Таким образом, дозированные заимствования последнего времени в целом соответствуют тенденциям развития лексической системы русского языка, а разного рода «переборы» касаются конкретных актов речевого употребления отдельных его носителей или малых социумов.

На начальном этапе заимствования иноязычные слова, еще слабо связанные с системой заимствующего языка, часто сохраняют неустойчивость в написании: *сэконд-хенд* и *секонд-хэнд*, *селенг* и *селинг*, *риэлтер* и *риэлтор*, *рэкетиш* и *рэкетёр*, *дистрибьютер(ор)* и *дистрибутор*, *кик-боксинг* и *кикбоксинг*, *офшорный* — *оффшорный* и *оф-шорный*, *плеер* — *плеер* и *плэйер*, *тинейджер* и *тинэйджер* и др.

В литературе отмечается продуктивность трех подгрупп заимствованной лексики: актуализированной, переориентированной и детерминологизированной. Лексика первой подгруппы связана с переходом слов с периферии языкового сознания большинства носителей языка в их активный словарь, часто с изменением семантики и увеличением частотности употребления слова: *альтернатива*, *плюрализм*, *консенсус*, *конфронтация*, *менеджер*, *сервис*, *электорат* и др.

Лексика второй подгруппы, первоначально использовавшаяся в описании иностранных, чаще всего западных реалий, распространилась и на обозначение меняющихся реалий, понятий русской жизни; многие из подобных слов утратили негативные коннотации и перешли в разряд стилистически ограниченных, книжных или нейтральных, общеупотребительных: *бизнес*, *масс-медиа*, *пицца*, *рейтинг*, *бестселлер*, *бизнесмен*, *офис*, *импичмент*, *рэкет*, *спикер*, *мэр*.

Среди детерминологизированных слов, то есть вышедших из сферы узкоспециального употребления, можно отметить ис-

конно спортивные термины: *аутсайдер*, *тайм-аут*, *нокаут* и др. С расширением сферы употребления связана и семантика таких слов, как *конверсия*, *презентация*, *генерация*, *тандем*, *популяция*, *гендер*, *катапультировать*, *микрофильмировать*, *коррумпиловать*, *медитация*, *реинкарнация*, *даосизм*, *гуру* и др. Нетрудно заметить, что непроходимых границ между этими подгруппами нет, и разделение их строится с учетом доминирующей черты входящих в них слов.

Заметное влияние на изменения в лексике современного русского языка оказывает процесс калькирования. Активно употребляются кальки с английского языка, повторяющие структуру и семантику иноязычных прототипов, вводящие в мир иных представлений, иной культурной традиции, расширяющие возможности осмысления уже известного. Ср.: *разыграть карту* (какую, чего) — выгодно использовать для себя обстоятельства внутренней политики какой-либо страны; *кухонный кабинет* — неофициальные советники президента США; *команда* — американская администрация, правительственная группировка; *черта бедности* и *уровень бедности* — нижняя граница прожиточного минимума; *двойной стандарт* — двойной критерий оценки (поведения, явления и т.п.); *пакет* — дипломатическое соглашение по нескольким вопросам, заключенное на основе взаимных уступок, комплексная сделка, комплект, комплекс; *присутствие* — иностранное вмешательство; *модель* — участница конкурса красоты, натурщица, манекенщица; *мышь* (в информатике); *новояз*.

Помимо заимствованных слов и калек, в кругу иноязычной лексики выделяются интернационализмы, созданные преимущественно на основе греческих и латинских корней и перенесенные на русскую почву: *президент*, *парламент*, *муниципалитет*, *этаназия*, *инвестор*, *стагнация*, *стагфляция*, *префект*, *де номинация*, *девальвация* и др. Многие из иноязычных слов так и остаются в ранге экзотизмов, выступающих сигналами чужой культуры, наименований вещей и понятий, свойственных природе и жизни других стран и народов: *дансинг*, *истеблишмент*, *сэр*, *сейшен*, *яппи*, *чуингам*, *вестерн*, *брейн-дрейн*, *паблисити*, *паб-*

лик рилейшнз, сакура, гинкго билоба, ланч, леди, уик-энд, хунта, джихад, хатха-йога. В современном словоупотреблении отмечаются и иноязычные вкрапления в виде слов и оборотов, передаваемых обычно графическими и фонетическими средствами языка-источника: *s'est la vie* (такова жизнь — фр.), *happi end* (счастливейший конец — англ.), *entre nous* (между нами — фр.), хотя возможна и транслитерация: «Ну, потом, конечно, строго антр — ну, поведаль в общих чертах твою одиссею. Фантастика, мон шер, просто фантастика!» (Ю. Слепухин. Не подводя итогов).

Относясь к проблемным зонам словоупотребления, заимствования требуют осмысления их причин и культурно-речевой оценки.

Основные причины заимствования раскрыл еще Л.В. Щерба [287], назвав среди них и те, которые объясняются требованиями когнитивной необходимости и коммуникативной целесообразности, а также те, которые связаны с социально-психологическими мотивами. Ср.: заимствование «очень облегчает ход мысли. Когда мы хотим передать свою мысль **самым точным образом**, мы часто бываем очень довольны, что можем употребить иностранное слово, которое точно соответствует тому, что мы хотим сказать... Если вы хотите избежать иностранного слова, вы часто должны вернуться вспять и перестроить всю мысль, а это **раздражает**. Вот почему язык наших газет кишит ненужными варваризмами, проистекающими **от спешки**, **от недостатка вкуса**, **филологического образования в настоящем смысле этого слова** и **усидчивости в работе**. Мы часто склонны вплетать в нашу речь иностранные слова и по другим мотивам: то слово кажется нам особенно **выразительным**, то **красивым**, то **лишённым неприятных ассоциаций** (например, для неприличных вещей) и т.д.» [287, с. 40]. Это высказывание 1925 года сохраняет свою актуальность и до наших дней, ибо о последствиях и причинах языкового взрыва автор знал не понаслышке. Действие этих причин мы наблюдаем и на современном этапе эволюции лексической системы. Так, одна из основных причин заимствования связана с необходимостью обозначения новых предметов и явлений, уже вошедших в нашу жизнь,

с отсутствием в русском языке требуемых общественно-речевой практикой эквивалентов (ср. заимствования типа *компьютер, картридж, пейджер, менеджер, бартер, допинг, дилер, джинсы, маркетинг* и мн. др.).

Другая причина заимствований кроется в потребности семантической и стилистической дифференциации номинаций одного и того же или близких понятий. Так, *имидж* — это не просто образ, а «впечатление, мнение о лице, коллективе, учреждении, вещи и т.п., создаваемое заинтересованными лицами; индивидуальный стиль, облик, характеризующий лицо, группу лиц, учреждение и т.п.» (Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения), а *фазенда* — не просто дача, а «Разг. шутол. и ирон. О загородном доме, даче / обычно о небольшом и неблагоустроенном доме в садоводстве». *Фанат* (жарг. заимств. из англ. — фан и фэн) — не просто поклонник, а страстный поклонник кого-, чего-л. (артиста, музыкальной группы, спортивной команды и т.п.) (там же). В связи с заимствованием большей дифференциации подверглась и парадигма слов, называющих лечебные заведения: так, хоспис — это не любая больница, а предназначенная для ухода за онкобольными в последней стадии заболевания. Разные смысловые оттенки и культурные коннотации несут члены лексической парадигмы «попечитель, благотворитель, филантроп, спонсор, меценат», называющие субъектов благотворительной деятельности, при этом всякий спонсор — благотворитель, но не всякий благотворитель — спонсор.

Еще одна причина, обусловленная законом экономии языковых средств, связана с предпочтением заимствованного слова исконному описательному обороту:

ваучер вместо *приватизационный чек*, *киллер* вместо *наёмный убийца*, *мотель* вместо *гостиница для автотуристов*, *клонировать* вместо *искусственно воспроизводить*, *конвертация* вместо *обмен денежных средств (по действующему валютному курсу) и ценных бумаг*, *мини-компьютер* вместо *миниатюрное электронное устройство*, *плеер* вместо *компактный магнито-*

фон с наушниками, триллер вместо фильм ужасов, хит вместо наиболее популярная эстрадная песня.

Сохраняют свою актуальность и такие мотивы заимствования, как авторитетность языка-источника, его доминирующее положение, и языковая мода, обаяние новизны, эффект современности, принадлежности к определенному сообществу, интригующее начало, связанное с загадочностью, «неокончателъностью» смысла чужого слова, дающего свободу ассоциациям.

Исследователи отмечают многочисленные и разнообразные речевые издержки, сопровождающие процесс заимствования. Так, Л.И. Скворцов в своей книге для учащихся [208] приводит пародийное стихотворение А. Пьянова «О, великий и могучий»: *«Коллоквиум штормило, Схватились дискуснтаны. Один сказал: — Маркетинг! Другой ответил: — Брифинг! А третий рявкнул: — Клиринг! И грохнул кулаком. Так в нашем регионе Достигнут был консенсус Посредством плюрализма, Хотя и эксклюзивно. Но что весьма престижно — Без спонсоров притом!»* [с. 92—93]. В числе погрешностей словоупотребления отмечаются несоответствие реалии и слова, их несоразмерность, незнание лексического значения иноязычного слова и связанные с этим нарушения в сочетаемости, несоблюдение функционально-речевых границ употребления слова и т.д. Ср., например:

«В лингвистическом ажиотаже мы часто доходим до казусов. Реклама зовет нас посетить открывшийся новый бутик, а мы в замешательстве размышляем: «Идти или не идти? Узнать бы, что это!» Оказывается «это» — то, что приходит на смену «шопам», с которыми мы уже смирились. А вот супермаркеты площадью этажа в сто квадратных метров весьма напоминают «Нью-Васюки»... В связи с недавним ограблением публичной библиотеки прошла, как объявило центральное телевидение, презентация... двери, которая якобы спасет от грабителей... Депутаты время от времени пытаются «выразить импичмент президенту / правительству», но в любом случае этого сделать нельзя, так как «импичмент — процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государ-

ства». Нельзя поднять и «рейтинг популярности», так как «рейтинг» и есть «уровень популярности» [195, с. 185].

Активность вторжения иноязычных слов в русский язык очевидна для всех, как и связанные с этим явлением приобретения и потери, однако оценка этих изменений в лексическом строе языка не отличается единообразием. Так, крайне негативное отношение к фактам заимствования выражает В.В. Колесов: для него это «экспансия культуры особого рода, культуры, организованной американской ментальностью и оформленной условно-английским языком» [105, с. 228]. Менее категоричными и более продуктивными, лишенными ксенофобии и отвечающими требованиям толерантности, терпимости, представляются взгляды тех исследователей, которые считают обогащение языка за счет иноязычных заимствований одним из признаков цивилизованного развития языка, способствующего межкультурной коммуникации в разных областях профессиональной и всякой иной деятельности [ср., например, 117]. Возражая против языкового пуризма, они ссылаются не только на экстралингвистические обстоятельства, о которых шла речь уже ранее, но и на опыт петровской эпохи, когда в русский язык вошло более трех тысяч слов из европейских языков, и второй половины XIX века, когда формировался наш, по выражению А.С. Пушкина, «метафизический язык», научная терминология; отмечают факт интернационализации общественно-политической и др. лексики.

Ранее говорилось о путях адаптации иноязычного слова к лексической системе русского языка (дифференциация значений парадигматически сближенных слов, преодоление дублетности путем семантической и функционально-стилистической специализации слова, развитие словообразовательных гнезд заимствованных слов средствами заимствующего языка, разграничение контекстов употребления исконного и заимствованного слова и т.д.). Интерес культурологического плана вызывают случаи преобразования смысла, приспособления иностранного слова к российской действительности, менталитету этноса,

особенностям массового сознания. Для последнего *дилер* — не член фондовой биржи и банк, занимающийся куплей-продажей ценных бумаг, валют, драгоценных металлов, а еще и просто мелкий торговец, перепродавец. Иные оттенки по сравнению с иноязычным прототипом обнаруживает и слово фермер: «Слово фермер на новом российском этапе обозначает не владельца фермы, а, в массовой интерпретации, жителя деревни, не являющегося членом колхоза, нередко новоприезжего, финансово в известной мере самостоятельного, получающего льготные кредиты и проч. И, даже согласно официальным речениям, вроде бы фермер не крестьянин, ср. один из оборотов «крестьянские и фермерские хозяйства»... бизнес в российской интерпретации — это коммерческая деятельность, негосударственная торговля, причем порой замешанная или сопредельная с криминалом» [279, с. 41].

От случаев ошибочного употребления иноязычной лексики, создающих коммуникативные неудачи и не учитывающих особенности этнической ментальности, следует отграничивать целенаправленное, коммуникативно целесообразное и эстетически оправданное введение подобных слов в лексическую структуру текстов разной жанрово-стилевой принадлежности: научных, официально-деловых, публицистических, художественных и даже разговорных, причем мотивы обращения к этой лексике прозрачны и в комментариях чаще всего не нуждаются. Приведем несколько примеров ее текстового использования. В первом из них наблюдается несовпадение культурных представлений о слове в разных типах культуры, а во втором использование иноязычного слова вписывается в общую психологическую характеристику персонажа, описываемого автором, — Исайи Берлина:

*«Я заговорил об **истеблишменте** — так, как его понимают у нас, то есть как часть общества и в этой цельности почти безличную, через которую общество устанавливает свои критерии и ценности, принимает и отвергает и тем самым диктует поведение. Я сказал: «Вам не кажется, что Бродского как фигуру, сделавшую независимость главным принципом сво-*

ей жизни, **истеблишмент** включил в допускаемое число **анфан-терриблей** и в таком качестве переварил и усвоил? Для Исаяи это понятие отнюдь не было единым и однородным: «Какой **истеблишмент**? Не в Англии. — Ну американский. **Истеблишмент** как таковой. Он не понимал, каков он как таковой, потому что такого не было. Американский — был» (Анатолий Найман. Сэр).

Ср. там же:

«— Я считаю, что не заслужил ни «сэра», ни это. Не понимаю, почему это мне дали... С «сэром» — только потому, что я Макмиллану лично понравился. С его подачи». Он не вполне уверенно воспользовался этим только что вошедшим в моду неологизмом, сказал сперва «с его **подачки**» (выделено автором. — Н.С.), то есть не смутился отозваться о себе уничижительно».

Игровой момент в употреблении иноязычного вкрапления отмечается в другом тексте:

«Мальчик придумал нарисовать **en face** лицо воробья. Это же надо. **En face** у воробья практически нет. Но мальчик сжигал крошечное чучело в мастерской учителя и рисовал клюв... мёртвые глазки сбегались вместе, и между ними не оставалось **перемычки**» (Г. Щербакова. Мальчик и девочка).

Сознавая ограниченность сферы употребления иноязычной специальной лексики, но преследуя цель расширить круг знаний адресата и заинтересовать его, представить среду в словах, ей присущих, автор иногда использует специальные параграфические средства выделения этих номинаций, в частности, полужирный курсив, как, например, в следующем тексте:

«Я устроился на **юте**, значит, сзади катера и держусь за **мер**, то есть трос, заменяющий перила на судне. Ко мне ближе **штирборт** — правый борт. Следовательно, напротив, **бак-борт**, левый борт. А там, где морячок крепит багор, которым отталкиваются от причальной стенки, там — **бак**, перед нашей посудыны... Огни на кораблях и на берегу без ореолов, яркие.

С «сотки» семафорят. Ей отвечают у **бон**» (Г. Новожилов. Другие жизни).

Для ориентации адресата в ментальном пространстве автора последний прибегает к пояснению, семантизации специальных и прежде всего иноязычных слов, их «переводу» на общепринятый способ выражения. Иные коммуникативные стратегии при введении в текст иноязычной лексики движут автором — врачом по специальности, когда в дневниковых записях он рисует тип полуобразованной языковой личности, претендующей на признание своей осведомленности о специальном круге понятий и способе их языкового выражения. Такая амбициозная личность выступает в следующем ее монологе, нарушающем коммуникативные права действительного специалиста-медика:

*«Как человек, сведущий в медицине, ненавижу я мочевую кислоту, от которой организму получается зло сверхъестественного масштаба. Ну, это между прочим, а главное, с чем я к вам обратился, — это боли у меня в правом подреберье, те самые, которые бывают при воспалениях печени, так называемых **циррозах**, при некоторых душевных и нервных состояниях. Между прочим, нет ли у меня **миокардита** и **эндокардита** как **происходящих от греческого языка**. Не принимать ли мне йод, который содержится в большом количестве в морских водорослях? Или, может быть, лучше **белладонну** в небольших, конечно, **дозах**, как советуют лучшие медицинские **авторитеты**? Впрочем, в этом вопросе я всецело буду согласен с вашим мнением как авторитетного **диагноста** и **прогноста**, тоже **слова природы греческой**...» (Константин Ливанов. Без бога. Записки доктора (1926—1929)).*

Ампула стихийного лингвиста, которое принимает на себя субъект речи, оказывается для него как пациента абсолютно неуместным и ведет к коммуникативным неудачам, к нарушению принципа коммуникативного сотрудничества.

Ориентирами в отношении к современным языковым процессам и, в частности, к процессу заимствования как одному

из направлений развития системы современного литературного языка, могут для нас служить следующие высказывания А.С. Пушкина, стоявшего у истоков этого языка: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка»; «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении какого-либо слова, какого-либо выражения, а в чувстве соразмерности, сообразности»; «Русский язык переимчив и общежителен». Эти изречения и должны стать ядром в выработке культурно-речевых рекомендаций, в проведении языковой политики. Их справедливость подтверждается положениями новой междисциплинарной науки о сложных нелинейных саморазвивающихся системах и их эволюции — синергетики. Поэтому любые пуристические требования и запреты по поводу использования новации в каждом конкретном случае бесперспективны и обречены на неудачу. Можно говорить лишь об общих тенденциях такого словоупотребления и отмечать безусловные ошибки, не выдерживающие критики, обнаруживающие низкий уровень культурно-языковой компетенции говорящего, несформированный языковой вкус.

До сих пор речь шла о таком активном процессе в русской лексике, как внешние заимствования. Однако пополнение словаря современного русского языка идет и за счет **внутренних заимствований, или вхождений**.

Их присутствие в системе литературного языка также обусловлено разнообразными причинами и связано в значительной мере с действием социальных факторов как в истории языка, так и в его современном состоянии, характеризуемом лексическим взрывом или, если выразиться языком синергетики, междисциплинарной науки об эволюции сложных нелинейных, саморазвивающихся систем, нахождением системы в точке бифуркации, как бы в раздумье перед выбором дальнейших путей своего развития. Социальное расслоение языка определяется полнотой охвата его носителей и разнообразием функций, с которыми связаны потребности того или иного социума.

Помимо подсистемы литературного языка, современный русский национальный язык включает в себя подсистемы тер-

риториальных диалектов, городского просторечия, профессиональные и социально-групповые жаргоны, и между этими подсистемами нет непроходимых границ, наблюдается постоянное взаимодействие между литературным и общенародным языком, из которого первый черпает новые ресурсы для обеспечения номинативных, когнитивных, коммуникативных и иных потребностей. Так, многочисленные **просторечные номинации** широко входят в состав разговорной лексики современного литературного языка, с одной стороны, обеспечивая потребности в его демократизации, в средствах непринужденного, неформального общения, экспрессивности и эмоциональной разрядки говорящих, а с другой — создавая феномен «люмпенизации» языка. Примерами такой сниженной лексики в литературном языке могут служить слова: *балдеть (проводить время праздно), вкалывать, пахать (напряженно работать), отстёгивать (отдавать в качестве взятки), мандраж, зачуханный, выпендрёж, дурдом, туфта, тягомотина, ханыга, не светит* и др. В разные сферы литературного языка, включая публицистику, публичные выступления и, конечно, разговорную речь, входит **жаргонная** по происхождению **лексика** и прежде всего лексика тюремно-лагерно-блатного жаргона и как протестная по отношению к новому тоталитарного государства, превратившего страну в сплошной лагерь, зону, и как проявление языковых пристрастий криминальных структур, всего процесса криминализации общества. И, как это ни парадоксально, язык законопослушных граждан часто мало чем отличается от языка уголовников и работников правоохранительных органов.

Взаимопроницаемость различных подсистем языка показал М.А. Грачев, рассматривая функционирование арготизмов в этих подсистемах [67, 68]. Так, в языке получают распространение номинации из общеуголовного арга: *грохнуть (убить), облапошить (обмануть), отоварить (ударить), вешать лапшу на уши (обманывать), тыква (голова), бормотуха (дешевое красное вино)*; из тюремного арга: *вертухай — надзиратель, баланда — тюремная похлебка*; из специального арга: *сесть на иглу (стать наркоманом), анаша (гашиш), шестерка (о малозначительном челове-*

ке). В свою очередь аргю использует номинации из литературного языка: *арбуз (голова)*, *скрипка (пила для перепиливания решетки)*, из просторечия: *барахольщик (скупщик краденого)*; из территориальных диалектов (*бобочка — рубашка*); из других социальных диалектов: *литерка (лейтенант внутренних войск)* (от солдатского жаргонизма *литер-лейтенант*), *керосин (спиртное)* (в языке офеней *коро — брага*). Отмечается широкое использование в аргю продуктивных словообразовательных моделей и особенно лексико-семантического способа образования: *баранки (наручники)*, *колокол (брюки-галифе)*, *валет (солдат)*, *мусор (представитель правоохранительных органов)*, *выдра (отмычка)*, *баран (взятка)*, *собачка (замок)*, *фомка (ломик)*. Особую активность в современном словоупотреблении обнаруживает лексика молодежного жаргона, отражая потребности наиболее мобильной в языковом отношении и чувствительной к языковым изменениям части общества, нуждающейся в средствах самоидентификации, обозначения круга «своих», в следовании языковой моде, отличающейся максимализмом в оценках и повышенным градусом экспрессии. В отличие от аргю, здесь важен не столько момент тайнописи, функция пароля, сколько указание на определенную возрастную общность людей, общность интересов, привычек, занятий, социального положения. Ряд этих признаков сближает молодежный жаргон с профессиональным жаргоном. Среди способов пополнения молодежного жаргона отмечаются преимущественно те, которые характеризуют и современный литературный язык в целом: иноязычные заимствования (*бундеса, бундесовый и кинд — из нем., герла, пэренты, дринок — спиртные напитки, кантри — дача, креза, крезанутый — ненормальный, спич (разговор), спичить, спикать*); аффиксация (*оттяг, приколоться, прикольный, прикольно*); метафорика (*киски — очки, струна — игла от шприца, колесо — таблетка, мочалка — девушка, гасить — бить, улетать — испытывать восторг*); заимствование блатных арготизмов (*беспредел — полная свобода, разгул; ксива — документы; клёво — хорошо, мочить — бить, убивать*); развитие полисемии (*кинуть — украсть, взять и не отдавать, смошенничать при совершении сделки и обмануть*); антоно-

масия (*машка, наташка — девушка; катюша, маруша — наркотики*); синонимическая или антонимическая деривация (*сесть на иглу, подсесть на иглу — слезть с иглы, соскочить с иглы, прыгнуть с иглы*); усечение корней (*юг — югослав, транк — транквилизатор*); сложение корней (*кайфолом, чикфайер — зажигалка*); универбация, стяжение (*академка, автомат*); аббревиация (*чмо, зоя* (от: *змея особо ядовитая*) — *зюка*) и некот. другие [см. 30].

При рассмотрении семантических процессов в русском молодежном жаргоне отмечаются и такие явления, как пополнение за счет арготизмов (*мент — милиционер, шмон — обыск, бабки — деньги, кусок, штука — 1000 рублей*); перемещение гипонимов, относящихся к одному гиперониму (*трамвай — троллейбус, валенки — сапоги, калоши — туфли, пузырьёк, флакон — бутылка, кабак — ресторан, чех — чеченец, ингуш, армяшка — кавказец, чукча — азиат*); выдвигание гипонима на роль гиперонима (*тюбетейка — любая шапка, собака — животное вообще*); семантическая деривация (*тёлка — девушка, кони — родители, козёл — крайне уничижительное название мужчины, крот — карманник, ворующий в метро, витамины — сигареты, стюардесса — кондукторша в городском транспорте, маэстро — учитель пения*); повторная реализация словообразовательной модели: *кассир — обворовывающий кассы, курятник — место для курения*; использование собственных имен в качестве нарицательных (*Отелло, Гамлет, Кармен, Клеопатра, Додик — слабый мужчина, Степан — работага, Борис Фёдорович — клей БФ, Люлик, Стасик, Эдик — таракан, Колыма — заключенный*) и др. [75].

Жаргонизмы как стилистическое средство литературного языка формируются часто, проходя через ступень интержаргона и попадая в широкое употребление: *верняк, прокол, наркота, тусовка, беспредел, липа*. В нормативных словарях они отмечаются специальной пометой «жарг.», особенно широко используемой в неологических изданиях и толковых словарях последнего времени (ср. группу обозначений денег: *кусок, штука (тысяча), лимон (миллион), зеленые (доллары), капуста (деньги)*).

Текстовые функции жаргонизмов описаны Н.Н. Беликовой [27].

Еще одна сфера, откуда литературный язык и его лексика прежде всего черпают свои ресурсы, — **диалектная и наддиалектная, региональная сфера** общенародного языка. Посредником в контакте диалектной и литературной форм языка выступает художественная речь (прежде всего произведения писателей-деревенщиков) и различные жанры газетно-публицистической речи. Не случайно А.И. Солженицын говорит о необходимости словаря языкового расширения.

Ср., например, использование диалектной лексики в текстах Ф. Абрамова:

«...каменка — очаг в левом углу от входа, занимавшая добрую треть помещения, над ней в стене дымник — небольшой проруб для выхода дыма... огромным роем трудились неповоротливые, первый раз вылетевшие из дупла дикие пчёлы, или по-местному медуницы... Кругом сузем — дремучий ельник» (Пряслины);

у В. Астафьева:

«Я отыскиваю взглядом нашу заимку... Каждая заимка — это повторение того двора, того дома, который содержит хозяин в селе... появились на зимнике — ледовой енисейской дороге — мужики и бабы с котомками» (Последний поклон);

в неологических изданиях:

выстебать (высечь, выхлестать), *жалковать* (жалеть о чём-либо), *захмариться* (покрыться хмарью), *подчепуриться* (придать себе более нарядный, красивый вид) и др. Для современного периода истории русского языка отмечается широкое вхождение из народных говоров специальной лексики; производственно-профессиональных слов, этнографизмов, «географизмов», «зоологизмов» и т.п.: *балок... буетрак, высев, выпас, ... зимник, кошара, лог, падь, стерня, увал* и т.д. [22, с. 102]. При этом факт использования диалектного слова в художественной литературе сам по себе автоматически не обуславливает вхождения его в литературный язык, ибо многие из подобных слов так и остались диалектными

(*сиверко, куток, ... помститься, глянутья, казан, веред, векша, ... галиться, ... зазимок, клуня, туесок, дроля, летось, пожня* и мн. др.) в то время, как другие, мало характерные для писательской практики, оказались освоенными языком: *буханка, вобла, безотцовщина, сухостой, малёк, ядрица, пыжьян* и др. Большая часть диалектной лексики «на общеязыковой почве проходит просторечно-разговорные ступени стилистической лестницы, даже если в конечном итоге некоторые из ее единиц полностью нейтрализуются (ср. историю таких, например, слов, как *выжарки, дотошный, кошёлка, ломака, мельтешить, продешевить, сухомятка...* и т.д., пришедшие в XIX—XX вв. из диалектов)» [там же, с. 105].

Иногда включение диалектизмов в художественный текст рассматривается как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка: «Включение диалектных фрагментов в художественный текст возможно только потому, что это допускает современная литературная норма, и в этом можно видеть элементы влияния диалектной формы языка на литературную... Терпимость к диалектизмам стала особенностью современного русского литературного языка в тех жанрах, которые связаны с описанием реалий сельской жизни» [89, с. 42]. Таким образом, и диалектные вхождения согласуются с общей тенденцией к демократизации языка, свойственной современному его состоянию.

Внутренние заимствования связаны и **со сферой профессиональной речи, терминологического словоупотребления**: *заякорить, капитанить* (из речи моряков), *заюзить, разбортовать* (из речи шофёров), *выбежать* (улучшить время спортивного бега — из спортивной сферы), *зависнуть* (залежаться, не имея сбыта, — из торговой сферы), *заредактировать* (подвергнуть чрезмерной редакторской правке — из издательской сферы), *биоритм, биополе, фитотерапия, сыроедение, босохождение* и т.д. Из сферы богословия, религиозной терминологии пришли номинации *богочеловечество, вочеловечивание, священномученик* и др.

Перегруппировка пластов активного и пассивного словаря

Активные процессы в современной русской лексике дают себя почувствовать не только в таких способах пополнения словаря, как образования по продуктивным словообразовательным моделям, моделям внутрисловной деривации (включая активные метафорические модели в их когнитивном истолковании), внешние и внутренние заимствования, но и в **перегруппировке пластов активного и пассивного словарного запаса**. Пассивизация охватывает прежде всего группу советизмов, обслуживавших потребности советского общества, его идеологию и политику, входивших в ядро коммунистического новояза: *партком, райком, райсовет, горсовет, ударник, стахановец, соцсоревнование, колхоз, совхоз, трудодни, герой труда, агитбригада, социализм, КПСС, СССР, комсомолец, пионер* и мн. др. Устаревает и военная метафорическая модель как проявление милитаризованного сознания, культя классово-борьбы: *ударные бригады, командиры производства, армия просвещенцев, атаки империализма, форпост мира, лагерь социализма, штурм знаний, битва за урожай* и др.

Возвращаются в активное употребление из пассивного словаря прежде всего многие номинации дореволюционной эпохи, связанные со сферой культуры, образования, науки: *милосердие, благотворительность, меценат, воскресная школа, гувернёр, лицей, гимназия, бакалавр, магистр*; со сферой экономики: *предприниматель, биржа, торги, червонец, компаньон, работодатель, учредитель, акция, аренда, аукцион, контракт, безработица, частная собственность* и др.; со сферой социально-административного деления и устройства: *волость, губерния, градоначальник, губернатор, земство, пристав, дамы и господа, атаман, казачество, казачий круг, дворянское собрание, ночлежка* и др. Возвращаются и первоначальные имена собственные: *Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Тверь, Самара, Царское Село, Государственная дума, Андреевский флаг* и др. Особенно активизировалась конфессиональная лексика в связи с необходимостью заполнения образовавшегося идеологического ва-

куума и возвращения к духовным истокам этноса: *покаяние, пророчество, богослужение, Троица, Пасха, Крещение, Рождество, патриарх, митрополит, священнослужитель, паства, приход, мечеть, муфтий, буддист, гуру* и мн. др. Кризисное сознание обнаружило себя и в активизации номинаций паранормальных явлений и астрологических понятий: *магия (белая и черная), гадалка, ясновидящая, ворожея, приворот, порча, сглаз, колдун, гороскоп, астролог, астральный, астрологический прогноз, знаки зодиака* и др.

Отмеченные изменения часто сопровождаются сменой идеологических, социально-оценочных коннотаций вплоть до изменения знака оценки на противоположный: *советский* — ср. новообразование *совок, совковый*; *аристократ, предприниматель, вера, храм; аппаратчик, система, номенклатура, невозвращенец, диссидент, отказник, лагерник, невыездной* — или нейтрализацией оценочного компонента, особенно идеологического, ранее маркировавшего реалии зарубежной и вообще «не нашей» жизни: *фирма, казино, крупье, бизнес, биржа, детектив, ангел, дух, всепрощенец, менеджер, маркетинг, спонсор* и мн. др.

Сохранение общеязыковых тенденций в развитии лексики

Несмотря на кажущуюся беспорядочность протекающих в современной русской лексике процессов, их хаотичность, она ведет себя по законам эволюции сложных нелинейных самоорганизующихся систем, стремящихся к новому уровню самоорганизации. В ней действуют не только внеязыковые, но и внутриязыковые закономерности, обеспечивающие потребности как говорящего, так и слушающего, и обуславливающие саморазвитие системы. С информативной функцией языка связаны потребности говорящего в экономии языковых средств, в краткости и обобщенности номинаций, в увеличении «кода» в его антинимии «тексту» [16, 54]. Ранее приводились примеры иноязычных заимствований — слов для обозначения понятий, имеющих в русском

языке лишь описательный способ выражения. Примером увеличения «кода» служит также создание обобщенных номинаций (*видеотехника, оргтехника, параметр* в значении «некоторая величина, некоторый показатель», *перестройка, постмодернизм* в значении «общее название направлений в искусстве и литературе, пришедших на смену модернизму в 60—80-е гг. XX в.; постмодерн», *новостной* в значении «содержащий информацию о новостях (о телепередаче)»). Оно способствует рационализации, интеллектуализации общения в эпоху НТР, осуществлению регулятивной функции языка. Потребности слушающего в точном восприятии информации обеспечиваются тенденцией к языковой избыточности, дифференциации значений слов, обращенных к общей идее. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные наименования с общей частью «рок-», «шоу-», «видео-», «нарко-», «эко-», «порно-», «био-» и мн. др.

Наряду с тенденцией к регулярности и автоматизму, связанной с информативной функцией языка, в нем действует и тенденция к экспрессивности, нарушению автоматизма восприятия, связанная с эмотивной функцией языка. Отсюда — обилие номинаций в сфере профессионального просторечия наряду с точными терминологическими обозначениями: *флюорограмма* и *флюшка*, *синхрофазотрон* и *кастрюля*, *члены преступной группировки* и *братаны*, *не имеющее судебной перспективы дело* и *висяк*, *глухарь*, *полтергейст* и *барабашка* и т.д. Потребность в экспрессивных обозначениях обеспечивается такими новообразованиями, как:

алканавт — *алконавт* («Разг. Шутл. Алкоголик»), *аутсайдер* («Перен. Публ. О ком, чём-л., не выдерживающем конкуренции, остающемся последним»), *бабки* («Жарг. Деньги»), *беспредел* («Разг. Отсутствие каких-л. норм, правил, законов в общественной, политической, экономической и т.п. жизни, во взаимоотношениях между людьми»), *бомжатник* («Разг. Пристанище бомжей»), *бугор* («Жарг. О начальнике»), *дурь* («Жарг. = дурман»), *крутой* («Разг. 1. Производящий сильное впечатление; неординарный. 2. Проявляющий особую жесткость в своих действиях, поведении; демонстрирующий свою физическую силу или большое влияние»), *мав-*

родики («Разг. Шутл. Ценные бумаги акционерного общества МММ»), *нал* («Разг. Наличные деньги; противоп. безнал»), *обвал* («Перен. Публ. Резкое и быстрое ухудшение положения с чем-л., углубление кризиса (обычно в угрожающих масштабах)»), *прихватизация* («Шутл. Ирон. О приватизации как средстве обогащения тех, кто ее проводит, осуществляет»), *раскрутка* («Перен. Разг. Система мероприятий, имеющих целью широко рекламировать, популяризировать (обычно эстрадный номер, альбом или исполнителя)»), *тащиться* («Жарг. Испытывать восторг, восхищение, наслаждение; торчать»), *трудоголик* («Разг. Шутл. Очень трудолюбивый человек, у которого любовь к труду становится почти манией»), *тусовка* («Разг. 1. Любое неформальное общение. 2. Группа людей, связанных общими интересами, компания; неформальная группировка. 3. Обычно Ирон. Собрание (преимущественно по политическим, профессиональным и другим интересам), митинг»), *хрущоба* («Разг. = Хрущёвка»), *шмон* (Жарг. Обыск), *шмонать* («Лаг. Жарг. Производить обыск») (толкования приводятся по Толковому словарю русского языка XX века. Языковые изменения).

Л.В. Щерба в свое время указывал, что все изменения в языке куются в кузнице разговорной речи, и это было справедливо. Однако на современном этапе эволюции лексической системы проводником таких изменений становятся прежде всего средства массовой информации, а через их посредничество и все стилевые разновидности языка, а также художественная речь. Обратимся к некоторым примерам, фиксирующим проявления лексического взрыва в разнотильных текстах: в газете «Аргументы и факты» в рубрике «Криминал» опубликован диалог с *разводчиком* (от «разводить на деньги»), включающий лексику участников преступных группировок:

«Недавно был случай. Перетирали с одним человеком, наезжали на него потихоньку... Мы, может быть, и есть пацаны, или, говоря юридическим языком, члены преступной группировки. Но так нас можно называть, если ты сам пацан. Братаны — то же самое... Если у человека базар не поставлен (заголовку

«Язык мой — враг мой. Или друг» предшествует пародийное замечание корреспондента: «**Фильтрация базара** — дело серьёзное». — Н.С.) ...то он обязательно допустит ошибку... (в ситуации столкновения с бандитской иномаркой. — Н.С.) «ни в коем случае не угрожать, **не расставлять пальцы** — у меня, мол, полмилиции знакомых... Если всё-таки впилился, в любом случае придётся что-то **отстегнуть**... В Москве дело было. Бандиты **забили стрелку** другим бандитам» и т.д. Ср. в той же газете: «**Интернет** — западня для человечества? — Что это за наука — **синергетика**? О ней мало кто знает. — Это наука, изучающая самоорганизующиеся системы, то есть системы, способные выбирать свое будущее. К ним относятся и человек, и общество, и Земля, и Вселенная, и конечно Интернет... **Синергонет**: друг или враг?» (АиФ, 2002, № 22). Ср. в художественных текстах: «**Благодать** — это расширение духовного зрения. Мы стали ходить к **исповеди, причащаться**. Раньше я никому не могла помочь, а теперь хотя бы **молюсь** за всех родных и друзей... **Господи**, благодарю Тебя горячо за то, что привел меня к **вере**... Да я и сама, из **Евангелия**, получила ответы на вопросы, которые уже казались без ответа **НА-ВЕК**» (Н. Горланова. Нельзя. Можно. Нельзя); «Он (староста. — Н.С.) был большой любитель истории и подозревался в **стукачестве**, за что ему дали **подпольную кличку Науходоносер**» (Ф. Искандер. Гнилая интеллигенция и аферизмы); «**Поначалу** вы вменили мне... или как это называется **впяли** двести восемьдесят третью... Хорошо, хорошо. Готов содействовать... Или как у вас правильно — **сотрудничать**» (Р. Солнцев. Полураспад). Популярны телевизионные программы также активно используют продуктивные метафорические модели: «Газета не содержит сиюминутных новостей, поэтому в течение месяца она фактически **не стареет**» (Пресс-клуб), «Я тоже участник **группы риска**, я тоже вложила деньги в банк» (там же), «Это невозможно руководить здравоохранением, это **сумасшествие**» (Человек недели), «**Правительству** негоже **вытирать ноги** о собственное решение» (там же), «Те, кто пытаются **делать ставку** на образование, они делают правильный

выбор» (РЭП), «Мы могли бы эту версию как фальшивую просто в корзину выбросить» (Пресс-Экспресс), «Сейчас идёт цивилизованный бракоразводный процесс между газетами» (там же).

Лексические и семантические новации, активные процессы в словоупотреблении имеют не только текстовую форму своего обнаружения, но и реализуются в ассоциативно-вербальной сети и разного рода лексикографических изданиях, прежде всего неологических. Рассмотрим подробнее эти два способа представления особенностей языкового сознания современника.

Лексические новации в ассоциативно-вербальной сети и неологических словарях

Новая лексика, представленная в АВС, отражает языковые предпочтения современников, разные уровни структуры языковой личности.

Сопоставление заглавных слов «Словаря новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов)» и аналогичных лексем в РАС позволило отметить активные процессы в русской лексике за счет привлечения непосредственных, спонтанных реакций на слово, а также раздвинуть хронологические рамки наблюдения, отметить глубинные тенденции лексических процессов в переломные моменты жизни общества.

В кругу абсолютно достоверных, безусловных (по признаку новизны) реакций отмечена конкуренция связей по формальным и содержательным признакам слов. Автоматизм связей, высокая частотность и степень совместной встречаемости обнаруживают коммуникативную готовность слова в условиях хранения в АВС. Указанный тип реакций охватывает культурные концепты, понятийные сферы, отражающие новые знания о мире и требующие новых номинаций (научно-производственная, техническая, деловая, экономическая, культурная и др. сферы). Отражая существенные концепты когнитивной систе-

мы носителя языка, слово-стимул выступает темой потенциального текста, имплицированного ассоциативным полем неологизма (см. примеры со словом *канал*, *машина*, *группа* и др., приведенные выше).

Социально-групповая ограниченность состава испытуемых (усредненная языковая личность современной молодежи, студенчества) обусловила несоответствие в ряде случаев реакций тем новым значениям, которые отмечены СНС (*голубой — патруль*, *огонек*, *топливо*, *спектакль* и др.), ориентированным на языковую личность этноса в целом (в РАС актуально значение, связанное с представлением о сексуальных меньшинствах). В реакциях отражены активно идущие процессы в современной русской лексике (внешние и внутренние заимствования, конкуренция «своего» и «чужого», старого и нового, ломка стандартов словоупотребления, лексический взрыв, перемещение пластов активного и пассивного словаря, преодоление разрыва дискурса власти и дискурса личности и др.).

Среди относительно достоверных (по признаку новизны), проблематичных реакций многие также отражают языковое сознание переходной эпохи постсталинизма, оттепели, застоя, перестройки, постперестройки, затрудняя квалификацию лексических явлений, особенно в случаях конкуренции реакций. Проблематичность создается терминологичностью прототипического для неологизма значения, продуктивностью некоторых словообразовательных моделей (десубстантивации и др.), наличием фразеологических единиц, определенных метафорических моделей. Одни из проблематичных ассоциаций квалифицируются как сильновероятностные, другие — как слабовероятностные, но могущие при пошаговом семантическом анализе выводить на новую лексику: ср. в РАС, с одной стороны, *капля — корвалол* (связи на первом семантическом шаге) и *капля — сволочь*, с другой стороны, видимо, в индивидуальном осмыслении или в языковой игре на втором семантическом шаге: *капля — капать* «сообщать что-л. компрометирующее, наговаривать на кого-л.; ябедничать, доносить (в просторечии)» (СНС) — *сволочь* (о том, кто доносит, капает).

К числу проблематичных относятся многие реакции на слово-стимул с помощью компонентов нового фразеологизма. Так, сильновероятностные, хотя и низкочастотные реакции связаны с ФЕ *давать в лапу (на лапу)*: *давать — лапа, лапу, совать*. Сходный ассоциативный ряд представлен и у видового коррелята *дать*: *взятка, в лапу, на лапу*. Высокочастотна ассоциация компонентом фразеологизма на слово *добрый — дядя* (52 при максимуме 72). В данном ассоциативном поле отсутствуют новообразования, отражающие дискурс власти (*люди д. воли, бюро д. услуг*), но представлена лексика, активизировавшаяся в последние десятилетия и отражающая эволюцию в ментальной, этической, эмоциональной сфере современной языковой личности: *меценат, милосердие, Бог, священник, религия*.

Предельно информативны в отражении переходного периода в жизни и языковом сознании носителей языка те способы метафоризации, метафорические модели, которые просматриваются в ассоциативном поле слова-стимула. Ранее уже отмечались модели, связанные с концептами война, религия, медицина, транспорт, техника и др. Проблематичны, например, реакции, связанные с новыми экспрессивными фразеологическими оборотами, развившимися на базе расчлененных глагольно-именных сочетаний. В основе их образования лежит продуктивная метафорическая модель (спортивная, игровая, космическая, военная). В РАС:

выйти — из игры, на орбиту, на рубеж. Для видового коррелята *выходить* также отмечен ассоциат «*из игры*». Ср. в СНС: «*В. из игры. Перестать участвовать в чём-л., прекратить какую-л. деятельность, устраниваться*»; «*В. на орбиту. Успешно начать путь к достижению чего-л., оказаться в сфере внимания многих (газ.-публ.)*»; «*В. на рубеж(и) какие, чего. Достичь определенных результатов в какой-л. деятельности*».

Прилагательное *быстрый* дает реакцию *взрывной*, в своих истоках связанную с военной сферой. В значении этого семантического деривата сема быстроты, скорости выступает и в ранге актуальной, и в ранге потенциальной. Ср. в СНС:

«1. Способный внезапно, резко переходить от спокойного состояния к активным, энергичным действиям, реактивный (о человеке) (переносно). Канадцы оставили в команде быстрых, в. игроков, избавились от медлительных...); в. темперамент. 2. Проявляющийся, возникающий внезапно и с большой интенсивностью (переносно); то же, что взрывчатый... в. работа ума... В. прыжок. В. действия. В. атака. 3. Вызывающий потрясения, ломку, чреватый ими (переносно)... в. проблемы».

С военной метафорой успешно конкурирует бытовая, связанная с реабилитацией частной жизни.

Ср. квадрат — жилищной площади, квартира, паркета и прочёсываемый. В СНС квадрат определяется как «квадратный метр жилой площади (в разг. речи)». Или: коридор — власти, крупный — навар («дополнительная прибыль, прибавка, выгода» (переносно, в разг. речи)), колесо — героин (о таблетках наркотика) при достаточно частотной ассоциации пятое, морда — кирпич, тыква, шайба, тарелка.

Однако и политическая, идеологическая, связанная с газетно-публицистическими формулами, также присутствует в сознании:

книжка — кирпич («3. О толстой и тяжелой книге большого формата (в разг. речи)», но и маяк, живой — серебро (о рыбе), мост — дружбы, доверия, душевный, к сердцу.

Столь причудливая мозаика ассоциативных полей, вполне объяснимая реалиями современности и общеязыковыми закономерностями, тем не менее не разрушает ядра лексикона языковой личности (усредненной, коллективной), что позволяет с надеждой и оптимизмом думать о судьбах русского языка.

«Проблемные» точки ментального пространства носителей языка раскрывает и их обращение к аномальным явлениям, что фиксируется, например, СНСЗ-80.

Это касается не только «болевых» точек, но и тех аттракторов, целей, на которые может выйти сложная неравновесная саморазвивающаяся система на пути к новому своему состоянию,

преодолевая разрушительное действие флуктуирующего хаоса в разных сферах бытия. Реабилитация роли случайности в синергетике призвана подчеркнуть не только негативные, но и позитивные, творческие потенции хаоса, одним из проявлений которого и выступает аномалия.

Проблематика когнитивной лингвистики, обращенной к языковой способности человека, способам возникновения, обработки, хранения, извлечения и передачи знания, понимаемого как опыт, носителями языка, обострила интерес не только к рациональному, но и внерациональному (религия, вера), и иррациональному в сфере человеческого сознания (мистика, бессознательное, интуиция, сны, ритуалы, обряды, приметы).

Аномалии отмечаются языковым сознанием современника в **религиозно-культурной сфере**, в сфере **трансцендентального, эзотерического, космического**:

атеизация (насильственная в противоположность норме, связанной с общехристианскими ценностями. — Н.С.), омульманивание, исламизация, религиозно-экстремистский, религиозно-пропагандистский, фундаментализм, фундаменталист, фундаменталистский, сикхизм, сикхистский, иудаист, йогизм, мунисты, мантра, медитировать, нумерология, лозоискательство, лозоходство, неомистицизм, инфернальность, нечеловекоподобный, инопланетность, инопланетянка, инопланетянский, надчеловеческий, надприродный, неопознанный (летающий объект), уфолог, уфология, непрогнозируемый, непрограммируемый, непруха (в просторечии), экстрасенс, экстрасенсорный, хатха-йога, палеоконтакт, полтергейст, сновиденческий, психоделия, на автопилоте, аура, запредельность, судьбоопределяющий, дьяволиада, мокеле-мбембе (крупное реликтовое животное, якобы обитающее в озере Теле (Конго)).

Детальную лексическую проработку обнаруживает в языковой картине мира современника **экологическая сфера** с ее аномалиями, стихийными и техногенными бедствиями, чрезвычайными ситуациями, многие из которых получили название патовых. Словарь дает целое гнездо слов с корневой морфемой

эко-, создающих представление об экологической норме и патологии, часто выступающее в элементах толкования лексических значений:

экологизация, экологизировать («...средствами, устраняющими вредное воздействие на окружающую среду»), экологист («специально... проблемам охраны окружающей среды»), экологический («фильм... о природе, ее защите и сохранении»), экологично («без вреда, ущерба окружающей среде»), экологичность («безвредность, безопасность для окружающей среды»), экологичный («безопасный для окружающей среды, не наносящий ей вреда»), экология («...изучающая проблемы ее (среды. — Н.С.) охраны». 2. Э. культуры. 3. Э. нравственности»).

Идеи необходимости, защиты, сохранения, восстановления экологической нормы просматриваются и в толковании сложно-суффиксальных образований с первой частью *эколого*: *эколого-культурный, экологоноосферный, эколого-политический, эколого-социальный, эколого-хозяйственный, эколого-экономический*. В описываемую лексическую группу аномалий входят номинации *озоновый* (дыра), *озоноразрушающий, омницид, парниковый* (газы), *природопреобразующий, природоэксплуатирующий* (как антонимы к природосберегающий), *противоснежный, противотепловой* (пресс), *сейсмогенная* (зона), *сейсмозавр, сток, фонить, чернобиль, звонок, землетрясенец, кислый* (дождь), *извещатель, легкоранимый* (перен.), *сельхозвредитель, поворотчик, перебросчик*.

Внимание носителя языка привлекают не только общепланетарные угрозы, но и те, которые порождены коренной ломкой во всех областях жизни общества, правовым вакуумом, нарушением юридических норм, торжеством беззакония и *беспредела* (этот неологизм также отмечен словарем: «2. О произволе, беззаконии (жарг.)»). Нетрудно было заметить, что семантические поля слов, обращенных к разным сферам бытия и областям знания, не изолированы друг от друга, а находятся в отношениях взаимодополнения и пересечения, и ядро одного поля дополняется периферией за счет элементов другого поля, где они вы-

ступают в роли ядерных (ср., например, семантический неологизм *раковый*. *Р. опухоль чего-л. О чем-л., чреватом, угрожающем опасностью* (газ.-публ.), *расхристанность, реанимировать, розово-голубой, чёрно-белый, слалом* и др. в их переносных значениях). Большинство этих элементов, имеющих связанные (лексически или фразеологически) значения, обнаруживает сетевой принцип хранения информации в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, и понятие связанности значения может осмысляться и в этой когнитивной и психолингвистической перспективе (как связанности с определенными ситуациями и сферами человеческого бытия в их нерасторжимом единстве, обусловленном единством универсума и отражающего его сознания). Особенно отчетливо связь эта обнаруживается в номинациях, обращенных к **криминальной сфере**, поскольку криминалитет пронизывает собой и сферу социальную, и экономическую, и юридическую, и политическую, и медицинскую, и все другие, включая ментальную и языковую. Здесь прежде всего следует говорить о номинациях сферы наркобизнеса, занимающих в словаре более двух страниц (и это относится только к новообразованиям с первой частью *нарко-*):

нарко, наркобанда, наркобизнес, наркоделец, наркодоллары, наркоманить, наркомания, наркомафия, наркопромысел, наркосиндикат, наркосодержащий, наркота, наркотикосодержащий, наркотический (переносно), наркоторговец, наркоторговля.

Пересечение со сферами медицины, экономики, политики, торговли, права и т.д. обнаруживают номинации:

чёрный интернационал, кукла, общак, отмывать (деньги) и его производные, серый (рынок), рэкетирский, слиповать (жарг.), липач, теневой, фальшак, скинхед, тащиловка, растащиловка, мафия (и гнездо однокоренных слов), смерта, камора (иноязычные обозначения мафии), полуподпольный (1-2), подельщик, отрицаловка, прилатнённость, придурок, приёмник-распределитель, спецконтингент, спецучреждение, спецпри-

ёмник, строгорезжимный, уголовка, условник, утюг, утюжить, фарца, сухарь (сушить сухари), педики, план, ханта, терьяк, трава, травка (названия наркотиков), гашишный, посадить (на иглу), пушер, уколоться, порноклуб, порнореклама, порнуха, порнушка, порнозвезда, порнокассета, интердевочка, интерпроститутка, катран (нелегальный игорный дом) и др.

Стрессогенный характер среды и общественных отношений порождает многочисленные патологии в физическом и психическом состоянии человека, и область аномальных явлений отмечается «наивной» **медициной** в языковой картине мира, активно использующей и специальные обозначения, многие из которых детерминологизировались. Назовем только некоторые из них:

онко-больной, зомби, опорник, послеинфарктный, дцп, принудление, природно-очаговая болезнь, психодрама, радиопатология, радиофобия, реконструктивный (хирургия), риск (группа риска), риск-фактор, сдвинуться, слепоглухота, спид (и его производные), стресслимитирующий, стрессогенный, стрессопсихотерапия, стрессотерапия, суицид, суицидальный, суицидология, тератогенный, токсикоман, токсикомания, торпеда, экстракорпоральное (оплодотворение), электрокардиостимуляция, шейник, химическая зависимость, химия, химка (жарг.), хилер, чума XX века, шокотерапия, эндопротез, энтеросорбция, электропунктура, электропунктурный, эмбриотоксический, шиз, шизануться, шизоид, алконавт, арттерапия, гипносуггестия, допинг-контроль, дети-инвалиды, инвалидка, игроман, игромания, металлотерапия, иммунодефицит (и родственные слова), неврозоподобно, кератотомия, некрофилия, некрофильство и мн. др.

И это далеко не все сферы, отмечающие аномальные явления, фиксируемые СНСЗ-80. Конечно, неологизм, фиксируя необычный способ выражения, сам по себе создает эффект новизны, современности, экспрессивности. Эти качества новообразований многократно усиливаются, когда они становятся номинациями явлений, представляющихся в чем-то аномальными для современной языковой личности.

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА

Свою известную монографию «Русский язык» В.В. Виноградов назвал «грамматическим учением о слове», заложив вместе с тем в серии своих семасиологических работ основы «лексического» учения о слове. Слово как центральная единица языка способно выполнять любую из его функций: номинативную, сигнификативную, коммуникативную, прагматическую, что не может не учитываться при определении слова в аспекте лексикологии. Современная научная парадигма допускает возможность осмысления слова в разных аспектах. Так, предметом пристального внимания становятся концепции слова в русском религиозно-философском дискурсе школы Всеединства (С. Булгаков, П. Флоренский, А.Ф. Лосев и др.) [174, 203, 90]. Помимо теоантропокосмических рассматриваются референциальные аспекты слова, «вещный» его слой (В.Н. Топоров и др.); с представлениями, возникающими в сознании, соотносятся когнитивные концепции слова [серия сборников «Логический анализ языка» под ред. Н.Д. Арутюновой и др.]. Общепризнанными стали системно-структурные аспекты изучения слова, связанные с его местом в системе языка в целом и в системе словаря в частности, а также функционально-прагматические аспекты слова, связанные с коммуникативной деятельностью и ролью слова в достижении внеязыкового результата.

Все эти аспекты слова выводят на человеческую субъективность, «внутренний универсум» языка (слова Г. Гийома), ибо, по его же словам, язык не имеет иной объективности, кроме той, которая устанавливается в самих глубинах субъективного [64].

Слово как предмет лексикологии следует отличать от его обыденного представления, от слова как психологической ре-

альности и продукта коммуникативной деятельности. Крайнее выражение эти различия находят в концепции Б. Гаспарова, где слово рассматривается как продукт рефлексии, вторичный по отношению к языковой деятельности коммуникативными фрагментами. Их основа усматривается в языковой памяти, в образе-прототипе и иррациональных моментах (ситуация, ассоциации, тема, сюжет, композиционно-стилистические намерения говорящего). Однако опорой для памяти признается консолидирующая роль формального сходства, значимого и для лексического, и для грамматического единства слова [62].

Психологическая реальность слова как центральной единицы языка и его лексического уровня подтверждается и психолингвистическими исследованиями, в частности, изучением измененных состояний сознания. Отмечено, например, что в явлениях речевого распада наиболее долго сохраняется способность человека порождать словоформы (в отличие от морфем и других языковых единиц) [218]. Аналогичные результаты дает изучение афазии, позволяя предположить, что «в мозгу говорящих хранятся некоторые единицы в готовом виде, они используются при порождении высказываний... Для носителей русского языка это слова» [5, с. 23]. Автор отмечает, что в японском языке такими единицами выступают блоки. Наблюдения над частотностью словоупотребления показывают, что тысяча самых употребительных слов покрывает 85% любого текста [123, с. 467]. Таким образом, слово оказывается ведущей единицей и текстовой деятельности. Однако слово как элемент обыденного знания следует отличать от слова — единицы научного (в нашем случае специального лексикологического) знания, где оно предстает как предмет и результат научной рефлексии, как конструкт. Так, в обыденном сознании слово может осмысляться как сосуд,местилище смысла (смысл вкладывается в слово, слово может быть пустым), как вместимое (облегчить себя словами), как предмет (бросать слова на ветер), как лекарство (врачевать словами, заговорить боль, слово — бальзам на раны) и т.д. (см. подробнее [136], а также ассоциации в РАС на стимул *слово* — *не воробей, золото, колкое, оружие, лечит, ранит, выле-*

ть, кинжал, пыль, крепкое, твердое...) В аспекте научного знания существуют две возможности определения слова — по отношению к единицам других уровней языка (морфеме, словосочетанию, предложению), то есть «извне»; и по отношению к единицам того же, лексического уровня, то есть «изнутри», по существенным признакам слова с точки зрения его лексических свойств.

О форме слова в аспекте лексикологии

Редукция свойств слова до характеристик его формы обнаруживается в опытах его определения с фонетической точки зрения. Так, П.С. Кузнецов [126] представляет слово как звуковую последовательность, могущую быть ограниченной паузами любой длины, внутрь которой не может быть вставлена другая звуковая последовательность, определяемая таким же способом. Признаки непроницаемости, фонетической оформленности и недвуударности отмечаются также в характеристике слова Н.М. Шанским [277]. Но хотя соответствующий раздел учебника и называется «Слово в лексической системе русского языка», определение слову дается как лингвистической единице, то есть как бы «извне»: «слово — это лингвистическая единица, имеющая (если она не безударна) в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением (каким? — *Н.С.*), лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью» [277, с. 14]. Признак непроницаемости не исключает рассмотрения предложно-падежных форм или аналитических форм одного и того же слова как объекта лексикологии. Так, формы косвенных падежей некоторых местоимений (*кое без кого, кое от чего, ни у кого, ни у чего*) являются аналитическими словоформами, восходящими к исходной форме *кое-кто, кое-что, никто, ничто* и т.д. Аналитической выступает форма сравнительной и превосходной степени прилагательного и форма будущего времени глагола (*буду работать*), где глагольная форма *буду*, выполняя вспомогательную функцию, не является отдель-

ным словом. Вместе с тем подобные примеры свидетельствуют об ограниченности критерия непроницаемости для определения слова только на основе его формальных признаков. Последний случай допускает, например, перестановку или вставку слов по отношению к словоформе (*работать буду, буду завтра работать*).

В вопросе о разграничении предложно-падежных форм и наречий бесспорными признаются случаи типа *вдруг, впотьмах, врасплах, дотла, навзничь, настезь* и др. (наречия) в отличие от *в срок, в шутку, на бегу, на ходу, с разбегу, с размаху* и т.д., вовлеченных в процесс адвербиализации. А.М. Дымский замечает: «Наличие лексических лагун в системе наречий вызывает синтаксическую нейтрализацию наречных и предложно-падежных форм и этим создает трудность в их различении» [74, с. 98]. Автор предлагает рассматривать спорные случаи со стороны имени существительного с его признаками (род, число, падеж, возможность быть управляемым, сочетаемость с предлогом, тест на разбиение, наличие второго компонента и сохранение значения компонентами), а не наречия. Такой подход более соответствует и признаку непроницаемости слова. Рассматривая производные предлоги типа *в виде, в течение, в духе, в зависимости* и др., имеющие общую с предложно-падежными формами существительных морфемную структуру и гораздо меньшее разнообразие значений и функций по сравнению с первообразными предлогами, С.И. Богданов замечает: «Морфемная структура (даже при условии «снятости» значения ее компонентов) в значительной степени мотивирует морфологическую единицу, определяет ее семантические свойства и функции» [31, с. 22]. На этой основе выдвигается тезис о сохранении морфемной членимости транспонированной словоформы, отмечаются случаи развития на базе одной и той же морфемы различных функциональных единиц.

Внимание уже только к формальным свойствам слова позволяет увидеть неоднородность различных групп и классов слов, наличие промежуточных и переходных случаев, что не может не учитываться и лексикологами. По словам Р.П. Рогожни-

ковой, «звуковая или графическая форма словесного знака выступает в качестве того инвариантного, что сохраняет его единство» [181, с. 4]. Это положение лежит в основе выделения автором эквивалентов слова, хотя раздельнооформленность и сближает их с фразеологизмами. «Так же, как и слова, они имеют в качестве отличительного признака постоянную последовательность фонологических единиц (особенно характерную для неизменяемых слов), в их состав не вводятся какие-либо другие элементы» [там же]. По формальному составу компонентов среди эквивалентов слова выделяются сочетания: полнозначного слова с предлогом или частицей: *без малого, в итоге, в общем, в знак, в дальнейшем, в результате, в сущности, казалось бы*; двух и более неполнозначных слов: *а то, а то и, а не то, будто бы, вроде бы, не без*; нескольких односложных полнозначных и неполнозначных слов: *до сих пор, на сей раз, с тех пор*; двух полнозначных слов: *более чем, быть может, вместе с тем, друг друга, так сказать, тогда как*.

Проблема фонетической оформленности слова, определяющей его границы и отдельность как основной единицы языка, предполагает установление границ варьирования слова и его отграничения от морфем, хотя и в этих случаях опора только на звуковую (или графическую) форму слова оказывается недостаточной. Так, акцентологические (*твóрог — творóг, мýшление — мышлéние, исчéрпать — исчерпáть, одновременно — однóвременно*), фонематические (*галоша — калоша, тоннель — туннель, ноль — нуль, валериана — валерьяна* и др.), грамматические (*спазм — спазма, сыра — сыру, секторы — сектора* и т.д.) варианты не нарушают семантического тождества слова (В.В. Виноградов, Ф.П. Филин, Р.П. Рогожникова, О.С. Ахманова, Н.М. Шанский, В.В. Степанова, Л.К. Граудина и другие). Однако другого рода формальные различия при общности корневой морфемы получают неоднозначную интерпретацию при определении границ слова. Так, различия словообразовательные в парах *краса — красота, лиса — лисица, волчиха — волчица, накатка — накат — накатывание, омич — омчанин* и др. ведут к квалификации членов этих оппозиций то как вариантов одного слова

(О.С. Ахманова), «словообразовательных вариантов» (Л.К. Граудина), то как разных слов с вычленяемыми аффиксами словообразовательного типа, как бы десемантизирующими свое значение в определенных случаях, при определенных корнях, но не теряя в принципе своей словообразовательной функции [257]. В энциклопедии «Русский язык» как «лексические варианты» рассматриваются разновидности одного и того же слова на основании тождества их лексико-семантических функций и частичного различия неформальной части слова: *меж* — *между*, *середина* — *середина*, *ветр* — *ветер*, *злато* — *золото*, *мадмуазель* — *мадемуазель*, *бивак* — *бивуак*, *брег* — *берег*, *посребрить* — *посеребрить*. Показательно, что славянизмы, которые представлены в этих примерах, в соответствующей статье той же энциклопедии рассматриваются как отдельные слова, вошедшие в русский язык «из старославянского языка или из его более позднего русского извода — (с 11 века) — церковно-славянского языка» [192, с. 489]. Среди примеров здесь даны *град* — *город*, *ладья* — *лодка*, *чуждый* — *чужой*. Поскольку вариантность, не нарушающая границ слова, предполагает отсутствие смысловых различий, встает вопрос: являются ли члены подобных пар тождественными по значению. Современные представления о структурном характере лексического значения, включающего в свое содержание не только предметно-логический компонент, но и разного рода коннотации, не позволяют положительно ответить на поставленный вопрос и считать члены подобных пар вариантами одного и того же слова, включив в разряд однокорневых синонимов.

Слово и другие единицы языка

Рассмотрение проблемы вариантности уже показало, насколько значимым для определения границ слова оказывается различие словообразования и формообразования. Не менее важны эти различия при разграничении **морфемы** и **слова** как значимых единиц языка (если подходить к слову «извне», со

стороны морфемного уровня языковой системы). Здесь важно учитывать, что морфемы существуют только в слове, тогда как слово предстает как самостоятельная, центральная в механизме языка единица, обладающая для говорящих психологической реальностью, базовая в процессах системно-структурной организации словаря данного языка, в процессах концептуализации мира, когнитивной и коммуникативной деятельности человека, хранения культурной информации. Отдельность слова (термин А.И. Смирницкого) состоит и в том, что, данное в непосредственном опыте носителя языка, оно не нуждается для своего вычленения в специальном анализе, как морфема, даже корневая. Вспомним школьное определение корня как общей части родственных слов, предполагающее определенные процедуры лингвистического анализа.

Морфемы как части слова не обладают ни частеречной принадлежностью, присущей полнозначным словам, ни самостоятельной синтаксической функцией, ни номинативной способностью. Это определяет разницу между значением корневой морфемы и самостоятельного слова: «Значение слов понятийно... Морфема не выражает определенного понятия как обобщенного представления о том или ином классе предметов или явлений... В отличие от слова значение морфемы ассоциативно» [213, с. 257]. Ассоциативный характер значения корневой морфемы объясняет, в частности, неточность указания школьного учебника на возможность определения лексического значения слова исходя из значений составляющих слово морфем. Значение морфемы является типовым и более абстрактным, групповым по сравнению с индивидуальным лексическим значением слова (ср. *ленивец* и *ленивый человек*, *ножик* и *маленький нож*). Вот почему нельзя, например, объяснить значение слова *землекоп*, *лесоруб* по аналогии со словом *сталевар*, поскольку ассоциативный характер значения корневой морфемы не позволяет с полной определенностью заключить, о чем свидетельствуют ответы учеников, что речь идет о человеке, а не о механизме. Не случайно для когнитивистов оказалось очень важным представление о словообразовательном гнезде слов и раз-

ных словозначениях многозначного слова как ассоциативном поле корня. Ср. замечание С.И. Богданова: «...для единицы собственно морфемного уровня первична мотивирующая функция, а не четко оформленное значение» [31, с. 7].

Однако уже отмечалось, что между единицами разных уровней языковой системы нет непроходимых границ и существуют многочисленные переходные явления, совмещение свойств единиц, относимых к разным разрядам. Это справедливо и для отношений морфемы и слова, лексикализации морфем как процесса перехода морфемы в слово [152]. В кругу семантических изменений, связанных с этими процессами, отмечается отсечение всего того, чем различаются слова, объединенные значением общего аффикса; сохранение семантической «памяти» об основах, с которыми он обычно сочетается, и конденсация элементов их значения (*Массовый экстаз преддверия, предчувствия и прочих «пред»*) (Г. Щербакова); участие в выражении родовидовых отношений (функция гиперонима по отношению к производным словам с тем же аффиксом). «Эмансипация» аффиксов сопровождается сменой деривационного значения лексическим, часто с усложнением семного состава и актуализацией коннотаций («измы» у В. Маяковского), закреплением грамматической оформленности и развитием новой сочетаемости (деза), деривационных связей (измофрения — В. Войнович). Это связано с законом языковой экономии, генерализации смыслов. Во всяком случае нужно помнить, что формообразовательные морфемы дают словоформу, одну из манифестаций слова, тогда как словообразовательные морфемы ведут к образованию отдельного слова (*садик* для обозначения детского сада, но не *домик отдыха*; *мне страшно*, но *лицо его было страшно*).

Способность слова выступать в качестве единственного члена предложения, парцелляция отдельного слова объясняют попытки **определения его с синтаксических позиций** даже лексикологами. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой слово определяется как «предельная составляющая **предложения**», то есть элемент коммуникативной единицы. Однако в предложении слово выступает в одном из своих значений, тог-

да как в системе языка оно многозначно, предстает на уровне максимальной лингвистической абстракции — слова в словаре. Кроме того, эта часть определения не соотнесена с последующей, отмечающей способность слова «непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного участка (кусочка) действительности и направляться на эту последнюю, вследствие чего слово приобретает определенные лексические, или вещественные свойства» [19, с. 422]. Здесь уже определяющей выступает номинативная функция слова. Но способность к номинации (правда, не предметов, объектов, а ситуаций, событий) отмечается синтаксистами и для предложений, что стирает демаркационную линию этих двух единиц языка.

Раздельнооформленные единицы, построенные по модели словосочетания, также не отличаются однородностью и получают различную трактовку по отношению к слову. Одни из них, будучи обобщенно-целостными по семантике, приближаются к слову — фразеологические единицы типа *стреляный воробей* (о человеке), *собаку съест, попасть впросак, кот наплакал*. Их значение во «Фразеологическом словаре» А.И. Молоткова даже названо лексическим. Приближаются к слову и непрозрачные по своей семантической структуре номинации «*железная дорога*», «*глазное дно*» (специальный термин). Особые споры вызывает квалификация устойчивых, но неидиоматичных сочетаний: *точка отсчета, последние известия, вступить в действие, в переписку, в переговоры*. По первому признаку они сближаются со словом, по второму — противостоят ему. В.Г. Гак относит их к неидиоматичным аналитическим конструкциям, В.М. Павлов в силу их смысловой прозрачности и возможности уточнения одного из членов также не считает подобные конструкции словами: «*как и всякая революция, научно-техническая революция...*» [16]. «Лексическое» слово, слово-лексему следует отграничивать от слова-синтаксемы: «Синтаксема — минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений» [85, с. 72]. Употребление синтаксических единиц в

предложении зависит от сочетаемости их обобщенных, категориальных смыслов: лица — носителя признака (отец) и признаков (в городе, театре, в Рязани — синтаксема места; в августе, в детстве, в прошлом году — синтаксема времени; в обмороке, в гневе, в тревоге — синтаксема состояния). Таким образом, «синтаксема (синтаксическое слово) — это определенная форма слова с определенным категориально-семантическим значением, выполняющая определенную роль в предложении» [84, с. 172]. Синтаксема, наряду со словосочетанием и предложением, является синтаксической единицей.

Опираясь на положение Ю.С. Степанова о глубокой аналогии между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения, В.С. Юрченко считает словосочетание промежуточной ступенью преобразования предложения в слово: «Словосочетание и слово *не вычленяются* (курсив автора. — Н.С.), а являются результатом его внутреннего *преобразования*» (курсив автора. — Н.С.), при этом «словосочетание — это расчлененная (синтаксическая) номинативная единица; а слово — это квантовая (лексическая) номинативная единица» [288, с. 54]. Ср.: *ночь темна — темная ночь — темная.*

По словам Н.Д. Арутюновой, значение слова — не смысловый атом, а «функция значения предложения» [13, с. 23].

Таким образом, определение слова в аспекте лексикологии по отношению к единицам других языковых уровней, как и определение его только по формальным признакам, явно недостаточно. Ср. замечание Э. Бенвениста о том, что форма и значение ввиду их единства должны определяться друг через друга, и повсюду в языке их членение совместно [29].

Слово в аспекте лексикологии

При определении слова «изнутри» лексического уровня бесспорным предметом лексикологии признается система полнозначных слов, или частей речи, наряду с которыми в структурно-семантической типологии слов В.В. Виноградовым [50] вы-

деляются частицы речи, модальные слова и междометия. Ядерное положение однозначных слов в лексической системе языка связано с тем, что в них представлены два типа языковой семантики (лексическая и грамматическая) в их тесном взаимодействии. Именно по отношению к категории однозначных слов дается определение слова, учитывающее его двусторонний характер, единство его содержательных и формальных характеристик как единицы лексической системы: «Слово — это единица наименования, характеризующаяся цельноформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [285, с. 55]. Каждая из составляющих этого определения нуждается в более детальном рассмотрении.

1. С функцией **номинации**, то есть названия предметов и явлений окружающей действительности, их выделения и формирования соответствующих фрагментов знаний о мире, понятий, связан ономаσιологический подход к слову (в направлении от идеи к средствам ее выражения). Номинативная деятельность выступает одновременно как номинативно-классифицирующая (термин А.А. Уфимцевой), ибо связана с обозначением и выделением не только отдельных предметов, но и целых их классов. Любопытный пример со словом *берёза* приводит Ф.Ф. Фортунатов: «Все наши ощущения, а потому и представления индивидуальны; я могу иметь, например, зрительные ощущения той или другой индивидуальной берёзы... могу иметь и непосредственные представления той или иной индивидуальной берёзы, но подобно тому, как я не вижу какой-то общей берёзы, ...точно так же я не могу иметь и представления такой общей берёзы, а между тем представление комплекса звуков берёза является в моем мышлении представлением знака, общего для всех индивидуальных берёз, или, иначе сказать, **предмет мысли**, обозначаемый данным словом берёза, есть какая бы то ни было индивидуальная берёза в тех ее свойствах, какие являются у нее общими с другими берёзами» [262, с. 249]. Таким образом, не все признаки предмета учитываются при его номинации словом, а лишь отдельные, и не отдельные предметы, а классы предметов. Момент абстрагирования в процессах номи-

нации знаменует величайшее достижение носителей языка, позволяя от операций с предметами перейти к операциям с их заместителями — словами. Словом достигается объективация действительности в языке, ее отчуждение и сама продуктивность когнитивной деятельности человека, добывания, хранения и переработки информации. Известный семантический треугольник (денотат — сигнификат — имя) отражает возникновение слова как средства номинации, причем последняя теснейшим образом связана с коммуникативной деятельностью говорящих: «коммуникативная значимость единицы, то есть определенный круг тех ситуаций коммуникации, в которых данное слово может употребляться в процессе реальной коммуникации» [28, с. 34], формируется в процессе номинации. «Углы» семантического треугольника соотносятся с отмечаемыми в литературе этапами процесса называния: выделение и фиксация того, что подлежит обозначению; осмысление обозначаемого; выбор средства наименования; установление более тесной и постоянной связи между обозначаемым и обозначающим и закрепление за данным звукорядом определенного содержания. Рассматривая слово как центральную единицу внутреннего лексикона, Е.С. Кубрякова объясняет эту его роль «прежде всего существованием слова в качестве единицы номинации, удобного ярлыка для выделения, отождествления, запоминания обозначенного объекта, для его **з а м е щ е н и я** (разрядка автора. — *Н.С.*) в мыслительной и речевой деятельности» [268, с. 103]. Это свойство слова обеспечивает его функцию быть средством доступа к той языковой и внеязыковой информации, знаниям о мире, которые хранятся в человеческой памяти.

Различают первичную, прямую номинацию в случаях непосредственной направленности слова на предметы и явления действительности и вторичную (непрямую и косвенную), связанную с законом экономии языковых средств, допускающим возможность переосмысления имеющих в языке номинаций. Оно может диктоваться изменениями в денотате имени (*партия, дружинник, стрелять*), изменениями в сигнификате (в связи с познанием новых сторон объектов или изменением точки зре-

ния на предмет — ср. современные вторичные номинации слов *элита, пушка, бомонд* и др.), изменениями в системных связях слов (*кол* и *колесо, город* и *городить, мех* и *мешок, коса* и *чесать*), в прагматических свойствах (*либерал, система, номенклатура*). С номинативным аспектом слова при сохранении мотивационных отношений между разными его значениями или разными словами связывается понятие **внутренней формы слова**. Мотивировочный признак, определяющий внутреннюю форму, может быть не только существенным, но и просто бросающимся в глаза, а потому разным в разных языках: например, в русском языке *портной* от *порты* (одежда), нем. *Schneider* от *schneiden* (резать), болг. *шивач* (от *шич* — шить). Русское — *нане́рсток* (надевается на перст), нем. *Fingerhut* (палец-шляпа). Но отмечается и сходство в способах восприятия и осмысления мира разными этносами (ср. русск. *подснежник*, нем. *Schneeglöckchen* — снежный колокольчик и соответствующая английская номинация — букв. пробивающийся через снег). Определенный объем содержания переосмысляемой языковой единицы, выступающий как внутренняя форма нового значения в процессе номинации объясняет, почему на базе одного и того же лексического значения могут формироваться разные его номинативно-производные значения. Ср., например, развитие двух новых значений прилагательного *карманный* в современном русском языке: «1. Небольшого формата; предназначенный для ношения в кармане. К. калькулятор. Карманный компьютер... 2. Перен. Послушно выполняющий чужую волю, зависимый в материальном, политическом и т.п. отношении» (Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения). Для значения 1 важным оказывается признак размера, тогда как для значения 2 актуализирован признак несамостоятельности, принадлежности, декоративности, хотя и признак размера полностью не погашается.

Восполнение недостающих в языке номинативных средств опирается на продуктивные, закономерные для данного языка способы номинации, модели регулярной многозначности (ср. новые значения слов *замкнутый* — цикл, *безлошадный* — не имею-

ший машины, *консервативный* — о лечении, *открыточный* — о внешности, *определиться* — в каком-либо вопросе).

Помимо непрямой вторичной номинации существует и косвенная, выстраиваемая с опорой на другие наименования (*плакаться на что-либо*, *чёрная зависть*, *разобраться в вопросе* и т.д.).

С номинативной функцией связано ограничение предмета лексикологии лишь классом однозначных слов, что не бесспорно, как будет показано далее, хотя именно этот класс является ядерным в лексической системе языка и именно по отношению к нему рассматривается определение, данное слову Д.Н. Шмелевым.

2. С признаком цельнооформленности связана звуковая, фонетическая, о чем уже говорилось, и грамматическая целостность слова. По словам Е.С. Кубряковой, «номинативная функция отдельных частей речи проявляется... прежде всего в том, что они формируют новые названия по своему образу и подобию» [122, с. 45]. Таким образом, с грамматической цельнооформленностью связано указание на оформление содержания средствами определенной части речи и отнесение слова к определенному лексико-грамматическому классу со свойственным ему грамматическим значением как типом языковой семантики. По словам А.И. Смирницкого «грамматическая классификация слов, выражающаяся в их определении как частей речи, с лексикологической точки зрения, является особой семантической их классификацией — классификацией по наиболее общему и абстрактному элементу в составе их значения» [212, с. 153]. Это единство лексического и грамматического в слове и вместе с тем их специфика подчеркнуты и раскрыты В.В. Степановой: по самому абстрактному признаку значения каждое однозначное слово связано с обширными классами слов; по конкретизированным (индивидуализированным) содержательным характеристикам — с отдельными группировками слов в пределах этих обширных классов, включая не только собственно лексические группировки, но и те, которые базируются на структурно-словообразовательном сходстве [см. 225, 226]. Более того, отмечается параллелизм в строении многозначного слова и того

лексико-грамматического класса, в рамках которого формируются свойства слова.

Принято считать, что грамматическое значение как тип языковой семантики является более абстрактным, чем лексическое значение. Но уже в рамках функциональной грамматики (школа А.В. Бондарко) указывается, что грамматические категории и грамматические значения как их компонент являются более высокой ступенью формализации общих понятийных категорий по сравнению с лексическим значением, соотносимым с системой лексических средств, не имеющих такого последовательного формального выражения общих понятийных категорий. С.Д. Кацнельсон [97] пишет о категориях скрытой грамматики в русском языке, благодаря которым с помощью лексического значения и контекста могут выражаться значения, идентичные грамматическим. Например, это могут быть значения определенности / неопределенности (*Потребовалась консультация профессора. Профессор потребовал немедленной госпитализации*), результативности / нерезультативности (*искать — находить*), каузативности / некаузативности (*есть — кормить*), лица (*навещать, говорить, смеяться, хвалить, порицать*). Слово *мальчик* конкретизирует свое значение через сопоставление с членами парадигмы: человек — мужчина — ребёнок. Но уже здесь есть соприкосновение со структурой грамматического значения (ср. человек — неодушевленное существо — предмет). Эту связь лексического и грамматического значения, различающихся не столько содержательно, сколько формой своего выражения, отмечает В.Г. Адмони. По его мнению, единицы грамматики обладают как бы потенцированными значениями, обобщающими и наслаивающимися на лексические значения [1]. Связь лексического и грамматического последовательно учитывается в исследованиях по словарной грамматике [А.А. Колесников, А.Л. Шарандин и мн. др.]. По словам А.Л. Шарандина, механизм взаимодействия лексического и грамматического значений в слове сводится к признанию за грамматикой статуса одного из основных средств выражения лексической семантики; тем самым «подтверждается уникальность лексического значе-

ния на уровне грамматики: оно имеет только ему свойственный набор грамматических форм. Вследствие этого грамматика не оказывается чем-то посторонним в словарной статье, а органически входит в нее, определяя лексикографические потенции слова» [281, с. 237—238].

Замечая, что грамматика как бы «размазана» по АВС, Ю.Н. Караулов отмечает связь лексического и грамматического на уровне семантических полей: «...дальнейшее обобщение и компрессия полей на уровне ядер должны приводить к некоторым широким понятийным категориям, которые могут приближаться к грамматическим категориям, а отчасти даже совпадать с ними» [184, с. 221], а часть семантических компонентов, сем, используемых при описании лексических значений, «находится в определенном отношении к грамматическим (в широком смысле) значениям, грамматическим категориям» [95, с. 202]. В работах последнего времени эта проблема получает и когнитивное измерение. Так, Л. Талми считает, что грамматические значения отражают не те или иные фрагменты мира, как лексические значения, а структуру таких фрагментов с позиции говорящего. Автор сравнивает эту структуру со скелетом или строительными лесами для концептуализации материала, выражаемого лексически. Отмечаются два рода ограничений в содержании грамматических единиц по сравнению с лексическими: на категории выражаемых грамматически понятий и на члены этих категорий. Так, обычно лексическую форму выражения имеют понятия расстояния, размера, формы, цвета. А грамматические категории числа, согласно мнению автора, никогда не выражают таких понятий, как «чётный», «нечётный», «дюжина», «исчислимый», имеющих лексическое выражение [см. 240].

Таким образом, грамматическая цельноформленность слова определяет и формальную, и содержательную его характеристику, особенно в свете современных представлений о содержательной природе формы.

3. В определении слов, относимых к классу однозначных, отмечается и такой важный признак, как **идиоматичность**, то есть немотивированность или частичная мотивированность

слов. Семантические приращения, создающие лишь частичную мотивированность слов, индивидуальность их лексического значения, особенно очевидны в словах производных. Еще А.М. Пешковский ставил перед читателем вопрос, в какой морфеме слова *желток* заложен его специфически «яичный» смысл. Точно так же *теплица* — это не просто нечто теплое, а «*теплое помещение для разведения и выращивания растений*», *желтуха* — «*болезнь печени, сопровождающаяся пожелтением кожи*». На уровне производного слова свертываются целые синтаксические конструкции, отдельные элементы которых имплицитно в семантике слова: *угощик* — *тот, кто угоняет машину*; *карманник* — *тот, кто ворует из карманов, занимается мелкой кражей*. Идиоматичность слова *пришелец* связана с включенностью в его семантику компонента «*из космоса*». Производное обнаруживает избирательность в переводе признаков производящего на свой уровень. Так, разг. слово *пылесосить* специализировалось на обозначении действия, для которого предназначен пылесос, а *уголок* в значении «*небольшой предмет специального назначения в виде двух соединенных планок, полосок, деталь такой формы*» связано лишь с «геометрическим» значением слова *угол*.

В силу идиоматичности значения не соотносительными по смыслу оказываются слова, имеющие сходство в своей структуре: *дневник, вечерник, ночник, утренник*. По отношению к производным словам явление идиоматичности объясняется В.Н. Телией, связываясь с универсальной для языка тенденцией к опрощению составных образований и прежде всего морфемной структуры слова и к формированию простых знаков на базе составных [193]. Однако признак идиоматичности как индивидуальности лексического значения свойствен и словам производным, немотивированным. Слово, выражая понятие, аккумулирует в нем ту совокупность суждений, свёрткой которой это понятие выступает, а также признаки тех ситуаций и контекстов, в которых слово обычно употребляется: «Толкование слова — это и есть тот текст, который предшествует, а затем и сопровождает слово в человеческой языковой памяти и в словаре, отражающем эту память» [184, с. 11]. Ср., например, *журить* —

«разг. Делать легкий выговор, слегка бранить. Ж. шалуна» (СОШ); *истеблишмент* — «книжн. Правящие круги общества, а также сама система их власти. Политический и. Промышленный и.» (там же).

До сих пор рассматривались признаки слова как единицы лексического уровня языка применительно к бесспорному для лексикологов объекту — словам полнозначным. Однако ядерно-периферийное, полевое строение лексической системы предполагает внимание и к таким классам слов, которые далеко не всеми включаются в лексическое учение о слове. Так, в структурно-семантической типологии слов у В.В. Виноградова **местоимения** лишь примыкают к классу полнозначных слов, частей речи. Действительно, ведущая функция местоименных слов — не номинативная, а дейктическая, указательная: «дейктические слова выделяют и дифференцируют предметы, явления, лица относительно координат речевого акта: актуального момента речепроизводства (временной дейксис), участников коммуникативного акта (говорящего, слушающего), так называемый личный дейксис, местоположения лиц, предметов в конкретной ситуации не только относительно субъекта речи, но и относительно друг друга (пространственный дейксис)» [253, с. 46—47]. Как дейктические знаки местоимения выполняют текстообразующую или анафорическую (заместительную, «повторительную») функцию. Не случайно основными координатами речевого акта признаются «я — здесь — сейчас», ибо они связаны с содержательными универсалиями любого текста — человек, пространство, время. Вместе с тем местоимения способны заменять имена, соотносясь с ними по семантике, и это сближает местоимения с классом полнозначных слов не только на уровне текста, но и на уровне языковой системы [197]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» местоимения прямо названы «лексико-семантическим классом знаменательных слов, принадлежащих к различным частям речи и обладающих «местоименным» типом лексического значения». Нетрудно видеть, что по указанным признакам (лексико-семантический класс знаменательных слов, тип лексического значения) местоиме-

ния не только не исключаются из поля зрения лексикологов, а должны быть отнесены к околядерной зоне в системе словаря русского языка. Отсутствие у местоимений специальных грамматических форм в аспекте словарной грамматики объясняется тем, что «дейктические знаки оказались достаточно четко очерченными в языке лексически, и грамматическая специализация для них оказалась по существу избыточной... Поэтому дейктические знаки используют тот набор грамматических форм, которыми оформляются в языке номинативные знаки как сущности высшего порядка» [280, с. 38]. Если с первым положением трудно не согласиться, то рассмотрение номинативных знаков как сущностей высшего порядка разделяется не всеми, особенно в свете когнитивного подхода к языку и задач его лексикографического описания. Так, Н.Ю. Шведова в итоге работы над «Русским семантическим словарем» предлагает новое осмысление класса местоимений как слов означающих, указующих, лишенных номинативных (денотативных) значений и противопоставленных всем другим словам — именующим (полнозначным), связующим (неполнозначным) и квалифицирующим (модальным словам и междометиям). При этом общая классификация лексики, ее членение начинается именно с местоимений, обладающих смыслопорождающей функцией и служащих «смысловым исходом» языка.

С первичными, начальными местоименными словами связываются глобальные понятия материального и духовного мира: «это понятия о живом существе (кто), предмете (что), признаке (какой, каков, каково), принадлежности (чей), количестве (сколько, который), мере (насколько), времени (когда), месте (где), пределе в пространстве или во времени (докуда, откуда), об элементарных связях и зависимостях (почему, зачем)» [283, с. 9]. Это положение перекликается с точкой зрения русских философов и лингвистов начала XX века, считавших местоимения наиболее богатыми не только по объему, но и по содержанию понятия словами — гиперонимами. Абстрактные языковые значения бытия и небытия, пространства и времени, определенность и неопределенность, предельность и непре-

дельность, одушевленность и неодушевленность, субъектность и бессубъектность, считаемость, мера, принадлежность, ситуативное состояние, причина, цель, «связанные местоимениями в стройную и прозрачную организацию» [283, с. 10], присутствуют и в лексических значениях обычных слов. (Ср. роль местоимений как смыслового исхода в названии телевизионной игры «Что? Где? Когда?») Роль местоимений как «смыслового исхода» для других типов слов подтверждается и тем фактом, что многие из местоименных слов выступают в роли семантических примитивов и активно используются в ассоциативном эксперименте [см. 46, 234]: *я, ты, все, кто, кто-то, он, она, мы* и др. Таким образом, изосемичность обнаруживается на разных уровнях системы языка, создавая ее целостность. Уже одно это не позволяет оставить местоимения за пределами лексической системы языка.

Кроме того, обнаруживаются многочисленные переходные случаи между классами номинативных и дейктических слов. Так, в энциклопедии «Русский язык» личные местоимения прямо названы «лексическим классом» с семантическим инвариантом «предмет указуемый» (здесь местоимение служит смысловым исходом значения предметности имен существительных. — *Н.С.*) и однотипностью развития вторичных значений: *я* — личность, индивидуум (*моё второе «я»*), собственно предметное значение; *быть с кем-нибудь на ты или на вы* (то есть в дружеских, неофициальных отношениях). У слова *он* отмечено сужение дейктической функции до указания на лицо, сознательно не называемое, скрываемое; значение может осложняться оценочными семами: *мы* — лицо почитаемое или принижающее; *ты, вы, они* — лицо уважаемое или почитаемое. Ср. в стихотворении А.Н. Некрасова «Памяти Добролюбова»:

*«Учитель, перед именем твоим
позволь смиренно преклонить колени.
Ты нас гуманно мыслить научил,
едва ль не первый вспомнил о народе,
едва ль не первый ты заговорил
о равенстве, о братстве, о свободе».*

Кстати, переход местоимений в неядерные слои полнозначных слов как раз и подчеркивается их экспрессивной функцией

ей, вторичной для типа слов однозначных (ср.: *Сам идёт, самоё ведёт* (о хозяине и хозяйке); *ничто* (о ничтожестве); будут здесь *всякие* выступать). Сама возможность применения семного анализа по отношению к местоимениям демонстрирует их близость к словам однозначным, как и возможности семного речевого варьирования, отмеченные при изучении личных местоимений в коммуникативном аспекте. Так, на основе базовой семы «указание на лицо говорящего» для местоимений первого лица возможны текстовые смысловые модификации, связанные с координатами «я» на темпоральной шкале: я1 — настоящее, я2 — момент в прошлом, я3 — ближайшее прошлое [166, с. 11]. Ср.:

«С каких лет я1 помню себя? И где это было? На Урале, в Оренбургской степи? Когда я2 спрашивал об этом отца и мать, они не могли точно восстановить в памяти подробности давнего моего детства. Так или иначе, много лет спустя я3 понял, что пойманное и как бы остановленное сознанием мгновение самого высшего счастья — это чудотворное соприкосновение мига прошлого с настоящим» (Ю. Бондарев. Степь).

С другой стороны, исследователи обнаруживают элементы дейксиса в лексических значениях однозначных слов. Ю.Д. Апресян находит их в значении глаголов «показываться» (несовпадение говорящего и наблюдаемого объекта), маячить, виднеться, исчезать из виду, белеть, желтеть, темнеть, чернеть. У глаголов «цветовой» семантики как общее дейктическое свойство отмечено несовпадение говорящего с наблюдаемым объектом [7, с. 643]. Ориентация на наблюдателя связана с эгоцентричностью дейктических слов, с личным дейксисом как одной из его разновидностей. Н.Ю. Шведова выделяет класс русских дейктических глаголов с четырьмя входящими в него группами: а) делать, делаться, происходить и быть, сочетание иметь место. Они наиболее близки к местоимениям «по охвату означаемого»; б) глаголы связанные типа вести (разговор, беседу, дело, речь и некот. др.), войти (в азарт, в раж, в роль, в суть дела и некот. др.). Всего их около 300; в) 30 глаголов, соотносительных с глагольными меж-

дометиями (бахнуть, бухнуть, хлопнуть, хрястнуть и др.); г) глаголы-экспрессивы типа валять, дуть, жать, чесать, плясать и некот. др. Основой для выделения такого класса дейктических глаголов выступает их собственная организация и собственное внутреннее членение. Автор отмечает «безусловный параллелизм тех основополагающих абстракций, которые принадлежат местоимению и глаголу и составляют сущностные характеристики как того, так и другого класса слов» [283, с. 13]. Эта близость местоименных слов к словам глагольным делает те и другие объектом лексического анализа.

Сказанное вполне оправдывает расширение объекта лексикологии за счет привлечения к изучению не только полных слов, но и слов других структурно-семантических типов, включая местоимения, что и сделано, например, в школьном учебнике по русскому языку для 5 класса под ред. М.В. Панова в разделе «Лексика». Здесь раздел «Типы слов в языке» включает, в частности, оппозицию «Слова знаменательные и местоименные (местоимения)»; при этом и те и другие являются самостоятельными, могут употребляться без служебных слов, хотя слова-названия называются знаменательными, а слова-указатели — местоименными, или местоимениями. Приводя пример: «В нашем поселке есть клуб. Туда часто ходит мой товарищ Петя», составители иллюстрируют отсылочную, анафорическую функцию местоимения *туда* и в то же время его замещающую функцию по отношению к слову *клуб*, а также идентифицирующую функцию местоимения *мой*: «Петя является товарищем того, кто об этом сказал (или написал), то есть того, кому принадлежит речь» [192, с. 27]. Здесь же отмечена особая роль вопросительных слов *кто, что, чей, какой, где, как* и т.д., которые, с одной стороны, указывают на то, что мы хотим узнать (дейктическая функция), а с другой — имеют отсылочную и заместительную функцию (анафорическую) по отношению к знаменательным словам, предполагаемым в ответе. Приводимые далее задания показывают высокую частотность местоименных слов при текстопостроении, их роль в создании цельности и связности текста, его стилистической корректности.

Таким образом, если вслед за В.Г. Гаком и Н.Ю. Шведовой квалифицировать местоимение как крайний случай обобщения наименований, слова дейктической и идентифицирующей семантики оказываются не столь уж и разведенными. А указательная отсылка к координатам речевого акта (я — здесь — сейчас) как проявлению личного, локального и темпорального дейксиса как бы вбирает в себя проекции тех синтагматических связей, которые свойственны слову и обнаруживают себя в речевом акте, ибо синтагматические связи слов, как и связи слов в парадигматике, — это прежде всего связи по лексическому значению.

Близость дейктической и идентифицирующей функции сближает местоимения с еще одним проблемным классом слов — в плане отнесения их к лексикологии — **именами собственными**. Так, по словам Е.В. Падучевой, дейктический — это такой элемент, «который выражает **идентификацию** объекта-предмета, места, момента, времени, свойства, ситуации — через его отношения к речевому акту, его участникам или контексту» [163, с. 245]. Или: «Дейктические средства языка осуществляют идентификацию предмета относительно действительности (в собственно дейктической функции) и идентификацию предмета по отношению к тексту (в анафорической функции)» [98, с. 61].

Близость ИС к эгоцентрическим словам, местоимениям, функцию референции к объекту, а не его характеристики отмечает для ИС и Д.И. Руденко [185, 186]. По его мнению, «имена, лишенные свободной исчисляемости... или жесткой ориентации на выражение числовых значений, не являются типичными именами, обладают теми или иными признаками других универсально-семантических категорий — «предикатов»... или «эгоцентрических слов» (собственные имена)» [185, с. 42].

Близость местоимений как дейктических слов к ИС особенно отчетлива в случаях, когда акт идентификации уже состоялся и употребление местоимений с ИС (типа *этот* Иванов, *он* (о присутствующем), *тот самый* Мюнхгаузен в названии фильма) служит уже не указанию на известный / неизвестный предмет или степень удаленности его от говорящего, а оценочной харак-

теристике, выражающей авторскую модальность, интенции говорящего, хотя обычно ИС и некоторые местоимения не сочетаются в силу однотипности выполняемых функций.

Идентифицирующая функция ИС объясняет их роль в мифологизации. По словам Ю. Лотмана, «общее значение СИ — в его предельной абстракции — сводится к мифу. Именно в сфере СИ происходит **отождествление слова и денотата**, которое столь характерно для мифологических представлений и признаком которого являются, с одной стороны, всевозможные табу, а с другой же — ритуальные изменения ИС... **Миф и имя** непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они взаимоопределяемы, одно сводится к другому: миф — персонален (номинационен), имя — мифологично» [138, с. 529].

Между тем достаточно широко представлена в лингвистике точка зрения, исключающая имена собственные из предмета лексикологии на том основании, что они лишены лексического значения в языке, не выражают понятия и осуществляют единичную номинацию (Е.М. Галкина-Федорук, О.С. Ахманова, К.А. Левковская, А.А. Реформатский, Г.О. Винокур, А.В. Суперанская, Н.А. Янко-Триницкая, Д.И. Руденко и др.).

На асемантичности имен собственных настаивает Н.И. Толстой, поскольку их содержание исчерпывается индивидуальной информацией, но лишено семантики как «суммы семантических признаков, обобщающих и избирательно отражающих ряд свойств, присущих множеству однородных предметов... О семантике имен собственных можно говорить лишь в той мере, в какой имя собственное (этимологически и т.п.) связано с именем нарицательным» [244, с. 201].

В диахронии семантику имен собственных видит и В.М. Мокиенко (в отличие от синхронного их состояния) и связывает ее с их способностью развивать переносные значения при переходе в нарицательные и приобретении экспрессивности [144, с. 60]. Однако подобный взгляд разделяется далеко не всеми исследователями, отмечающими с большей или меньшей долей последовательности черты переходности между именами собственными (ИС, онимами) и именами нарицательными (апел-

лятивами). Так, наличие у ИС лексического значения в речи как значения энциклопедического, экстралингвистического отмечено А.В. Суперанской [238]. В ЛЭС (автор статьи — Н.В. Подольская) отмечено, что имя собственное «не связано **непосредственно** с понятием; оно вторично по отношению к апеллятиву; основное значение собств. имени заключено в его связи с денотатом...». Уже из этого описания следует, что опосредованная связь с понятием у ИС всё же существует, хотя основными его функциями признаются «выделение именуемого им объекта из ряда подобных», индивидуализация и идентификация данного объекта. При этом собственные имена признаются составной частью «языковой **коммуникативной** системы», что оставляет открытым вопрос об отношении ИС к лексической системе языка, о признании их как лексем объектом лексикологии. Думается, в пользу последнего свидетельствуют многочисленные случаи перехода из имен собственных в нарицательные: имя собственное «может быть подвержено апеллятивизации, напр., село *Палех* → изделие *палех*; терминологизации, напр., *Генри* → *генри* (единица индуктивности); фразеологизации, напр., *Вавилон* → *Вавилонское столпотворение*». С системностью апеллятивов ИС роднят и многочисленные случаи «иррадиации» (напр., р. *Дон*, его приток *Сев. Донец*, г. *Донецк*, *Донецкий кряж*, *Донбасс*, *Подонье*, *Войско Донское*, *Дмитрий Донской*, роман «*Тихий Дон*» и др.), а также различные виды стилистической переоценки и адаптации заимствований. Как и апеллятивы, ИС группируются в определенные тематические объединения, связанные с отражением определенного фрагмента знаний о мире: антропонимы, топонимы, теонимы, зоонимы, астронимы, космонимы, фитонимы, хрононимы, идеонимы, хрематонимы и др. Случаи взаимообратимости при переходе ИС в апеллятивы и наоборот иллюстрируются в энциклопедии «Русский язык» примерами: *Запад* (западные страны), «*Современник*» (кинотеатр и издательство); «*Нива*» (марка автомобиля); отмечается происхождение ИС по преимуществу из нарицательных (*Пётр* — *древнерусск. камень*, *Азия* — *ассир. восход, восток*) [59]. Образцы перехода онима в апеллятив в виде континуума, включающего множество

интерпретаций, могут быть представлены примерами Дон Жуан / донжуан, Дон Кихот / донкихот, Казанова / казанова, Обломов / обломов и его производными. Проводит аналогию между лексическим и онимическим содержанием и В. Бланар [292]. Она заключается в том, что «гносеологически-логические элементы широкого спектра, которые не интегрируются в лексическое значение, принадлежат содержательному понятию» [292, с. 41]. При этом не отрицается понятийная отнесенность ИС, автор только различает общее (апеллятивное) и непосредственно с ним соотнесенное единичное онимическое понятие, и именно признаком индивидуальности имя собственное отличается от апеллятива. При этом онимическая семантика имени собственного рассматривается как объективная данность, хотя его содержание складывается из указания на общий класс онимических объектов, с которым соотнесено ИС. Так, место, человек, животное, растение обозначают ближайший род, без соотнесения с которым нельзя понять семантику имени собственного. Но индивидуальные, единичные признаки имени собственного и энциклопедическая информация помогают раскрыть объект номинации, установить референтные отношения в акте коммуникации, что сближает ИС и местоимение. И эта близость ИС, с одной стороны, к родовидовым объединениям слов, а с другой — к местоимениям отмечается и в работах отечественных лингвистов. Так, гипертрофированная номинативность имен собственных ставится в зависимость от такого их структурно-определяющего качества, как «их постоянная, неизменная вторичность, вторичность наименования: СИ — это всегда последнее наименование, последнее деление в ряду родовидовых признаков. В самом деле, каждое лицо, предмет, место имеют свои номенклатурные названия: человек (женщина, мужчина, мальчик, студент, врач, рабочий); место (город, село, озеро, река, море); произведение искусства (роман, повесть, картина и пр.), и только в последнем делении Вера, Саша; Петров, Сергеев; Москва... река Нева... повесть «Степь»... [176, с. 61]. Отношения ИС и нарицательных при построении словосочетаний и предложений оказываются во многом аналогичны-

ми отношениям родовых и видовых наименований. Ср.: поэт Пушкин и Пушкин-поэт, ягода малина и малина-ягода. Автор присоединяется к мнению Ф.И. Буслаева, считавшего, что СИ означают неделимые понятия, ибо в отличие от взаимоотношений между наименованиями родовидовых понятий «сочетание СИ с номенклатурными словами является всегда пределом деления: живое существо → человек → мужчина → русский → рабочий → москвич → Иван Петрович Кольцов» [там же]. И здесь для получения семантической информации, которая будет достаточной, требуется только один семантический определитель. Нельзя не согласиться с выводом автора, что «СИ не обозначают класса однородных предметов (и понятий) типа «дом», «дерева», но образуют класс самих имен, которые применяются к относительно однородным предметам (имена людей, клички животных, топонимы и пр.)» [176, с. 62]. Таким образом, СИ квалифицируются как подсистема лексико-фразеологического порядка в общей системе языка и речи.

Близость ИС к местоимениям связывается с дейктическими элементами их семантики. Но если лейксис местоимений более абстрактен («я» имеет общее значение субъекта речи, «ты» — адресата, «он» — лица, не участвующего в диалоге), то дейксис личных ИС более конкретен, более остр и более узок в своей денотативной адресованности. Например, дейктик Андрей в качестве референтов может иметь 5 абсолютно разных конкретных Андреев: 1) Андрей Боголюбский, один из русских князей, сын Юрия Долгорукова; 2) Андрей Болконский, художественно созданный герой одного из романов Л. Толстого; 3) Андрей Платонов, выдающийся русский писатель; 4) Андрей Сахаров, выдающийся русский ученый и общественный деятель; 5) Андрей Щеголихин, сосед по даче одного из авторов данной статьи. (Разумеется, список русских Андреев может быть продолжен) (примеры А.Г. Лыкова и Т.А. Чабанец). В итоге все ЛИС причисляются к дейктикам в силу дейктико-референционального характера своего лексико-грамматического значения и относятся к классу дейктико-эгоцентрических слов. Кроме того, в кругу ЛИС отмечается отсутствие всех фун-

даментальных категорий семантики (омонимии, полисемии, синонимии, антонимии).

Наиболее продуктивной представляется точка зрения, соотносящая имена собственные с апеллятивами по всем компонентам их значения, и эта соотносительность оказывается особенно очевидной в свете когнитивного, культурологического, антропоцентрического подхода. Еще Л.В. Щерба в «Опыте общей теории лексикографии» указывал на способность имен собственных подводить предмет под понятие, но не всякий предмет, а один определенный. Тем самым утверждался факт хотя и вырожденной, но имеющей место в кругу ИС понятийной отнесенности. Сигнификативную функцию отмечали для имен собственных Е. Курилович, А.А. Потебня, Л.А. Булаховский, С.Д. Кацнельсон, В.М. Павлов, Т.Н. Кондратьева, В.Д. Бондалетов, А. Вежбицкая и мн. др. По справедливому замечанию В.Д. Бондалетова, «имя собственное, будучи единицей языка — словом или функционально сходным с ним словосочетанием, обладает всеми названными типами отношений — денотативным, сигнификативным и структурно-языковым, однако их качество в собственном имени несколько своеобразно по сравнению с соответствующими компонентами значения нарицательных слов, что и обеспечивает собственным именам языково-речевую специфику и объединяет их в **особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка**» [33, с. 27]. С сигнификативной функцией связано знание говорящего о соотнесенности предмета, названного ИС, с другими предметами данного вида и другими классами предметов (например, произнося имя «Наташа», мы соотносим его с понятием лица женского пола, принадлежащего к определенному этносу. Показательно, что в Турции на популярных курортах всех русских девушек местные жители называют наташами). Ср. замечание Л.А. Булаховского: «Но и собственные имена как слова обобщают в том смысле, что указывают своей природой определенной части речи и т.п. на принадлежность понятия к той, а не другой сфере восприятия» [37, с. 17]. Другое дело, что в отличие от апеллятивов, первичная функция у ИС иная — выделение, идентифика-

ция, название конкретного предмета при вторичности функции обозначения понятия (обратная зависимость в классе имен нарицательных). Точно так же апеллятиву в сознании соответствует прежде всего такая ментальная структура, как понятие, а ИС — представление, что не исключает роли ИС в концептуализации мира, в экспликации концептов. В этом смысле говорят даже о персонифицированной русской культуре, включающей прежде всего известные этносу имена политических и общественных деятелей, представителей культуры, центральных персонажей художественных произведений, служащие эталоном тех или иных качеств познаваемых объектов, ориентиром в этическом пространстве культуры и т.д.

При изучении стратегий идентификации личных имен ученые заметили, что они соотносятся с актуальными для всех носителей языка персонажами или лицами, последние выступают национально-культурными эталонами имени. Так, в эксперименте имя Николай дало реакции Чудотворец, топор — плотник, хранитель, а имя Татьяна — реакции Ларина, Евгений Онегин, Пушкин [107, с. 100—101].

Важную лингвокультурную информацию несут ономастические словари, напр., словарь Т.Н. Кондратьевой «Метаморфозы собственного имени», словари русских личных имен, мифологические словари. По словам А. Вежбицкой, «личные имена что-то значат — и не только с этимологической, но и с синхронной точки зрения. Они несут важные прагматические значения, в которых отражен характер человеческих взаимоотношений... Личные имена что-то значат. Смыслы, в них заключенные, могут быть расшифрованы и описаны; их можно выучить и им можно научить» [46, с. 192, 196]. Эти имена автор рассматривает как средство доступа к культурным реалиям того или другого этноса, к особенностям его ментальности, поскольку детальной лексической разработке в языке подвергаются те области знания, которые наиболее актуальны для данной языковой среды. Разнообразие экспрессивных имен в русском языке связывается с такой особенностью российской ментальности, как повышенная эмоциональность, необходимость дифферен-

циации личных имен близких людей. Ср. там же при описании других языков: «Имя собственное концептуализирует человека как уникальный организм. Но когда интерес к человеку растет, вместо одного имени собственного индивид реализуется в целом ряде разных имен. Возможно, такая дифференциация помимо индивидуализации выражает также различные манифестации или способы восприятия кого-то близкого» [46, с. 197]. Таким образом, в семантике ИС отмечается значимость таких компонентов, как социально-локальный, национально-культурный, идеологический, эмотивный, дейктический, эстетический, функционально-стилистический и др., связанные с переживанием человеком своего отношения к предмету. Подобного рода конкретно-чувственные представления, ассоциации и общеизвестные фоновые знания об объекте в данной культурной среде относятся к периферии семантики ИС [34, с. 18].

При традиционно жестком разведении семантики и прагматики именам собственным не находилось места среди имен, семантически параметризуемых по отношению знака к миру, однако современные исследователи (Е.В. Падучева, А. Вежицкая и др.) говорят об относительности границ между семантикой и прагматикой, между лингвистической и экстралингвистической информацией, заключенной в слове. Интегральная концепция лексического значения слова, признание сквозной его семантической и интерпретационного характера позволяет отметить у ИС не только номинативную функцию, но и способность иметь предельно редуцированный (или индивидуализированный) экстенционал и очень широкий импликационал, несущий прагматическую, коннотативную информацию, значимую в структуре имени собственного для этнической языковой личности, аккумулирующую ее знания о мире и опирающуюся на область бессознательного. Наличие же общепонятийных категориальных сем, роль ассоциативной связи с родовым понятием, более или менее вырожденная понятийная отнесенность в структуре значений ИС объясняют возможности взаимоперехода собственных имен в нарицательные и обратно и выбор их в текстопорождении.

Так, типовой моделью номинации в газетном тексте выступают названия встреч на высшем уровне, олимпийских игр, фестивалей и т.д. на основе метонимической связи события и места его проведения (Давос, Сан-Ремо, Юрмала). Не случайно один из рассказов В. Токаревой об отрицательном персонаже назван «Анчар», как не случайны «говорящие» ИС у В. Кунина (яхта «Опричник», произведение «Иванов и Рабинович», кличка кота «Кыся Мартин фон Тиффенбах», прозвище водителя Водила с точки зрения кота). В текстовом использовании ИС сильна опора на прототипические признаки исходных имен, связанные с элементами культурной традиции.

Культурные ассоциации, связанные с именем собственным, дают основу дальнейшей его интерпретации в соответствии с замыслом автора и теми лексическими вехами, которые он составляет для ориентации адресата в своем ментальном пространстве. Ср. в стихотворении А.С. Пушкина «Что в имени тебе моём?», где уже само название имплицитно несет ту информацию, которая будет развернута в лексической структуре поэтического текста:

***Что в имени тебе моем?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине
Произнеси его тоскуя:
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.***

Ранее отмечалась близость ИС к местоимениям. Она отчетливо проступает в текстовом использовании слов того и другого класса:

«Имена. Для своего существования «я» нуждается, писала она (Н.Я. Мандельштам. — Н.С.), в двух элементах: в «мы» и, в случае удачи, в «ты». И еще, о своем покойном муже: он «был моим ты»... А это пример самый удивительный. Оказывается, и на краю света, в треклятом лагере на Второй речке, Мандельштам не забывал о различии между «ты» и «вы». Друг по несчастью Юрий Моисеенко рассказывал об этом так: — Осип Эмильевич ко всем относился почтительно, но к Ляху обращался — «Володя, вы», а к Ковалёву — «Иван Никитич, ты» (Лях и Ковалёв солагерники М. — А.Л.). Мы Мандельштама звали по имени-отчеству, на «вы». За глаза называли попроще: «Эмильевич». Кто-то из новичков спросил его, как правильно — Осип или Иосиф. Он говорил так — врасстяжку: «Называйте меня Осип Эмильевич». И через паузу добавил: «А дома меня звали О-ся».

Даже в этих запредельных условиях Мандельштам помнил: в каждом приветствии заключена формула отношений. В одном случае непременно нужно «ты», но по отчеству, а в другом — «вы», но по имени. На самой вершине этой иерархии значений находятся домашние имена. Его — Ося. Его жены — Нежняночка, Някушка, Пташенька. Его подруги (Ольги Ваксель. — Н.С.) — Лютик, Дичок, Медвежонок, Миньона» (Александр Ласкин. Ангел, летящий на велосипеде).

В русской народной культуре, отечественной философии и литературе издавна утверждается мысль о связи имени человека и его судьбы, о магической, демиургической силе имени, о взаимодействии человека с именем. Ср. значащие имена фольклорного эпоса — царевна Несмеяна, падчерица Чернушка, Иванушка-дурачок. Как символ русскости имя Иван отразилось в ряде нарицательных обозначений и фразеологизмов: ванька (извозчик, устар.), ваньку валять, в фитонимах (Иван-чай, Иван-да-Марья), в названиях праздников и связанных с ними литературных произведений — «Вечер накануне Ивана Купалы»

Н.В. Гоголя (Иванов день 7 июля). Философами школы Всеединства утверждается онтологическая природа имени и связанная с этим его нормативная, регулятивная функция. По П. Флоренскому, «имя вещи и есть субстанция вещи», имена «как бы имеют свои энергии и как бы онтологичны» [259, с. 265]. Поэтому такое значение с древнейших времен уделялось обряду имянаречения, вызывания по имени, как бы воссоздания сущности человека, заключенной в его имени. Еще в дохристианский период популярными были имена, данные по цвету волос и кожи: *Черныш, Беляй*; по внешним признакам: *Малюта, Заяц, Губа* (с заячьей губой), *Лобан*; по особенностям характера и поведения ребенка: *Бессон, Забава, Истома, Молчан*; по условиям появления ребенка в семье: *Голуба, Любим, Ждан и Неждан, Нечай, Поздей*; по времени рождения ребенка: *Вешняк, Зима, Мороз*; по названию тотема рода древних славян: *Кот, Волк, Трава, Ветка* (эти явления представлены в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова). «Антропонимическое ядро» русского именослова, указывающее на родство славянских народов и включающее имена: *Рад, Рада, Радомысл, Владимир, Мирослав, Святослав, Борислав, Владимир* — описано М. Морошкиным (Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке) и отражает «наивную этику», нравственный идеал народа. С магической силой имени связан и обычай древних славян давать имена-обереги, защищающие от зла всякого рода, даже если это неблагозвучное имя с негативными коннотациями. Словесной защитой от злых духов были, например, такие имена, как *Ненаш, Проданец, Краденый, Корела, Берендей*. Охранную функцию у древнерусского этноса несли имена *Горе, Нелюб, Несмел, Захворай*, оберегая ребенка от разных напастей.

Концепция имяславия в русской религиозной философии в истоках своих связана с прославлением имени Божия, но и имя человека как божьего творения обладает внутренней энергией, «не то предвещает, не то приносит его характер, его душевные и телесные черты в его судьбу» [259, с. 422]. В имени — «средоточие всяких физиологических, психических, феноменологичес-

ких, логических, диалектических, онтологических сфер... В слове, — и в особенности в имени, — всё наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков... всякая наука есть наука о смысле, или об осмысленных фактах, что и значит, что каждая наука — в словах и о словах» [137, с. 628].

Магическая, действенная сила имени требует не только ответственности при наречении в быту, как бы прогнозируя судьбу человека (ср. несуразность имен типа Фридрих Трофимов, Ариадна Жеребцова), но и обуславливает традиции литературной обработки имен. В [206] рассмотрены мотивы обращения к таким именам персонажей, как *Клим* (в «Жизни Клима Самгина» М. Горького), *Вера*, *Надежда*, *Любовь* (в его пьесе «Последние»), *Марина* (в стихах М. Цветаевой), *Касьян* (шлемоносец) у Е. Носова («Усвятские шлемоносцы»), *Пряслины*, *Таборский* в трилогии Ф. Абрамова и др. Ср., например:

«Отец Иван Самгин заранее проецирует имя на жизнь ребенка, предлагая назвать его библейским именем Самсон, уготавливая ребенку необыкновенную судьбу. «Народ нуждается в героях», — заявляет Иван Самгин. Однако высокая судьба не состоялась. В последнюю минуту сыну дали простонародное имя Клим. Претензии на значительную судьбу зачеркиваются изначально. «Однако не совсем обычное имя ребенка с первых же дней жизни заметно подчеркнуло его». Вместо возвеличения произошло унижение именем. Бабушка, «находя имя мужицким», считала, что «ребенка обидели» [206, с. 18].

Таким образом, высокая частотность и богатейший импликационал имен собственных не позволяет вывести их за пределы лексикологии, несмотря на такие специфические особенности, как генетическая вторичность по отношению к апеллятивам, функциональная вторичность в кругу номинативных слов, своеобразии предметно-понятийной отнесенности и др. Лексикографы (Л.В. Щерба и др.) также считали ИС словами и видели необходимость их лексикографической фиксации. В настоящее время признается, что «имена собственные (при всем их отличии от нарицательной лексики) — такой же законный объект

лексикографии, как и нарицательная лексика» [131, с. 47] и должны быть представлены не только в энциклопедических словарях. В отличие от них предлагается словарь, призванный выполнить тройную роль: вычленив ИС, принадлежащие, условно говоря, литературному языку, быть филологическим по содержанию и справочным по назначению с ориентацией на сегодняшнее нормативное словоупотребление.

Правомерность введения ИС в лексическое учение о слове подтверждается их включением в типологию слов школьного учебника по русскому языку под ред. М.В. Панова, где подчеркивается их номинативная и выделительная функция и культурологическая значимость: связь с именами нарицательными (дизель — от фамилии изобретателя-инженера Дизеля, названия образцов оружия — маузер, браунинг, наган), использование в текстах художественных произведений (роман Жюль Верна «Север против Юга», «говорящие имена» — «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Носова), кумулятивная функция (информация об истории нарицательных имен пломбир, бостон, геркулес, восходящих к ИС); этимология ИС Пётр (камень), Виктор (победитель), Софья (мудрость), Марина (морская); источники их заимствования и др.

Включены здесь в общую типологию слов, описанных в разделе «Лексика», и такие, которые относятся к периферии лексической системы языка, — **служебные слова, или частицы речи, междометия**. Сопоставление самостоятельных и служебных слов проводится по их функции в речи: «Служебные слова употребляются вместе с самостоятельными словами... это как бы спутники самостоятельных слов, и смысл их проявляется только в соединении с самостоятельными словами». Представление о полевом строении лексической системы, наличие в ней размытых зон обуславливает различное представление о значении служебных слов, выступающем как смысл в речевом употреблении, что и отмечено составителями учебника. В одних случаях утверждается наличие у служебных слов (предлогов, союзов, частиц) и лексического, и грамматического значения, в других — их слияние в семантике служебных слов, в третьих — наличие

только грамматических значений (см. подробнее [50, 285, 225]). Находясь на границе лексики и грамматики, служебные слова, хотя и относятся к сфере грамматических средств, имеют различную степень грамматикализации. Так, Р.П. Рогожникова показала, что полнозначные слова с признаками релятивности выполняют функцию составных предлогов: *в преддверии (чего), в расчете (на что), в духе (чего)*, а на базе эквивалентов слова — предлогов формируются составные союзные сочетания: *вплоть до того, что; в знак того, что; в том смысле, что...* Именно связь с исходными полнозначными словами, с их лексическими значениями обуславливает возможность развития соответствующих грамматических значений. Вместе с тем служебные слова как лексически несамостоятельные «противопоставлены знаменательным (самостоятельным) словам как лексические и грамматические единицы. Как лексемы они лишены номинативных значений, присущих знаменательным словам... их лексическое значение абстрагировано от отношений, которые они выражают в предложении. С.с. не обладают той семантической общностью, на основе которой происходит объединение знаменательных слов в части речи» (ЛЭС). Но, по утверждению Ю.С. Степанова, союзы, предлоги, частицы (кванторы) «являются с современной точки зрения различными типами предикатов» [219, с. 140]. Как элементы эгоцентрические, служа для выражения различных оттенков субъективной модальности, служебные слова также сближаются с полнозначными. По словам С.И. Богданова, «сфера взаимоотношения словоформ с различной служебной функцией и большая часть области взаимодействия полнозначных и служебных слов характеризуются в большей степени функциональным синкретизмом и полисемичностью, чем омонимическими противопоставлениями» [31, с. 31].

Любопытно, что в общую типологию слов в упомянутом школьном учебнике вводятся и **междометия** как слова особые, каждое из которых без помощи других что-то выражает: «Слова, которые выражают чувства, называются междометиями». Предлагается сравнить слова двух столбцов:

Междометия	Знаменательные слова
<i>Ах!</i>	<i>Восторг, восхищение, досада</i>
<i>Ох!</i>	<i>Раздражение, страх, боязнь...</i>
<i>Эх!</i>	<i>Решимость, досада, упрёк</i>

Акцент делается на том, что слова первого столбца выражают чувства, не называя их, а слова второго столбца как знаменательные слова, слова-названия называют чувства. К междометиям относятся различные призывы и побуждения к действию, и отличаются от междометий звукоподражательные слова. Аналогично характеризуются междометия в энциклопедии «Русский язык» [193]: «Междометия — лексико-грамматический класс неизменяемых слов, не относящихся ни к служебным, ни к знаменательным словам и служащих для выражения (но не называния) чувств, экспрессивных оценок, волевых побуждений, призыва» (Н.Ю. Шведова). Отмеченные особенности междометий отчетливо выступают при их использовании в поэтическом тексте, идиостиле, опирающемся на системно-языковые качества слов этого класса. Ср. использование междометий упомянутого выше левого столбца и их «расшифровки» в правом в стихотворении М. Цветаевой «Молвь»:

*Ёмче органа и звонче бубна
 Молвь — и одна для всех:
 Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
 А не даётся — эх!*

Наличие размытых, переходных зон в лексической системе языка подтверждается случаями не только перехода знаменательных слов в междометия (батюшки, матушки, дудки), но и эмоционального усиления с помощью междометий единиц других классов слов: вон что — вон оно что — ах, вон оно что.

Феномен антропоцентричности и эгоцентричности языка оправдывает включение в лексическую систему, в ее периферийные слои **модальных слов** как специализированных средств выражения отношения говорящего к сообщаемому, различных

модусных смыслов (*конечно, бесспорно, безусловно, действительно* — категорическая достоверность; *возможно, вероятно, кажется, по-видимому, очевидно, должно быть* — проблематическая достоверность; вводно-эмоциональные слова: *к счастью, к удивлению, к сожалению*; фатические компоненты: *знаете, послушай, позвольте*; сигналы перехода к обобщающему способу выражения: *словом, скажем, короче* и др.). Будучи словами, они, как, например, предлоги, фиксируются толковыми словарями при разработке структуры значений многозначных слов.

Таким образом, рассматривая слово в аспекте лексикологии, необходимо учитывать неоднородность типов слов в рамках лексической системы языка, ее полевое, ядерно-периферийное строение, наличие размытых зон, переходных случаев (типа номинаций железная дорога, лексических биномов физик-теоретик, остаточной выделяемости предлогов, аналитических форм слова и т.д.). Безусловное ядро лексической системы составляют слова полнозначные, непроницаемые и нечленимые, обладающие номинативно-классифицирующей функцией. К ним примыкают местоимения и имена собственные, обволакивающие ядро и важные в свете антропоцентрического подхода к лексике. К периферии лексической системы относятся служебные слова, междометия и модальные слова.

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Этапы и трудности изучения русской лексики

Представление о лексике как системе в современной русистике можно считать сложившимся, хотя еще в 1950-х годах вопрос о том, является ли лексика системой, был предметом научных дискуссий даже на страницах центральных лингвистических изданий, каким является журнал «Вопросы языкознания». В настоящее же время подобный вопрос может представлять интерес только в аспекте популяризации научных знаний. Так, в статье Эр. Хан-Пира «Привносит ли лексиколог системность в лексику?» [264] убедительно показано, как синонимический ряд *локомотив* — *паровоз* распался с появлением слова *тепловоз* и отношения синонимии в пределах лексико-семантической группы названий средств тяги сменились отношениями гиперогипонимии (*локомотив* — *паровоз*, *тепловоз*, *электровоз*, *турбовоз*), субординации (взамен отношений координации) отнюдь не по воле лексиколога, а по объективным вне- и внутриязыковым причинам.

Тем не менее целостное системное учение о лексике сложилось сравнительно поздно по отношению к другим разделам науки о языке, опиравшимся на учение Фердинанда де Соссюра, хотя еще в конце XIX века М.М. Покровский указывал на связь слов и их значений в отдельные группы на основании отношений сходства и противоположности: «...история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [168, с. 75]. Н.В. Крушевский также указывал на различные типы ассоциативных отношений, возбуж-

даемых в нашем сознании словом и связывающих слова между собой: «...вследствие закона ассоциации по сходству слова должны складываться в нашем уме в системы или гнезда, а благодаря закону ассоциации по смежности те же слова должны строиться в ряды» [82, с. 291]. Наряду с непосредственными связями слов Н.В. Крушевский отмечает и «посредственные», например, те, по которым слова связываются с вещью на основании ассоциации по смежности: «Слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и обозначаемые ими вещи» [там же]. Это замечание выводит на актуальные для современной лексикологии проблемы идеографической классификации лексики, теории семантических полей, тематических объединений слов. Ср. в этом плане замечание П.Н. Денисова: «Тематическая совокупность слов относится к внутреннему миру мысли, как предметная относится к внешнему миру реального пространства. Предметы в узком смысле организуются в совокупности расположением в пространстве. Тема организует слова в совокупности в уме, в семантическом пространстве человеческой психики» [71, с. 123].

Формирование целостного учения о лексике как системе связано в отечественном языкознании с именами Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Ю.Д. Апресяна, Д.Н. Шмелёва, Э.В. Кузнецовой [127], Л.А. Новикова [154], В.Г. Гака, А.А. Уфимцевой, М.В. Никитина, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Л.М. Васильева и мн. др.

Как известно, теория рождает метод, и большая заслуга зарубежных (Э. Бендикс, Ю. Найда, М. Бирвиш) и отечественных лингвистов связана с разработкой методики компонентного анализа семантики слова и лексических группировок, точных методов лексического анализа [172, 197, 125, 142, 177].

Трудности изучения лексики как системы, обусловившие известное отставание в ее разработке, связаны не только с традициями атомарного подхода к ее единицам и вниманием в рамках сравнительно-исторического подхода преимущественно к изменениям значений слов, но и с множественностью объекта — слов, изучаемого в лексикологии; его непосредственной

обращенностью к внеязыковой действительности, предельной открытостью в отношениях со средой, в чем мы имели случай убедиться, рассматривая активные процессы в современной русской лексике, в частности, проницаемость сфер литературного и общенародного языка, его социальных диалектов.

В практике вузовского и школьного обучения это ведет к смешению категорий литературного и общенародного языка, и лексический раздел действующих учебников оказывается менее ориентированным на нормы литературного языка, чем другие разделы курса [см., например, 260], то есть нарушается ведущий в обучении языку принцип нормативности, смещается содержание ряда стилистических понятий.

В одном из изданий действующего школьного учебника [191] выступает лексика не нормативно ориентированная, свойственная литературному языку, а та, которая представлена в языке общенародном. Ср.: «Многие слова русского языка известны всему народу. Эти слова являются общеупотребительными... Наша обыденная речь прежде всего строится из общеупотребительных слов. Но есть в русском языке слова, которые используют в своей речи не все люди. Например, слово *яруга* (овраг) употребляется в речи сельских жителей некоторых мест; *шамот* (огнеупорная глина) — в речи металлургов». И сразу же вопрос — «Что такое общеупотребительные слова?».

Разговор об общеупотребительных словах в курсе нормативной лексикологии имеет смысл применительно к стилистической классификации лексики литературного языка и, следовательно, должен вестись на функционально-стилистической основе, предполагающей оценку слов с точки зрения маркированности — немаркированности их сферой употребления в литературном языке. При ином понимании ученики не смогут соотнести общеупотребительные слова с функционально-стилистически ограниченными и дать верный ответ на вопрос «Что такое общеупотребительные слова?».

В противоречии с вводящей частью находится и комментарий к употреблению слов *свекла* — *буряк*: «слово *свекла* общеупотребительное, оно известно всем, говорящим по-русски.

Слово *бурак* используется только в речи жителей определенной местности. Это диалектное слово». Но ведь само собой разумеется, что если жители местности (и не одной) используют слово *бурак* нейтрально, то слово *свекла* уже по одному этому не будет общеупотребительным в том значении этого слова, которое принято составителями учебника.

Ограничения диалектизмов рамками общенародного языка и отсутствие их нормативной оценки не позволит и ученикам 7 класса осознать материал упражнения с заданием указать слова, которые ограничены в своем употреблении или определенной местностью, или профессией говорящего, поскольку в приведенных отрывках из художественной и научной речи введение территориально и профессионально ограниченной лексики потребовало особых приемов ее включения в иностилевые, ориентированные на норму отрывки, что никак не обратило на себя внимание составителей.

В том же ключе, что и диалектная, представлена в школьном учебнике лексика специальная, профессиональная.

Указание составителей на то, что «профессиональные слова разъясняются в особых словарях-справочниках, в энциклопедии» и что «наиболее употребительные профессиональные слова даются в толковых словарях с пометой “спец.”», позволяет увидеть в определении недифференцированное истолкование специальной лексики, хотя в лингвометодическом отношении эти две ее группы обладают разной «ценностью». Одно дело лексика сугубо профессиональная, зафиксированная в особых словарях-справочниках и не имеющая точек соприкосновения с системой литературного языка, и другое дело — профессиональная, специальная лексика, вошедшая в его систему как часть словаря, как единственная номинация или наряду с общеупотребительным названием — синонимом. Эта вторая группа по отношению к системе литературного языка выступает как часть системы стилистической парадигматики, ибо проникновение терминов в литературный язык ведет к парадигматическим перегруппировкам в связи с перераспределением объема и содержания понятий.

Функционально-стилистическая характеристика лексики предполагает и установление временной перспективы слова в современном литературном языке, ибо понятие современного языка предполагает обращение и к устарелым, и к новым словам. Слова, не имеющие этой временной отмеченности, также могут быть названы стилистически нейтральными. На их фоне хронологически маркированная лексика оценивается по тем функциям, которые она выполняет в современном литературном языке, что и дает основания включать ее в толковые нормативные словари в качестве членов семантико-стилистической парадигмы. Сюда попадают в первую очередь слова, которые входят в пассивный или возвращаются в активный словарь; это особенно важно для нормативной оценки архаической лексики, которая неоднородна по своей роли в системе литературного языка. Ср. в школьном учебнике: *ендова*, *светец*, с одной стороны, и *кафтан*, *треуголка*, *ботфорты*, *яхонт*, *ветрило* — с другой. Если считать устаревшими «слова, вышедшие из активного повседневного употребления», то все равно придется ответить на вопрос, почему они изучаются в лексикологии современного русского языка и в одинаковой ли мере важны для нее. Вряд ли целесообразно все эти слова приводить вместе, может быть, следует прямо характеризовать устаревшую лексику с установкой на ее функции в системе современного литературного языка, исключив то, что не входит в эту систему.

Удачнее дано определение неологизмов: «новые слова, возникающие в языке, называются неологизмами». Лексика современного русского литературного языка с точки зрения временной перспективы может быть разделена на группы: 1) хронологически отмеченная признаком новизны; 2) хронологически нейтральная; 3) хронологически отмеченная признаком устаревания. Эта система отражает действие важнейших тенденций языковой нормы: к стабильности и к изменчивости.

Не содержит нормативной оценки и раздел «Что такое профессиональные и диалектные слова» другого учебника [190, с. 205—212], где в одном ряду представлены и слова, обращенные к узкоспециальному употреблению (*ганглий*, *финноз*,

форзац и др.), и те термины, которые вошли в широкое употребление через предметы школьной программы (*сложение, делимое, наречие, сумма, обстоятельство* и др.).

Аналогичная ситуация складывается и с представлением диалектных слов (*бакланка, брюкла, выведуха, квохтуха, рябуха, седунка, шкваруха* и др.) при отсутствии нормативно-стилистических терминов «профессионализм», «диалектизм», а также указаний на границы употребления устаревших слов в современном русском языке и их разряды (ср. *понеже, шуйца* (левая рука), *послух* (свидетель), *клюка* (хитрость), *чага* (рабыня), *бруд* (грязь), *одесную* (справа) и *кольчуга, смерд, помещик, земство, урядник* и др.).

Внимание составителей к лексике, выходящей за границы литературного языка, объяснимо с учетом тенденций жестко не противопоставлять лингвистическую и экстралингвистическую информацию в слове, обращенности его к разным видам знания. И тем не менее это не позволяет игнорировать принцип нормативности в описании фактов языка и те функции, которые оправдывают использование лексики, имеющей социальные, территориальные и хронологические границы употребления, в стилистической системе литературного языка, в нормативных толковых словарях. Сказанное относится к таким «профессиональным словам», как *бакитоф, лихтер, ганглий, финноз* и др., к «диалектным словам»: *калица, бакланка, бухма, бот* и др., устаревшим словам: *блиставица, чага, клюка* (хитрость) и др., не входящим даже в пассивный словарь современника.

Вместе с тем есть и удачные попытки показать такие особенности лексики, как ее открытость, изменчивость, непосредственная обращенность к миру. Один из параграфов раздела «Лексика» учебника «Русский язык» (5 класс) под ред. М.В. Панова [191] так и назван: «Постоянная изменчивость лексики» и иллюстрируется словами, которых «совсем недавно в русском языке не было: *телевизор, магнитофон, луноход, лунник, космонавт, космодром*, а теперь эти слова всем известны». Отмечен и выход из употребления слов *гридь* (воин-телохранитель князя в Древней Руси), *кивер* (военный высокий головной убор из тол-

стой кожи) и сохранение последнего как средства стилизации в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино». Указание на множественность, беспредельность объекта («сосчитать, сколько слов в языке, очень трудно») не влечет за собой нарушения принципа нормативности и не вполне корректных стилистических рекомендаций (это относится к словам, приводимым в качестве иллюстраций в разделе «Знает ли человек все слова своего языка?»: *кочет, бридель* (якорная цепь), *ланч* (шлюпка), *дудка* (шахта), *блендочка* (лампочка), *паротит* (свинка). И только по отношению к нормативной лексике получает свою дефиницию активный и пассивный словарный запас: первый составляют слова, «которые человек знает и часто употребляет», второй — слова, «которые он знает, но не употребляет или употребляет очень редко».

Неисчерпаемость словарного состава языка, вызывающая трудности его системного изучения, подчеркивается и сложностью его лексикографического представления. Так, в рецензии на новое издание «Словаря современного русского литературного языка: В 20 т.» отмечаются многочисленные пропуски терминов различных сфер науки и техники, искусства и религии, актуальных для современного носителя языка, реально употребляющихся и представленных в «Сводном словаре современной русской лексики»: *абстиненция, антиматерия, андрология, андролог, автокефальный, байт, автокатастрофа и авиакатастрофа, авиасалон, авиалайнер*, а также терминологических сочетаний (*быстрое реагирование, бинарное оружие, звуковой барьер*), фразеологизмов (*сущий ад, ангел во плоти, невинный барашек, наших бьют, по боку, дантов ад, бочка Диогена, агнец божий* и др.) и переносных значений у слов *айсберг, бумеранг, апокалипсис, буксовать* и т.д. [58].

Лексике свойственна и известная семантическая неопределенность, отмечаемая такими элементами толкования лексических значений, как «главным образом», «преимущественно», «обычно» и под.:

«Испытать, пережить — основные слова для выражения значения, причем испытать в большей степени подчеркивает

восприятие всего чувствами, ощущениями; перенести и претерпеть употр. обычно по отношению к чему-л. крайне неприятному, тяжелому (часто в сочетании со словами много, много, всё и т.п., без конкретизации — что именно...) познать, а особенно изведать употр. преимущественно в литературно-книжной, иногда приподнятой речи... хлебнуть и хватить (обычно горя, лиха, беды) — испытать в жизни очень много тяжелого, неприятного, мучительного» (АСС).

Эта некоторая расплывчатость, континуальность, диффузность лексической семантики, требующая операций с нечеткими множествами, не укладывается в рамки, требующие дискретного ее описания на основе лишь принципа контрастирования одного слова с другими словами (принцип номинализма). На уровне же категорий «принцип контраста утрачивает силу», а «осмысленность категорий и обобщение в них объективных явлений бытия и духа... само существование неконтрастного уровня семантики является аргументом в пользу реализма» [223, с. 561]. Дискретно-континуальный характер семантики слова дает себя почувствовать в отсутствии жестких границ между членами оппозиций: девочка — девушка, ребенок — подросток, пруд — озеро, ночь — утро, лес — перелесок и др.

Несмотря на отмеченные трудности и специфику лексической системы приводится серия аргументов **общенаучного, психолингвистического и собственно лингвистического характера** в пользу системности лексики. Во-первых, лексика соответствует тому определению системы, которое принято в общенаучном знании и разделяется языковедами: система — это «известным образом организованное (т.е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей» [158, с. 30]. Здесь очень важно указание на взаимодействие трех главных атрибутов системы — структуры, субстанции и функции, их диалектическое единство, обеспечивающее жизнеспособность системы. Эти положения получают свое развитие в новой междисциплинарной области знания — синергетике, которая изучает сложные, нелинейные, саморазвивающиеся сис-

темы, законы их самоорганизации и распада. Это неравновесные системы, активно взаимодействующие со средой, обмениваясь с ней веществом, энергией и информацией, что относится и к живым системам, и к сети Интернет, и к языку, во многом ведущим себя подобно живым системам. Ср. некоторые фрагменты соответствующих словарных статей в «Толковом словаре русского языка конца XX века»:

«Синергетический... Идея И. Пригожина о конвергенции (сближении) мира человека и мира окружающей его природы представляет особый интерес. Синергетика как новое мировоззрение ликвидирует пропасть между этими двумя мирами, ибо устанавливает общие механизмы самоорганизации, присущие и тому, и другому. Тем самым наука, в том числе и естествознание, становится гуманитарной, очеловеченной, а сложному миру человеческой субъективности, в свою очередь, не чужд научный — синергетический подход (Ф и Ж, 91, 7).

Синергизм. Научн. Комбинированное действие компонентов самоорганизующихся систем; научная концепция целостного восприятия мира и отдельных систем».

Язык как адаптивная система (и прежде всего лексика как его наиболее мобильная часть) обуславливает балансирование между стабильностью ментальных репрезентаций и бесконечностью, хаотичностью человеческого опыта и знаний.

Колебательный режим существования сложных систем, включая и языковую, обнаруживает себя, например, в явлениях энантиосемии и антонимии. Здесь наряду с областями возрастания флуктуаций (начальных возмущений) существуют и области их затухания, а средний член антонимической парадигмы уравнивает эти области, нивелирует их. Схематически этот режим можно представить следующим образом:

ГОРЯЧИЙ I	...ТЁПЛЫЙ...	ХОЛОДНЫЙ I
холодный 0	горячий 0,5	горячий 0
	холодный 0,5	

Такое истолкование наглядно показывает взаимосвязь и взаимообусловленность слов с противоположным значением и оправданность для них антонимического способа семантизации в словаре, помет типа «противопол. холодный» (для слова горячий).

В свете данных психолингвистики становится очевидной психологическая реальность системной организации лексики. Об этом свидетельствует и сетевой принцип строения внутреннего лексикона (личностных смыслов), и ассоциативный способ человеческого мышления в целом, и готовность лексического механизма к производству текстов, ибо он обеспечивает как отбор единиц из числа соотносимых, так и их сочетаемость, связывание и совместную встречаемость в тематически однородном тексте. Ср., например, как глаголы ЛСГ эмоционального состояния как бы «цепляются» друг за друга в построении текстового фрагмента — описания эмоционального состояния персонажа:

«Гофман боялся публичных выступлений... Его угнетали солидные инженеры в тонких английских костюмах, неторопливые, изрекавшие скупые и как будто бесспорные истины. Его преследовали некоторые аспиранты из Института сооружений... Они обклеивали свою речь множеством «измов», и Гофман удивлялся: один «изм» цеплялся за другой с точностью зубчатой передачи» (К. Паустовский. Московское лето).

И указание на повторяемость суффикса возбуждает в сознании читателя ассоциативно связанные в лексической системе слова, обслуживающие определенный идеологический дискурс. Ранее отмечалось, что лексическое ассоциирование имеет текстовую направленность, подчеркивая единство субстанциональных и функциональных признаков лексической системы, их роль в построении ассоциативных полей и слова-стимула, и ключевого, тематического слова в тексте (последнее иногда понимается как «слово-тема» в тексте, родовое по отношению к опорному и ключевому словам). Поскольку лингвистические и нелингвистические знания совместно хранятся в схемах памяти

человека, опора на системно связанные слова позволяет «вытянуть» весь фрейм, подвести личностные смыслы под типовые значения слов и тем самым обеспечить коммуникацию и взаимопонимание.

Установлено, что лексикосистемные связи на две трети обеспечивают цельность и связность текста. При освоении языка и в ассоциативном эксперименте слова определенных частей речи, как правило, вызывают в памяти слова, соотносительные по частеречной принадлежности, а известно, что группировки слов по частям речи в лексике предстают как объединения слов по наиболее абстрактным компонентам их лексических значений. По наблюдениям А.А. Леонтьева, в 70% случаев на существительное получают в ответ существительное, на прилагательное в 50% случаев — прилагательное (и обычно — противоположное по значению типа *белый* — *черный*) и в 45% случаев — существительное (реакции типа *новый* — *дом*), а на глагол в 50% случаев — существительное (*искать* — *выход*). Это свидетельствует о том, что слова хранятся в памяти не хаотически, а по блокам, приспособленным к коммуникации. Ошибки в детской речи также соответствуют указанной закономерности: «*На подушке нарисованы такие красивые крылышки*» (вместо *лепестки у цветов*), «*На лугу коровы водятся*» (вместо *пасутся*), «*Дай мне этот подчашник*» (вместо *подстаканник*). Явления речевого распада, афазии также обнаруживают определенную последовательность в нарушении речевых функций: у больных нарушается или способность к выбору средств номинации, имен, при сохранении способности к синтаксированию; либо сохраняется только способность к называнию, перечислению имен при выпадении глаголов (так называемый телеграфный стиль). Известна организующая фрейм роль глагола как предикатного слова: именно он передает то новое, во имя чего и строится высказывание. Таким образом, лексикосистемные группировки слов не являются чем-то замкнутым в себе и для себя, а согласованы с базовыми речемыслительными процессами и задачами обеспечения речевой коммуникации. Именно они лежат в основе построения учебных текстов, несущих базовую информацию и отвечающих

начальному этапу развития речи в практике школьного обучения лексике русского языка. Ср., например:

«Современное русское письмо называют буквенно-звуковым... Существовало в прошлом картинное, или рисуночное, письмо. Такое письмо люди разных стран используют теперь в дорожных знаках, в различных вывесках».

«И грустно, и радостно. Странный в сентябре лес. В нем рядом весна и осень. Жёлтый лист и зелёная травинка. Поблёкшие травы и зацветающие цветы. Тёплое солнце и холодный ветер. Увядание и расцвет. Песни и тишина» [180].

В кругу собственно лингвистических аргументов в пользу системности лексики важным является указание на то, что признание системности объекта в целом (языка) распространяется и на признание системности его частей, включая и лексический уровень организации языковых единиц. На этом уровне со всей очевидностью проявляется действие сформулированного С.И. Карцевским закона асимметричного дуализма языкового знака, согласно которому одно означаемое стремится выразить себя с помощью разных означающих, а одно означающее передает разные означаемые. Этим законом определяются общезыковые явления синонимии и многозначности, сквозные для разных уровней языка, и, прежде всего, лексического.

В лексике обнаруживаются те же виды системных отношений (естественно, с учетом лексической системности), что и в языке в целом — парадигматические и синтагматические. Они выявляются и в использовании таких общих методов, как метод компонентного анализа, дистрибутивно-статистический метод, разного рода экспериментальные методики и т.д.

С опорой на разные виды лексикосистемных связей строятся дефиниции значений слов в лингвистических словарях. В числе основных способов определения лексических значений слов отмечается описательный, ориентированный на родовидовые отношения слов (*сапфир* — драгоценный камень синего или голубого цвета), синонимический (*отвага* — бесстрашие, храб-

рость, смелость; *аморальность* — безнравственность), идентифицирующий, сопровождаемый словарной пометой «то же, что и...» (*трепетаться* — «Разг. То же, что трепетать (в 1 знач.)»), перечислительный (*стороны света* — север, юг, восток, запад). Эти способы семантизации выявляют прежде всего парадигматические отношения слов, на них же указывают и элементы антонимического способа толкования, принятые, например, в БАСе и часто сопровождающие толкования имен прилагательных (пометы типа: «противопол. горячий» к слову холодный и т.п.). Этот же словарь, как, например, и АСС, учитывает и синтагматические возможности слова в пометах типа «О чём-то»: *Тупой* — «1. Недостаточно отточенный; плохо режущий или колющий (**противопол. острый**). 3. Перен. Лишённый остроты восприятия; ослабленный, неразвитый. **Об уме, органах чувств и т.п.**». Указание на типовые синтагматические связи содержит также иллюстративный материал словарных статей: «*тупой ум, тупые нервы...*».

Ассоциативно-деривационные связи в лексике обнаруживаются прежде всего в отсылочных определениях типа: *торговый* — «1. Относящийся к торговле (в 1-м знач.)», *тупиковый* — «1. Относящийся к тупику (в 1-м знач.)», а также в словарном представлении явлений семантической (внутрисловной) деривации: *тупеть* — 2. Перен. *Приходить в состояние оупения, становится умственно или чувственно невосприимчивым, тупым*», *орда* — «2. Перен. *Толпа, скопище, банда*», *отгадка* — «2. *Решение загадки, ответ на загаданное*».

Сама типология семантических дефиниций у Ю.С. Степанова не только учитывает системные связи слов, но и определяет меру системности, свойственной лексике и выступающей, например, в таких оппозициях, как диффузные определения — структурные определения, или интегральные определения — дифференциальные определения: «Если структурированная часть сигнификата — десигнат — может быть определена перечнем дифференциальных признаков, которые противопоставляют и одновременно объединяют данный десигнат с десигнатами других слов его группы, то в остальной части сигнификата при-

знаки оказываются не дифференциальными, а интегральными, присущими лишь данному сигнификату» [223, с. 635]. Важно учесть, что сигнификат понимается автором как концепт в совокупности свойственных ему признаков, а интегральное описание оценивается как реакция на крайности структурализма. Лексикосистемные, и прежде всего родовидовые, связи создают базу для «углубления» определений, например, в тезаурусном описании. Автор приводит в качестве примера слово «молотилка», которое в подобном описании будет последовательно входить во всё более общие рубрики: сельское хозяйство, общественная жизнь, человек как общественное существо, человек, — «языковые темы» которых выводят на когнитивное содержание семантики языка, связывая системно-структурные его измерения с антропоцентрическим.

Рассмотрим более подробно виды системных отношений в лексике и основанные на них лексические группировки слов.

Парадигматические отношения в лексике

Первые попытки изучения парадигматических отношений в лексике связаны с именами Й. Трира и Г. Ипсена, М.М. Покровского, однако целостное представление о действии парадигматических связей в лексике и ее парадигматической структуре стало отчетливо прорисовываться в связи с вниманием исследователей не только к микро-, но и к лексическим макропарадигмам, обнаруживающим непрерывность семантического пространства в лексике. Ю.Н. Караулов ввел правило шести семантических шагов, по которым может устанавливаться связь между весьма отдаленными друг от друга словами в лексической системе языка [93, с. 77]. Термин лексическая парадигматика иногда недифференцированно используется в обозначении отношений внутрисловного варьирования и межсловных объединений. Это смешение связано с единой ассоциативной природой разных видов системных связей слов, отражаемой и в семном наборе того или иного лексического значения. Но в ис-

следовательских целях внутрисловные отношения лучше терминировать вслед за Д.Н. Шмелевым как ассоциативно-деривационные, или эпидигматические [285, 286]; ими ограничиваются пределы проявления ассоциативных связей в сохранении тождества слова. Парадигматические отношения как отношения межсловного уровня постулируют отдельность слова в ряду сопоставимых с ним по признакам понятия, отраженным в лексическом значении слова, и по различиям формы слов. Семные характеристики лексического значения, отражая признаки понятия, эксплицируемые элементами толкования лексических значений, неоднородны, иерархически организованы. В зависимости от степени абстракции и типа парадигм, ими организуемых, выделяются семы межкатегориального ранга (например, сема «признака предмета» у глаголов и прилагательных), категориального, субкатегориального ранга. Категориальные семы связаны со значением предельно общих лексико-грамматических категорий, какими выступают части речи. Субкатегориальные семы соотносятся со значением общих группировок слов и словоформ в пределах части речи. На собственно лексическом уровне анализа отчетливо выступают «архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта» [57, с. 371]. Уровень абстракции, который предполагает семантика признаков слов (глаголов и прилагательных), обуславливает внимание как к родовидовым, так и категориальным и субкатегориальным семам их лексических значений, значений ключевых слов и типам парадигм, организуемым этими семами. Лексические макропарадигмы, открывающие путь от идеи к способам ее лексического представления, наиболее значимые для «активной» лексикологии и лежащие в основе идеографической классификации лексики, — **семантические поля**.

По словам Ю.Н. Караулова, идеографический словарь адресуется к сознанию, его цель в том, «чтобы возбуждать в сознании пользователя крупные блоки единиц, связанные с отражением действительности» [93, с. 155]. Таких блоков в различных

идеографических словарях насчитывается около 400, именно они определяют основы картины мира и принципы членения лексического состава языка, в частности, по таким наиболее общим группировкам, как поля; среди них выделяются группировки двух видов: «1. объединения слов по их отношению к одной предметной области — предметные, или **денотативные, поля**, напр., цветообозначения, имена растений, животных, мер и весов, времени и т.д.; 2. объединения слов по их отношению к одной сфере представлений или понятий, или **сигнификативные поля**, напр., обозначения состояний духа (чувств радости, горя, долга), процессов мышления, восприятия (видения, обоняния, слуха, осязания), возможности, необходимости и т.п.» [133, с. 438]. По мнению В.Г. Гака, совокупность парадигматических и синтагматических полей, образованных на основе признаков формы или содержания слов, составляет «тематическое поле, отображающее определенную сферу внеязыковой действительности (напр., средства транспорта, животноводство, искусство и др.)» [133, с. 260], взаимодействие семантических полей, их зацепление по общим семантическим компонентам разного ранга создает непрерывность семантического пространства языка.

Семантическое поле определяется не только по наличию общего, инвариантного признака, объединяющего единицы его структуры, но и с учетом когнитивного аспекта анализа лексики: как «иерархически организованное множество лексических единиц, объединенных общим **концептом** и отражающих определенную понятийную область» [249, с. 92]. Вместе с тем «сама же объективная лексико-семантическая система языка, в значительной степени недоступная непосредственному наблюдению, будет тем инвариантом, который стоит за различными вариативными системами словарей тезаурусов или перемещений в рамках одного и того же словаря» [223, с. 617].

К свойствам семантического поля относят взаимоопределяемость его элементов, их смысловое притяжение, непрерывность семантического пространства и в то же время фрагментарность, наличие смысловых сгущений и лакун, наличие зон

переходности и потенциальную открытость поля, его безотносительность к распределению слов по частям речи и психологическую реальность. Эти признаки поля отчетливо выявляются при использовании его членов в лексическом структурировании текста, хотя текстовое и системное семантические поля не идентичны и имеют свои области сгущений и разрежений смысла, диктуемые «лексической темой» [273, с. 59] фрагмента словаря и текста. Так, при построении фрагмента бунинского текста активно использованы слова семантического поля «время», содержащие соответствующую сему в качестве ядерной, периферийной и даже потенциальной:

«Так и пережила я его смерть, опрометчиво сказав когда-то, что не переживу ее. Но, вспоминая всё то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же всё-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Всё-таки был. И это всё, что было в моей жизни — остальное ненужный сон. И я верю, горячо верю: где-то там он ждёт меня — с той же любовью и молодостью, как в тот вечер...» (И. Бунин. Холодная осень).

В «Толковом идеографическом словаре русских глаголов. Проспект» под ред. Л.Г. Бабенко также показана возможность вхождения слов языка в семантическое поле по своим вторичным значениям. Так, в семантическом поле глаголов речевой деятельности представлены, например, глаголы:

продребезжать «Перен. Произнести что-л. прерывистым дрожащим голосом, напоминающим звук разбиваемого стекла, прерывистый дрожащий звук металла и т.п.», *сыпать* «Перен. произносить, говорить что-л. быстро, часто, без умолку, одно за другим, направляя на кого-л. слова во множестве, словно выпуская что-л. сыпучее, мелкое...», *чесать* «Разг. Говорить очень быстро, уверенно, выразительно, с особой силой и страстью (обычно о навыке речи на неродном языке)».

Семантические поля как наиболее общие межчастеречные парадигмы слов обнаруживают свою антропоцентрическую на-

правленность в названиях рубрик, казалось бы, самых «объективных» словарей идеографического типа. Так, в универсальной понятийной системе В. Вартбурга и Р. Халлига глобальное понятие «Универсум» членится на рубрики: «Вселенная», «Человек», «Человек и вселенная», но уже дальнейшее разбиение множества «Вселенная» обнаруживает «заинтересованность» человека: «Вещества, добываемые из деревьев и других растений», «Оранжевые и комнатные растения», «Животные, живущие с человеком».

Вполне логичное допущение исследователей о том, что если лексика системна, то и в идеографическом ее описании эта системность в том или ином виде должна себя проявить, подтверждено опытом разработки идеографических разделов словаря на материале русской лексики [223, 91, 93, 283, 116, 140]. В различных рубриках словаря представлены в большей или меньшей мере определенные лексико-семантические парадигмы слов. Так, макрораздел «Душа и интеллект» включает синоним-антонимические парадигмы: *уважать, почитать, любоваться, восхищаться* (раздел уважение, почитание), *презирать, пренебрегать, третировать* (раздел презрение, пренебрежение), конверсивы: *мучитель — жертва* (раздел скорбь, горе), *пугать — бояться* (раздел страх). Полевая структура парадигматического типа представлена в разделе гора (макрораздел вселенная) с центром поля гора и периферией, описывающей горный ландшафт, а элементы структуры синтагматических полей в словах *мороз — крепчать* сопряжены с разделом «Температура и связанные с ней явления», тогда как связи *согнуть — рука — калачиком* отмечены разделом идти (макрораздел человек как физический тип) [140, с. 17—18].

Примером системно-языкового семантического поля могут служить наименования изменения в русском языке [71]. Инвариантное значение его имени «становиться иным». Ядро поля, передающее чистое, не осложненное значение изменения, представлено словами *измениться, перемениться, изменение* и др. Околоядерную зону образуют семантические классы с более сложной смысловой структурой: изменение формы

предмета, деформация (*покривиться, погнуться, покоробить, продавить*); изменение признаков, воспринимаемых органами чувств (цвета, света, звука, звучания, температуры, степени влажности: *пожелтеть, белеть, чернеть, побагроветь, светлеть, утихнуть, теплеть, замерзнуть, согреться, намокать, сохнуть, сушить*); изменение как порча, ликвидация, восстановление чего-либо (*черстветь, ухудшиться, портиться, ликвидировать, ломать, сжигать, повесить, утопить, чинить, ремонтировать*). Эти классы при усложнении функций подвергаются дальнейшему членению на подмножества. Периферийная, переходная зона семантического поля представлена единицами смежных полей, употребляемыми во вторичных семантических функциях. Поле изменения соприкасается с полем созидания (*строить дом — перестроить, разрушить дом*). Многозначные слова входят по разным своим значениям сразу в несколько семантических классов поля: *краснеть* (изменение цвета, внешнего вида человека и его эмоционально-этического состояния).

В материалах к идеографическому словарю В.Д. Лукова действительно показаны области сгущений и разрежений разных видов лексикосистемных связей на определенных участках понятийного пространства. Так, отмечается обилие комбинированных лексико-семантических полей в разделах, посвященных психической, интеллектуальной деятельности человека, синтагматических полей в разделах словаря, связанных с действиями человека в труде и при общении (реализация актантных рамок), почти полное отсутствие синонимических рядов в макроразделе «Человек как член социума». Раздел «Организационная структура армии» включает полевые структуры парадигматического типа, отражающие жесткость иерархии обозначаемого объекта. Само это распределение типов полей свидетельствует об их корреляции с характером передаваемой ими информации, знаний о мире, способами осмысления говорящими тех или иных фрагментов реальности. Ср. еще два раздела намечаемого словаря [139, с. 61—62]:

Раздел «Чувства (человека) по отношению к себе». Лексика достаточно равномерно заполняет все подразделы.

[240000 человек	484000 гордость, спесь
400000 человек как психический тип. Душа и интеллект.	484000 КИЧИТЬСЯ
470000 чувства]	484000 КИЧЛИВЫЙ
480000 чувства по отношению к себе	484000 КОЗЫРЯТЬ (1) перен.
480010 тщеславие	484000 КУРАЖИТЬСЯ Прост. (вести себя заносчиво)
481000 достоинство	485000 скромность, нескромность
481000 КРАСИВЫЙ (достойный, о поступке)	485000 КРОТКИЙ
482000 уверенность в себе	485000 КРАСОВАТЬСЯ (рисоваться)
482000 КУРАЖ Прост. (задор, смелость) Франц.	484000 КОКЕТНИЧАТЬ (рисоваться)
483000 храбрость	486000 стыдливость
	486 КРАСНЕТЬ перен. (стыдиться)
	486000 КОНФУЗ
	486000 КОНФУЗИТЬ
	486000 КОНФУЗИТЬСЯ

Раздел «Эстетические чувства». Краткие толкования необходимы здесь для уточнения оттенков значений синонимов и полисемичных слов.

[240000 человек	530000 КОЛДОВСКОЙ
400000 человек как психический тип, душа и интеллект	перен. (очаровывающий, завораживающий, таинственный)

470000 чувства]	530000 КОКЕТЛИВЫЙ (имеющий нарядный, привлекательный вид)
530000 эстетические чувства	530000 КРАСОТЫ (красивые места)
530000 КРАСОТА	530000 КРАСОТА (красивая внешность)
530000 КРАСИВЫЙ (приятный на вид)	530000 КРАСАВИЦА
530000 КРАСИВОСТЬ (внешняя красота)	530000 КОРОЛЕВА Разг. (о женщине, выделяющейся своей красотой)
530000 КРАСАВЕЦ (о ком-, чем-л. очень красивом)	530000 КРАСОТКА Разг.
530000 КРАСАВИЦА (о ком-, чем-л. очень красивом)	530000 КУКОЛКА Разг.
530000 КАРТИНА Прост. (о ком-, чем-л., вызывающем восхищение)	530000 КРАЛЯ Прост. 530000 КРАСАВЕЦ (красивый мужчина)
530000 КАРТИННЫЙ перен. (производящий впечатление своей внешней красотой, красивостью)	530000 КОЗЫРЬ перен. Разг. (красивый, видный, статный человек)
	530000 КРАСОВАТЬСЯ
	530000 КРАСИТЬ

Прямое отношение к идеографическому представлению лексики и роли в нем семантических полей имеет замечание А.М. Кузнецова: «как только мы выходим... в область лексико-семантической парадигмы, семантического поля, лексико-семантической группы... семантическое сближение языков оказывается достаточно вероятным, а возможности совпадения семантических блоков, обозначенных соответствующими группами лексем, расширяются» [124, с. 108]. Видимо, рубрики идеографического словаря и включают в себя такие семантические блоки, представляющие антропоморфный универсум.

Его фрагмент, например, описан при разработке «лексической темы Человек» в древнерусских и христианско-византийских памятниках [273]. Здесь подтема «Облик человека» (или «Названия частей человеческого тела») выступает в дальнейших ее разбиениях: «внешний облик», «внутренний строй», «чувства, душа, разум». Показана, например, тесная связь между Богом, оком и светом в христианской литературе: представление о Боге как оке сопровождается его видением как способностью прорываться через око и провидеть будущее. На основе информационных технологий авторы показывают необходимость осмысления истоков семантики слов и их подразделений в тесной связи с культурно-языковой средой, особенностями мира христианско-византийской теологии: «В центре человеческого мирозерцания, а потому и в центре лексической системы языка стоит Человек» [там же, с. 59], являющийся мерой Космоса.

Всё это показывает не только возможности использования универсальных понятийных схем в представлении идеографических подразделений, включающих семантические поля, что обусловлено общностью человеческого опыта, знаний о мире, единством этого мира, но и необходимость учитывать ограничения в их использовании, связанные с тем, что эти знания, ментальные пространства, способы концептуализации действительности рождаются в ходе деятельности человека по ее освоению и ориентации в мире, имеющей конкретно-исторический и этнокультурный характер, накладывающий свой отпечаток на языковые построения. Таким образом, идеографическая классификация — это один из аспектов лексического структурирования языка, поскольку в свете когнитивных представлений «лексическая структура языка трактуется как результат взаимодействия когниции человека с семантическими параметрами, присущими данному языку» [118, с. 56]. Уместно здесь вспомнить мысль А. Вежицкой о детальной семантической проработке (включая и лексико-семантическую) тех областей опыта, которые оказываются наиболее важными для носителей данного языка. Однако именно «тезаурусный метод, или идеографически-тезаурусный метод, является наивысшим обобщением описаний, строящихся на основе прямых определений» [223, с. 65].

К парадигматическим относятся группировки в лексике слов, имеющих сходство как по признакам содержания (в меж- или внутривидовых объединениях), так и по признакам формы. Кроме названных уже глобальных объединений слов по семантическим полям, а также синонимов (одно- и разнокорневым) и антонимов разного типа, сюда относятся гипонимы, лексико-семантические группы слов, устанавливаемые прежде всего по признакам содержания, а также словообразовательные объединения слов, паронимы, паронимы, омонимы, классифицируемые прежде всего с учетом признака формы. Само собой разумеется, что это членение условное, поскольку слово — единица двусторонняя, выступающая в единстве своих содержательных и формальных признаков, что не может не отразиться и на типологии лексических парадигм, включающих подобные слова [227].

Лексические парадигмы организуются на основе интегральных и дифференциальных признаков, причем интегральные признаки одной парадигмы могут стать дифференциальными признаками другой. Так, сема «двигаться» выступает интегральной для глаголов ЛСГ перемещения в пространстве: *бегать, бродить, кататься, плавать, ползать, ходить* и т.д., но она оказывается дифференциальной в парадигме, объединяющей слова на основе интегральной семы «физического действия» и включающей в себя также лексемы *бить, давить, рыть, разрушать, строить, лепить* и т.д., демонстрируя более высокий уровень обобщения. В кругу названий вместилищ — предметов домашнего быта дифференциальными для отдельных слов и объединений слов могут быть семы: «для хранения» (*мешок, корзина, короб, ящик, сундук, коробочка, футляр*), «для предохранения от чего-либо» (*футляр, чехол*), «для ношения чего-либо» (*сумка*), по-разному конкретизирующие назначение вместилищ; или семы, конкретизирующие «устройство предмета»: «в виде сумы» (*мешок*), «особой формы» (*сумка*), «с крышкой и замком» (*сундук*), «четырёхугольной формы» (*ящик*); или конкретизирующие вмещаемые предметы: «для сыпучих тел и различных мелких предметов» (*мешок*), «для вещей» (*сундук*), «для

вещей, багажа» (*чемодан*); или указывающие на способ изготовления: «сшитый» (*мешок*), «плетёное изделие» (*корзина*), «плетёное или гнутое» (*короб*) и т.д. [44, с. 21—22]. Д.Н. Шмелев очень наглядно показал роль дифференциальных признаков в разграничении значений слов — названий водоёмов: «река» противостоит «ручью» по признаку размера, «морю» и «озеру» по признаку текучести, «каналу» по признаку естественности водоема. В этой противопоставленности слова другим словам выявляется его значимость, и для лексики, как и для элементов других уровней языка, оказывается важной идея оппозиций и нейтрализации оппозитивных различий в определенных контекстах.

Способность опорного слова «держат» парадигму проявляется в способе толкования рядовых ее членов через опорное слово, имеющее способность к проникновению в семантические зоны соседей:

*«шагать — **идти** широким, обычно размеренным шагом...; вышагивать... иногда подчёркивает достоинство, торжественность, с которым кто-л. **идёт**...; шествовать, выступать — **идти** важно...; переть и переться — **идти** куда-либо далеко...; слово топать близко по значению к **идти**, но имеет грубовато-фамильярный характер» (АСС).*

Сема «идти» выступает исходной для данных членов синонимического ряда, опорной в экспликации их значений. Через опорное слово свободно-номинативного значения вся синонимическая парадигма включается в ЛСГ, базирующиеся на семах более высокого уровня абстракции: «перемещаться, передвигаться» (они выступают родовыми в истолковании основного, свободно-номинативного значения глагола *идти*). Самый тип лексической парадигмы связан с характером лексического значения многозначного слова. Ср. исходные гипонимы (*идти*, *бежать* и т.д.) в роли синонимов в парадигме, связанной с ограничением среды передвижения, где глагол *бежать* имеет лексически связанное значение и находится в периферийной позиции в ряду: «*Течь, литься и лить (разг.), бежать, идти, катиться, струиться, хлестать (разг.), хлобыстать (прост.)*».

- а) *О воде, крови, слезах, и т.д.: выступая наружу, вырываясь на поверхность, двигаться в каком-л. направлении, перемещаться по поверхности;*
- б) *О реке, ручье, потоке и т.п.: нести свои воды куда-л., в каком-л. направлении и т.п. Течь — основное, наиб. употр. слово; слово бежать указывает на более быстрое движение, катиться — на плавное и ровное, струиться — на движение струями. Слово литься уп-ся редко, преимущ. в поэтич. речи; ост. слова в этом знач. не употр.» (АСС).*

Текст выступает лакмусовой бумажкой объективности лексикосистемных связей. Члены лексических парадигм, служа средствами повторной номинации, обеспечивают не только связность и тематическую целостность текста, но и его сюжетное движение, авторское композиционное членение. Не случайно отдельные главки в романе Ф. Абрамова «Пряслины» «характеризуются нагнетанием глаголов одной ЛСГ — перемещения, фиксирующей сюжетно-композиционные повороты»:

«В баню заходить не стали. Баню без веника разве оценишь? И в дровяник не заглядывали — тут техника недалеко шагнула... Прошли прямо к въездным воротам. Михаил уж сколько раз сегодня проходил мимо этих ворот. А вот подошёл к ним сейчас, и опять душа на небе.

Чудо — ворота! Широкие, на два створа — на любой машине въезжай, столбы на века — из лиственницы, и цвет красный, как Первомай, как Октябрьская революция. И вот все, кто ни едет, кто ни идёт — чужие, свои, пекашинцы, — все плят глаза. Останавливаются.»

«Девчошки первыми очухались — с криком, с визгом кинулись в гору, за ними, охая и крикая, посеменели старушонки. Антон Таборский показал свою прыть. А им что делать? Домой далеко — через весь луг бежать надо... — давай на старое пепелище! Воды в тучке хватило ровно настолько, чтобы отбить гребь да испарить их, потому что едва они поднялись в гору, как дождь перестал и опять брызнуло солнце...»

«Глава третья.

О приезде (отглагольный дериват. — Н.С.) *братьев Лиза узнала ещё вечер от Анки. Та прибежала к тётке — никакие запреты ей родительские не указ — как только пришла телеграмма. А сегодня Анка ещё два раза прибежала и всё, всё рассказала... и не выдержала — перемахнула за изгородь... отрезвление наступило, когда перешагнула за порог избы».*

Ведущим, сквозным типом парадигматических отношений, обуславливающим инклюзивный (включающий) принцип устройства лексической системы языка, выступают **гиперо-гипонимические, или родовидовые, отношения.**

Так, гипероним *чувствовать* (испытывать какое-либо чувство) подчиняет себе гипонимы, называющие отдельные виды чувств: *бояться, грустить, завидовать, любить, ненавидеть, стыдиться, удивляться* и связанные с ним отношениями субординации, а между собой — отношениями несовместимости. Лексика обнаруживает многоступенчатость включения, последовательность выделения классов и подклассов слов (искусство — живопись, архитектура, музыка, литература — проза, поэзия и т.д.; действовать — передвигаться — идти, бежать, ползти, плыть, лететь..., художник — артист — актер, певец, музыкант; растение — дерево — ель, берёза, осина, дуб...). Вместе с тем в родовидовом членении лексики обнаруживаются известные лакуны и непоследовательности. Так, в русском языке нет отдельного родового обозначения — однословной номинации со значением «воспринимать органами чувств» при наличии гипонимов, объёмы понятий которых не пересекаются (слышать, видеть, осязать, обонять), сказанное относится и к обозначению головных уборов. Не все члены родовидовой группы склонны к симметричной дифференциации значений гипонимов. Так, в группе «приготовлять — варить, жарить, печь» глагол *варить* выступает гиперонимом к глаголу *парить* — «1. **Варить** при помощи пара в закрытой посуде» (МАС). С учетом многозначности слов и разных видов расчлененности их значений вводятся и более крупные объединения слов на основе родовидовых связей — родовидовые гнезда, представляющие собой один из глубинных

видов лексических парадигм [113, с. 10]. Так, в РВГ с семантическим ядром *исполнять* выделены три родовидовые группы по одному лексическому его значению, но по разным дифференциальным семантическим признакам, его расчленяющим: «характер объекта» — танец: исполнять — танцевать; «способ осуществления действия» — голосом: исполнять — петь; «орудие или средство осуществления действия» — на музыкальном инструменте: исполнять — играть. Авторами по-разному решается вопрос о границах гиперо-гипонимических отношений: одни утверждают их реализуемость только в пределах одной, общей для слов части речи (А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, Г.А. Матлина [141], Е.Е. Котцова, М.В. Лысякова), другие ставят вопрос о возможности более широкого понимания гипо-гиперонимов как слов разных частей речи: красный, желтый, зеленый — цвет [см. 193, 100, 53], что более соответствует их роли в организации семантических полей и представлений о языковой и когнитивной способности человека.

Объективные семантические свойства гипо-гиперонимов в парадигматике обуславливают и возможности их текстового использования. Наличие общего существенного семантического компонента в их значениях позволяет им использовать как сходство, так и различие в своей сочетаемости при текстопостроении, создании тематической целостности текстового фрагмента. Гиперонимы шире гипонимов по объему выражаемого понятия, но беднее по его содержанию, и наоборот. Эта особенность допускает их взаимозамену по разным мотивам: при акцентировании семантической общности, при необходимости обобщения или, напротив, дифференциации явлений одного круга, при создании ситуативно-речевой гипонимии и т.д. Ср. оправданные случаи употребления членов данных парадигм:

«Барыни сели чинным полукругом, одетые по запоздалой моде, в поношенных и дорогих нарядах, все в жемчугах и бриллиантах» (А.С. Пушкин. Дубровский).

«Капители колонн и все части перекрытия покрыты яркой росписью с преобладанием красного, синего и желтого цветов» (Воронихина и Соколова. Эрмитаж).

«**Жасмин** — теневое **растение** с красивыми сердцевидными, заостренными листьями и белыми цветами» (Арсен. По Уссурийскому краю).

«**Лошади... ели овёс, и воробьи слетали к ним и подбирали просыпанные зёрна**» (Л. Толстой. Война и мир).

Поскольку согипонимы находятся в отношениях несовместимости понятий и различаются существенными компонентами своих значений, в норме они не могут заменять друг друга без ущерба для смысла. При номинации одного референта с помощью разных гипонимов возникает коммуникативная неудача в случае непредусмотренного комического эффекта (ср. в ответе школьника: «*После завоевания Каспийское море стало русским озером*»). Как мы видели, такие замены в разговорной, непринужденной речи, не требующей точности номинаций, подчинены стратегиям языковой игры (*лапти* вместо туфли, *валенки* вместо сапоги, *пушка* вместо пистолет или любой другой вид оружия). В речевом употреблении встречается парное использование гипонимов, как бы восполняющих недостающую информацию при необязательности употребления гиперонима или его отсутствии в лексической системе языка. Ср.: «*Чем тебе плохо? Работаем в меру, пьем-едим досыта*» (Невер. В плену); «*Но где хозяйка? Собирается ли она варить-печь?*» (Ф. Абрамов. Пряслины); «*Ходить по грибы-ягоды*» (в разг. речи).

Отражая базовую лексику, учебные тексты позволяют проследить за способами концептуализации действительности в языке. На лексикосистемном уровне слово выступает наименованием целых классов предметов, качеств, действий безотносительно к конкретному референту, ко всей сложности и многообразию его признаков. Отсюда основной способ членения на этой самой высокой ступени лингвистической абстракции — таксономический, родовидовой. Подобное членение предусмотрено в разных аспектах материалами школьного учебника для начальных классов: «*Редис, груша, свёкла, яблоко, апельсин, морковь, капуста, лимон. Выпиши названия овощей. Затем спиши названия фруктов*». Здесь очевидна ступенчатость построения

лексических парадигм: названия плодов — овощей и фруктов — их конкретных разновидностей. Родовидовые и другие стандартные связи в лексике организуют систему опорных слов при составлении рассказа по картинке: «огород, богатый урожаем, морковь, капуста, помидоры, ребята, школьники, они (указательное слово — заместитель имени), ухаживали, заботились, трудились, работали». Отношения рода и вида, части и целого лежат в основе текста рассказа об осеннем парке и вопросов к нему: «...На деревьях нарядные пёстрые платья. Рябина украсила себя красными ягодами. На кустах шиповника висят яркие плоды» (деревья — кусты, рябина — шиповник, плоды — ягоды). Ср. вопросы к тексту: «Как выглядят деревья осенью? Чем украсила себя рябина? Как нарядился шиповник?» [180]. Как видим, для учебных целей очень важна идеографическая и тематическая ориентация словника заданий и текстов как отражение фрагмента знаний о мире, их проекции в тему.

Наряду с гиперо-гипонимическими как глобальные в лексике выделяются и **партитивные отношения**, поскольку они охватывают не микропарадигмы, а пронизывают лексику насквозь. Этот тип отношений М.В. Никитин уподобляет отношениям элемента и структуры (системы). И если микропарадигмы важны для понимания того, как формируются парадигматические значимости слов в языке, определяемые индивидуальными семантическими признаками, выступающими в значениях членов синонимического ряда как микропарадигмы, то макропарадигматические отношения — гипонимические и партитивные (партономические) «пронизывают весь словарь и сообщают его семантической структуре целостную перспективу» [149, с. 443]. У явных партитивов партитивная сема составляет родовой признак значения, входит «в гиперсемиу интенционала... день — светлая часть суток» [149, с. 445—446]. По этому признаку партитивы отличаются от другого типа парадигматических объединений слов — «конгломеративов», где соответствующая сема оказывается на периферии лексического значения слов, в его импликационале, пусть и сильном: «Примером могут служить имена стол, стул, диван, окно, лампа (свет, огонь), пол,

потолок, стена, дверь и т.д., объединенные общей идеей комнаты» [там же, с. 446]. Введение этого термина позволяет уточнить сущность отношений, которые часто называют тематическими (ср., например, тематические поля В.Г. Гака). Ю.Н. Караулов называет их полями «ситуативного характера», «денотативными группами» [93, с. 134]: театр, мебель, почта; город — село, театр — кино, голова — ноги; одежда — юбка, рубашка, платье, носки. Ю.С. Степанов также указывает на невозможность упорядочения членов «денотативных» группировок по родовидовому принципу. Среди оснований внутреннего упорядочивания таких слов выделяются отношения части и целого, способа изготовления, способа воздействия на человека и др. [223, с. 565]. Объединение слов одной и той же типовой ситуацией или одной темой не предполагает обязательности для них общей идентифицирующей ядерной семы (Л.М. Васильев, В.В. Левицкий). Невнимание к этому признаку может вести к непоследовательности в определении тематической группы в связи со смешением компонента в структуре лексического значения и значения в целом, как это представлено в разделе «Тематические группы слов» школьного учебника под ред. М.В. Панова. Здесь, с одной стороны, утверждается, что в подобные группы слова «могут объединяться тем, что у них есть **общее в их лексическом значении**», а с другой, тематические группы, отождествляясь с классами слов, характеризуются как «группы слов, объединенные общим лексическим значением». Соответственно словами с одним **общим лексическим значением** объявляются «учитель, шофёр, инженер, пастух...», «или «поляк, русский, немец, турок...», или «москвич, туляк, орловец, минчанин...». В отличие от родовидовых обозначений имена ситуативного характера не допускают взаимозамены: если деревом могут быть и дуб, и берёза, и осина, то такие замены невозможны в кругу денотативов, ибо «полное определение значения таких слов (кошка, роза, яблоко. — *Н.С.*) требует не словарных дефиниций, а энциклопедических сведений»: «перечисление элементов ситуации дает тематический класс», а «денотативные (тематические, ситуативные) группы в идеографическом словаре принципи-

ально неустраимы» [223, с. 565, 633]. Обычно родовидовой классификации не поддаются вещи, поскольку кардинальным для семантики признается положение, по которому «родовидовой принцип классификации (чего бы то ни было) является абстракцией относительно рода и вида в живой природе» [там же, с. 564]. Вместе с тем вполне оправданы сомнения Д.Н. Шмелева в асемантической объединений слов по тематическим группам, которая опровергается их сочетаемостными и словообразовательными возможностями (однотипность сочетаний с названиями обуви и производных от слов, обозначающих части тела человека), заданностью состава групп наличием/отсутствием слова в системе языка, однотипностью переносных употреблений и т.п. Нежесткий характер лексической парадигматики приводит и к тому, что, несмотря на различие принципов организации разных типов парадигм (обобщение в гиперо-гипонимии, цельность в партонимии), возможны диффузные, переходные их типы: «...возможны и такие целые, структура которых служит моделью рода, а партитивное членение на части совпадает с гипонимическим членением на виды. Примером может служить мебель, где виды мебели есть вместе с тем и части необходимого гарнитура мебели. Другие примеры дают посуда, кухонная утварь, инвентари орудий, процессов и операций какого-либо производства и т.д.» [149, с. 444].

Итак, в пределах семантических полей могут быть представлены самые различные типы парадигматических объединений слов. **Типы отношений в семантическом поле** описаны Ч. Филлмором. Наряду с классическими парадигмами (мужчина — женщина, мальчик — девочка) он выделяет контрастивные множества, элементы которых не мыслятся вне самой оппозиции (высокий — низкий, живой — мертвый). Далее следуют таксономии — совокупности слов, связанных отношениями господства (суперордината — родовое имя и набор подчиненных видовых имен: дерево — дуб, клён, берёза); затем партонимии — лексические объединения, базирующиеся на отношениях часть — целое (названия частей тела человека), циклы (природные: утро — день — вечер — ночь и искусственные: поне-

дельник, вторник... воскресенье), сети (множества, объединенные на основе нескольких отношений (термины родства)) и фреймы — наборы слов, каждое из которых «обозначает определенную часть некоторого концептуального или акционального целого» [258, с. 47—48], причем фрейм признается наиболее важным типом структуры семантического поля, включающим другие. Это утверждение снимает положение об асемантической тематических группировок слов, ибо многие из них отражают структуру фрейма (например, организованные словом *больница*, *почта*, *вокзал* и др.). Думается, что жесткое разделение тематических и лексико-семантических полей и групп было связано с определенным этапом разработки лексических явлений, когда требовалось четкое разделение лингвистической и энциклопедической информации в слове, в группах слов, что, как отмечалось, не соответствует принципу антропоцентризма. Приведенная типология отношений в семантическом поле позволяет увидеть когнитивную перспективу разного рода парадигматических отношений в лексике и отчетливо обнаруживает инклюзивный способ ее организации. С учетом не только иерархичности, но и многозначности отношений слов в системе выделяются и такие крупные образования, как аллигатуры (от латинского *alligatura* — «связка, пучок») [4, с. 36, 39]. Это совокупности гнезд слов с несколькими корнями (*документально-видовой*, *видоискатель*, *ясновидение*, *корневидный*, *гроздевидный* и др.) и рядов слов с несколькими аффиксами (*лекариха*, *кузнечиха*, *полковничиха*, *городничиха*, *столяриха*). Они находятся, как представляется, на стыке парадигматики и ассоциативно-derivационных отношений в лексике и обнаруживают глубинные связи слов в семантической системе словаря, как стандартные, так и нестандартные. Эти связи отмечены и В.Д. Черняк в типологии синонимических рядов [274].

Указания на типичные виды парадигм в лексике содержит классификация Ю.А. Найды: вкладываемые (пудель — собака), перекрывающиеся (владеть — обладать), взаимодополняющие (плохой — хороший, покупать — продавать), смежные (идти, бежать, ползти и др.) [147]. Она отражает те виды отношений

между понятиями по их объему, которые представлены в формальной логике: отношения совместимости (равнозначности, подчинения, пересечения) и несовместимости (соподчинения, противоположности, противоречия) [115, с. 52].

Нуждаются в уточнении конверсивные отношения как отношения обратных по своему значению слов в прямых и обращенных высказываниях, связанных с обозначением одной и той же ситуации (проигрывать — выигрывать, передавать — получать, сдавать — снимать, принимать, вмещать — входить, начальник — подчиненный).

Таким образом, парадигмы в лексике выстраиваются на уровне как отдельных групп слов, так и всей лексической системы (включая и стилистические парадигмы).

Синтагматические отношения в лексике

Если парадигматические отношения соответствуют такой форме речемыслительной деятельности человека, как членение целого на части, отбор единиц, отвечающий потребностям номинации (отношения или/или), их взаимозамены, то синтагматические отношения реализуют прежде всего **коммуникативную функцию** языка, отвечают задачам предикации, сообщения нового, сочетания языковых единиц (отношения и/и). При этом «момент интенциональности», волевой импульс говорящего, его коммуникативные стратегии и тактики дают себя почувствовать даже в построении минимального контекста, двусловной синтагмы, «не говоря о том, что и операции перехода от него к другим элементам подчиняются общему смысловому заданию всего коммуникативного акта и приобретают по этой причине эвристический характер» [123, с. 193]. Ср., например, неоднозначность смыслов, предусмотренную разными авторами и возникающую в атрибутивных словосочетаниях (с опорой на внеязыковые и интертекстуальные связи), обеспечивающих свободу семантического допущения и демонстрирующих несводимость смыслов словосочетаний к сумме значений синтагмати-

чески связанных слов: «*лебединый путч*» (августа 1991 г. — Н. С.), «*масонская морда*» (о владельце масонской энциклопедии. — Н. С.), «*булочное жюри, бейкеровская горбушка*» (о спонсорах и учредителях бейкеровской премии. — Н. С.), «*пивные дружки*» у Ю. Полякова (Козлёнок в молоке), «*патриотические слёзы*», «*периферийный удав*» (он же — «*удав из глубинки*». — Н. С.), «*междупородный договор*», «*плодово-овощной разгул*», «*вымогательский намёк*» — у Ф. Искандера (Кролики и удавы), «*речные люди*», «*почтовые девушки*», «*сверхплановый дождишко*», «*персональная внучка*», «*стариковская рысца*» — у Б. Васильева (Вы чё, старичё?), «*лесные люди*», «*виноградные страны*» — у Д. Градина (Обратный билет).

В синтагматике обнаруживается способность слова не только замещать предметы речи, но и передавать духовный опыт языковой личности (этноса, социума, индивида). В синтагматике, в линейном ряду, в линейном развертывании речи объективируются фрагменты картины мира, модели сознания говорящих, что и делает их доступными для восприятия адресата в процессе коммуникации. Как видно из приведенных примеров, синтагматика ориентирована не только на выполнение стандартных коммуникативных задач, но и на поиск нестандартных ситуаций использования своих элементов. С этим связаны такие важнейшие **функции контекста**, как **воспроизводящая** и **производящая**. В их основе лежит познавательная операция сравнения. Но в первом случае оно проводится по заданным основаниям, а во втором — по вновь избранным, ведущим к созданию нетривиальных смыслов и ассоциаций, требующих активности, «разгадки» со стороны воспринимающего. В конкретном речевом акте, в синтагматике слово не только реализует свое значение, актуализируется, приспособлявая его к ситуации, но и способно вбирать в себя импульсы, идущие от окружения, и видоизменять свое значение под воздействием окружения, формируя речевой смысл, представляющий собой «результат взаимодействия языкового содержания высказывания (семантического комплекса, формируемого значениями языковых единиц и их комбинацией), контекстуальной, ситуативной и энциклопе-

дической информации. В сферу речевого смысла входят разного рода импликации и пресуппозиции. Возможны расхождения в интерпретации этих компонентов речевого смысла, связанные с соотношением точек зрения говорящего и слушающего» [35, с. 57]. При этом контекст ситуации и словесный контекст обратимы: «обратный перевод» осуществляется при инсценировках литературных произведений. Логический вывод, создающий новые возможные миры и сопровождающий необычное сочетание слов, рождается из соотнесения языковых знаний и знаний о мире, пресуппозиций, интенций говорящего, реализуемых в творческом, волевом усилии. По словам Дж. Лакоффа, «многие высказывания на естественном языке предполагают обращение к визуальному опыту и другим видам чувственного опыта» [128, с. 51]. Ассоциативное поле слова, синтезируя разнонаправленный общественный опыт, многообразные личностные смыслы, выступает как коммуникативный потенциал слова, бесконечный текст-потенция, реализуемый в массе конкретных текстов, актуализирующих лишь часть семной структуры лексического значения и, в свою очередь, обогащающих его новыми смыслами. Уже только это объясняет невозможность противопоставления парадигматики как явления языка синтагматике как явлению речи. Синтагматика делает наблюдаемыми парадигматические отношения слов, о чем, например, свидетельствует сходная система синтагматических указаний у слов, входящих в одну парадигму — синонимический ряд:

«Проникать, проходить, пробиваться. О свете, запахе, влаге и т.д.: попасть куда-л.», «Заходить, закатываться, садиться. О солнце, луне. Скрываться за линией горизонта», «Проходить, идти, пролегать. О дороге, трассе, маршруте и т.д. Быть расположенным, находиться где-л. Слово пролегать употр. преимущ. по отношению к наземным и подземным дорогам, трассам и т.д., тогда как два других слова в равной мере употребляются и тогда, когда речь идет о воздушных трассах» (АСС).

Последний пример показывает, что условия сочетаемости слова с другими словами заданы самим лексическим значением

слова, содержательными компонентами его структуры, как и принадлежностью слов к тому или иному виду парадигмы (так, глаголы мышления и говорения предполагают в качестве субъектов людей, а глаголы видения в качестве объектов — зрительно воспринимаемые предметы). В кругу имен прилагательных сам способ организации парадигм ключевых существительных и связанная с этим возможность параметризации субъекта (по его физическим, нравственным, социальным, профессиональным, возрастным и т.д. признакам) лежит в основе разграничения значительной части значений признаковых многозначных слов: *детский, твердый, холодный, каменный, ледяной, школьный, музыкальный, домашний, светлый, шелковый, стальной* и мн. др. На этом разграничении основан метод контекстологического анализа значений слов. Синтагматические пометы словарей обнаруживают типовую сочетаемость слов и тесную взаимосвязь и взаимообусловленность парадигматических и синтагматических отношений в лексике. По словам В.М. Солнцева, синтагматические отношения — это «отношения актуального взаимодействия или в абстрактной форме — отношения классов», а «конкретное отношение конкретных слов, с одной стороны, есть частный случай классного отношения, то есть отношения парадигм; с другой стороны, это исходный пункт и, добавим, единственная реальная возможность рассмотрения отношений классов» [213, с. 66, 68]. И в парадигматике, и в синтагматике проявляют себя в одинаковой мере способы концептуализации мира носителями языка. Так, для практического сознания оказываются выделенными неупорядоченные множества, создающие хаос (*куча, груда, ворох, орава, сброд, шатия*), и упорядоченные, поддающиеся рациональному осмыслению и контролю (*серия, набор, сервиз, звено, команда, отряд*). С идеей гармонии связано употребление обозначений множеств в переносных значениях: *гамма чувств, плеяда артистов, созвездие талантов*. Свои имена получают и «окультуренные множества живых существ» (*рой комаров/пчел, свора собак, стая птиц, стадо коров, табун лошадей*), эти номинации связаны с разным знаком оценки при отнесении их к человеку (*рой мыслей, свора критиков, хор*

насмешек, как стадо баранов) [см. 194]. Здесь же отмечены психологическая выделенность, значимость для говорящих больших и малых предметов, что отражается и в особенностях синтагматических связей слов (*океан, буря страстей, тучи комаров, град пуль, большое будущее, б. неприятность, б. нахал, шутник; искра таланта, зерно истины, крупица здравого смысла, семя сомнения*).

Конкретное отношение конкретных слов как частный случай классного отношения, то есть отношения парадигм, со всей очевидностью обнаруживает себя в базовых для формирования картины мира текстах школьного учебника для начальных классов, где сочетающиеся слова выступают, например, представителями таких классов, как «люди», «их трудовые действия» и «объекты этих действий», конкретизируя тему, обозначенную в начальном высказывании с помощью текстового гиперонима и местоимения как смыслового исхода последующих слов:

«В общине трудились все. Мужчины охотились, ловили рыбу, изготавливали орудия труда. Женщины собирали съедобные растения, готовили пищу, шили одежду из шкур, заботились о детях. Дети с самого раннего детства помогали взрослым в их труде» [180].

Здесь по существу перед нами фрейм, организованный глагольным словом и передающий стандартную ситуацию распределения «трудовых ролей» в общине. Он отчетливо обнаруживает единство когнитивной и коммуникативной предназначенности слова как «единства общения и обобщения» (Л.М. Выготский).

В парных объединениях слов в тексте обнаруживается не только их парадигматическая связанность, совместная встречаемость, но и общность синтагматики как проявление семантической общности: «— Ну как, наносил грибов-ягод?» (Ф. Абрамов. Пряслины); «— Ну, Танюха, кажись, самая пора городские юбки-кофты заказывать» (И. Калашников. Разрыв-трава); «*Всё к лешему перезабыл, все эти синусы-косинусы*» (Е. Носов. Шумит луговая овсяница).

И хотя в текстовом использовании, в условиях коммуникативного акта слово выдвигает наиболее значимые для данной

ситуации семы, для того нового, во имя которого и создается высказывание, ни создание, ни восприятие текстовых смыслов невозможно вне опоры на **типовые синтагматические связи слов, модели их сочетаемости**. Они лежат и в основе новообразований, окказиональных слов как членов текстовой парадигмы: «*заокеанцы*» (об американцах из-за океана), «*атташонок*» (сын военного атташе) у Ю. Полякова (Небо падших). Однако нельзя не учитывать в подобных построениях и роли системы коммуникации с ее составляющими (субъект, адресант и адресат, их интенции, канал связи, тип общения и т.д.).

Законы взаимодействия лексических значений слов в словосочетаниях описываются «комбинаторной семантикой» (термин М.В. Никитина), или синтагматической семантикой. В.Г. Гак формулирует «**закон семантического сочетания слов**» [60, с. 23], согласно которому слова должны иметь хотя бы одну общую сему, не иметь несовместимых сем при наличии специфических, различающихся сем. В противном случае нарушается норма, сочетание становится бессмысленным или переосмысливается один из его компонентов. «Семантическое согласование», когда в сочетающихся словах есть общие, совпадающие семы, иллюстрируется примером: «*змея ползет к норе*», где семы «на животе», «без ног» оказываются общими у слов *змея* и *ползет*. «Семантическое несогласование», когда у сочетающихся слов нет общих конкретных сем, но нет и противоречащих, выявляет пример «*змея приближается к норе*», а примером «семантического рассогласования» служит фраза «*время ползет*» с перестройкой семного состава глагола *ползти*: погашением сем «без ног» и «на животе» и усилением яркости, переходом в ранг основной дополнительной семы глагола *ползти* в его исходном значении — «медленно». По словам М.В. Никитина, «в основе нормативной комбинаторики значений лежит знание совместимости признаков, складывающееся в опыте и деятельности людей», а совместимость признаков, слияние тождественных и погашение несовместимых признаков «составляют непреложную логико-семантическую основу комбинаторики значений» [149, с. 584]. Исследование ассоциативно-вербальной сети выя-

вило корреляцию парадигматических, синтагматических и ассоциативно-деривационных связей слов и действие в ней закона «избыточности связей двух любых коррелирующих в ней единиц» [94, с. 101]. Этим обеспечивается надежность механизма языковой способности человека. Выше приводились многочисленные примеры оправданного отступления от норм семантического согласования. В других случаях во избежание семантического рассогласования текст подвергается редакторской правке. Ср. слова в скобках, замененные М. Горьким при редактировании своих рукописей:

«По ту сторону (грязи) лужи Варенька встряхивала платье»; «Забастовщики смотрят угрюмее и в то же время (сливаются) сдвигаются плотнее» (А.Д. Тарасова. Из творческой лаборатории М. Горького).

С нарушением смысла связано немотивированное рассогласование слов в следующем случае: «Равноправный диалог Востока и Запада — вот что было **ключевым зерном** их концепции» (Т.Н. Огарёва. Евразийство и пути русского исторического самосознания). В приводимом далее тексте синтагматические связи слов вносят свой вклад (с опорой на закон семантического согласования) в построение текстового семантического поля «звучания»:

*«Ясное дело, лучше, когда **ветер шумит** в верхушках сосен, когда **поскрипывают трущиеся друг о дружку ветви**, когда **свиристит цикада** или **чирикает пичуга**, а ещё лучше — когда **всё** вокруг **онемевает** внезапно, **замрёт**, как в **предгрозовую минуту**. Именно здесь к нему пришло, в лагере, такое желание, чуть ли не жажда — **полной, едва ли не окончательной тишины... Тишины-немоты**. В нём уже была (**свернулась клубком**), и странно, что вокруг ещё **что-то говорит, пиликает, скрипит, попискивает, напевает, скрежещет, дребезжит, дрынькает, тенькает** — живёт» (Евгений Шкловский. Улица).*

Хотя вопросы комбинаторной семантики постоянно привлекают внимание лингвистов, не всё в их освещении оказывается беспорным. Так, все еще требуют выяснения **причины раз-**

решений и запретов на сочетаемость, их источников (ключевое или семантически реализуемое слово), специфики для разных лексических значений.

Существуют различные варианты объяснения причин запретов на сочетаемость. Один из них связан с различием лексической и семантической обусловленности запретов, что отмечается в концепции смысл — текст, связанной с теорией равнозначных преобразований (Ю.Д. Апресян), в связи с теорией логического синтаксиса, поисками коммуникативных потенциалов лексических значений (Н.Д. Арутюнова), в связи с поисками специфики фразеологической связанности в отличие от лексической и границ фразеологии (В.Н. Телия, М.М. Копыленко и З.Д. Попова). При ином подходе признается принципиальная равнозначность лексической валентности и семантической избирательности (А.А. Уфимцева, Г.В. Колшанский, В.Г. Гак, Л.М. Васильев). Об актуальности вопроса о природе согласования смыслов свидетельствует разное его решение в двух одновременно вышедших работах. Так, Р.А. Будагов [36, с. 28] пишет, что основное значение слова осознается независимо от контекста: «Контекст может лишь уточнить значение, выдвинуть вперед его второе, третье или совсем новое значение. Хотя роль контекста в этом плане велика, всё же неоспорим остается самый факт осмысления основного значения каждого слова независимо от контекста». Г.В. Колшанский, напротив, формулирует закон «прямой зависимости контекста и значения: чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста» [108, с. 130]. Отмеченное противоречие, очевидно, связано с различным пониманием функций, роли контекста в лексической системе. Р.А. Будагов пишет об осознании, осмыслении, возникновении в сознании значения слова независимо или независимо от контекста, то есть в определении типа лексического значения учитывается операционная функция контекста, истолкование свободы носит психолингвистический характер. В исследовании Г.В. Колшанского [149, с. 124] контекст рассматривается как одна из характеристик языковой системы в ее динамическом аспекте, в ее коммуникативной обусловленности: «Все но-

минативные единицы языка — от слова до предложения — являются субстанцией коммуникативных фрагментов и той материальной основой, на узлах и стыках которой образуются связи в полнозначном коммуникативном отрезке». С позиций коммуникативной лингвистики (теории речевых действий) признается «незыблемость положения о контекстной связанности семантики любой языковой единицы» [там же, с. 129], а следовательно, и слова в любом из присущих ему значений. Тогда «законы сочетания словесных значений» (В.В. Виноградов) выступают едиными по своей онтологической природе. Признание системной контекстной обусловленности лексических значений и единства семного механизма регуляции их типов не позволяет согласиться с выделением трех аспектов несвободной сочетаемости слов [242, с. 247]: лексического (*совесть зазрила*), семантически связанного (*железная, твердая воля, решимость, твердое намерение* при невозможности сочетания *железное намерение*) и семантико-лексического (*подзорная труба, обложной дождь, смежить веки, глаза*). Вопреки указанию автора [242, с. 265], не для одного, а для всех приведенных случаев «причина лексических ограничений кроется не только и не столько в узусе употребления, сколько в более тонких, чем у свободных сочетаний слов, механизмах смысловой избирательности».

На основании обозначения «преходящих свойств определенных референтов» не считаются связанными и значения многозначных прилагательных в сочетаниях «*крутой кипяток, крутое яйцо*» [18, с. 271]. Сама возможность семантизации подобных значений не позволяет говорить об асемантичности запретов на сочетаемость. Кроме того, не всегда ясны критерии отнесения признаков к превходящим, относительно существенным. Признание свободы значения подобных слов должно было бы значить признание их омонимии. Между тем в «Словаре омонимов» О.С. Ахмановой отмечается лишь тенденция к омонимизации при незаконченности самого процесса распада полисеманта: «*Крутой 1. К. гора, лестница; к. спуск, поворот; к. нрав; меры. Крутой 2. К. яйцо, тесто; к. каша. Крутой 3. К. кипяток*».

Истолкование лексических, референтных и семантических ограничений на сочетаемость [13] не всегда подтверждается по-

казаниями толковых словарей, ориентированными на связи слов в лексико-семантической системе. Так, примеры, отрицающие фразеологическую связанность значений прилагательных в сочетаниях *круглый (дурак)* и *полный (невежда)* и переводящие фразеологическую обусловленность этих и подобных слов в область употребления, не подтверждаются данными БАС, допускающего тождественное сочетание «*полный дурак*». Это опровергает и факт наличия чисто лексических ограничений на сочетаемость в примерах «*полный идиот, круглый дурак*». То же следует сказать и о других примерах такого рода (*белый день, густой мрак, тяжелая утрата*), поскольку включение в характеристику связанных значений многозначных слов ассоциативно-деривационных внутрисловных признаков, экспрессивных наслоений накладывает свой отпечаток на чисто логические связи, отмечаемые Н.Д. Арутюновой [18, с. 159]: «Хотя утраты, казалось бы, должны приносить облегчение, а находки и приобретения — ложиться на человека грузом, говорят о тяжелой утрате (потере), но не о тяжелой находке (выигрыше, приобретении)». Ср. в этой связи верное замечание А.А. Уфимцевой [18, с. 69]: «Анализ логико-предметной основы лексического значения лишь предваряет семантическое исследование слова; конечная цель последнего заключается в том, чтобы установить, средствами (единицами) каких уровней языковой структуры происходит внутрисловное разграничение общественно и исторически закрепленного за словом семантического содержания».

Природу запретов на сочетаемость отчасти проясняет анализ тех примеров, которые приводятся исследователями в доказательство асемантической этих запретов. Однако скрытые смыслы ключевых слов часто выявляют семантические мотивы ограничения в сочетаемости. Асеманτικότητα становится при таком взгляде весьма относительной. Отчасти примеры такого рода уже были предметом нашего внимания. Н.З. Котелова [112, с. 97] усматривает лексические, а не семантические мотивы ограничений на сочетаемость слова *круглый (год, сутки, но не неделя, месяц)*.

Следует, однако, заметить, что в первых двух примерах у существительных есть имплицитная информация о вращении

земли вокруг солнца (суточном и годовом), указание на временные циклы по отношению к положению солнца, налагающие запреты на сочетаемость. Ср. ее аргументацию с помощью других примеров: «*говорят перочинный нож, но не перочинное лезвие, лезут волосы, шерсть, но не лезут зубы*». И эти примеры обнаруживают скрытые семы ключевых, оправдывающие ограничения на сочетаемость и делающие избыточной ее расширение без специальной мотивировки. Нож в отличие от лезвия — орудие труда широкого назначения, чем создается необходимость классификации референтов с помощью относительных прилагательных, указывающих на разное функциональное предназначение предметов одного класса и те их особенности, которые продиктованы этой предназначенностью (ср. гипонимическую парадигму к слову *нож*, в которой не нуждается слово *лезвие*: *столовый, кухонный, хирургический, консервный, перочинный*). Скрытые семы определяемых *волосы, шерсть* (признак предрасположенности к выпадению массами, клочьями) не ассоциируются со словом *зубы*, к тому же в сочетании с этим существительным глагол *лезть* имеет другое значение («*прорезаться*»). В этом же плане может быть продолжен анализ примеров, приводимых другими авторами, что позволяет увидеть семную регуляцию и свободных, и связанных значений, единые законы согласования смыслов. Различная оценка роли синтагматического компонента в лексическом значении слова приводит к разным приемам вычленения связанных значений в направлениях от семантики ключевого слова (В.Н. Телия) или семантически реализуемого. Альтернативы в выборе подхода, как кажется, нет в связи с обратимостью синтагматических отношений. Ср. замечание М.В. Панова [164, с. 137]: «...синтагматика имеет обратимые отношения между позиционно обуславливающей и позиционно обусловленной единицами... в синтагме оба ее члена равноправно независимы. Отношения между ними могут быть инверсированы, как в любом равноправном сочетании единиц». Сходной представляется мысль А.А. Уфимцевой [254, с. 53] о становлении полных семантических значимостей признаков слов в полуавтоматизированных синтагмах, в которых оба чле-

на «выступают в двух функциях — разграничения и отождествления, характеризуя значения друг друга». И это верно для любых лексических значений и хорошо согласуется с мыслью о единой семной регуляции всех измерений лексического значения слова, отражающего процесс языковой интерпретации понятийных категорий.

Ассоциативно-деривационные отношения в лексике

Ассоциативно-деривационные, или эпидигматические, связи слов Д.Н. Шмелев рассматривает как третье измерение семантики слова наряду с парадигматическим и синтагматическим. Их введение оправдано рассмотрением слова как двусторонней единицы, замыкающей на себе ряды не только семантически, но и формально близких слов, причем отношения слов по форме далеко не безразличны для их содержания. Более того, если «под содержанием в лингвистике в настоящее время понимают обычно совокупность семантических признаков, определенным образом упорядоченную, иерархизированную, — применительно к слову...», то «под формой содержания в духе современной философии языка естественно понимать некоторую часть этих признаков, непосредственно ассоциирующихся с выражением (форма есть часть содержания)» [223, с. 622]. **Активная роль формы** в ее влиянии на содержание обнаруживает себя как на внутрисловном уровне, в мотивационных связях разных значений при опоре на общую форму, так и на уровне межсловных отношений при наличии у слов структурно-словообразовательной общности или чисто звуковой близости. Изоморфность процессов внутрисловной и межсловной деривации отмечалась Ю.Д. Апресяном, не случайно поэтому в литературе, обращенной к генезису значения и **функции корня слова как «зародыша» концепта** (М.М. Маковский, В.В. Колесов, Н.Д. Голев и др.), и разные значения многозначного слова, и структура

словообразовательных рядов и гнезд рассматриваются как развертывание ассоциативного поля корня слова.

Внутрисловные отношения не только дают жизнь разнонаправленным парадигматическим сближениям слов, объединяя их между собой и создавая глубину в лексикосистемных отношениях, но и служат основой неожиданных текстовых интерпретаций деривационно связанных значений слова:

«У неё вульгарный пиелонефрит, — сказал Илья Давыдович. — Либо врождённый порок почки. Внимание Вероники зацепилось за слово «вульгарный». Она думала, что вульгарными могут быть только люди, а не болезни. Как человек, работающий со словом, она отметила, что «вульгарный» — в прямом значении этого слова: примитивный, обычный. И значит, вульгарный человек — это человек обычный, ничем не примечательный» (В. Токарева. Длинный день).

Явления внутрисловной деривации лежат в основе создания семантических новаций: *замкнутый* (цикл), *безлошадный* (не имеющий машины), *стартовый* (капитал), *открыточный* (внешность), *отрабатывать* (версию), *определиться* (в чем).

Предельно разнообразны проявления ассоциативно-деривационных отношений **на уровне межсловных связей слов**. Прежде всего это относится к элементам структуры словообразовательных гнезд. Ввиду асимметричного дуализма языкового знака различают формальную и семантическую деривацию, причем их направления могут не совпадать (стыдиться и стыдить, первое из которых сложнее по форме и служит исходным для второго, мотивируя его значение), но обычно совпадают: сад — садик, строить — построить и т.д. Отмечаются также явления скрытой, имплицитной деривации в кругу семантической, которая внутренней, словообразовательной структурой словоформы может быть вообще не выражена [40, с. 30]. Наряду с основной мотивацией, когда семантика производящего целиком входит в семантику производного (*дом* — *домик*) различают и такие виды мотивации в межсловных отношениях, как периферийная, когда общая сема в структуре производного является периферий-

ной, факультативной: *полковник* — тот, кто командует воинским подразделением, в том числе полком; *госпитализировать* — помещать в любую больницу, в том числе в госпиталь; эти и следующие далее виды мотивации описаны А.Н. Тихоновым в [193]. Наряду с реальной переносной (*обезьянничать, петушиться* — вести себя, как обезьяна, петух, подражать им) возможна ассоциативная переносная мотивация (*школьничать* — вести себя не как школьник, а подобно шаловливому школьнику). Возможны случаи множественной мотивации: *педагогический* может быть осмыслено как образование от педагогика и от педагог.

Ассоциативно-деривационные, эпидигматические связи лежат в основе создания новых гнезд: *вещь* — *вещизм, вещьлюбие, вещьеманство, вещьелюб, вещьеман, вещьистский* и др.

Признаки, обнаруживаемые на уровне межсловных деривационных связей с опорой на формальные различия, играют важную роль и в системе языка, и в тексте. Исследования по словообразованию, ориентированному на синтаксис, открывают новые грани пересечения смыслов в семантике производного слова. Последнее включает отсылочную часть не только как мотивирующую, но и как содержащую проекции производящего в его синтагматическом измерении и развертывает скрытые в нем семы. При этом синтаксические структуры переводятся на уровень слова в связи с необходимостью номинации ситуаций и событий. В этом плане безусловный интерес представляют исследования Е.Л. Гинзбурга [65], Е.С. Кубряковой [121]. Синтагматические признаки производящего слова в этом случае получают формальное выражение в производном. Мотивированность производного слова понимается «как способность отсылочной части отсылать не только к какому-либо слову и понятию, в нем содержащемуся, но и к его «естественному» окружению, а следовательно, как его способность возбудить в нас некие ассоциации и сигнализировать о связях реалий и слов» [18, с. 142]. Подобный подход с неизбежностью ставит вопрос о типе лексического значения производящего в плане его словообразовательных потенций. Ответ на этот вопрос у В.В. Виноградова [49] дан лишь в самом общем виде в указании на роль

слов основного, свободно-номинативного значения быть опорными членами словообразовательных гнезд и на невыводимость фразеологически связанных значений из значений составляющих слово частей. Анализ словообразовательных гнезд в «Школьном словообразовательном словаре» А.Н. Тихонова позволяет рассмотреть **возможности передачи в производном скрытых сем производящего в зависимости от типа его лексического значения**. Ракурсы такого анализа различны. Это и исследование места глагольных актантов производящего, маркирующих тот или иной тип его лексического значения, в семантике производного, и выяснение тех свойств и способов, с помощью которых слово по основному значению становится опорным членом словообразовательных гнезд, и отклонений от этого правила, и более пристальное изучение деривационных потенций связанных значений. Исследование лексических значений в заданном аспекте еще раз обнаруживает единство семного механизма их регуляции. Наблюдения над словообразовательными потенциями глаголов ЛСГ перемещения в пространстве, выступающих исходными в словообразовательных рядах и гнездах, позволяют заметить, что наиболее последовательно перевод синтаксических структур производящего в производное слово осуществляется по основным значениям первого. Это обнаруживается в толковании лексических значений членов гнезда в БАС, которое представляет собой синтаксические структуры с производящим глаголом и его актантами и обстоятельными распространителями. Ср. подобные толкования к глаголам гнезда с опорным членом **идти**, представленного сплошь приставочными дериватами:

Взойти (всходить) — «1. *Взбираться на что-нибудь высокое (гору, лестницу и т.п.); идти, подниматься вверх*». **Входить** (войти) — «1. *Идти внутрь чего-либо, вступать во что или куда-либо, в пределы чего-либо*». **Выходить** (выйти) — «2. *Идти откуда-либо, покидать помещение, место, пределы чего-либо*». **Прийти** — «*Идя, направляясь куда-либо, достигнуть какого-либо места, явиться куда-либо*». **Подойти** — «1. *Идя, приблизиться к кому-, чему-либо*». **Доходить** (дойти) — «1. *Идя, на-*

правляясь куда-либо, достигать до какого-либо места, добираться куда-либо».

Иногда в толковании используется гипероним, через который толкуется исходный глагол: **пойти** — «1. Начать **перемещаться** в определенном направлении». Естественно, в связи с усложнением структуры производного и его семантики происходит перевод семы исходного глагола на уровень дифференциальной, о чем, в частности, свидетельствует позиция обособления, в которую часто выносятся в толковании исходный глагол. В целом же отношения в межсловных деривационных связях вполне коррелируют с теми, которые наблюдались в парадигматике: основное значение стабилизирует, объединяет и парадигматически сближенные, и деривационно сближенные слова, выступая опорным типом значения в лексической системе языка.

Тип основного значения производящего настолько значим по своей организующей роли в гнезде, что в производные внедряются самые различные элементы его структуры и обусловленных ею употреблений. Так, встречаются образования, развивающие даже оттенок значения:

*«Пробег — 1. Действие по 1-му и 2-му знач. глагола **пробегать**. 2. Расстояние, проходимое каким-либо видом транспорта (паровозом, автомобилем и т.п.) обычно за определенный промежуток времени».*

Ср.: **Пробегать** — «1 // Быстро продвигаться где-либо. О средствах передвижения; о людях, едущих на чем-либо».

Или: в гнезде глагола **пасть** (**падать**) опосредованно мотивированное существительное *выпадение* развивает оттенок свободно-номинативного значения глагола *падать* — «// Несов. Разг. **Вываливаться**. О волосах, зубах, перьях и т.п. (сов. **выпасть**)».

Другой путь сохранения в производном элементов значения производящего — развитие на их основе серии других значений наряду с соотносительным. Причина «рассогласования» в типах лексических значений производящего и производного, очевидно, та, что меняется ранг итеративной семы: сема исходного гла-

гола становится дифференциальной, уступая интегрирующую роль приставочной семе. Такова, например, серия значений глагола **прийти**, имеющих базовым основное значение глагола *идти*:

«2. *Приехать, приплыть, прилететь куда-либо; прибыть. О средствах передвижения.* 3. *Подойти, подступить. О воде, тумане и т.п.* 4. *Быть доставленным к месту назначения. О ч.-л. отправленном».*

Ср. аналогичные процессы в глаголе **приходить**:

«2. *Приезжать, приплывать, прилетать куда-либо. О средствах передвижения.* 3. *Придвигаться, притекать; подходить, подступать. Соранг (южный ветер) приходит... П. прохлады... О звуке, волне и т.п.* 4. *Достигать места назначения, будучи посланным, отправленным».*

Характерно, что «гены» основного значения опорного члена гнезда сохраняются и в словах, не связанных с ним отношениями непосредственной мотивации. Сама глубина проникновения данного типа значения, его «генов» говорит в пользу его стабилизирующей, интегрирующей роли в гнезде, за счет чего и формируются качества слова, им обладающего, как опорного члена словообразовательного гнезда. Ср. еще проникновение сем исходного глагола *ходить* в семантические зоны других членов гнезда: *ходьба, ходатай, ходули, ходкий, хаживать, хождение, ход, ходик, ходок, ходочек*.

Самый типичный способ проникновения элементов основного значения в зоны производных слов — сохранение последними информации о различных особенностях синтагматики исходного. Так, в гнезде по глаголу *ходить* представлены два омонима, по-разному преломляющие синтагматические возможности глагола в основном значении. Ходок I во всех своих семи значениях сохраняет субъектную сему этого значения глагола, по-разному ее интерпретируя в разных своих значениях:

«1. *Тот, кто идет, ходит пешком; пешеход.* 2. *Лицо, характеризующее по способности к ходьбе. Какой-нибудь (лучший, плохой и т.п.) ходок.* 3. *Лицо, характеризующее по его способ-*

ности, обыкновению посещать кого-, что-нибудь. Кто-нибудь первый ходок, не ходок куда-нибудь, к кому-нибудь и т.п. 4. Устар. Крестьянин, посылаемый общиной для защиты ее интересов, обследования новых земель при переселении и т.п. 5. Устар. Поверенный по делам, ходатай. 6. В знач. сказ. Простореч. По отношению к лицам мужского и женского пола. Тот, кто умеет добиться своего, ловкач; ходкий, ходовой человек. 7. Простореч. Опытный ухажер, волокита».

Способ дифференциации субъектной семы связан с потенциальными семами глагола *ходить* в его основном значении (обстоятельственно-характеризующей — как ходит, пространственной — где, куда ходит, целевой — зачем, с какой целью ходит). В данном случае, таким образом, сохраняются разнообразные актуальные и потенциальные семы исходного. Существительное *ходок* 2, опосредованно связанное с глаголом *ходить*, сохраняет иную объектную сему производящего («О средствах передвижения», ограничивая их состав): «2. Лёгкий, небольшой экипаж (с плетеным кузовом)». В иных значениях существительного сохранены локальные семы производящего:

«1. Разг. Уменьш.-ласк. к *ход* (в 3-м знач.). В треугольнике шалашного *ходка* виднелось прозрачное мягко-голубое небо. Б. Полев. Золото. 3. Спец. В горном деле — горизонтальная или наклонная выработка, служащая только для передвижения, прохода шахтеров».

В отглагольном деривате *ходули* сохранена орудийная сема исходного значения (передвигаться «с помощью ног») —

«Два *шеста* с набитыми *приступками*, на которые становятся и ходят, переставляя *шесты*. 3. Перен. Прост. Шутл. Ноги; то же, что *ходуны*. 4. Устар. Приспособление для ребенка, который учится *ходить*, *ходунки*».

Отглагольное прилагательное *ходкий* наряду с субъектной сохраняет качественно-обстоятельную сему, потенциальную в глаголе *ходить*. Ср. элементы толкования слова *ходкий*: «1. Разг. Такой, который легко и быстро движется, легкий на ходу

(в 1 и 10 знач.)». В случаях, подобных рассмотренному, единство производных в гнезде создавалось варьированием потенциальных и актуальных сем основного значения производящего, наследуемых производными (даже и опосредованно).

Иногда же организующая, объединяющая функция принадлежит отдельным семам производящего, проникающим в серию производных. Например, многочисленные образования, сохраняющие связь с глаголом *ездить*, структурируют его дифференциальную сему «средства передвижения» (ср. толкование значения глагола *ездить*: «1. *Передвигаться в различных направлениях, отправляться куда-либо с помощью каких-либо средств передвижения*»). Правда, состав этих средств в отражении их мотивированными жестко ограничен (*на коне: ездок, наездник, наездница, наездничий, наезднический, объездить, объезжать, объездчик*). В гнезде по глаголу *явить* — *явиться* большая часть производных сохраняет родовую сему исходного глагола: *являться, явление, явка, заявиться, объявиться, объявляться, появиться, появляться, появление*, но в одном слове сохраняется потенциальная сема неожиданности, внезапности, допускаемая основным значением глагола *являться: явочный* — «3. *Производимый без предварительного согласия, разрешения*».

В рамках синхронно-диахронического описания языка, соответствующего объяснительным его концепциям в противоположность описательно-констатирующим, отмечаются отклонения от параллелизма производности и мотивации как особенность ассоциативно-деривационных отношений слов современного русского языка. Здесь, например, отмечаются слова, соотнесенные формально и семантически в русском языке со словами, этимологически им не родственными (явление ремотивации): «у прил. малиновый (звон), восходящего к названию бельгийского города Малин, но соотнесенного в русском языке с названием ягод; у глагола мордовать «избивать», если он синхронно ассоциируется с морда» [251, с. 15], при этом возможно усложнение, когда нечленимое слово начинает члениться на морфемы: колика через фр. восходит к греч. (боль в кишечнике, толстая кишка), а синхронно мотивируется глаголом колоть. Необычна мотива-

ция слов с «парадоксальной внутренней формой»: «Связь такого рода слов с мотивирующими опирается не на логику отношений между явлениями, а на достаточно зыбкие и подвижные экспрессивные коннотации (ср. пропесочить — протереть с песочком, насобачиться — собаку съесть, офонареть — остолбенеть), ср. фонарь — столб и т.д.» [там же, с. 17]. Ср. также [11].

Значимость для языкового сознания отношений слов, сближенных по корню, и явлений внутрисловной деривации дает себя почувствовать в ассоциативных полях слов РАС (болит — голова 39, душа 9, доктор Айболит, на сердце 11; боль — зуб 4, больница, тупая, ужасная 2, болезнь, скорбь, физическая 1), а также в базовых для освоения лексики текстах школьного учебника: «*Чай из листиков нарезан, снятых с чайного куста. Человеку чай полезен — чайник в доме неспроста*»; «*Дождь на лужах ставит точки, мол, тепло кончается*» [180]. Ср. «взрослые» тексты разной жанрово-стилевой отнесенности:

УМЫСЕЛ ЗАМЫСЛУ НЕ ТОВАРИЩ

В. ХРИСТЕНКО: «*В этом (желании предприимчивых людей заработать на финансовом кризисе. — Ред.) есть умысел. А то, что за этим стоит замысел, — это миф*».

Такой уж у них промысел, у предприимчивых людей. Отсюда и умысел. А то, что у них есть какой-то замысел, так это чистый вымысел. Или, если угодно, домысел (АиФ).

КОРОБКА

Удодов купил коробку конфет. Открыл и залюбовался — конфеты были уложены очень красиво. «Укладчица № 5» значилось на вложенной в коробку бумажке.

В тот же день Удодов поехал на кондитерскую фабрику.

— Простите, вы не укладчица № 5? — спрашивал он выходящих с работы девушек.

— Нет, — отвечали девушки, — я — укладчица № 18, 26, 34...

Наконец, одна из девушек, рослая голубоглазая блондинка, ответила:

- Да, это я. А в чем дело?
- Вы так красиво **уложили** конфеты, — сказал Удодов, — я приехал вас поблагодарить.
- Я — укладчица широкого профиля! — с гордостью призналась девушка.
- Они пошли по улице вместе и случайно оказались у Удодова дома.
- Ах, какой замечательный малыш! — воскликнула девушка, наткнувшись в коридоре на плачущего ребенка. — Это ваш?
- Соседский! — отмахнулся Удодов. — Сами уходят, а ребенка оставляют.
- Сейчас я его **уложу!** — сказала девушка, и через несколько минут малыш уже спокойно спал у себя в кроватке.
- А почему это вы такой лохматый? — спросила девушка у Удодова и тут же красиво **уложила** ему волосы.
- Время пролетело быстро. Удодов пошел провожать девушку.
- Ну-ка, очкарик, гони монету! — преградил им дорогу в темном дворе хулиган.
- Не беспокойтесь! — улыбнулась Удодову девушка и ловким приемом **уложила** хулигана на асфальт.
- Выходите за меня замуж! — решился вдруг Удодов. — Но учитите, я зарабатываю немного...
- Ничего! — сказала девушка решительно. — **Уложимся!**

(Эдуард Дворкин)

Неожиданность изображаемой в философской сказке Ф. Искандера «Кролики и удавы» ситуации открывает простор для сближения полярных по стилистическому компоненту значения однокорневых слов, используемых обычно в несоотносимых ситуациях, чем достигается сатирическая заостренность изображения. Ср. сближение в текстовой перспективе слов **сотрясать**, **сотрясение** и **тряска**:

- Он получил **сотрясение** мозга. Это был первый случай такого рода заболевания в кроличьем племени.
- **Сотрясение** мозга? — удивился Король неведомой болезни.
- Да, **сотрясение**, — подтвердили врачи.

— Значит, было что **сотрясать**? — догадался Король...

Он стал объявлять ежегодный конкурс на должность **Старого Мудрого Кролика**. Как известно, **Старый Мудрый Кролик** попал на эту должность после того, как он получил сотрясение мозга от упавшего на его голову морковного желудя, когда он находился под сенью моркового дуба. Получив **сотрясение** мозга, кролик этот неопровержимо доказал, что в его голове было что **сотрясать**, и его назначили на эту должность.

...Интересно отметить, что во время ежегодного конкурса, в разгар **тряски** моркового дуба некоторые кролики, вовсе ни в чем не заподозренные, сами вбегали в зону падения желудей...

Нарочитое разложение составного термина, соотнесение его части с родственными словами ведет к полной его детерминации. Создается впечатление, будто автор специально поставил перед собой задачу показать богатство функциональных потенций ассоциативно-деривационных, эпидигматических сближений слов.

Там, где не оказывается необходимого в текстовой ситуации образования, автор прибегает к описательному обозначению или создает свое с опорой на имеющиеся в языке средства.

Ср. случаи создания недостающего слова словообразовательного гнезда:

а) с опорой на лексему: против **патриотического гнева** было только одно оружие — **перепатриотичить и перегневить патриота; буревестник — горевестник; почернильничать;**

б) с опорой на компонент фразеологизма:

Впрочем, согласно изречению Задумавшегося, он старался развивать в кроликах **стрекачество**, чтобы удлинять путь злу;

в) с опорой на словосочетание:

*На этот раз среди Допущенных не было кролика, занимавшего должность **Старого Мудрого Кролика**... На его месте теперь сидел Находчивый, предложивший переименовать **Старого Мудрого Кролика** в **Стармуда**, что было встречено веселым одобрением.*

Еще один способ повышения информационной нагрузки слова в тексте — разрыв его семантических связей с однокорневыми словами, перестройка семного состава лексического значения в соответствии со сказочной ситуацией и вместе с тем придание ему обобщающего, символического значения в характеристике определенной категории людей: «Я из-за тебя потерял **родину**, то есть то место, где я имел прекрасную пищу, — прошипел удав».

Из семного состава значения выделенного слова выведены все семы системного уровня, кроме семы «место», и наведены те, которые выражают скрытые смыслы, подчеркнутые и неоднозначностью слов автора, вводящих прямую речь.

В приведенных текстовых фрагментах отчетливо выявлялась способность однокорневых образований не только фиксировать тему текста, но и развивать ее, поскольку притягивание их друг к другу ни в системе языка, ни в тексте не означает дублирования смысла, ибо гнездовая словообразовательная общность не влечет за собой идентичности лексических значений слов, обладающих свойством идиоматичности. Это относится и к отношениям паронимии, однокорневой синонимии и однокорневой антонимии и др.

Прозрачность значения корневой морфемы активно используется в создании «говорящих», значащих фамилий героев в тексте: у Ю. Полякова в его романе-эпиграмме «Козлёнок в молоке» это — *Пыльношлемов* («общеизвестный несколькими грамотно организованными скандалами»), *Медноструев* (писатель-национал-патриот), *Чурменяев* (от «чур меня»), *Горынин* (глава писательского союза).

Однако эпидигматические отношения в лексике отнюдь не исчерпываются отношениями слов, имеющих корневую общность. Вообще звуковая форма слов активно вторгается в сферу их содержания, оказывая на него влияние по закону обратной связи, и это относится к таким группировкам слов, не имеющих структурно-словообразовательной общности, как омонимы разных видов, паронимы: «семантические связи в данных условиях реализуются в тех пределах, которые им изначально устанавли-

ливают связи фонетические» [155, с. 78]. Семантизация звуковых связей, явления фоносемантики (С. Воронин, А.П. Журавлев, Ю.В. Казарин и др.) проявляют себя и в процессах становления языковой способности, и в организации ассоциативных полей в АВС и тексте. Так, попытки внести мотивацию в значения осваиваемых слов, часто ограниченных в своем употреблении, отмечал К.И. Чуковский (От двух до пяти): *вертилятор* вместо *вентилятор*, *паукина* вместо *паутина*, *кружинка* вместо *пружинка*, *улицционер* вместо *милиционер*, *мазелин* вместо *вазелин*, *рогать* вместо *бодать*, *пальчатки* вместо *перчатки*, *отключить* вместо *отпереть*, *мокресс* вместо *компресс*, *грозительный* палец вместо *указательный*. Основой мотивации в новообразованиях выступают признаки функционального назначения; пространственной смежности, сходства; субъекта, орудия, средства действия и др., часто изоморфные с теми, которые лежат в основе внутрисловной деривации, хотя возможны и случайные звуковые сближения: «лодырь — тот, кто делает лодки, всадник — это который в саду, а козак, конечно, муж козы» (явления произвольной этимологизации).

Последнее связано с тем, что связь между звуком и смыслом носит нежесткий, вероятностный характер, а процесс практического овладения языком во многом является бессознательным. Ср. еще фрагмент из повести Л. Кассиля «Кондуит»:

«Оська был удивительным путаником. Он преждевременно научился читать и четырех лет запоминал все что угодно, от вывесок до медицинской энциклопедии. Все прочитанное он запоминал, но от этого в его голове царил кавардак: непонятные и новые слова непонятно перекувыркивались... Он путал помидоры с пирамидами. Вместо «летописцы» он говорил «пистолетцы». Под выражением «сиволапый мужик» он разумел велосипедиста и говорил не «сиволапый», а «велосипный мужчина...».

И я должен был догадываться, что у Оськи в голове спутались курага и Никарагуа, Балканы и каннибалы, шоколад и кашалот; артистку Сару Бернар он перепутал с породой со-

бак сенбернар. А извергом он называет вулкан за то, что он извергается».

Непроизвольные ассоциации по форме обнаруживаются в таких сближениях РАС, как карман — душман, коридор — монитор, боль — моль, бред — вред, не во вред и др. Они выступают одной из причин новообразований, оговорок, языковой игры: камазонки, мемуаразм, апофигей, отсидент, репрессанс, экстазм, изувековечить, ёгунь (от йогурт и окунь). Пусковым механизмом в этих процессах могут быть значения не только корневых, но и аффиксальных морфем: «Перекур? — готовно спросил Николай. Перетрёп? — подхватил кто-то из бригады. Перефлирт?» (М. Ганина. День первый и все остальные). В основе создания текстовых смыслов может лежать любой фрагмент звуковой формы слова:

Лев Глево... Лев Глебочич! Ну и имя у вас, батенька, язык вывихнуть можно...

Можно, — довольно холодно подтвердил Ганин (В. Набоков. Машенька).

Экзистен... Экзистеци... стенициализм, ну и словечко, батенька, язык вывихнуть можно, проговаривая; слух можно сломать — вслушиваясь.

*Причем очень хочется всадить в серединку слова — «он»: экзистенционализм. Наверное, хочется сказать, что это не я — экзистенци..., это он — экзистенци... Что-то в нем слышится зловещее. Экзи-стен-циализм... То ли **стон**, то ли **стена**, то ли **стенка**... Между тем — **звучание значимо**. В слово не зря вписаны и стенка, и стон... Экзистенциализм — это рассказ о том, как **существование** становится **сущностью**, едва лишь **существование** поставят к **стенке** (Никита Елисеев. Мыслить лучше всего в тупике. Кое-что об экзистенциальных мотивах в нашей литературе).*

Не менее активно обыгрывается явление паронимии: «Примерно с месяц **Находчивый** жил в числе **Допущенных к Столу** (ср. престол. — Н.С.), **припеваючи и попиваючи** лучшие

королевские напитки...», омофонии: «— Что такое «обет молчания»? — Послеобеденный сон» (Ф. Искандер. Кролики и удавы).

Таким образом, использование ассоциативно-деривационных сближений слов выступает эффективным способом свертывания текстовой информации и в силу большей экономности лексической объективации смыслов по сравнению с синтаксической (учитывая перевод на уровень производного слова целых синтаксических конструкций с производящим), и в силу экспрессивных возможностей повтора как лингвистического явления, и по причине жанровой оправданности обращения к нему.

Ср. другие случаи обыгрывания звуковой формы в создании неожиданных смысловых сближений: *«Мрачный голод выжал и выжил совсем еще юного Бахтина на юг, в Белоруссию, в Витебскую губернию» (В.Н. Турбин), или: «Оргиевич» (В. Поляков) — сокращенно от «Владимир Георгиевич»; «Вам не стыдно, Евгений Мартинович? Вы второй раз обозвали нас курицами. — Это не имеет к сельскому хозяйству никакого отношения, — ответил он. — Курица — значит курящая женщина» (В. Белов. Всё впереди).*

Явления фоносемантики, случаи вторжения звуковой формы слова в область смысла особенно значимы в поэтической речи, в создании рифмы и ритмического строя. Сосредоточенность на эпидигматических связях выступает как черта стиля поэтического мышления, например, Марины Цветаевой. Ср. некоторые фрагменты ее поэтических текстов:

«Возращу и возвращу сторицей... Русь кулашная — калашная — кумашная...! Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами, дамами, думами... Здесь многое спелось, А большие еще — распелось».

Учитывая такое многообразие функций эпидигматов в организации лексической системы и в системе коммуникации, естественным представляется их включение в учебные тексты.

Рассмотрим подробнее проявление лексикосистемных связей в учебных текстах и заданиях.

Лексикосистемные связи слов в их учебной интерпретации

Эвристическая ценность текстов учебника «Русский язык» для начальных классов [180] многопланова: они отражают определенный этап речемыслительной деятельности человека и направлены на внесение изменений в тезаурус языковой личности; они имплицитно базируются на базовый уровень строения лексической системы языка, лексическую основу русского языка; способствуют формированию языковой компетенции учащихся, их метаязыковой и рефлексивной деятельности.

Однако видение этого информационного потенциала возможно при условии понимания современной лексикологической теории, методов лексического анализа, ибо введение даже элементарных лексических сведений требует принятия определенной концепции, сквозь которую они просматриваются.

Тексты школьного учебника в условиях минимизации лексического материала отчетливо обнаруживают ядерно-периферийное строение лексической системы, имеющей в качестве ядра систему полных слов, выполняющих номинативную функцию и служащих основой концептуализации действительности, а в качестве околядерной зоны имена собственные, обладающие ассоциативными связями, вызывающими определенный круг представлений (часто в связи с прозрачностью мотивационного признака, сближающего имя собственное и нарицательное).

Онтологическое разделение слов на предметные и признаковые в кругу полных слов связано с их различной коммуникативной предназначенностью — быть темой или ремой предложения-высказывания, ибо первичная основа смыслопорождения — открытие или приписывание предмету признака в акте коммуникации. В этом кроются коммуникативные потенции слова уже на уровне его частеречной семантики, предназначенность к выражению законченной мысли, что учтено в разбиении слов на классы в учебнике с учетом их категориальной семантики и установлении связей слова и предложения.

Слово как единица лексического уровня имплицитно включает всё многообразие лексикосистемных и ассоциативных связей, при этом текст предстает как реализация тех или иных лексических группировок системы и ассоциативное поле ключевых (опорных, тематических) слов. В конкретном речевом акте слова на основе семного согласования ограничивают круг свойственных им ассоциаций в соответствии с целью высказывания, тем самым объясняя диалектику связи слова и предложения. В последнем слово уже выступает как элемент системы коммуникации, сохраняющий лишь отчасти и преобразующий в соответствии с задачами коммуникации свои лексикосистемные свойства.

Слово как двусторонняя единица входит в различные виды парадигм, организованных как его содержательными, так и формальными признаками. К первым, как мы видели, относятся семантические поля, лексико-семантические группы, родовидовые, синонимические, антонимические группы. Особое место в школьном учебнике отводится синонимам как словам, выражающим одно и то же понятие и максимально сближенным по значению, что создает возможность их взаимозаменяемости в конкретных текстовых условиях, свободу маневрирования в построении текста при обращении к одной и той же теме. Вместе с тем, будучи связями слов по их лексическому значению, синонимы могут различаться теми признаками, которые входят в структуру их лексических значений (денотативными и коннотативными в широком понимании этого термина). Некоторые задания предполагают необходимость отграничения синонимических связей слов от других сближений — по корню, родовидовых: «Сравни по смыслу слова: *птенец — птеничка — птаха, пригляделась — присмотрелась* (синонимы. — Н.С.), *скрылся — исчез — спрятался* (родовидовые сближения. — Н.С.)». Другие ориентируют на наличие элементов сходства и различий в значениях синонимов: «*Большой, огромный, громадный, гигантский... Крутой, обрывистый, отвесный*». Задание на подбор к ним существительных показывает границы лексической сочетаемости каждого из синонимов. Отмечается наличие градационных отношений между синонимами *влажный — мок-*

рый, маленький — крошечный. На примере глагольной лексики демонстрируется наличие антонимо-синонимических гнезд: «Глаголы *строить, возводить, сооружать* близки по смыслу. Глаголы *строить, разрушать* противоположны по смыслу». К анализу на начальной ступени овладения материалом привлекаются, как правило, те из синонимов, различия в значениях которых связаны с денотативным компонентом значения, а также тяготеющие к синонимической дублетности. Текстовое применение синонимов ставит перед вопросом о мотивах выбора данного, а не какого-то другого, при этом реализуются различные текстовые функции синонимов, вносящие свой вклад в текстообразование, в раскрытие темы текста и его замысла. Это и **техническая функция**, позволяющая избежать повтора: «*На суше мотор крутит колёса автомобиля, а в воде винт вращает*». Функция **усиления** смысла или производимого впечатления связана с использованием синонимов в ограниченном текстовом фрагменте, она может сочетаться и с **уточнительной** функцией. Так, синонимы *сиять — сверкать* имеют не только общее ядро значения «излучать свет», но и различаются семантическим признаком «переливчатость светоизлучения» (он связан с глаголом *сверкать*, что оправдывает употребление данного глагола в сочетании со словом *снег*). Ср. два текста: «*Весело сияет месяц над селом; белый снег сверкает синим огоньком*» и «*Снег летает и сверкает в золотом сиянье дня*» (межчастеречная синонимия).

Строгость разграничения разных видов группировок слов в системе языка не исключает их функциональной эквивалентности при переходе к тексту, что связано с их денотативной прикрепленностью в коммуникативном акте и включением авторских интенций, привносящих субъективный момент в текстопостроение. Синонимоподобные сближения возникают на базе родовидовых, тематических, ассоциативных и др. связей слов. Ср. в тексте:

«Собрались старые зайцы. Сбежались маленькие зайчата. Приплелись старые зайчихи. Все слушают, как хвастается заяц... Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые

зайчата. Засмеялись добрые старушки зайчихи. Улыбнулись даже старые зайцы».

В текстовой парадигме нет ни одного синонима, хотя опора на системно-языковой синонимический ряд: «Сов.: *засмеяться, захохотать, залиться, закатиться, покатиться, захихикать, фыркнуть, прыснуть»*, безусловно, присутствует. Очень часто родовое обозначение выносится в семантически значимую позицию в тексте и с помощью видовых раскрывает в нем свое содержание.

В создании речевого контраста участвуют и антонимы: «*В саду на дорожке прыгали **молодые** воробушки. А **старый** воробей уселся высоко на ветке дерева*». Или: «*Лебеди стаяей летели из **холодной** стороны в **тёплые** земли*». В том и другом примере представлена качественная, градуальная антонимия, выражающая контрарную противоположность. Другой тип антонимов (комплементарные, взаимодополняющие) представлен в пословице: «*Люби не только **брат**, но и **отдавать***», векторный — в обозначении противоположной направленности действий: ***соединять** — **разъединять***.

Ситуативно-речевая антонимия также создается с опорой на системно-языковые антонимические связи. Так, в основе нестандартного текстового противопоставления: «*Лаской и **добро**той можно сделать гораздо больше, чем **гневом***» лежит опора на системные антонимы добро и зло. Ср. еще: «*У совы у **старой** не **глаза**, а **фары***». Скрытые антонимические связи (много — мало, большой — маленький) могут служить базой для создания подтекста, имплицитной информации:

*«Один из мальчиков взял **большое** железное ведро и побежал к колодезю. Другой выбрал **маленькое** игрушечное ведёрко и не спеша пошёл за товарищем. Когда кадка была наполнена, ребята вошли в дом. Учитель поблагодарил их, потом поставил на стол глиняный кувшин и стакан с мёдом... — Пусть каждый из вас возьмёт то, что заслужил».*

Антонимичные семы имплицитируют также слова *железный* — *игрушечный* (тяжелый — легкий), *побежал* — *пошел* (быстро —

медленно, охотно — через силу). Всё это помогает определить правильно тему и основную мысль текста и озаглавить его с учетом скрытого в нем дидактического содержания. Значение исчерпывающей полноты временного охвата создают антонимы в конструкции с повторяющимся союзом: *«И днем, и ночью горит огонь у Кремлевской стены в Москве»*. Она может приносить и разделительное значение, создавая предпосылки построения антонимической текстовой парадигмы на межчастеречной основе:

«День Победы — особый праздник. Он и радостный, и грустный. Радостно потому, что наш народ одержал победу над коварным и сильным врагом. Грустно потому, что много советских солдат не вернулось домой».

До сих пор предметом нашего внимания были лексические группировки учебного текста, связанные с содержательными признаками слова. С учетом формы слова выделяются слова, связанные общностью корня: члены словообразовательных гнезд, паронимы, а также лишенные структурной общности — паронимы, омонимы. Все они в разной мере и в разной обусловленности представлены в материалах школьного учебника. В разделе «Однокоренные слова» они названы словами сходными по смыслу, однако это иное сходство, чем у синонимов и других парадигматически сближенных слов. Там оно охватывает всё лексическое значение слова, а здесь только одну, хотя и центральную морфему, здесь, таким образом, сходство семное (создаваемое семой, выраженной корнем), а не семемное, создаваемое в итоге взаимодействия сем в структуре лексического значения. Поэтому слова типа *дружба, дружить, дружный* и др., обладая словообразовательной общностью, входя в одно словообразовательное гнездо, не имеют лексико-семантической тождественности (ср. также их различную частеречную природу). Мотивационные связи сближенных по корню слов лишь в самом общем виде намечают возможности их лексического истолкования. Поэтому столь велики эвристические возможности в восприятии их лексических значений. Они предусматриваются и заданием: *«Догадайся, о каких ягодах говорится в данном тек-*

сте... Вот на кустах висят чёрные ягоды. Это... На краю леса мы увидели кусты с голубоватыми ягодами. Это...». Семный повтор однокоренных слов позволяет им скреплять элементы текста, обеспечивать его **тематическое единство**: «Место, где ты **родился**, называется твоей **родиной**. У каждого человека есть **родная деревня, город или посёлок**». Ср. с другим текстом, где тематическая общность обеспечивается и словами однокоренными, и словами, имеющими общую сему, но не обладающими общим корнем: «У Серези отец — **водитель**. Он **водит** грузовые машины. У Наташи папа — **водник**. Он перевозит по **реке** на большом **судне** разные грузы». Отношения семантической мотивации и участие в построении лексической структуры текста делают члены словообразовательных гнезд объектом не только словообразования, но и лексикологии. В учебных текстах акцентируются мотивационные, ассоциативно-деривационные связи слов. Ср.: «**Чай** из листиков нарезан, снятых с **чайного** куста. Человеку **чай** полезен — **чайник** в доме неспроста». Отношения синхронной мотивации лексического значения производных слов следует ограничивать от случаев утраты былых связей по общности корня. Их восстановление имеет историко-лингвистическую ценность, обращая ученика к истокам слова и воздействуя на мотивационную сферу сознания, усиливая интерес к предмету. Ср.: «Знаешь ли ты, почему коньки так называются? Прочитай текст. Раньше коньки делали из дерева. Внизу прикрепляли **стальные полозья**, которые были похожи на лошадиную голову». Однако в паре конь — коньки современное языковое сознание актуализирует иные связи. Ср. еще элементы этимологической информации в учебном тексте: «Почему в Москве площадь Красная? Когда-то на Руси словом «красный» называли не только цвет. Красный означало также красивый, славный, самый дорогой. Главный вход назывался красным крыльцом. Самое почетное место в доме — красным углом». Не будут одинаково прозрачными мотивационные связи производных глаголов и в тексте: «Как сказать одним словом? 1. Соединить с помощью клея два листа бумаги. 2. Соединить с помощью шва два куска ткани. 3. Соединить с помощью узла два конца веревки». Если слово *склеить* прозрачно

в своей мотивации (указание на средство соединения), то объяснение номинации *шить* и *связать* требует специальных знаний по историко-лингвистическим дисциплинам. В текстовой перспективе также приоритетными являются живые мотивационные связи, фрагменты словообразовательных гнезд скрепляют отдельные высказывания текста: «*Я вышел на крыльцо. Целая семья ежей спокойно прогуливалась по утоптанной дорожке. Впереди шел старый большой еж. За ним шла ежиха. И маленькими комочками катились крохотные ежата*». Как видим, уместный словообразовательный повтор не создает дефекта стиля в отличие от немотивированного повтора, связанного с недостатком лексических ресурсов в выражении содержания, которое бы без этого повтора просто распалось, с чем мы часто и сталкиваемся в текстах учащихся.

Среди группировок слов по форме наибольшие трудности для усвоения создают паронимы, общность корневой морфемы которых, частеречной принадлежности и звуковое сходство создают у учащихся впечатление сходства лексических значений, вызывая неоправданную подмену одного другим. Не случайны в учебнике указания на типовые контексты и ситуации употребления слов-паронимов и корректирующие упражнения. Ср., например: «Запомни: *надеть* (на себя) *пальто*, *надеть на сестренку платье*, *одеть сестренку*»; «Различайте слова: *написать* (что? о чём?) *сочинение об экскурсии*. *Описать* (что?) *экскурсию*». Различие паронимов *обсудить* — *осудить* передается с помощью толкования их лексических значений синонимическим способом (*обговорить*, *обдумать*, *рассмотреть*) или описательным (*признать виновным*, *вынести неодобрение*). В отличие от паронимов парономазы представляют собой слова, не имеющие структурной общности, но обладающие звуковым сходством. Последнее часто используется в художественных целях, целях языковой игры: «*Словно ласточки листочки улететь пытаются*». «*Долго торопливый Ножик не хотел слушаться, торопился... Заставил его Митя терпеливым быть*». В отличие от паронимов и парономазов омонимы характеризуются не сходством, а тождеством звучания при различии лексических значений. Они

сближаются с первыми по возможностям своего стилистического использования и гораздо реже вызывают речевые ошибки, поскольку обычно относятся к достаточно удаленным друг от друга смысловым зонам. Ср.: «*Бегут минуты и часы. Им точный счёт ведут часы*». Большое внимание в учебниках уделяется не лексическим омонимам типа кулак 1 — кулак 2, а омоформам и омофонам (в связи с проблемами правописания). Так, предлагается сравнить по смыслу и по написанию слова в парах: *плот — плот, пруд — пруд, луг — луг*. Таким образом, слова, сближенные по форме, имеют определенные коммуникативные характеристики: быть средством текстообразования, смыслового усиления в случае оправданного повтора, стилистического приема или обнаруживать бедность, неразвитость словаря. Связи слов по форме отнюдь не безразличны для содержания и могут активно на него воздействовать.

Заканчивая рассмотрение системного характера русской лексики, следует подчеркнуть, что системность проявляется в лексике на разных уровнях: на уровне всей лексической системы (включая квалификацию слов с точки зрения их происхождения, социально-территориальной ограниченности, функциональной перспективы), на уровне отдельных лексических группировок, на уровне слова и отдельного значения слова. Вместе с тем нужно помнить, что систему нельзя изучать несистемно, по отдельным блокам. По словам Ю.Н. Караулова, только тезаурусный метод ведет к ликвидации разрывностей семантического пространства: «тезаурус является приближенной интерпретацией лексической системы, ее усредненной и агрегированной моделью... Вместе с тем как метод тезаурусное изучение семантики допускает «оборачивание», когда уже не тезаурус выступает как отражение системности в лексике, а наоборот, сама системность наводится, предписывается лексике с помощью тезауруса» [91, с. 171, 172].

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ЕГО СТРУКТУРНЫЙ ХАРАКТЕР И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИИ

К определению лексического значения

Вводя термин «лексический строй языка» наряду с термином грамматический строй и осознавая, что «лексикология еще не может представить таких глубоких и разносторонних обобщений и выводов из своих исследований, как наука о грамматическом строе разных языковых систем и типов», В.В. Виноградов еще в 1945 г. ставит вопрос о слове и значении как предмете историко-лексикологического исследования [51, с. 5].

За прошедшие полвека лексикология сделала огромный рывок в сторону глубоких обобщений и выводов из своих исследований и установления более точных методов лексикологического анализа, однако вопрос о сущности лексического значения нельзя признать окончательно решенным. Это, очевидно, в принципе невозможно и в силу меняющихся общенаучных и лингвистических знаний, и в силу сложности самого научного объекта — лексического значения, предполагающего в своем изучении опору на принцип дополнительности.

Сложность усугубляется тем, что слово как образование в своей основе лексическое (А.И. Смирницкий) тем не менее обнаруживает теснейшее единство лексического и грамматического: «Определение лексического значения слова уже включает в себя указание на грамматическую характеристику слова» [50, с. 22].

Различные этапы разработки теории лексического значения слова, а также те признаки, которые представляются исследователю ведущими в его структуре, обуславливают различные оп-

ределения этого лингвистического феномена. Достаточно сказать, что в вузовских пособиях и словарях (например, во «Фразеологическом словаре» под ред. А.И. Молоткова) лексическое значение приписывается и основе слова, его корню, и значению фразеологических, сверхсловных единиц, и даже типовому словообразовательному значению, которое далеко не всегда ограничивается от собственно лексического. Иногда оно приписывается лексеме в целом как средству номинации во всей совокупности ее лексико-семантических вариантов, противопоставляясь грамматическому значению как типу языковой семантики [43, с. 56].

Сложность и многопризнаковость лексического значения, как и его вероятностный характер, далеко не сразу были осознаны исследователями.

До сих пор идут споры между «вербалистами» и «антивербалистами», первые из которых допускают только дискурсивное мышление, мышление с помощью языка и его именовании; вторые считают, что существуют и невербальные типы мышления (наглядно-действенное, наглядно-образное). А с этими спорами напрямую связан вопрос о природе и сущности лексического значения. В.В. Морковкин [145] предлагает консенсус, вводя понятие единого ментально-лингвального комплекса, объединяющего дискурсивное мышление, осуществляемое в «светлом» поле сознания и требующего значительного количества именовании, и эвристическое мышление, протекающее в «темной» зоне сознания, но обнаруживающее свои результаты в «светлой» зоне. Базовой односторонней единицей ментально-лингвального комплекса признается информема, а совокупность информем (поименованных и непоименованных) в сознании человека определяется как его знание. Если же информема прошла через первичное означивание, именование и стала достоянием языка, этноса, она получает статус концепта: «Язык связывает людей в этническую общность через концепты» [193, с. 664]. Это одна из интерпретаций содержательной стороны слова, отвечающая когнитивному подходу к языку. С другой стороны, в концепциях Б.А. Серебренникова [204] и др. отрица-

ется отражательная сущность языка на том основании, что отражает не язык, слово, а человеческое сознание. В итоге ставится под сомнение возможность использования термина «языковая картина мира» [109].

В ряде определений лексическое значение слова редуцируется до его **предметной, референтной отнесенности**. В референциальных концепциях значение или отождествляется с предметом, или сводится к отношению между носителем значения и носителем референции. Ср. в Трактате Л. Витгенштейна: «Имя обозначает объект. Объект есть значение имени» [118, с. 162] или в учебнике А.В. Калинина: «Значением слова называется его соотнесенность, связь с определенными явлениями действительности» [88, с. 16]. Абсолютизация номинативной функции как признака лексического значения слова отчетливо выступает в его школьном преломлении. Так, в разделе «Слово и его лексическое значение» учебника под ред. Н.М. Шанского [191] отмечается: «Слова в языке служат для обозначения предметов, действий, признаков, количеств. То, что обозначает слово, является его лексическим значением» [с. 132]. Это ведет к противоречивому истолкованию связей слов по их лексическим значениям (синонимических и антонимических). Ср.: синонимы «обозначают одно и то же: один и тот же предмет, один и тот же признак, одно и то же действие» (гипопотам — бегемот)... это слова одной и той же части речи, которые обозначают одно и то же, но могут отличаться друг от друга оттенками лексического значения и употреблением в речи» [с. 144], а антонимы — «это слова одной и той же части речи с противоположным лексическим значением» [с. 148]. Таким образом, лексическое значение и связи слов по значению нельзя рассматривать только с референциональных позиций. Такие определения носят редуционистский характер и не учитывают интерпретационного характера языковой семантики. Поэтому, например, в русском языке разными словами, обозначающими одно и то же: один и тот же предмет, один и тот же признак, одно и то же действие, — могут быть отнюдь не только синонимы. Ср. более точное истолкование синонимов в учебнике под ред. М.М. Разумовской

и П.А. Леканта [190]: «Синонимы — это слова, близкие по лексическому значению, например, трусливый — несмелый, идти — шагать» с последующей иллюстрацией: «Уста и губы — суть их не одна. И очи — вовсе не гляделки! Одним доступна глубина. Другим.... — глубокие тарелки! (А. Марков)» [с. 57]. Не случайно среди способов объяснения лексических значений авторы называют и подбор синонимов как «близких по лексическому значению слов» [с. 56]. Кроме того, остается неясным, что же в референциальной трактовке синонимов «одно и то же» — денотат или сигнификат? В учебниках под ред. М.М. Разумовской и М.В. Панова лексическим значением справедливо назван «*тот главный смысл, о котором мы думаем, когда произносим слово*». Здесь отчетлива антропоцентрическая струя, апелляция не только к референтному плану, но и к ментальным структурам говорящего, к интерпретационному моменту в семантике слова. Ср. также в [118]: «Отношение между словами и миром существует не в вакууме, а связано с интенциональными действиями говорящих, использующих конвенциональные средства (слова и предложения) в соответствии с правилами употребления этих средств» [с. 65]. А по меткому замечанию Л.В. Щербы, «правила слов» обычно даются в словарях в виде их значений.

Редукция лексического значения к референтной отнесенности слова маскирует тот факт, что между разными типами лексикосистемных отношений могут и должны быть различия даже при отнесении номинации к общему референту: одну и ту же женщину можно назвать и по ее половому признаку, и по участию в разговорном диалоге при обращении к ней как адресату, и по семейной роли, и по профессии, и по излюбленному виду занятий и области дарований и т.д., из чего вовсе не следует, что все эти номинации создадут только синонимический ряд. Самый акт наречения предполагает выделение определенных признаков, по которым предметы и явления одного класса противопоставлены представителям других классов. Так, лексическое значение слов *дуб* и *берёза* несет информацию не только о типичном, целостном образе, прототипе, образце, эталоне, который связывается с данными звуковыми комплексами, замеща-

ющими реалии (денотат), но и о совокупности тех признаков, по которым осмысляется принадлежность растения к классу дубов или берёз (сигнификат как отражение содержания понятия). Представление как субъективно-объективный образ, лежащий в основе денотата, может относиться и ко всему классу предметов, определяя объем понятия, экстенционал (в терминах логики), всю область референции, и к отдельному представителю класса, конкретному предмету действительности во всем многообразии его индивидуальных признаков. Внимание к представлению как эталонному, прототипическому образу, обязательному в структуре лексического значения слова характерно для работ последнего времени, отражающих процесс формирования когнитивной парадигмы в лингвистике (В.Н. Телия. З.Д. Попова и И.А. Стернин, И.М. Кобозева и др.). Именно с представлением связывается лексическое значение слова в его определении В.Г. Гаком: это «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем **представление** о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр.» [193].

При семасиологическом подходе к лексическому значению (от слова к понятию) приоритетными оказались **понятийно-отражательные концепции** с преимущественным вниманием к сигнификату как составляющей лексического значения. Ср. в этом плане известное определение А.И. Смирницкого: «Значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании... входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [211, с. 89]. В сходных ориентациях выдержаны определения значения слов у О.С. Ахмановой; Л.С. Ковтун («значение слова — это реализация понятия средствами определенной языковой системы») [102, с. 72]; Д.Н. Шмелёва; Г.В. Колшанского. Ср. у Ю.С. Степанова [222, с.13]: «Значение слова (сигнификативное значение, сигнификат) — высшая ступень отражения действительности в сознании

человека, та же ступень, что и понятие. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в общественной практике людей. Значение слова стремится к понятию как своему пределу». В этих определениях отражается онтологическое единство понятия и лексического значения, хотя в большинстве своем лингвисты отрицают тождество между ними.

Преимущественное внимание к понятию как основе лексического значения объяснялось отчасти тем приоритетом, который отдавался логическим структурам человеческого сознания в ущерб процессам, протекающим в подсознании, в сфере бессознательного и интуиции, хотя и эти процессы объективируются словом. В.В. Виноградов писал о том, что слово является «одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» [50, с. 21]. Это напрямую касается лексического значения слова, которое в правой части словарной статьи получает свою текстовую экспликацию в виде словарной дефиниции. Тем самым демонстрируется изоморфность языковых единиц разных уровней (слова и предложения-высказывания), в толковании лексического значения как тексте выделяется тема (известное) и рема (новое), и этим новым может быть информация не только о мире, но и о субъекте с единством его психической сферы, о различных условиях употребления слова в разных его значениях. Ср., например, предполагаемую разработку некоторых лексических значений слова в проекте НАСа, планирующем учесть в толковании разнообразные признаки нового, связанные с разными сторонами человеческой субъективности:

АИСТ — МАС-2

Крупная перелётная птица с длинным прямым клювом и длинными ногами, с белым и чёрным оперением.

Пробные статьи НАСа

Крупная перелётная птица наподобие журавля, селящаяся вблизи человеческого жилья (символ семейного благополучия и пополнения семьи потомством). Чёрный и белый а.

В толковании НАСа отмечаются не только объективные признаки птицы, но и те, которые опираются на воображение человека (наподобие журавля), его уровень знаний и традиционные для данной культуры представления.

ЦЕЛИТЕЛЬ — МАС-2

*Тот, кто исцеляет,
врачует от болезней
и недугов (устар.)*

Пробные статьи НАСа

*(Обычн. высок.). Тот кто, лечит
методами и средствами
нетрадиционной медицины (о врачах
или знахаре, костоправе и т.п.).
Народные филиппинские ц.*

[111, с. 61].

Второе толкование отмечает те изменения, которые произошли в сознании носителей языка, с чем и связана актуализация значения, ранее относимого к пассивному словарному запасу. Сменились не только временные и стилистические характеристики слова, его эмотивные коннотации, но и расширилась зона референции.

Понятие, заключенное в лексическом значении, оказалось принципиально не лимитируемым и по причине его изменчивости во времени, в связи с открытием новых свойств «вещей», и по причине свернутости в нем многообразия тех суждений, личностных смыслов, пропозиций, которые создают лексический портрет усредненной, типизированной языковой личности на определенном этапе развития этноса. Подобная изменчивость свойственна не только «наивному» понятию, отражаемому языком, но и научному, претерпевающему изменения в связи с новыми научными открытиями (например, о делимости атома, о возможности восстановления нервных клеток), с формированием новых научных парадигм и новых школ, в рамках которых «исповедуется» то или другое понятие. Попытки ограничить понятие только областью терминосистем научной сферы [172] не спасают положения, поскольку обыденные понятия подтягиваются до научных, правда, когда последние покидают пределы науки (Ю.С. Степанов), но еще и потому, что между

термином и словом нет непроходимой границы. Так, детерминологизуясь, слово-термин теряет такие свойства, обусловленные его вхождением в терминосистему, как заданность понятиями этой системы, наличие специальной дефиниции, тенденции к однозначности, отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность (ср., например, слова: *поле* как физический, геологический, биологический и т.д. термин и *поле зрения* в публицистике, *цепная реакция* в физике и общем употреблении, *хронтон* в филологии и в переносном употреблении в разговорной речи, *химия* как название науки и *химия* как химические удобрения (в разг. речи), как химические препараты лекарственного, опьяняющего и т.п. действия (в разг. речи), как химическая завивка и прическа (в разг. речи), а также слово-омоним *химия* — действия, поступки, связанные с обманом, хитростями (в разг. речи). Особенности проявления словесных свойств не препятствуют и явления ретерминологизации, связанные с переносом термина из одной дисциплины в другую (*функция, операция, банк, память, адаптация, реабилитация* и др.). Даже в пределах терминосистемы термины, будучи словами, вступают в те же виды системных связей, что и обычные слова: *орфография — правописание* (синонимия), *гипертония — гипотония* (антонимия), *микротекст — макротекст — гипертекст* (градация), *морфема — корень, приставка, суффикс, окончание* (родовидовые отношения), *композиция — экспозиция, завязка, кульминация, развязка* (отношения части и целого), *деформация* (действие и результат — многозначность), акцент (омонимия).

Таким образом, термин как эталонное воплощение логического понятия не исключает двух аспектов понятия — конструктивно-логического и индуктивно-эмпирического (термины М.В. Никитина), связанных с диалектической, вероятностной природой мира, его дискретно-континуальным строением, отражающимся в языковых единицах. К тому же и научная речь состоит отнюдь не только из абсолютно специфических единиц-терминов данной области знания (их немного), но включает в себя и обще книжную, и общеупотребительную лексику (то есть относительно специфическую и неспецифическую). Ин-

дуктивно-эмпирическая ступень познания предполагает не просто зеркальное отражение тех или иных сторон предмета, явления, а включение привнесенных человеческим сознанием идеологических, чувственных, национально-культурных, этических, эстетических представлений и других субъективных напластований, сквозь призму которых происходит осмысление реалии носителями языка (сигнификация), причем результаты такого познания могут выражаться не только лексически, но и грамматическими средствами языка (ср., например, выражение восторга и синонимами *превосходно*, *восхитительно*, и междометием *ах*, и синтаксической конструкцией *вот это да*, разного рода восклицательными предложениями и т.д.). Это, в частности, свидетельствует об отсутствии тождества между понятием и лексическим значением. Известно, что одно и то же понятие может выражаться словами с разным лексическим значением (синонимия), а разные понятия включаться в содержательную структуру одного слова (*свинья — о животном и человеке*, *лапоть — о предмете и человеке* и т.д.). Своеобразие понятия, представленного в слове, осознавалось многими учеными. Не случайно Л.В. Щерба говорил о «лексическом понятии», а С.Д. Кацнельсон применительно к содержанию слова — о понятии формальном и содержательном. При переходе от системно-структурной к антропоцентрической парадигме на место разделения лингвистической и экстралингвистической информации пришло их объединение при исследовании лексического значения слова, создание **интегральных концепций лексического значения**. Это потребовало широкого выхода в мир экстралингвистических знаний (именно знание стало основой формирования когнитивной парадигмы, но не любое, а конвенциональное, доступное этнической языковой личности на определенном этапе развития языка). Потребовалось включение в область языковой семантики не только «ближайшего», но и «дальнейшего» (по А.А. Потебне) значений слов. Как отмечалось, именно такая совокупность знаний об объекте связывается с концептом как «очеловеченным» понятием, а не формально-логическим. Но и концепт как единицу «языка мозга» нельзя смешивать с лекси-

ческим значением слова как единицей семантической системы словаря данного языка. Именно лексическое значение слова открывает путь к постижению концепта как «конвенциональной» ментальной репрезентации, имеющей имя со свойственным этому имени значением, реализуемым в совокупности лексико-системных связей (в парадигматике, синтагматике и деривации). И хотя концепт, как и лексическое значение слова, принадлежит сознанию субъекта, последнее предполагает редукцию концепта до общего для говорящих смысла, заключенного в лексическом значении. Лексическое значение позволяет сделать доступными для других в коммуникации личностные смыслы, связанные с концептом у того или иного говорящего, с его миром мысли и знаниями о мире, с его ценностными предпочтениями. Лексическое значение передает лишь часть содержания концепта, ибо «для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — многие значения» [172, с. 59]. В указанных ориентациях лексическое значение определяется как «концепт, связанный знаком» (М.В. Никитин), что предполагает, с одной стороны, редукцию концепта, а с другой — лексикосистемную детерминацию лексического значения. Понятие концепта в антропоцентрической парадигме появилось как ответ на представления об объективности идеального, на вызов семантики возможных миров, виртуальной реальности [см. 187, 263, с. 25].

З.Д. Поповой и И.А. Стерниным введен термин интерпретационное поле концепта для характеристики полевого строения концепта, где наряду с ядром как прототипической единицей универсального предметного кода с базовыми слоями, обволакивающими ядро, выделена слабо структурированная область оценок и трактовок «содержательного ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [172, с. 64]. Нелимитируемость концепта особенно очевидна при обращении к вербализуемым личностным смыслам индивидуального сознания. Именно неисчерпаемость и принципиальная неисчислимость признаков концепта позволяет рассматривать концепт как элемент дискурса определенного типа [223, 261].

Соотношение ядерной и интерпретационной части концептуального поля оказывается разным в разных типах дискурса, в одних ядерная часть просматривается с достаточной определенностью, в других преобладает интерпретационное поле. Первый случай обнаруживается в попытке истолковать национально-специфическое содержание концепта в отличие от способов концептуализации явления инокультурной общности. Ср. в этом плане лексическую разработку концепта дружба и любовь в статье Г. Хазагерова [263]:

«Для нас дружба — это прежде всего доверительное общение, взаимная исповедь, осознание братства и совместной устремлённости к высшему началу. И лишь в последнюю очередь это партнёрство, партнёрские отношения, восходящие к рыцарскому воинскому товариществу. Но ведь именно этот рыцарский союз и есть дружба в собственном, узком смысле слова, подобно тому, как любовью в узком смысле слова называется чувство между мужчиной и женщиной, а не братская привязанность».

Способами экспликации концепта здесь выступают предикатные структуры, ассоциативные поля ключевых слов дружба и любовь — номинаций концепта. Иерархия признаков, позволяющих отграничить ядро и базовую часть концепта от интерпретационного поля, раскрывается текстовыми маркерами типа «прежде всего», «в последнюю очередь», ссылками на «собственный, узкий смысл» слов, историко-культурные реалии, породившие концепт. Очень существенна сочетаемость, позволяющая ограничить содержание концептов более высокого уровня абстракции с опорой на закон семантического согласования. Концептуальные признаки, выявляемые в интерпретационном поле концепта, выводят автора на характеристику психологических особенностей этноса, выявляемых с опорой на «персоносферу русской культуры»:

«Однако в отношениях между мужчиной и женщиной в нашей литературе, как ни в какой другой, присутствует нечто большее, чем просто любовное влечение. Здесь и духовный союз,

и целая гамма сложных чувств, иногда трогательных, как у Александра Адуева и его молодой «тетушки» Елизаветы, иногда смешных, как у Верховенского-старшего и Варвары Петровны. Ни для кого не секрет, что подобная «размытость» интимных отношений присутствует и в нашей жизни».

Таким образом, «образ жизни» в прямом смысле этого слова автор связывает с персониферой русской культуры, которая была исходной реальностью для русской интеллигенции, ориентиром в ее жизни (своеобразный литературоцентризм мышления и языка). Как видим, ценность «говорящих» имен собственных в культуре определяется спецификой стоящих за ними образов, задающих ту или иную норму концептуализации, образ как ментальная репрезентация объекта субъекту служит одной из содержательных форм концепта и одним из элементов его полевой структуры. В приведенном выше тексте они высвечивают такие признаки концепта любовь в его интерпретационном слое, как «смешная», «трогательная».

Концепт в когнитивной парадигме предстает как «всё то, что мы знаем об объекте, во всей экстенсии этого знания. Концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует «прототип» (он и есть гештальт-структура). Этот прототип соответствует в имени тому, что мы назвали денотатом, а реалья — это то, чем является для нас объект в мире «Действительность» [241, с. 97]. Сознвая, что только понятием невозможно истолковать концепт, В.В. Колесов выделяет такие его содержательные формы, явленные в слове, как образ, понятие, символ. С развитием концепта они исторически сменяют друг друга и связаны с такими философскими течениями, как номинализм (позиция «от вещи»), реализм (позиция «от слова») и концептуализм (позиция «от идеи»): «Только совместно все три точки зрения в состоянии дать объемную и в различных перспективах видения объективную картину всего семантического поля ментальности в ее развитии от концепта и к концепту» [105, с. 408].

Редукция концепта как принципиально не лимитируемого ментального образования до системного лексического значения

осуществляется с помощью разного рода **лексикосистемных связей**, создающих опору при переводе личностных смыслов на конвенциональный уровень в условиях вербализации концепта и обеспечения взаимопонимания говорящих на данном языке. Из этого, однако, не следует, что лексическое значение можно сводить только к этим связям, что имело место при его квалификации в системно-структурной парадигме. По мысли В.А. Звегинцева, значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, а совокупность таких возможных сочетаний слова фактически и обуславливает существование лексического значения как объективно существующего явления или факта системы языка [83]. Редукция значения до его синтагматических, валентностных связей оставляет открытым вопрос о том, чем же определяются сами эти связи.

По существу, развиваемые лексикологами интегральные концепции лексического значения (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, И.К. Кобозева, Г.Н. Скляревская и др.) имеют своей опорой **комплексное определение лексического значения**, которое дал В.В. Виноградов на заре формирования взгляда на лексику как систему: «Под лексическим значением слова обычно разумеют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [49, с. 169]. Здесь в структуре лексического значения отмечается и его денотативно-сигнификативное содержание («общественно закрепленное содержание слова». — Там же), и связь лексического и грамматического с предоставлением грамматикой репертуара форм для объективации лексического значения, и вхождение лексического значения в общую семантическую систему словаря данного языка. Это определение подытоживает описанные в статье факторы обусловленности лексического значения: соответствие понятию, выражаемому с помощью слова; «зависимость от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловлен-

ных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова» [49, с. 165]. Нетрудно заметить, что здесь описана роль слова в объективации ментальных структур, а лексикосистемная обусловленность лексического значения ищется в тех отношениях, которые применительно к лексике лишь позднее были терминологизированы как парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные. При этом прагматические характеристики лексического значения, обуславливающие его вхождение в семантическую систему словаря, не противопоставляются собственно семантическим. В.В. Виноградов отмечает переключку слова со смежными рядами слов и значений и указывает на значимость культурно-исторических «отголосков», ассоциаций, связанных со словом. Он иллюстрирует их строчками из письма П.А. Плетнёва Я.К. Гроту о своей лекции в университете:

«Я изъяснил, что нет в языке слов равнозначащих совершенно, потому что с лексиконным значением в голову приходит с каждым словом идея века, народа, местности, жизни. Всё это удалось мне выяснить простым примером борода и брада. Первая так и рисует читателю Русь в виде её мужика, купца или попа. Второе каждого из нас переносит во времена патриархов (иудейских), в жизнь восточных народов и проч., оттого только, что это слово врезалось в памяти из церковных книг. На этом я основал важное учение о мастерстве давать картинам точные краски в литературных произведениях» [49, с. 166].

Об отсутствии барьера между ближайшим и дальнейшим значением слова (включающим индивидуальные ассоциации, научные и культурные знания нашего современника) свидетельствуют и ассоциации к слову борода в РАСе (прямая и обратная версия). Приведем некоторые из них:

старик, дядя, мужчина, взрослый, Маркс, философ, старец, Достоевский, кооператор, купец, мудрец, партизан, поэт, православный, Сократ, Толстой, творец, барин, гном, Хотта-

быч, козёл, геолог, мужик, кандидат, Магомет, преподаватель, профессор, старейшина, художник, дед Мороз, интеллигентная, Карабаса-Барабаса, патриархальная, писатель, Пётр I, символ мудрости, Черномора.

Главным отличием современной лексической семантики признается описание значений слов как интегральной части языковой способности человека [101] и его языкового поведения. В этом случае недостаточно традиционных в словаре указаний на дифференциальные признаки лексического значения, помогающие определить его границы по отношению к другим словам в лексической системе языка. Важным оказывается также учет недифференциальных признаков лексического значения, создающих «лексикографический портрет» слова. Понимание лексического значения как бесконечно сложной и избыточной структуры ставит перед вопросом о мере глубины ее словарного представления: «словарь будет всегда отличаться от внутреннего лексикона, в котором, по всей видимости, слово существует как ядро многомерных связей и ассоциаций, притом функционирующих не только в роли отражающих собственно языковые связи, но и стоящие за ними структуры знания» [119, с. 21]. Ю.С. Степанов в этом смысле говорит о разных типах словарных дефиниций, противопоставляя диффузные, или **интегральные, определения** структурированным, или дифференциальным, определениям: «...если структурированная часть сигнификата — десигнат — может быть определена перечнем дифференциальных признаков, которые противопоставляют и одновременно объединяют данный десигнат с десигнатами других слов его группы, то в остальной части сигнификата признаки оказываются не дифференциальными, а интегральными, присущими лишь данному сигнификату» [223, с. 728]. Значение при этом описывается как уникальное, примером чего могут служить описания значений синонимичных слов в «Новом объяснительном словаре синонимов» Ю.Д. Апресяна и его соавторов: «наивное понятие и оценка (если она существенна, что верно далеко не для всех слов) исчерпывают предмет **толкования** в собственном смысле, причем описание наивного понятия обра-

зует ядро толкования, а описание оценки составляет его модальную рамку. Однако **полное семантическое описание...** слова шире, чем его значение, и включает, кроме значения, сведения о пресуппозициях, о вызываемых словом семантических ассоциациях, или коннотациях, о логическом акценте и ряде других, для нас менее существенных» [8, с. 261]. Примеры интегрального описания лексического значения с включением элементов энциклопедической информации обнаруживают и пробные словарные статьи НАСа, если их сравнить с соответствующими толкованиями МАС-2:

ВЕЩИЙ

МАС-2

Пробные статьи НАСа

Проницательный, мудрый; обладающий даром предвидения (устар.)

2. *Книжн. Проницательный, мудрый, обладающий даром предвидения (обычно как постоянный эпитет некоторых исторических лиц и литературных персонажей). Сказание о в. Олеге. Ария в. Бояна.*

В описании одного из лексических значений прилагательного *белый* в НАСе предполагается ввести указание «Нар.-поэт. как постоянный эпитет, воплощающий эстетические представления народа о красоте девушки, женщины», а в характеристике другого значения этого слова отмечается символика белого цвета в русской культуре: «Символизирующий всё положительное и доброе (в отличие от чёрного... Б. зависть... Б. магия)» [111, с. 83, 85].

Структура лексического значения и его функциональные потенции

В сфере лексики отличие языков, их национально-культурная специфика усматривается в «остаточной «фоновой» семантике лексических единиц», противостоящей дефиниции, «иден-

тифицирующей обозначаемые ими реалии с ближайшим родом и видом» [55, с. 125]. При этом фоновые элементы включаются в область лексической семантики, и это включение аргументируется регулярностью их реализации в адекватном речевом употреблении. Содержание лексического значения, таким образом, принимает объемный, голографический характер и ограничивается лишь случаями индивидуально-авторского речевого варьирования. Очевидно при этом, что оно не совпадает с содержанием того лексикографического конструкта, каким выступает словарное толкование. В качестве компромисса между научной дефиницией как лексикографическим конструктом, ориентированной на минимум необходимых и достаточных признаков лексического значения, и необходимостью отражения избыточных, энциклопедических, а также промежуточных между двумя указанными типами сем, присутствующих в обыденном сознании, предлагается введение дополнительного толкования через синонимы как естественоязыковое явление. Попытками преодолеть указанное противоречие служит и естественный семантический метаязык А. Вежбицкой с опорой на семантические примитивы, и модель смысл — текст в ее лексикографическом преломлении в «Новом объяснительном словаре синонимов» и других работах Ю.Д. Апресяна, настаивающего на необходимости экспликации всех содержательных, включая экстралингвистические, признаков слова, различий между синонимами [8, с. 311].

Выход на экстралингвистические признаки слова обнаруживают и результаты ассоциативного эксперимента [см. РАС], и исследования ассоциативного поля слова (А.А. Залевская, А.П. Клименко, Н.С. Болотнова, И.Г. Проскурякова, Т.С. Калдыгулова, Л.А. Климова и др.). Расширение зоны энциклопедической информации намечается в толковых словарях последнего времени, в пробных статьях Нового Академического Словаря, в двуязычных словарях.

Всё это ставит вопрос, насколько экстралингвистические признаки слова действительно являются таковыми и каково их соотношение с собственно лингвистическими признаками.

Отчасти ответ на эти вопросы дает полевая модель лексического значения (Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, М.В. Никитин, В.Г. Гак и др.), предполагающая наличие переходной зоны между объектом и средой его бытования, культурным континуумом. В ядерную и окооядерную зону значения входит **интенционал** (выявляемый в дефиниции) и сильновероятностный **импликационал** (отражающий логические следствия из дефиниций). К периферии относятся слабовероятностные, не всегда осознаваемые, но достаточно регулярно воспроизводимые в тексте семы (они могут обнаруживать себя в сравнениях, метафорах, фразеологизмах, в ассоциативных полях слова, характеризуясь при ассоциативном эксперименте средней или низкой частотностью). Они близки к тем, которые Ю.Д. Апресян назвал «нетривиальными семантическими признаками». Границей лексического значения выступают семантические признаки, связанные с индивидуальным опытом говорящего, с уникальными способами концептуализации мира и использования языковых средств. Текстовое наведение сем как способ управления пониманием адресата, возбуждение и преобразование его концептуальных структур возможно при условии, что между экстралингвистической и собственно лингвистической информацией нет непродолимых границ. Если текст предстает как ассоциативное поле слова, то и внеязыковая информация, включая выводное знание, пресуппозиции, входит в это поле, что подтверждается признанием дискурсивной основы текста: «Дискурс. Речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (содержательных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [43]. Таким образом, внеязыковые ассоциации — тоже одна из составляющих ассоциативного поля **слова**.

Принципиально важными для понимания структуры лексического значения оказываются его интегральные концепции, учитывающие несводимость лексической компетенции носителей языка только к той части лексического значения, которая

отражается в толковых словарях в виде дифференциальных определений: «Под системным значением слова следует понимать совпадающую часть семантических компетенций всех носителей языка...», «в системное значение включаются и научные, и бытовые знания одновременно, в том объёме, в котором эти знания являются общеизвестными» [230, с. 33], поскольку знание лексического значения тоже выступает как один из видов знаний о мире. Несмотря на нелимитируемость лексического значения (ср. ближайшее и дальнейшее значение у А.А. Потебни), его структура может быть представлена как сложная иерархия, включающая разнообразные (в зависимости от глубины разработки значения) компоненты. М.В. Никитин предложил тест на разграничение таких составляющих значения, как **интенционал** и **импликационал**, отражающих обязательные и вероятностные признаки лексического значения: *тигр есть хищник* и *лето может быть прохладным*; если зима — это время года с декабря по февраль (временной отрезок), и это признаки интенционала, выступающие в толковании лексического значения, то за чертой интенционала оказывается признак, выступающий в сочетании *тёплая зима*, ибо даже в зону сильного импликационала входит признак «холодное время года» [см. 149]. Вместе с тем и в содержании интенционала просматривается вероятностная природа лексического значения, но скрытая, замаскированная жесткостью толкования (ср. еще один приводимый автором пример: «Труженник — тот, кто **много** трудится (сколько?)»). Как уже отмечалось, вероятностная природа лексического значения просматривается и в таких элементах толкования, как «часто», «главным образом», «по преимуществу» и под. В других работах в структуре лексического значения выделяются **денотативный** и **коннотативный макрокомпоненты** с последующим их членением на микрокомпоненты, или семы. В работе И.А. Стернина и З.Д. Поповой в ключевых словах-номинациях концепта выявляемые семы отождествляются с концептуальными признаками, а семемы (словозначения, по М.В. Никитину) — с концептуальными слоями [172, с. 98], при этом в разных условиях коммуникации концепт поворачивается раз-

ными своими гранями, сторонами (голографическая гипотеза А.А. Залевской).

Денотативный макрокомпонент, обращенный к предметно-логическому содержанию слова, включает в себя архисему (сему родового характера, общую для ЛСГ), которая носит интегральный характер, и дифференциальные семы, передающие качественное своеобразие значения по отношению к «соседям». Так, слова *живописный, картинный, декоративный*, согласно данным АСС, имеют общее ядро значения, интегральный признак *«привлекающий к себе внимание яркостью красок, необычностью, нарочитой красотой линий, движений и т.п. (О картинах природы, о человеке, о предметах и т.п.)»*. Для каждого из членов ряда отмечаются свои дифференциальные признаки: *«Живописный — привлекающий своими красками, красотой; картинный — обращающий на себя внимание нарочитой красотой, слово употребляется преимущественно для характеристики внешности человека, его жестов, позы и т.п.; декоративный — внешне очень пышный и эффектный, но лишенный естественности»*). Ср. толкование слова *мимоза* в одном из своих значений в МАС-2: *«2. Вид субтропической зелёной акации, имеющей жёлтые душистые цветки»*.

Л.М. Васильев определяет денотативный, или эмпирический, макрокомпонент как «результат конкретного понятийного и образно-чувственного мышления, отражающего действительность одновременно в форме понятий и представлений (ср. слова типа *береза, дуб, дом, лес, сладкий, красный, сидеть, спать»*) [41, с. 91] в отличие от рационального компонента значения как результата абстрактного понятийного мышления в словах типа *причина, следствие, отношение, материя, форма*. Однако в свете когнитивных представлений об обязательной опоре на конкретно-чувственные образы при осмыслении человеком даже абстрактных явлений это противопоставление групп слов вряд ли допустимо. Ср. гипотезу «о том, что сигнификат не может существовать без денотата, поскольку в любом типе номинации участвует категоризация действительности, позволяющая языку (а точнее, его носителям) хранить в своей памяти не индивидуальные,

а типовые представления о них, что подтверждается психологами» [241, с. 157].

И.М. Кобозева говорит о прототипическом, виртуальном денотате в лексическом значении слова (в отличие от актуального в дискурсе) как целостном образе типичного эталонного представителя класса сущностей и прототипическом сигнификате как «наивном» понятии о сущностях [101].

Коннотативный макрокомпонент, относимый обычно к периферии лексического значения, как и потенциальные, слабо вероятностные, скрытые, факультативные семы, включает в себя всё многообразие микрокомпонентов, сем, отражающих чувственно-эмпирическую ступень познания и связанных с прагматикой, с условиями коммуникации: эмотивные, оценочные, образные, социально-групповые, национально-культурные, идеологические, функционально-стилистические, темпоральные, фоносемантические, интенсивности и т.п. По словам Л.М. Васильева, «коннотативный компонент значения — это результат логически слабо расчлененного отражения действительности, связанного с чувственно-ситуативным мышлением» [241, с. 91]. Однако между денотатом и коннотатом, связанными с разными ступенями познания мира человеком со свойственным ему единством психической сферы, нет непроходимой границы, и онтологически сходные элементы семантики слова могут выступать то в статусе денотата, то в статусе коннотата.

Вопрос о месте экстралингвистических признаков в квалификации содержательной стороны слова решается в связи с проблемами коннотаций и разрешений / запретов на сочетаемость слов (Н.З. Котелова, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия и др.). По Ю.Д. Апресяну, коннотации «не входят **непосредственно** в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [8, с. 159]. Но что означает это «непосредственно» и где граница следствий или выводов по отношению к лексическому значению? Видимо, предполагается, что опосредованно, в виде пресуппозиций и ассоциаций, эти элементы всё-таки входят в лексическое значение, естественно, в той мере, в какой они отражают конвенциональное начало

языка, поэтому справедлива дальнейшая оговорка автора: «между бесспорными коннотациями и бесспорными компонентами лексического значения есть широкая полоса промежуточных звеньев» [8, с. 163]. Здесь мы оставляем в стороне вопрос о характере признаков, считающихся коннотативными, о диалектике денотации и коннотации. Ещё более последовательным оказывается включение коннотаций в лексическое значение слова при интегральном его истолковании, интерпретативном подходе к нему, если не противопоставлять семантику и прагматику, считая и последнюю семантической, как это делает, например, А. Вежбицкая [46]. Если лексическое значение не исчерпывается отношением слова к миру, а предстает как интерпретация этого мира, то такая интерпретация с необходимостью предполагает опору на контекст культуры, фоновые знания, во взаимодействии с которыми и складываются этнолингвистические интерпретации, отраженные в слове.

Об условности границ между денотативным и коннотативным макрокомпонентами в структуре лексического значения свидетельствует **семантика слов-экспрессивов** типа: *восхитительный, омерзительный, классно, потрясно, вопиющий, жлоб, тащиться*. С одной стороны, для слов такого типа устанавливается тип лексического значения в системе языка — экспрессивно-синонимический [49]. Сам типологический статус заставляет считать коннотации компонентом структуры их лексического значения. У некоторых из таких слов этим и исчерпывается их содержание. С другой стороны, размыкание денотата, связанное с первичной для экспрессивов функцией характеристики, приводит к их полиденотативности, и диффузность семантики прослеживается уже на уровне одного словозначения, лексико-семантического варианта: *жарить, наяривать* (о пляске, работе, игре и т.п.), *пентюх, мымра, клуша* (о медлительном и неповоротливом человеке). Здесь диффузность выступает или как смена круга денотатов, или как смена способов концептуализации действий и свойств человека при его характеристике. При этом денотат как элемент виртуального (возможного) значения слова и референт, выступающий в условиях актуализации

этого значения, не совпадают. В этом смысле И.М. Кобозева противопоставляет в языковом знаке прототипический денотат и сигнификат актуальному [101]. Соотношение денотативных и сигнификативных свойств экспрессивов вполне отвечает общей тенденции, отмеченной Т.В. Булыгиной в энциклопедии «Русский язык»: чем больше значимых черт содержит сигнификат («смысл»), тем уже его денотат, и наоборот. Таким образом, коннотации экспрессивов размывают их денотативные границы. Диалектику денотации и коннотации предполагается учесть в НАСе, поддержав стилистические пометы элементами толкования, и наоборот. Ср., например: *ОТХВАТИТЬ*

МАС-2:

НАС:

Разг. отрубить, отрезать. *Разг. Отрубить, отрезать с одного маху, разом.*

Для выявления статуса **семьи интенсивности** в структуре лексического значения предлагается выяснить, усиление или уменьшение каких элементов значения сопровождается выбором слова с семой интенсивности / экстенсивности. Возможность толкования глагола *отхватить* без привлечения слов-интенсификаторов (в МАСе) допускает коннотативный статус семы (ср. помету разг.), составители же НАСа вводят эту сему в состав денотата. Словами-интенсификаторами часто выступают в толковании *очень, сильно, в высшей степени, совершенно* и др., усиливающие денотат слова и имплицитно отражающие веру говорящего в свою правоту: *«экстремальность. Крайность, чрезвычайность (об обстановке, ситуации и т.п.). Шокотерапия. 2. Перен. О чрезвычайных мерах, предпринимаемых для каких-либо политических, экономических и т.п. результатов (газ.-публ.). Цунами. О сильном и резко проявлении чего-л. (переносно). Супершоу. Грандиозное развлекательно-эстрадное представление»* (СНСЗ-80).

Среди специализированных способов выражения интенсивности выступают формы превосходной степени прилагательных (*самый быстрый, наихудший, меньше всех, умнейший*), суффиксы

(умняга, страшенный, ножка), двоянные номинации (полным-полно, тёмный-тёмный, белый-белый), слова с элементами анти, ультра, супер, архи, пре, недо и др. (супербоевик, недолитература, недотёпистый, архиконсервативный, асексуальность, антимузыка, ультраправый, супербогатый, суперлёгкий, супермодель). Ср. толкования в СНСЗ: *супертяжёлый* — «имеющий **очень** большой вес»; *суперсила* — «**необыкновенная** сила; проявление **необыкновенной** силы»; *супермонополия* — «**гигантское** монополистическое объединение». В словарях сема интенсивности отмечается не только пометами типа «уничужит.» и «усилит.», но и имплицитруется в пометах функционально- и социально-стилистического плана: «прост.» (здоровяга, заморыш, злющий, высоченный), «разг.» (вбухать, вмазать, врезать, жарить, жахнуть, влупить, шмякнуться), «жарг.» (клёвый, обалденный, торчать, тащиться), «высок.» (испепеляющий, дерзновенный), «сниж.» (зачуханный, чокнутый, офонареть) и серии эмотивно-оценочных помет (скромняга, занюханный, серятина) и др. В зависимости от свойств объекта или от контекста, передающего намерения говорящего, интенсивом с тем или иным знаком оценки может стать и оценочное слово, претерпевшее соответствующие семантические изменения (ср. ужасная нищета и ужасная хохотушка, модница и т.п.). Слова-интенсификаторы отталкиваются в своей экспрессии от социальных стандартов, контекстов ожидания, затрагивающих чувство меры.

Отсутствие жестких различий между собственно семантической и прагматической информацией, заключенной в слове, с одной стороны, и между разными типами прагматической информации, с другой, свидетельствует в пользу интегральной концепции лексического значения, обусловленной антропоцентричностью языка и единством психической сферы его носителя и пользователя.

Человек не безразлично отражает мир, а квалифицирует все явления с позиций их полезности / бесполезности, вреда для себя и своего состояния, жизни, всех видов деятельности, то есть переживает их: это необходимо для ориентации в мире. Психологическая реальность выступает одним из видов реаль-

ности, отражаемой в семантическом пространстве языка. То, что квалифицируется говорящим как приятное / неприятное, отталкивающее, вызывающее тёплые, радостные или умиротворённо-спокойные чувства, а также тяжёлые, мрачные и др., проецируется в лексическую семантику в виде **ЭМОТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ**.

Эмотивная лексика, то есть содержащая эмотивный компонент значения (часто вместе с оценочным), исследовалась в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Галкиной-Федорук, В.Н. Телия, Е.М. Вольф, Н.А. Лукьяновой, Л.М. Васильева, В.К. Харченко, Л.Ф. Петрищевой, В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко, Т.А. Трипольской и мн. др. Эмотивные смыслы, соотносимые с эмоциями человека, объективируются в слове, денотативном или коннотативном макрокомпоненте его значения. Словом как бы снимается эмоция, переживаемая говорящим. В статусе денотата эмотивные семы представляют алфавит эмоций, как он сложился в данной языковой картине мира. Выделение на этой основе денотативных классов эмотивной лексики уже проливает свет на особенности концептуализации эмоций носителями русского языка. По наблюдениям Л.Г. Бабенко, «особо значимы для русского человека и занимают вершину иерархии семантические противопоставления любовь (481) — неприязнь (417), радость (427) — горе (481), которые можно рассматривать как компоненты оппозиции счастье (любовь, радость) — несчастье (горе, неприязнь). Лексика, отображающая эти эмоции, составляет около 27% от всей категориально-эмотивной лексики русского языка» [21, с. 12]. Можно добавить, что описанные противопоставления выступают как экспликаторы гиперконцептов жизнь — смерть. Эмотивные семы в статусе денотата проявляются в элементах словарных дефиниций: боязнь — **«чувство страха, опасения»**, беспокойство — **«тревожное состояние, волнение»**, кланяться — **«подносить подарок кому-либо с целью задобрить, расположить к себе»**. В этом случае на первый план выступает описание чувства, состояния или объекта, вызывающего определенную эмоцию, состояние (катастрофа, война, смерть, тьма, вой, могила, беда, вороньё и т.д.).

Один перечень подобных слов усиливает негативное эмоциональное состояние ввиду общности знака эмоции. Сема эмотивности в статусе коннотата передает отношение говорящего, и это чувство-отношение сопровождает обозначение объекта — источника эмоций и вызывает соответствующее отношение у адресата, слушателя (ср. о *человеке*: *змея, свинья, трутень, тунядец, увалень, ворюга*). Уже из приведенных примеров видно, как образность переносных значений выступает эмоциогенным раздражителем. Не только образы могут выступать языком эмоций, но и непринужденные стилистически сниженные средства (*колючка, заноза, барыня, чурка* и др. — о *человеке*). Взаимосвязь эмотивной семы с другими типами сем диктуется и связью рациональной и чувственной сфер человека, понимание может «сдвигать» эмоцию, как и наоборот, эмоция — подчинять себе рациональные суждения. Ср. в этом плане текстовый фрагмент из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», показывающий, как под влиянием «понимания» изменяется выбор лексики, передающей эмоциональное состояние и отношение героини:

[Катерина Ивановна] с восторгом поцеловала ее несколько раз. Она точно была влюблена в нее...

— Она, как ангел добрый... обаятельница, волшебница...

Мы благородны, великодушны...

— А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у вас нет.

— Наглая! — проговорила вдруг Катерина Ивановна, как бы что-то поняв, вся вспыхнула и вскочила с места...

— Так я Мите сейчас перескажу, как вы мне целовали ручки, а я-то у вас совсем нет. А уж как он будет смеяться!

— Мерзавка. Вон!

— Ах как стыдно, барышня, ах как стыдно, это вам и непристойно совсем, такие слова, милая барышня.

— Вон, продажная тварь! — завопила Катерина Ивановна...

— Ее нужно плетью на эшафоте, чрез палача, при народе! ... повторись то же самое сегодня., и я высказала бы такие же чувства... такие слова и такие движения... я не могу ни с чем примириться (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Учитывая, что эмоции всегда предполагают оценку, Т.А. Трипольская замечает, что конкретное содержание сем «эмотивность» и «оценочность» в существенной степени зависит от денотативного содержания, формирующего моносемные (*лентяй, ленивец, бездельник*) или полисемные структуры (*охламон, повеса, шатун, шалопай, шалопут, увалень*), передающие отношение человека к труду. В последней группе, наиболее многочисленной, может быть представлен компонент «интенсивности» (*лодырь, лодырюга, дармодед...*); признаки, мотивирующие черту характера (*гуляка, гулёна, лежебока, прогульщик, повеса, тюлень*) и признаки, являющиеся следствием лени как черты характера (*балбес, неуч, разгильдяй, недоросль, лоботряс*). Такая детализация денотативного содержания, отражающая мельчайшие оттенки в характеристике предмета, способствует детализации и нюансировке коннотативного содержания, передающего эмоциональное состояние (отношение и оценочную интерпретацию события говорящим субъектом) [см. 247].

При исследовании семантического поля эмотивности оно характеризуется как протяжённое, открытое семантическое множество с размытыми внутренними и внешними границами. Среди смежных СП, с которыми пересекается его семантика, отмечается поле отношения, интеллектуальной и волевой сферы, внимания, качества и т.п. (для групп абстрактной лексики). «Кроме того, вхождение в состав поля эмотивности лексем во вторичном значении обуславливает его связь с многочисленными группировками конкретной лексики: полем физиологического состояния (перен. *болеть, тошно*), состояния среды (перен. *пасмурный*, перен. *затуманиваться*), движения (перен. *расколыхать*, перен. *трястись*), горения (перен. *разжигать / разжечь*), кипения (перен. *кипятиться*), давления (перен. *гнест*, перен. *давить*), света (перен. *сиять*), цвета (перен. *темнеть, потемнеть*) и т.п.» [87, с. 15]. Эмотивный компонент значения (часто в сочетании с оценочным) отмечается словарными пометами типа:

«ласк.» (*мамочка, дружок, голубчик*), «одобрит.» (*восхитительный, симпатяга, молодчина, добряк*), «насмешл.» (*чуче-*

ло, тюлень) (о человеке), «неодобр.» (левачить, торгош, зачуханный, зачинщик, главарь, сборище, рассадник, соучастник, несун), «пренебр.» (слабак, дохляк, задохлик, балаболка), «презрит.» (клянчить, старикашка, стукач, прощельга, прихвостень, тряпка), «бран.» (подлец, болван, осёл, негодяй, паразит, олух, балбес, остолоп), «шутл.» (драндулет, марашет, благоверный), «ирон.» (умник, мудрец) (о глупце), гигант (о низкорослом человеке), удружить, попросить (уволить).

Несмотря на близость и взаимопроницаемость, синкретизм **эмотивных** и **оценочных сем** в структуре лексического значения многих слов, между этими семами нельзя ставить знака равенства хотя бы потому, что наряду с эмотивно-оценочными семами могут быть выделены интеллектуально-оценочные, то есть наряду с эмотивной оценкой возможна оценка рациональная. По мнению В.Н. Телия, рациональная оценка описывает чувства и апеллирует к разуму, тогда как эмоциональная — к чувству адресата, побуждая его испытать соответствующее чувство, последняя добавляется к рациональной и усиливает ее за счет образного компонента (ср. *предатель* и *Иуда*, *обман* и *оболванивание*, *осведомитель* и *стукач*, *коррупция* и *взяточничество*, *продажность*, *протекционизм* и *блат*, *невоспитанность* и *хамство*).

И хотя в основе рациональной оценки — мнение, а в основе эмоциональной оценки — чувства, переживания, «в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык предполагает рациональный аспект... Процедура оценивания — операциональная, хотя в основании оценки — эмоциональный интерес — это то, что нас волнует» [241, с. 109, 113 и др.]. Именно поэтому предлагаемый в ряде работ способ отграничения оценки в статусе денотата от оценки в статусе коннотата не всегда оказывается действенным, ибо в силу стохастической природы лексического значения оно может быть переформулировано и в пользу денотативного, и в пользу коннотативного момента оценочности: как ранее указывалось, за жесткостью формулировки тоже просматривается вероятностный ха-

рактический лексический компонент. Ср. слово *негодяй*, где оценка определяется как неотъемлемая часть денотата, и слово *анонимщик* как обозначение лица, пишущего анонимные письма (с добавлением «и это плохо», фиксирующим коннотацию).

Н.Д. Арутюнова, рассматривая оценку как субъективное отношение, выдаваемое за объективные свойства предмета (что имеет своей интенцией привлечь реципиента на свою сторону, определенным способом квалифицировать явление в процессе познания мира, универсума и человека в мире), выделяет следующие составляющие ценностной картины мира человека: сенсорные ценности (с включением гедонистических и психологических ценностей), сублимированные (включающие эстетические и этические оценки) и рационалистические (объединяющие утилитарные, нормативные и телеологические оценки) [12]. Т.А. Ван Дейк называет оценку «когнитивным феноменом», тесно связанным с практической деятельностью человека [69, с. 12]. Исследование фитонимов в системе русского макрокосма позволило говорить о сохранении русским народом в говорах «языческих представлений о растениях как о живых существах, наделённых злыми и добрыми силами (ср., например, название папоротника волшебником. Тамб...)» [47, с. 34]. Здесь автор отмечает почти все виды оценок, выделенных Н.Д. Арутюновой, это оценки-аффективы как отражение первичного чувственного опыта познания мира (*голубица* «голубика», *пахучка* «душистый вереск», *мякушка* «сочная трава», *горькуха* «одуванчик»); оценки-когнитивы (рационалистические, связанные преимущественно с практической деятельностью и опытом человека (*дровяник* «лес, идущий на дрова», *чистотел* «молочай», *весёльник* «лес из молодых берёзок»); оценки-сублиматы, удовлетворяющие нравственные и эстетические чувства говорящих: *красовик* (*подосиновик*), *красавица*, *красавка* (*сорт яблок*) и др.

Поскольку оценки ориентированы на норму и выражают конвенциональное мнение, знак оценки обычно определён и в большой мере связан с тезаурусными подразделениями семантического пространства языка [см. об этом 209]. Однако оценки

могут быть и амбивалентными, и эта двуоценочность реализуется в текстовом употреблении слова: *«Вдруг выяснилось, что этот гордец, отшельник, альтруист нормально **честолюбив**. Ведь это разные вещи. **Тицеславен Герострат, честолюбив Кеплер**»* (Д. Гранин); *«Она ни за что не откажется от этой должности. Она страшно **честолюбива и властолюбива**.!»* (И. Грекова. Кафедра). Системные характеристики лишь в самом общем виде намечают возможности текстового использования эмотивно-оценочной лексики, как и содержащей иные коннотативные семы. В тексте могут нарочито не проясняться знаки оценки (в том числе и по соображениям цензуры): *«Как я себя помню, её непрерывно приглашали выступить на **всяческих благотворительных** концертах в самых различных студенческих землячествах»* (Лев Успенский. Записки старого петербуржца). Эмотивно-оценочные коннотации могут быть причиной неожиданной квалификации слова в тексте, поскольку за ним стоят реалии, значимые для «личной сферы» говорящего: *«Всё это называлось **«панихида»**, а за нею следовали ещё более удручающие слова — **«вынос тела»**»* (В. Катаев. Сухой лиман).

Не менее часто коммуникативные потенции языкового средства получают негативную оценку по самым разным мотивам. Так, говорящий отвергает принятые в языке мотивации слова для передачи собственного его осмысления, связанного со своеобразием взгляда на стоящие за словом реалии:

«Неудачник — вовсе не от неудач: удачливый, счастливый человек может быть тоже неудачным. Неудачник — это особая мера, тип, мироощущение.

Моя неудача — не есть неудача, потому что я ощущаю большое, к которому должен пробиться в опыте долгой жизни. Это мое испытание» (М. Пришвин. Незабудки).

Момент психологической ущербности подчеркнут текстовым сближением слов одного словообразовательного гнезда, не являющихся синонимами в системном измерении (неудачник — неудачный), установлением нестандартных семантических отношений между исходными паронимами (удачливый — неудач-

ный) и разными по корню словами (неудача — испытание), последние сближаются общим смыслом: «то, что требует мобилизации душевных сил». Отсутствие же позитивной установки и формирует, по мысли автора, тип неудачника.

Скрытые речевые оценки обслуживают и полемические ситуации, нарочито сближая по смыслу те слова, которые сближены в языковом сознании говорящих на данном синхронном срезе лишь по форме. Попадая в пределы соседствующих высказываний, они приобретают больший коммуникативный вес и текстообразующие потенции. Ср. создание положительных оценочных коннотаций на этой основе у слова «обыватель»:

«Я обыватель! Я бытую и понимаю свое бытие как культуру личных отношений к людям и вещам.

Неприменно к вещам, потому что человек, считающий грехом сорить на полу и топтать ногами частицы солнечной энергии, заключенной в крошках хлеба, несомненно, и к людям относится лучше, чем сорящий на пол, небрежный» (М. Пришвин. Незабудки).

С первичной, конкретно-чувственной формой освоения реальности, постижения ее с помощью органов чувств связан и **образный компонент** в лексическом значении слова, он апеллирует к воображению как ментальной способности человека. В.Н. Телия, рассматривая типовой, прототипический образ как «тему» для лексического значения, отвечающую на вопрос «что это?», считает, что он включается в структуру акциональных фреймов концепта как «знания об обозначаемом во всех его связях и отношениях», отвечающего на вопрос «что известно об этом» [241, с. 103]. Это включение и ведет к выводному знанию, и сказанное относится не только к словам со специфической образностью, но и к тем, которые традиционно рассматриваются как безобразные, дающие основу образному употреблению. Речь идет прежде всего о конкретной лексике, полисемной, синкретичной по своему лексическому значению: «*А тут не человек — бык, танк прёт впереди тебя! Без передышки, без роздыху*» (Ф. Абрамов. Пряслины); «*Все мы — веточки от одного ство-*

ла, одного океана рыбы, одной крови мы... Уважение, уважение — вот что такое культура» (Ю. Аракчеев. Ростовская элегия). Реабилитация в современном сознании конкретно-предметной сферы, частной, семейной жизни во многом объясняет мотивы обращения к конкретно-предметной лексике в создании новых номинаций, отраженных в неологических словарях и сохраняющих яркую образность: *чайник (о неумном, простоватом человеке), черпак (о солдате), шнурок (о солдате-первогодке), обувка (шина), бобик, жестянка (о машине), колесо (о наркотической таблетке), штука (о тысяче рублей), ковёр (разнос)* и др.

Во вторичных наименованиях гештальт-структура выступает как «редуцированный типовой образ, который сохраняется в новом наименовании как наследие его предшествующего значения» [241, с. 130]. Этим создается смысловая и информационная емкость, связанная с приведением во взаимодействие разных фреймов. Слова с обычным представлением выполняют номинативную функцию (*волнушка, ёжиться, подосиновик, ножка (стула), небоскрёб, подснежник, крыло (здания), хребет (гор)*), но и в них ощущается **внутренняя форма слова** как основа мотивированности лексического значения. Будучи формой смысла, как он передается или изображается (В.В. Виноградов), своеобразной семантической меткой лексического значения, редукцией всего корпуса признаков лексического значения, внутренняя форма не тождественна лексическому значению: «Внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, не назначая пределов его понимания слова» [175]. Но представление-образ может быть и языком чувств и имеет целью выражение отношения говорящего к предметам речи и характеристику лица, предмета, явления, обозначаемого словом: *жердь, лошадь, попугай (о человеке), змеиться, засветить, загорать (в перен. знач.)*. Игровой характер редукции признаков исходного значения, модус фиктивности (формула как если бы) позволяет образному компоненту участвовать в получении нового знания в одном из возможных миров, демонстрирующих вероятностный характер истины, ее относительность.

Виртуальная реальность выступает как один из видов реальности, если понимать под этим словом не только наличествующую действительность, но и возможную, гипотетическую. Как уже отмечалось, на базе эмотивной оценки могут создаваться размытые образы, не отличающиеся денотативной определенностью: *дылда, пижон, фифа, олух, хмырь*. Особой образностью отличается словоупотребление в художественной речи, хотя и оно опирается на те семантические признаки лексического значения, которые заложены в языковой системе и обеспечивают возможности понимания текста адресатом, являясь опорными вехами такого понимания: «*Чем чернее был круг воспоминаний прошедшего, тем чище и светлее выдавалась из него светлая, чистая точка настоящего и развивались радужные цвета будущего*» (Л. Толстой. Юность); «*Дворцами глядят его белые каменные дома с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженные стадом флигелей*» (Н. Гоголь. Мёртвые души).

Элементы образной информации, особенности тезаурусного уровня в структуре языковой личности обнаруживают «вторичные» тексты, связанные с переложением образцовых, в частности, отражающие некоторые черты детской картины мира: «*Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стадо туч*». В процессах замены слова *стаи* существенная роль принадлежит лексикосистемным и грамматико-семантическим провокациям: оба слова сходны по звучанию, оба входят в общую тематическую группу названий объединений животных, содержат в структуре значения сему собирательности. Для детского мышления в сравнении с авторским оказался более органичным «приземленный» способ метафоризации. Ср. с оправданным его использованием в ироническом тексте А. Битова:

«На сегодня закрыв эту лавочку (о писательстве. — Н.С.), как бы загнав в загон все непослушное стадо своих мыслей, с лязгом сбросив решетку вниз и в последний раз взглянув через плечо на все это крошево, массу, мычащую и блеющую, возвращался он, как бы усталый и удовлетворенный, в свою хижину спать, не вспоминать ни о чем до утра» (Жизнь в ветреную погоду).

О том, что образы выступают языком чувств, свидетельствует текстовое соседство эмотивной лексики, передающей внутреннее состояние героя, и лексики с образным компонентом значения:

«Возносятся над головой мачтовые сосны, покачивают верхушками, от их покачивания там, в вышине, от поскрипывания стволов нисходит успокоение... Но в эти же минуты внезапно настигает и странное астматическое замешательство, похожее на отчаяние, тоже тихое, — чудится: вся жизнь такая — тягучее серое волокно; вроде и в прошлом ничего, и в будущем, и вообще...»

На поляне перед палаткой дневальный — подбирает шишки. Время от времени на корточках, глубокомысленно склонившись над редкой шишкой, и все тянется, тянется к ней рукой, никак не может дотянуться. Вроде обряда — то ли гадает, то ли колдует. Что-то древнее в его жесте, забытое, довековое. Привстав, разрастается он до немислимых размеров, зеленым силуэтом врезаясь в голубую полосу неба...» (Евгений Шкловский. Улица).

Здесь же обрисован тип языковой личности с преимущественным восприятием слуховых образов (аудиальная акцентуация личности в терминах психологии):

«Ясное дело, лучше, когда ветер шумит в верхушках сосен, когда поскрипывают трущиеся друг о дружку ветви, когда свистит цикада или чирикает пичуга, а еще лучше — когда все вокруг немеет внезапно, замрет, как в предгрозовую минуту.»

Именно здесь к нему пришло, в лагере, такое желание, чуть ли не жажда — полной, едва ли не окончательной тишины. Настолько полной, какую и представить себе трудно. Тишины-немоты. В нем уже была (свернулась клубком), и странно, что вокруг еще что-то говорит, пиликает, скрипит, попискивает, напевает, скрежещет, дребезжит, дрынькает, тенькает — живет...» (там же).

Рассматривая парадигмы образов в литературной коммуникации, Н.В. Павлович отмечает и некоторые типовые линии

развития образной семантики в XX веке: 1. «Новый образ — это старый член парадигмы, дополненный новыми семантически-признаками: *листья* → *перья* / *осенние листья* → *золотые перья*; *окна* → *глаза* / *заколоченные окна* → *слепые глаза*. 2. Новый член в уже существующей образной парадигме: *луна, месяц* → *серп* / *нож, лезвие, клинок, секач*; *луна* → *лик, лицо* / *рыло*. 3. Стремление «обернуть» уже известную парадигму ($x \rightarrow y / y \rightarrow x$). 4. Новая парадигма (*закат, восход солнца* → *цветы (роза, мак)* / *кровь, рана, травма*) [см. 162].

Это свидетельствует о связи типовых образных употреблений как с особенностями лексического значения слова в системе языка, так и с динамикой поэтических систем на определенном временном срезе развития литературных школ, течений и направлений, литературного языка в целом.

Языковая компетенция говорящих включает в себя знание не только о предмете и содержании общения, но и о ситуации общения, обуславливающей отбор языковых средств в соответствии с условиями общения (официальное / неофициальное), ролевым статусом коммуникантов, сферой их деятельности, каналом связи и другими прагматическими факторами. **Функционально-стилистический компонент значения** и несет информацию об этих факторах, определяющих коммуникативно-языковую компетенцию говорящего. Подавляющее большинство слов нейтрально в отношении к условиям и сферам употребления — это стилистически нейтральная, общеупотребительная лексика, не имеющая речевых границ в своем использовании и не несущая информации о социальной выделенности говорящих (*ходить, говорить, комната, стол, другой, каменный, красивый* и т.д.). По линии стилистического повышения словари отмечают соответствующими пометами лексику книжную («книжн.»): *альтернатива, доминанта, конгруэнтный, концепция, ретроспективный, эксклюзивный, феминизация* и т.д., официальную («офиц.»): *нота, вотум, коммюнике, меморандум* и т.д., канцелярскую («канц.»): *невручение, неявка, платежеспособность, плательщик, податель* и т.п., публицистическую («публиц.»): *волонтер, вакуум* (чего, какой), *вакханалия* (чего, какая), *генерация*

(перен.), *государственник, саммит, семёрка, семидесятник* и т.п., возвышенную, поэтическую, архаическую: *возвестить, бездыханный, воздавать, несказанный, багряный, возжечь* и др.

Названные пласты лексики обслуживают сферу интеллектуального, научного, официально-делового общения, публицистическую и литературную коммуникацию (то есть преимущественно сферу письменного, небытового общения), служа сигналами определенного типа мышления и набора актуальных смыслов, значимых в этих сферах. По линии стилистического снижения словари отмечают разговорную лексику (помета «разг.», «разг. фам.», «разг. сниж.»): *неотложка, клюквина, аскорбинка, забегаловка, очкарик, зачуханный, трепотня, чокнутый, влипнуть, выпендрёж, скулёж* и т.д. Обслуживая сферу неофициального общения, разговорная лексика указывает на неформальные межличностные отношения, обеспечивает непринужденность, эмоциональность общения, помогает снять нервное напряжение, расслабиться. Первичной для нее оказывается устная форма реализации в повседневном речевом общении. Вместе с тем свойственные многим разговорным словам черты интенсивности, эмотивности и оценочности требуют осторожности и осмотрительности в ее использовании во избежание коммуникативных конфликтов, неудач, вторжения в «личную сферу» адресата. Оправданные «на своём месте» слова, имеющие функционально-стилистические ограничения в своем лексическом значении, становятся сигналами недостаточной языковой компетенции говорящих или средством пародирования, языковой игры при перенесении их в несвойственную им сферу. Проиллюстрируем это примерами трех текстовых фрагментов.

1. *«Я где-то читала, что места наши называются полустепью.*

*Встанешь на горушку, глянешь на четыре стороны — весь куст **видать**: и Мартыниху, и Закусихино, и Новоуглянку, и Евсюковку — весь наш колхоз «Светлый путь», и луга, и угожья, и рощицы, и реку с протоками и луговинами.*

Чего можно в такой полустепи достигнуть, показывает пример наших соседей — колхоза «Красный борец». У них там

чуть не в каждой избе телевизор, и в **часы досуга** колхозники **глядят оперы**, слушают лекции и доклады. Раньше бывало, и у них **отдельные комсомолки норовили сбежать** из колхоза, но теперь, по словам **ихнего председателя Черемшова**, уже **который год расставаний не поют**» (С. Антонов. Разорванный рубль).

2. «Она печатала прописными буквами:

«Хватит валять дурака. А то мне уже надоело».

— Вот как? — произнес он с удивлением. Затем присел к ней на краешек стула, обнял ее одной рукой, а другой **отстучал**: «Мне тоже».

Она хмыкнула и напечатала:

«Какие будут предложения?»

Он тут же ответил:

«Какой-нибудь культурный отдых».

И, поглядев на нее, продолжил строчку:

«Кинотеатр “Вымпел”».

Она качнула головой.

«Кафе “Парус”. Пельменная “Укус”», — продолжил он строчку, добавил:

«Ненужное зачеркнуть» (М. Хуциев. Июльский дождь).

3. «**Экспрессия!** Потому и существует **языковое табу**, что требуются сильные, запредельные, невозможные выражения для соответствующих чувств при соответствующих случаях. **Нарушение табу** — уже акт экспрессии, взлом, отражение сильных чувств, не вмещающихся в обычные рамки. Нечто экстраординарное. Снятие табу имеет следствием исчезновение сильных выражений. Слова те же, а **экспрессия** ушла. Дело ведь не в сочетании акустических колебаний, а в той **информации**, в данном случае — **эмоционально-энергетической**, которую они обозначают. Дело в отношении передатчика и приёмника к этим звукам. **Запрет и его нарушение включены в смысл знака**» (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова).

Здесь в смысл словесного знака включена и его энергийная сущность, и социально-этические предписания, нормы. Далее

отмечаются функции инвективной лексики и культурноречевые последствия ее устранения из языка:

*«С уничтожением **фигуры умолчания** в языке становится на одну фигуру меньше, а больше всего на несколько слов, которые стремительно сравниваются по **сфере применения** и выразительностью с прочими. Нет запрета — нет запретных слов — нет кощунства, **стресса, оскорбления, эпатажа, экспрессии, кайфа** и прочее — а есть очередной этап развития лингвистической энтропии, понижения энергетической напряженности, эмоциональной заряженности, падения разности потенциалов языка. И вместо обогащения выходит обеднение»* (там же).

Убеждая читателя, автор прибегает и к собственно лингвистическим понятиям, и к метафорическому использованию терминов физики, теории информации, метафор разрушения (взлом), жаргонной лексики (кайф), отчего объяснительная сила концепции многократно возрастает. Более того, рассуждения на смежные с лингвистикой темы создают импульс к более определенному решению собственно лингвистических проблем (например, о концептуальной природе эмотивной информации в слове). Ср.:

«Мы формируем себя на основе импульсов, эмоций, которые в свою очередь зависят обратной связью от образа мыслей и убеждений, — где определить сердцевину истины, возжеленную точку верного отсчёта? И существует ли она?» (М. Веллер. Колечко).

Лексика с функционально-стилистическим компонентом значения активно участвует в текстопостроении, в передаче авторских языковых предпочтений, в речевой характеристике персонажей. Так, в повести В. Белова «Все впереди» апелляция к слову как выразителю определенных общественных явлений, социально-психологических сдвигов свойственна главным героям повести:

*«Медведев терпеть не мог **сокращенных названий**. Он говорил, что **аббревиатура** не напрасно рифмуется с халтурой, что*

ей всегда сопутствует лень, бездарность, бестолковщина и обман, что сокращенные названия повсюду лишь прикрывают жалкую посредственность. По его мнению, полнокровными словами выражаются полнокровные и явления, а выхолощенный язык превосходно отражает дурные свойства самой жизни».

«Иванов провел очередную летучку-планерку-оперативку-пятиминутку (термины снашивались, как медные пятаки) и распорядился, чтобы профессора перевели в пятую».

В прямой речи того же персонажа — нарколога Иванова:

«Каждый прячется за спины других, никто не хочет ответственности. «Я за это не отвечаю!» «Это я не курирую!» Словечко-то какво! Ку-ри-рую».

Наукообразие и далее служит предметом насмешки персонажа:

*«Да, Медведев прав: нравственный, может быть даже и социальный, **дискомфорт** (надо же придумать словечко) был в явной зависимости от этих неуправляемых городских пространств!»*

Ср. у других авторов:

*«На перекрестках военных дорог, в маленьком городке, в каком-то очередном **учетно-распределительном, точнее сказать**, военной бюрократией созданном **подразделении**, в туче народа, сортируемого по частям, готовящимся к отправке на фронт, кормили военных людей обедом, завтраком ли — не поймешь»* (В. Астафьев. Макаронина).

Отрицательно-оценочное местоимение *какой-то* относится не только к обозначению самого учреждения, но и к способу его названия, отсюда поправка «точнее сказать».

*«Когда баловство доходило, **как выражались взрослые**, до своего **апогея**, то любимой игрой их было опрокидывать качалку»* (В. Катаев. Сухой лиман).

Наряду со стилистическими коннотациями в структуре лексического значения могут выступать семы, определяющие **временные границы употребления слова**. **Хронологическая отмеченность** касается устарелой, устаревающей лексики (группы лексических и семантических архаизмов, историзмов), а также неологизмов (лексических и семантических). Историческая перспектива слов, имеющих семы хронологической отмеченности, определяется словарными пометами типа «устар.», «нов.», соответствующими элементами толкования значения, предполагается при создании НАСа вводить элементы энциклопедической информации, отсылающие к определенному временно-му срезу бытования значения, напр., для некоторых значений прилагательного *белый*:

«9. Во времена гражданской войны и военной интервенции в Советской России 1918—1920 гг.: действующий против советской власти (о военных подразделениях, военизированных отрядах и т.п.). 10. Связанный с идеей возрождения монархии в России после революции 1917 г.; контрреволюционный».

В «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» временная перспектива слова в том или ином его значении отмечена в системе помет и соответствующих им символов: «зафиксировано впервые» (*бюджетник, гуманитарка, диджей*), «зафиксировано в словарях последнего десятилетия» (*бандгруппа, демонтаж, забугорный*), «возвращение в актив» (*владелец, дивиденд, евангелие, инвестор*), «актуализация» (*валюта, БМВ, бестселлер, астролог, наркоман, порнография*), «уход в пассив» (*выбить. В советск. время: с большим трудом, путем различных ухищрений, используя незаконные способы, личные связи и т.п., добиться получения необходимого для жизни и работы; выездной, двушка, гегемон, «Берёзка», единоличник. Неодобр.; общественник, передовик, особист, отказник*). Примерами устарелой лексики могут служить слова *стрелец, хорунжий, барин, опричник, городничий, кафтан, гайдамак, глашатай (в 1 знач.), благодравие, поведать, элоквенция*, к устаревающей относят слова типа *барышня, браниться, гневаться, жалованье, чинный*. Она

используется для придания речи исторического колорита, колорита архаичности и в целях юмористической архаизации. Ср. высказывания из «Записок старого петербуржца» Л. Успенского, содержащие подобную лексику:

«Летом 1898 года коллежский ассессор Василий Васильевич Успенский, из разночинцев, межевой инженер, неплохо устроенный (он служил в главном управлении уделов, на Литейном проспекте), по каким-то причинам решил переменить квартиру.

Все знали за мамой одну слабость: «столовая дворянка», она была «не хуже цыганки» насчет поторговаться.

Барышня Наташа для начала имела в виду хотя бы вольнослушание.

Каждый раз, когда я сворачивал на Нюстадскую (Лесной пр.), я там, за Ломманским переулком (ул. Смирнова), видел ее продолжение, убегающее куда-то в безмерную даль, за Нейшлотский, за Бабурин (ул. Смолячкова) переулки.

Он сумел уехать на случайном «Ваньке».

Временная динамика слов отмечается также в следующих фрагментах:

«Заметь себе, что именно с христианством слово «катавасия» попало к нам из Греции и обозначает в переводе на русский язык не что иное, как «снисхождение» или нечто в этом роде. Слово поповское... Они тогда не знали, что «катавасия» — слово церковное. Катавасией называлось песнопение, исполняемое обоими клиросами, выходящими на середину церкви» (В. Катаев. Сухой лиман).

Наиболее отчетливо функция передачи исторического колорита эпохи обнаруживается в текстах на историческую тему. Ср., например:

А через два дня, после вечерни, прибежал запыхавшийся служка с наказом: быть Ивану Федоровичу у митрополита немедля. Макарий отдыхал в жарко натопленной опочивальне. Ожидая, рассматривал он какие-то книги, откладывая неко-

торые в сторону. — Сядь, сыне. Разговор у нас не простой и не короткий... Так вот, сыне, час настал. Пора на Москве свое дело начинать, свой печатный стан заводить. Самим книги печатать. Служка, сидевший в прихожей, слышал время от времени какие-то странные, неведомые ему слова: «штампа», «литера», «слово», «маца» (Ю. Овсянников. Ради братьев своих).

Синхронная динамика в структуре лексического значения обнаруживается не только в первичной метаязыковой деятельности (словарных указаниях для слов с темпоральными коннотациями), но и во вторичной, связанной с осмыслением особенностей национальной культуры с опорой на данные словарей.

Безусловный интерес в этом плане представляет фрагмент работы А. Битова «Гулаг как цивилизация»:

*«Тургенев — 1879. «Ты один мне поддержка и опора...». «Словарь эпитетов русского литературного языка», М., «Наука», 1979. ... В длинном столбце эпитетов изредка попадаются в скобочках примечания типа: (поэт.), ... (шутл.), ... или (устар.) — устаревший. Так вот — устар. ... Из 28 эпитетов к слову Дом «устар.» — три: **Отчий, добропорядочный и честный**. Причем добропорядочный дом даже больше, чем «устар.» — он «устар. и шутл.». Из нескольких сот эпитетов к слову РАБОТА устар. — два: **духовная и изрядная**. Из 58 эпитетов к слову МЕСТО устар. — одно лишь: **живое**. Из 75 — к слову СМЫСЛ устар. только **существенный**. Что за слово, однако, устар. — и **устал, и умер!**».*

Речевая оценка, рефлексия по поводу словарной пометы отражает отмирание традиционных этических понятий, духовных ценностей многовековой русской и общечеловеческой культуры, возврат к более низким ступеням эволюции и даже одичанию. Далее в тексте:

«Устар. горе «отчаянное» и «лето плодоносное» — устар. Устар. «деньги трудные» и «страх Божий» — устар. Устар. «опыт фамильный» и «лоб возвышенный» — устар. Устар. «надежда вольнолюбивая», но и «надежда конечная» — устар. Ус-

тар. «мысль прекраснородушная», но и «мысль храбрая» — устар. РАДОСТЬ устарела и быстротечная, и забывчивая, и легкокрылая, и лучезарная, и лучистая, и нищенская, и святая. Зато ПЫТКА не устарела и устаревшая: ни дьявольская, ни зверская, ни изуверская, ни инквизиторская, ни люта-тая, ни средневековая, ни чудовищная. Может, потому, что устарело само слово ПЫТКА?.. Так, к слову СОВЕСТЬ вы не найдете ни одного эпитета, потому что этого слова нет в словаре вообще. Устар. МИР — благодатный, благотельный, благополучный, блаженный. Устар. МИР — неправедный и святой».

Особенно значима в оценке ментальности тоталитарного общества заключительная фраза текстового фрагмента: «Словарь открывается «авторитетом безграничным» и завершается «яростью удушливой и четкой».

Ср. другой пример, содержащий рефлексию над словом с темпоральными коннотациями:

«Мы с ней (Натальей Ивановой. — Н.С.) встречались в Англии, в Польше и на разных американских конференциях и симпозиумах, где, как в церковном календаре или уставе караульной службы, чаще других звучало слово «пост»: «постмодернизм» и «постсоветская литература» (Лосев Лев. Москва от Лосеффа).

Оценке подвергается и факт утраты словом признака новизны:

«В барском доме помещаются наши авиаторы, которых с легкой руки футуристов уже называют новым словом (неологизмом!) — летчики» (В. Катаев. Юношеский роман).

Экспрессия достигается сопоставлением анахронизма с современным словом, указанием на источник появления последнего, использованием в скобках современного лингвистического термина для квалификации теперь уже не соответствующего ему языкового факта. Восклицательный знак передает удивление автора перед давностью описываемых событий, он заменяет целую авторскую ремарку или междометие.

Признание получают коннотации новизны, сопряженной со смысловой емкостью и выразительностью языковых средств, позволяющих точнее интерпретировать уже известные факты:

«Странные отношения были у нас с этим Ботвалинским. Он смотрел на меня свысока, как на младшего, как на более слабого. Маленький ростом, он был не по годам плечист, голова круглая, крепкая, как ядро, мощная короткая шея «амбала»» Конечно, слово это возникло позднее и вошло сейчас в обиход, но сегодня я вижу Ботика именно маленьким «амбалом».

Речевая оценка требует дальнейшей мотивации, раскрытия, выполняя текстообразующую роль:

*«Он занимал особое положение в классе и в обществе: был самый сильный. Сила, как мы знаем, много значит, а в школе особенно, а в те годы, когда еще не знали **новомодного каратэ**, делающего хилляка не только неприступным, но даже и опасным, в те годы голая сила да еще характер выдвигали человека в первый ряд, определяя его во многих отношениях хозяином положения» (В. Амлинский. Оправдан будет каждый час).*

В этом фрагменте фиксируется семный состав значения завышенного слова *амбал* (ср. «голая сила» с включением отрицательных коннотаций).

Актуализация коннотативных сем хронологической отмеченности и книжности в текстовых связях слов может выступать способом интимизации авторского повествования:

*«Ну, после той карточной игры и возник Горный округ **Кабинета Их Величества Романовых**, а город Аул оказался как бы горнорудной столицей Западной Сибири и многие столичные замашки приобрел незамедлительно... они (**господа** инженеры), кроме всего прочего, обучены были в институте корпуса горных инженеров музыке, пению (по способностям), рисованию и танцам и вот устраивали в аульских своих особняках салоны и вечера с **культурными программами**.*

*А в Горном округе какой происходил **технический прогресс**?*

...Другой мастер в тех же горах высек **на диво миру** огромнейших размеров тысяченудовую вазу из яшмы и, подстилая под **оную** деревянные помосты, за три с небольшим года **укатил** ее в Париж; получив же на Парижской всемирной выставке золотую медаль, тем же способом **доставил** непревзойденное это произведение искусства обратно в Россию, в **Санкт-Петербург**, в царский дворец, именуемый Зимним.

Собственный музей учредил город» (С. Залыгин. После бури).

Обращает на себя внимание контраст коннотативных сем в глаголах *укастить* — *доставить* при нейтрализации в тексте их денотативных, родовидовых отношений.

Разные пласты слов-хронофактов содержит лексическая структура текстов современных авторов:

*«До операции я примерно раз в полгода перечитывала «Идиота», сама не знала, почему. А тут поняла: не хватало **светлого** образа **Христа** — довольствовалась князем Мышкиным... Прояснило все. **Благодать** — это расширение **духовного** зрения. Мы стали **ходить к исповеди, причащаться**. Раньше я никому не могла помочь, а теперь хотя бы **молюсь** за всех родных и друзей. **Опора** появилась — вот что главное! Однажды Соня спросила, что я буду делать, если не будет мне писаться.*

*— А буду **поститься** до тех пор, пока не запишется опять.*

***Господи, благодарю тебя горячо** за то, что привел меня к **вере!** Горячее некуда!*

*И к Главному Гносеологу я стала относиться вообще нежно — ведь просто через него послали мне испытания **свыше**. Чтобы я родила Дашу и Агнию. То была воля **Божья**. «Князь ресторанов» уже не посещал увеселительных заведений, мы все бедствовали. Наступило время пустых прилавков.*

*Да я и сама, из **Евангелия**, получила ответы на вопросы, которые уже казались без ответа **навек**.*

*Если ты такой умный, то почему такой бедный? А **Христос** сказал: «Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится...» Кто имеет ум, тому ум и добавится, талантливому — талант, а богатому — деньги.*

*Когда в первый раз за неуплату отключили у нас электричество, я еще бодрилась: ничего — **посумерничаем!** Бабушкино слово. Раньше ведь в сумерках — бывало — ужинали (в Сарсу), сэкономили, долго не включали свет. Вот и в Перми будем **сумерничать**» (Н. Горланова. Нельзя. Можно. Нельзя).*

В структуре лексического значения отмечаются и **социально-групповые коннотации**, несущие информацию о принадлежности говорящего к определенной обособленной социальной или профессиональной группе. Ср. их фиксацию в БАС:

*«**Строгий**. 7. В речи охотников — **чуткий, бдительный, осторожный**. О животных.*

***Строить**. 6. В геометрии — **вычерчивать на основании заданных размеров**. Строить ромб. Строить треугольник.*

***Сумка**. 2. **Спец**. Образование из соединительной ткани, окружающее или заключающее в себе суставы, органы и т.п. Суставная сумка. **Волосная сумка**. 3. **Спец**. Полость в виде подбрюшного мешка у некоторых животных, в которой **донашивают** и **развиваются** детеныши. 4. **Спец**. Клетка у некоторых грибов, в которой **развиваются споры**».*

Особую функциональную значимость в современном русском языке приобрел молодежный жаргон, охвативший многочисленные социальные группы и широко представленный в разговорной речи, в разножанровых текстах современной литературы и публицистики. В молодежном жаргоне сходятся интересы людей различной социально-групповой принадлежности, разного рода занятия, уровня образования, различных возрастных групп, представителей различных социальных ролей и психологических типов. Это имеет свои психологические предпосылки. Молодежь как наиболее динамичная часть общества склонна к разного рода новациям, включая и языковые. Ей свойствен максимализм в выражении эмоций и оценок, обуславливающий предельную экспрессию средств выражения, лексических единиц с полярным разбросом оценок, образными компонентами в семантике, с семами интенсивности, эмотив-

ности и стилистической сниженности, непринужденности и т.п. Эти особенности молодежного жаргона сочетаются с его функцией быть формой социального протеста (особенно на фоне бюрократизованной речи, обезличенного способа выражения, свойств новояза как языка, узурпированного властными структурами) и знаком своего в молодежной среде. Наиболее частотные жаргонизмы подаются в словарях с пометой «Жарг.»: *дембель, кореш, мент, отпасть, торчать, тащиться, тачка*. В современном студенческом жаргоне (социолекте) отмечаются такие наиболее распространенные номинации, как *пед, мед, универ, технарь, банан, уд, тройбан, хор, петух* и др.

В «словесную потребительскую корзину» современной молодежи входят слова: *контора, заведение (о вузе, школе и т.п.), возникать, по жизни, быть в отъезде, в отпаде, в отрубе, киска, козел, шустрить, тормознуться, телик, шестерка, раздрызг*. Многие из этих номинаций пришли из криминальной сферы, определенным образом характеризую используя их языковую личность.

Профессиональная лексика отмечается пометой «Проф.»: *накладка (ошибка), отснять, досол, отбраковка, баранка (руль), шкурка (наждачная бумага), ездка, вылов, покрас, помыв, заснять*.

Повышенная экспрессия слов, содержащих в структуре лексического значения социально-групповые коннотации, проявляется не только прямо, но и косвенно, например, в сохранении при переводе с английского романа Бёрджеса «Заводной апельсин» русских жаргонизмов, передаваемых латиницей. Еще более разнообразны приемы употребления подобной лексики в отечественных текстах. Ср., например:

«Кстати, об авторитете. До недавнего времени так, в частности, называли человека, пользующегося безусловным доверием в какой-либо области. Отныне же авторитет в какой-либо области — крупный деятель мафиозной группировки одного из регионов нашей все еще довольно-таки необъятной Родины. Подумайте сами, мыслимо ли, не рискуя попасть под суд за оскорбление чести и достоинства, произнести что-нибудь вро-

де фразы «Наш губернатор является общепризнанным **авторитетом**?»» (Н. Голь. Монологи праздношатающегося).

В основе текстопостроения — семантизация нового значения — нарочитая диффузность (своеобразный хаос, синкрета) лексических значений. Или:

*«Выходит, пока тебе голову напрочь не снесло — ты не жертва, ты так себе... А что **крыши** нет над не снесенной пока головой... Хотя без **крыши**, между прочим, прожить нынче стало труднее, чем когда-то. Потому что **крыша** — это легальное прикрытие. Предприниматель А. (имя изменено) приехал в Петербург и **нашел себе крышу**. И тут как раз **на** его **крышу** наехала соседняя. У господина А. **чуть крыша не поехала**»* (здесь и игра многозначностью, и ассоциативно-деривационные сближения глаголов — компонентов фразеологических оборотов. — Н.С.). *А как прикажете разговаривать иначе, если **заказное убийство** стоит чуть дороже **заказного письма**, отправленного в пределах СНГ?* (расширение сочетаемости прилагательного фразеологически связанного значения. — Н.С.) *А уж простой **наезд**. Что касается **наезда**, то тут, как ни странно, намечается, кажется, возврат к одному из старых значений. Помните, в «Руслане и Людмиле»: «**Как наеду** — не спущу!»* (апелляция к прецедентному тексту в его шутивно-ироническом столкновении с современным жаргонным словоупотреблением. — Н.С.) *С чего бы всё это? А с того, говорят в народе, что **нуборишей** много... слово это, от века имевшее благодаря своему французскому происхождению акцент на последнем слоге, теперь стало общеупотребительным, но ударение в нем... прочно переместилось на второй слог — нубóриш... Язык реагирует чутко: каковы «новые», таково и ударение (распад языковой нормы напрямую связывается с распадом культуры. — Н.С.)»* (там же).

Семантические и лексические новации участвуют в столкновении семантики возможных миров на грани реальности и вымысла, абсурда:

«Я тогда тащи́лась по улице, а навстречу мне шла собственная дочь с этим самым бидоном. Во-первых, тут всё совершенная фантастика, хотя всё абсолютно достоверно. Я тащи́лась в старом смысле этого слова, в смысле еле-еле шла, едва передвигая ноги, а не пребывала в состоянии восторга (кайфа) или наслаждения. Я тащи́лась от усталости и обострения болезни коленной чашечки» (Г. Щербакова. Митина любовь).

Ср. влияние профессиональных коннотаций на текстопостроение:

«Его ждал катер, обшитый серой броней, чтобы уплыть отсюда, или, как говорят моряки, уйти.

— Навострите, старшина, вуши! Шибче!

— А почему это вы, — спросил его старшина, — называете командиров, как по дворовой кличке? Здесь армия. Товарищ лейтенант! Товарищ старшина!

— Э, для скорости, — тревожно отозвался Олифиренко» (Д. Холендро. Вся его жизнь).

В свете антропоцентрического подхода к языку особую значимость имеет выделение в структуре лексического значения **национально-культурного (этнолингвистического) компонента**, открывающего доступ к особенностям национальной ментальности и культуры этноса в разных ее ипостасях: народной, светской, церковной. Сказанное относится и к лексике, имеющей указания в своей семантике на **социально-локальные ограничения — территориальные, региональные**. Как уже отмечалось, следует отграничивать диалектную лексику, входящую в систему общенародного языка [см. 72], от диалектизмов как стилистического пласта русского литературного языка со свойственными им функциями, ситуациями употребления и кругом носителей языка, владеющих нормами литературного языка. Диалектизмы, имеющие в словарях помету «обл.», активно используются в текстах художественной литературы, особенно в прозе писателей-деревенщиков, отражающей процессы взаимодействия ли-

тературного и общенародного языка. Поэтому представляются недостаточными формулировки заданий в школьном учебнике, требующие лишь указания на профессионально и территориально ограниченную лексику без выяснения ее функций в текстах типа:

1. *К востоку от озер лежат громадные мещерские болота — мишары... Шли мы по кочкам, между кочками... торчали корни берез. Их зовут в Мещерском крае колками* (К. Пауст.).

2. *Для точной диагностики заболеваний внутренних органов человека рентген незаменим. Обычно врач-рентгенолог сначала делает так называемую рентгеноскопию («просвечивание»), а затем — рентгенографию — снимок интересующего его участка* (Наука и жизнь).

Нормативные толковые словари, представляя слова с пометой «обл.», не только иллюстрируют их стилистическую оправданность в текстах разной стилевой отнесенности, но и демонстрируют разнообразие их системных связей в лексике. Ср., например, в БАС:

Становой. 2. *Обл. Главный, основной. Становое дело вы делаете. Товарищи партизаны, спасибо вам.* А.Н. Толст. *Становой лед. Становой якорь. Спец. Главный большой якорь, который опускается с судна во время продолжительной стоянки. Становой хребет, станковая жила. Устар. и простореч. Позвоночный столб. Становой хребет, станковая жила чего-либо. О чем-либо жизненно важном, главном, основном.*

Чеботарить. *Обл. Сапожничать.*

Чеботарный. *Обл. Относящийся к чеботарю, связанный с работой чеботаря.*

Чеботарский. *Обл. То же, что чеботарный.*

Чеботарь. *Обл. Сапожник.*

Чёботы. *Обувь типа глубоких башмаков или сапог на каблуках, с острыми, загнутыми кверху носками (на Украине и в некоторых областях России). // Женские сапожки с каблуками. // Вообще сапоги.*

Раздумывая над основаниями включения диалектной лексики в нормативные словари, авторы предлагают ограничить состав словника следующими группами слов: а) слова, обозначающие важные этнографические, бытовые, производственные реалии, признаки, действия; б) слова, имеющие широкий ареал в пределах русского языка и часто употребляющиеся; в) слова, не имеющие широкой территории распространения, но яркие, самобытные в народной речи, играющие большую роль в создании художественного стиля произведения» [170, с. 84]. Наблюдения над функционированием подобных слов в художественных текстах показывают соответствие их отбора указанным тенденциям. Так, слово *чалдон* имеет в БАСе и МАСе помету «обл.», что объясняет основу текстового употребления слова в повести В. Белова «Всё впереди»:

«Пруд был, а шашлычной не было. Лебеди плавали в одиночестве.

— Мы не перепутали пруды? Иной раз моря перепутаешь, и то не так обидно, — грустно сказал Зуев.

— Ты что, всерьез?

— Что?

— Насчет морей.

— Бывает! Как говорят чалдоны. Все бывает. Там же темно, ничего не видать! — весело болтал Зуев» (последняя реплика автора объясняет мотивы языковой игры и использования диалектной формы глагола как ее средства).

При использовании диалектных слов как стилистического средства авторы объясняют и мотивы обращения к словам, имеющим социально-локальные ограничения, и значения подобных слов, не всегда известных читателю. Подсказкой для адресата может служить и семантика соседнего слова: *«Смолкла, не тенькает в куге камышовка»* (Е. Носов. Моя Джомолунгма), и «перевод» с помощью слова литературного языка: *«Лес кончается. Внизу высохшие болота — мшары, поросшие мелким лесом: березняком, осинами и ольхой»* (К. Паустовский. Золотая роза), *«Горе ты моё горькое! — воскликнула она, подхватывая Феню на*

руки. — *И где ты так измызгалась, извазякалась?*» (А. Гайдар. Тимур и его команда). Наряду с отмеченными способами семантизации слова, используются и многие другие приемы прояснения его семантики (помещение в ряд однородных членов, развернутое описание, ссылка на этимологию и т.д.).

Национально-культурный компонент лексического значения (В.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Г. Комлев, В.Н. Телия, Ю.Д. Апресян, В.В. Колесов, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, С.Е. Никитина и др.) привлекает особое внимание при лингвокультурологическом подходе к слову как культурно-языковому феномену, хранителю и накопителю информации об особенностях национальной культуры этноса, его картины мира, его духовных ценностях и предпочтениях, ибо в нашем сознании хранится знание о мире, опосредованное культурой этноса. Этот компонент способствует выполнению словом не только интерпретативной, но и регулятивной функции, формируя нормы культурноязыкового поведения. Культурный стереотип, заключенный в значении слова, фиксирует инвариантный образ фрагмента мира. К основным разрядам лексики с **национально-культурным компонентом** относят имена собственные (топонимы, антропонимы, включая имена персонажей литературных произведений и фольклора, составляющих персонифицированную русскую языковую культуру, последние выступают национально-культурными эталонами имени); имена нарицательные, включающие фоновую и безэквивалентную лексику. Часто это названия географических реалий, флоры и фауны (*поле, лес, берёза, медведь, лиса, щука*), этнографических реалий, связанных, например, с бытовыми подробностями крестьянской жизни типа основных занятий, построек, домашней утвари, одежды, пищи, обычаев и традиций (*изба, оладьи, ухват, тесто, коромысло, прорубь, сани, телега, аршин, пуд, частушка, крестины, масленица* и т.д.). Многие из подобных слов несут символическую функцию, особенно в фольклорных текстах (*берёза, земля, лес, лебедь, солнце, поле* и др.). Сюда же относится общественно-политическая лексика с **идеологическим компонентом** семантики, характеризующим определенный срез культуры в истории этноса, опреде-

ленный этап его жизни (ср. одновременные коннотации и употребление слов государь, господин, архимандрит, апостол, революция, реформы, патриот, благонадежность, порядок, идеолог, буржуазия, невыездной, стукач, бизнес, спекулянт и мн. др.). Ср., например, толкование слова буржуазия в 1) Словаре В.И. Даля и 2) БАСе:

1) <i>«мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд».</i>	2) <i>«В капиталистическом обществе — господствующий класс, владеющий средствами производства и живущий от эксплуатации наемного труда».</i>

Показателен разброс ассоциаций к слову *активист* в РАСе, обнажающий кризисное состояние сознания российского этноса в постперестроечный период:

«комсомолец 17; коммунист 5; идиот, комсомол, комсомольский 3; выскочка, дурак, ... комсорг, пионер 2; активный, бесполезный, бюрократ, голова, ... двуличный, задавака, зануда... коллективист, ... кретин, лишний нахлебник, мне не товарищ, молодец, надоедливый, нехорошо... партработник... перестройки... профсоюзный... ударник... тормоз... ярый 1».

Ю.Д. Апресян, рассматривая природу языковых проявлений коннотации, отмечает, что они характеризуют, как правило, основные значения слов, хотя материализуются в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах и т.д. Факторы, способствующие развитию коннотаций, и особенности коннотативной лексики он иллюстрирует с привлечением слов с национально-культурным компонентом в их значении. Так, тип использования объекта как основа коннотации иллюстрируется примером со словом *коза*, которое в немецком языке, будучи символом негативного социального статуса («корова» бедняков), характеризуется коннотациями вздорности, глупости, любопытства, разборчивости, тогда как у русских любое домашнее животное — примета достатка, отсюда позитивные коннотации подвижности и привле-

кательности у слова *коза* в русском языке. Однако капризность и непредсказуемость коннотаций, связанная с этимологической памятью слова, заставляет видеть в слове *козёл* в русской языковой картине мира существо бесполезное, неуклюжее, с неприятным голосом и запахом (ср.: *как от козла молока, прыгать козлом, козлетон, пахнет козлом, козёл!*). С традициями литературной обработки слова автор связывает коннотации таинственности, мистической силы, вечности у таких слов, как *весть, знак, письменна, слово*, с этимологической памятью слова — различие коннотаций у слов *правый* и *левый*; у мужских и женских обозначений (*тесть — тёща, отчим — мачеха*), у слов *пёс* и *собака*, обнаруживающих несогласованность, доходящую до противоречивости [см. подробнее 9].

Национально-культурный компонент как собственных, так и нарицательных имен активно используется в лексическом структурировании текста, ср., например:

«Летом, видали, по деревням ездят-шныряют — прялки, ложки, тусеса, всякое старьё собирают? Дак он из тех самых старевщиков... Иконы особенно уважает...»

«И вслед за тем (Михаил. — Н.С.) горделивым взглядом обвел горницу, или гостиную, как сказали бы в городе» (Ф. Абрамов. Пряслины).

Или у В. Белова («Всё впереди»):

«Руководитель в разгар рабочего времени смаковал Мусоргского, а это означало появление какой-то пусть не гениальной, но всегда новой идеи, годящейся в приданое для «Аксютки».

Начальные буквы длинного, тоскливо-бюрократического названия довольно сносно напоминали старинное женское имя. Грузь не замедлил с преобразованием, и вот родилась «Аксютка», которую уже много месяцев воспитывала в своем духе вся группа» (здесь, несомненно, присутствует и элемент занимательности, языковой игры).

Прозрачность границ внеязыкового и языкового в образной форме описана С. Есиным в «Гувернёре», где ассоциативное поле

концепта **слово** охватывает весь универсум, выстраиваясь на базе развернутого сравнения и замыкаясь именем собственным:

*«Каждый раз я не перестаю удивляться поразительному смыслу и звучанию слов. Как солнце: газовое ядро, а лучи распространяются на весь мир, освещая каждый закоулок. Подумать страшно — из автобуса, с его подножки, спуститься сразу на землю **Вифлеема**. Не обожжёт ли мистический жар, огонь, таящийся в этих землях, подошвы ног?!»*

Замещая определенный объект, слово непосредственно воздействует на воспринимающего, особенно слово, отягощенное многообразными культурными смыслами, длительной традицией его литературной обработки. Ассоциативные возможности слов, таким образом, не только ощущаются, но и осознаются автором, обнаруживаясь в его метаязыковой деятельности, в стремлении вовлечь адресата в процесс сближения концептов разных предметных областей.

Ранее отмечалось, что семантика слова не безразлична к особенностям его звуковой стороны, и эта взаимная заинтересованность разных сторон слова как двусторонней единицы проецируется в **фоносемантический компонент** ее лексического значения (С.В. Воронин, А.П. Журавлёв, В.В. Левицкий, С.Н. Шляхова, Ю.В. Казарин, Н.Д. Светозарова, А.В. Пузырев и др.). В рамках фоносемантики, сформировавшейся в 70—80-е годы XX века, изучается звукоизобразительная система языка. По словам С.В. Воронина, в нее входит звуко-символическая и звукоподражательная подсистема языка, при этом различают «звуко-символизм субъективный (связь между звуком и значением в психике человека) и объективный (связь между звуком и значением в словах языка)» [133, с. 166]. Автор указывает на такие важнейшие компоненты психофизиологической основы звуко-символизма, как синестезия и кинемика. Первая связана с особенностью восприятия, объединяющей впечатления, образы разной модальности. Вторая представляет собой «совокупность произвольных движений мышц, сопровождающих ощущения и эмоции» (там же). С помощью специальных методов фоносе-

манческого анализа установлены, например, «машинные» характеристики звуковой формы следующих слов: «Ананас — хороший. Апельсин — хороший, маленький, светлый. Баобаб — большой, величественный, могучий. Дуб — большой, сильный, красивый, могучий. Лилия — нежный, женственный, светлый, красивый. Хворост — шероховатый. Яблоко — хороший, красивый, гладкий, округлый...» [79, с. 49]. Носителями русского языка не может быть оценен как женственный, нежный и слабый звук «р», вызывающий скорее ассоциации с рычанием зверя, раскатами грома и т.п. Шипящие звуки для носителей русского языка более плохие, чем для поляков, в языке которых они естественны. Звуковые характеристики слов часто лежат в основе явлений аллитерации и ассонанса в поэтической речи, хотя жесткого соответствия впечатлений, создаваемых свойствами звука в системе языка и звукописью поэтической речи, не наблюдается, поскольку перед нами разные виды систем и обуславливающих их факторов. Ср. в этом плане текстоорганизующую роль указанных выше звуков в двух разных стихотворениях:

<p>1. <i>«Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
 На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
 Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
 И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
 И ты, поэт!»</i></p> | <p>2. <i>«Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...
Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой»</i></p> |
|---|---|

(А.С. Пушкин. Эхо).

(Ф. Тютчев.

Чародейкою Зимою...).

Фонетический уровень речи не контролируется сознанием, тем сильнее его воздействие на психику читателя, его подсознание, не создающее сопротивления восприятию текста.

На отсутствие жесткого детерминизма между звуковым обликом слова и его семантикой указывает и А.П. Журавлёв, приводя современные значения слова *идиот*: «звучит же оно как «хорошее, красивое». Казалось бы явное противоречие звучания и значения. Но основа этого слова идио- в древнегреческом языке дала жизнь и таким словам, как идиос — особый, идиома — своеобразное выражение. Так что в слове идиот есть как бы второй подсознательно-ассоциативный план: особый, своеобразный, ни на кого не похожий человек. Не это ли побудило Ф.М. Достоевского именно так назвать свой роман?» [79, с. 154]. Внимание к фоносемантическому компоненту значения слова характерно и для текстов авторов начала XX в., и современных авторов, ср., например, у М. Цветаевой:

«Была бы я в России, всё было бы иначе, но России (звука) нет, есть буквы: СССР, не могу же я ехать в глухое, без гласных, в свистящую гуцу» (из писем);

*«Слово странное — старуха!
Смысл неясен, звук угрюм.
Как для розового уха
Тёмной раковины шум»*

(М. Цветаева. Старуха).

Приведем для сравнения тексты других авторов.

«Однажды Анна Ахматова обратила внимание на белого королевского пуделя, с которым я гулял.

— Как его зовут? — спросила она. — Ланн, — чуть робея, ответил я. — Ланн? Смотрите, какое удивительное имя. Ты знаешь, кого так звали? — Нет. — Одного из самых бесстрашных и знаменитых маршалов Наполеона. Он погиб на поле боя... Маршал Ланн.

...У Наполеона, — сказала Анна Андреевна, — было довольно много маршалов. В детстве я их всех знала, а сейчас в памяти

осталось не так уж много: Бертъе, Мюрат, Даву, Дарю, Ланн и еще несколько. Постепенно память сужает круг имен, — добавила она уже как бы и не мне. — Остаются самые близкие и самые звонкие. Вот Ланн — это действительно звонкое имя» (В. Амлинский. Оправдан будет каждый час).

В поле речевой оценки попадает не только звуковой облик слова, но и тот культурно-исторический фон, который за ним стоит. Речевая оценка выявляет лингвистический вкус, способ поэтического видения слова во всем многообразии его ассоциативных связей. Фиксация внимания говорящего на экзотичности звучания может отображать один из этапов становления его речевого опыта:

«В детстве меня удивило его казавшееся испанским имя как бы из сказки: Бонифатий... отец Бонифатий... Позднее я узнал, что это имя из русских святцев, просто не очень распространенное» (там же).

Значимость этой оценки повышается тем, что она составляет отдельный абзац, предвещающий описание незаурядной личности — философа академика Б.М. Кедрова. Ср. еще оценку звуковой стороны слова:

«Парадные такты «Тангейзера», в одном названии которого было больше истинной музыки, чем во всей этой опере, некогда родившейся все в том же легендарном замке на вершине горы Вартбург, где Лютер воевал с чертом...» (В. Катаев. Кубик).

Подытоживая описание структуры лексического значения, включающей помимо денотативного макрокомпонента различные типы сем, могущих выступать и в статусе денотата, и в статусе коннотата (семьи интенсивности, образности, эмотивности, оценочности, функционально-стилистической и хронологической отмеченности, социально-локальной и национально-культурной приуроченности, фоносемантичности), нельзя не отметить существующих попыток когнитивной интерпретации многих из них. Так, В.Н. Телия вводит серию когнитивных опе-

раторов лексического значения (я знаю; считаю; воображаю — как если бы; переживаю — испытай; учти, что я расцениваю ситуацию как официальную / неофициальную, сопряженных с разными составляющими структуры знания, с разными когнитивными способностями человека, формами его опыта по освоению мира и типами интенций, имеющих проекции в компонентную структуру лексического значения [241]. Это позволяет рассматривать лексическое значение как динамическую систему, предназначенную для выполнения разных функций в процессах речемыслительной деятельности, в текстопостроении, что уже отмечалось в привлекаемых для иллюстрации материалах. Следует особо остановиться на несовпадении языкового значения и текстового смысла при употреблении слова в речи [см. 178, 250, 17, 200, 201, 224, 266], прежде всего в процессах семного речевого варьирования лексического значения слова. Именно динамический аспект лексического значения позволяет проследить за одной из важнейших функций языка — обслуживать с помощью речевой деятельности, текстов как превращенной формы коммуникации другие виды целенаправленной деятельности человека. При динамическом подходе объективная реальность предстает как совокупность не только наличных фактов, но и таящихся в них возможностей. В центре коммуникации находится языковая личность, использующая альтернативы в употреблении языковых средств в соответствии с теми факторами, которые обеспечивают создание семантики возможных миров: замысел, интенции говорящего, цель и содержание высказывания, тип текста, канал связи и т.п. Система коммуникации, таким образом, предстает как иная по отношению к собственно языковой, лексической системе, что создает одну из предпосылок семного варьирования лексического значения в тексте, приспособления его к условиям коммуникации. К числу других предпосылок следует отнести ассоциативный характер человеческого мышления, диалектику перехода от значения к представлению, динамическую связь между лексическим значением, концептом и референтом, относительную самостоятельность компонентов лексического значения, обеспе-

чивающую такие семные процессы в коммуникативных актах, как актуализация семы, усиление или ослабление семы, ее поддержание, расщепление семы, ее модификация, категоризация, конкретизация, наведение [230]. В построении семантики возможных миров системное значение слова служит опорой для создания текстовых смыслов, то есть аналога языкового значения в конкретной ситуации его употребления (ср.: «*век — волкодав*» у О. Мандельштама, *адвокат, человек* (в пьесах М. Горького), *декорация, репетиция* у В. Шукшина и др.). Подобные артефакты активно воспринимаются и понимаются адресатом с опорой как на общий фонд знаний (языковых и внеязыковых), так и на собственные культурные знания и приобретенный опыт. Так на базе выводного знания возникает понимание смысла, приращение культурных смыслов, вращение индивида, социума, этноса в культуру.

Рассмотрим примеры актуализации и усиления яркости отдельных сем при употреблении слова «айсберг» различными авторами:

«Они (составители русско-японского словаря. — Н.С.) хотели, чтобы созданный ими словарь оказался своеобразной лощей в этом плавании, и постарались максимально точно обозначить все мели, рифы и айсберги, которые с неизбежностью встретятся на пути каждого японца, бросившегося в океан русского языка» (Л.П. Калакуцкая. Размышления о русской лексикографии).

Отстаивая идею о необходимости включения энциклопедической информации в словарь, автор использует развернутую метафору, представляющую фрейм «плавания». С коммуникативной стратегией — убедить читателя в своей правоте — связаны отдельные лексические вехи, реализующие фрейм и конкретизирующие сквозную метафору: *лоция, рифы, мели и айсберги, путь, броситься, океан*. Ключевое слово «плавание», а также семантика слов, помещенных в однородный ряд со словом «айсберг», актуализируют сему «препятствие» и усиливают ее яркость у анализируемого слова. Ср. еще:

«Когда на таком языке-айсберге, как русский, перестают говорить грамотно и вразумительно, это не трагедия языка, тем более не трагедия речи — речь в принципе сиюминутна, это трагедия нации» (М.И. Черемисина. О состоянии русского языка).

Будучи приложением к слову *язык* с последующей его конкретизацией, слово *айсберг* актуализирует сему «величия, объемности», уменьшая яркость всех других.

Другие семы актуализируются при употреблении слова «айсберг» в следующих разножанровых текстах:

«Аббревиатура подобна айсбергу — буквы, слоги и части слов, по которым, используя свой речевой опыт и специальную осведомленность, можно разгадать всё содержание знака. У айсберга под водой скрыто девять десятых общего объема. Так скрыто от глаз «непосвященных» и содержание аббревиатуры» (А.А. Брагина. Синонимы в литературном языке).

Развернутое сравнение, призванное раскрыть содержание лингвистического термина (ср. маркеры *разгадать, непосвященные, содержание знака*), строится с опорой на актуализацию сем «составные части», «доступность / недоступность зрительному восприятию» слова айсберг.

«...и здесь, в солнечном арктическом холоде, за стеклами иллюминаторов сияли глыбами, проплывали по горизонту ослепительно-сахарные айсберги» (Ю. Бондарев. Берег).

Элементы контекста способствуют экспликации у слова *айсберг* сем «холода, света, цвета, блеска» (ср.: *арктический холод, сияли, ослепительно-сахарные*), а также «движения, перемещения действительного или кажущегося» (ср.: *проплывали*). Иное — в популярной песне, исполняемой А. Пугачевой: *«А ты такой холодный, как айсберг в океане, и все твои печали под тёмною водой»*. Контекст актуализирует семы «холода», «скрытости от наблюдения» системно-языкового значения и наводит семы «черствости, эмоциональной холодности, закрытости».

Иногда контекстным способом передается почти вся семная структура лексического значения, с акцентом на коммуникативно значимые признаки.

С помощью актуализации, выдвижения некоторых сем происходит своеобразная мотивация использования слова в тексте:

«Парасковья-пятница побрела к сенному валу, одной рукой держась за Ульяну. Переставлять потихоньку свои старые ноги вслед за граблями — это она ещё кое-как могла, а ходить по земле просто, ни на что и ни на кого не опираясь, уже не могла» (Ф. Абрамов. Пряслины).

Ср. истолкование глагола побрести в БАС: «*Пойти медленно, с трудом передвигаясь, поплестись*». Таким образом, дифференциальные семы глагола *побрела* подчеркнуты текстовыми обстоятельственными распространителями (*держась, потихоньку, вслед за граблями*) и контрастом глаголу *ходить* с его обстоятельственными распространителями (*просто, ни на что и ни на кого не опираясь*), актуализирующими потенциальные семы данного глагола (*без опоры*).

Особую когнитивную значимость при категоризации имеют **объекты базового уровня** типа *собака, стул, дом*, порождающие образно-схематические модели, гештальты (по Дж. Лакоффу), прототипы, дающие основу для ассоциативного развертывания слова и метафоризации, порождения прототипического эффекта. Ср. у В. Токаревой:

«Эти две жизни отличались друг от друга, как здоровая собака от парализованной. Всё то же самое: голова, тело, лапы — только ток не проходит» (Я есть, ты есть, он есть).

Отклонение от гештальта, а точнее, отталкивание от него, например, в сравнительной конструкции, имеющей в качестве адресата оценки человека, может служить основой «переконцептуализации», иной интерпретации явлений, состояний и т.д., не закрепленной в наивной картине мира. Парадоксальность высказывания заключается в несоответствии языковой правильности и нарушенных концептуальных схем: «*Там кош-*

ка, голодная, как собака» (В. Токарева. Кошка на дороге). Базовая лексика служит основой развертывания не только сравнения, но и текстовой метафоры, привлекающей в качестве источника концепты космической и — шире — природной сферы для осмысления ценностей и проблем человеческой жизни, отношений, характеров. Понимание психологической неоднозначности персонажей, шутливо-снихождительное отношение к их слабостям, мягкий юмор передаются разнообразием метафорических моделей (военная, медицинская, металингвистическая) в их столкновении друг с другом, дающем голографическое изображение, а также текстовой многозначностью слов:

«Расстановка сил ясна: Грановский — солнце, Лида — луна. Остальной космос существует где-то отдельно от их жизни. Беладонна — означает: прекрасная женщина и еще какое-то желудочное лекарство. Беладонна — то и другое. Она самая красивая из трех. Но ее жизнь, как молодая планета, никак не может образоваться, устояться: то ледники, то оползни... У Лиды жизнь стоячая, у Беладонны текущая река. Анне необходимо было то и другое — в зависимости от того, чего просила душа: движения или благородного покоя» (В. Токарева. Я есть...).

Легкость и свобода взаимопереходов из одной предметной области в другую в авторской речи знаменует целостное восприятие и приятие мира в его нераздельности, как бы детский, непосредственный, в чем-то мифологический взгляд на вещи. Это подчеркнуто и простотой, краткостью синтаксического строя предложений, их афористичностью, контрастностью фраз при внутренней их цельности. Ассоциативный потенциал базовой лексики отражается не только в зеркале сравнений и метафор, но и в случаях семного речевого варьирования:

«Климов вспомнил почему-то, что летом она делала себе салат из трав, которые растут под ногами: подорожник, крапива, стебли одуванчиков, корни лопуха. Эти травы знают животные, а люди их не едят» (В. Токарева. Кошка на дороге).

Некоторые семы словарных значений слова *знать* (догадываться, признавать) модифицируются в тексте и осмысляются как «есть» (то есть признавать съедобными), эксплицируясь в противительной конструкции с соответствующим глаголом (есть). На этой основе благодаря антропоморфным метафорам выстраивается фрагмент авторской картины мира, своеобразной философии, дидактики, медицины:

«Люди едят только, что сеют. И это большое заблуждение. В беспризорных травках есть жизненная сила, которая дает уверенность плоти, а плоть сообщает свою уверенность духу, ибо, как известно, в здоровом теле здоровый дух».

Философскую, этическую интерпретацию получают даже бытовые реалии, привнося момент языковой игры, жизненного оптимизма, заражая им читателя и обнаруживая особенности художественного менталитета автора, его опыт, знания, мировидение:

«Наконец, рубашка была найдена — завалилась за тумбочку, — но не пригодна к употреблению. На груди какая-то засохшая субстанция, величиной с обеденную тарелку... Мишаткин озадаченно смотрел на обесчещенный фасад своей выходной вещи» («архитектурная метафора» на базе ассоциативного признака «передняя часть». — Н.С.).

Уже приводившиеся примеры показали, что базовая лексика как наиболее употребительная, стилистически нейтральная выступает основой создания прототипического эффекта в случаях привлечения слов-сигналов иного дискурса и связанной с ним экстралингвистической информации, не оправданной, казалось бы, ситуативно-тематически, но точно передающей авторские интенции, реализуемые с использованием прагматического макрокомпонента. Они, например, просвечивают в привлечении гиперонима **корнеплод** и номенклатурного обозначения **картофель** к слову *картошка* у разных авторов:

«От картошки толстеют... — засомневался я. Но вместо того, чтобы уесть меня традиционным сарказмом по поводу исключительно низкокалорийности пива, она молча вывалила в

мойку последние корнеплоды и начала срезать кожуру» (Ю. Поляков. Парижская любовь Кости Гуменкова).

«Оба они были тонные, немножко путали аристократизм с чванством, и их подчеркнутая вежливость доходила до того, что они все называли полными именами: «Валентин, захвати, пожалуйста, из кухни картофель»; «Серафима, не забудь сервировать сельдь» (М. Рачко. Через не могу).

Текстовым способом, как видим на примере функционирования базовой лексики, может быть передана любая экстралингвистическая информация, весь вопрос **в мере словности ее выражения**, объема и возможности восприятия тех ее элементов, которые **замыкаются на слове и его ассоциативном поле**. И здесь мы сталкиваемся с диалектикой словности и несловности, перевода смыслов, заданных в рамках высказывания, словосочетания, на уровень содержательной структуры слова, поскольку слово и словосочетание изоморфны по своей номинативной функции. Вряд ли правомерно жесткое разведение мыслительных действий, связанных с коммуникативной и номинативной деятельностью, как в [76, с. 61]: «В коммуникативной деятельности происходит варьирование известного знания, в номинативной получение нового». Этому утверждению противоречат уже факты изоморфности лексико-семантического варьирования слова (в аспекте номинации) и его семного речевого варьирования (в аспекте коммуникации), отмеченные в работах И.А. Стернина, А.П. Чудинова, В.И. Шаховского, И.В. Сентенберга и др. Действительно, в случаях лексико-семантического варьирования имплицитные, сильновероятностные околядерные семы могут переводиться на уровень ядерных, выраженных в дефиниции семантических признаков вторичных значений. В случаях же семного речевого варьирования слабовероятностные (или с нулевой вероятностью с точки зрения наивного языкового сознания) семы, почерпнутые из знаний о мире, индивидуальных личностных смыслов, стратегий индивидуальной языковой личности, ее когнитивных структур (образов, гештальтов и др. элементов сферы бессознательного) переводятся на уровень

синтагматических связей слов, в сферу коммуникации, но и здесь мы имеем дело с элементами нового знания, хотя воспроизводящая функция контекста при словоупотреблении как важнейшее условие в обеспечении взаимопонимания в принципе не исключается. О докультурном психофизиологическом субстрате «поэтического», связи его с коллективным бессознательным, о всплывании архетипов, о связи со сферой сознания как способом психологической компенсации пишет, например, В.Н. Топоров [246], характеризуя «морской» комплекс у Тургенева.

С переходными случаями от несловности к словности и обратно, эксплицирующими элементы «экстралингвистических» знаний, мы и сталкиваемся в номинациях газетно-публицистического и художественного дискурса. Речь, следовательно, идет чаще всего не об экстралингвистических признаках как таковых, а о словном / несловном их выражении, поскольку они могут быть выражены и словообразовательно, и грамматически, и текстово, то есть тоже лингвистически. С другой стороны, «фоновые» знания могут быть экстралингвистичными по отношению к системно-языковому значению слова, но интралингвистичными по отношению к текстовому смыслу, объективированному в слове и обладающему языковой реальностью своего представления. Подобные отношения вполне согласуются с трояким модусом существования языка: в системе, в совокупности текстов, в ассоциативно-вербальной сети его носителей.

Основу дискурса могут составлять те потаенные смыслы, которые заключены в семантике слова и выступают ключом, пусковым механизмом новой интерпретации описываемого явления и ее расшифровки с опорой на те элементы лингвокультурной информации, которые сосредоточены в слове. Ср.:

«Посмотрим в словарь, кто такой эмигрант. «Эмигрант — это лицо, покинувшее свое отечество». Всё ясно. У отечества было лицо, и лицо его покинуло. Не ловлю на слово, это слово меня ловит. Слово — самое удивительное произведение искусства, продукт коллективного опыта, страданий, заблуждений, поиска, творчества, и оно чаще всего бывает умнее, прозорливее нас, пользующихся без почтительного внимания этими плодами

человеческого прозрения... «лицо, покинувшее отечество»! Двусмысленность этого словарного определения замечательно передает двойной драматизм, драматизм «в квадрате», эмигрантской коллизии. Здесь двое пострадавших — «лицо», потому что оно **покинуло**, и «отечество», потому что оно **потеряло** «лицо». *Каждый человек — это лицо отечества*» (М. Кураев. Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург).

Если исходным моментом концептуализации «эмигрантской коллизии» здесь послужила лексическая многозначность с ее диффузностью значений, прототипическими эффектами, то в другом фрагменте того же текста металингвистическая информация как отправной момент дискурса связана с явлением омонимии:

«Сходства между косой девичьей и косой прибрежной едва ли не больше, чем между апостолом и царем, претерпевшим больше всех остальных российских самодержцев не только в унижении, не только в превращении церкви в покорную служанку власти, но и в оплёвывании ее».

Социокультурные стереотипы сознания и связанные с ними ассоциации могут порождать словные номинации на базе семантического стяжения, сам факт которого свидетельствует о встраивании культурологической информации в структуру лексического значения, степень социализации которого не всегда выявляется однозначно:

«Мы учились в одном классе, где на стенах висели неизменные портреты основоположников: две окладистые бороды и одна поменьше — клинышком» (Ю. Поляков. Парижская любовь...).

В тексте метонимически обозначен референт исходного словосочетания «основоположники марксизма». Неоправданный же (по конвенциональным причинам) перевод словосочетания на словный уровень, например, в детской речи при сходстве языкового механизма этого приема рождает коммуникативные неудачи: *«Портфель — это моя личность, я его никому не доверяю»*

(семантическое стяжение слов *личная собственность* породило индивидуально-авторский омоним к другому слову языка).

Более тесная связь «экстралингвистических» и лингвистических признаков в содержании слова, чем это предполагается традиционными толкованиями в словарях «пассивного» типа, вызывает сомнения в правомерности асемантической интерпретации запретов на сочетаемость — референтных, лексических (работы Н.Д. Арутюновой, Н.З. Котеловой и др.). Симптоматично, что при рассмотрении видов информации для словаря синонимов активного типа, зоны сочетаемости в нем Ю.Д. Апресян вынужден отойти от триады: лексические, референционные, семантические сочетаемостные ограничения: «поскольку во многих случаях было бы неестественным отделять семантические ограничения на сочетаемость синонимов от лексических, они будут рассматриваться вместе под рубрикой «лексико-семантическая сочетаемость» [8, с. 333].

Ю.С. Степанов пишет о соответствии разрядов имен разрядам глаголов, об их естественной предрасположенности сочетаться друг с другом в рамках одной синтагмы. И это понятно, если учесть, что высказывание обозначает отрезок ситуации в целом, а слово — элемент ситуации, «поэтому для лингвистики очень важно привести в соответствие иерархию семантических признаков слова, описанного как единица словаря, с его семантической сочетаемостью в предложении» [223, с. 616].

Художественная практика, как и публицистическая, отражает не только лингвокреативную деятельность авторов, но и содержит герменевтические моменты, попытки проникнуть в суть того материала, который служит основой словесного творчества, в истоки и следствия лингвокультурной информации, заключенной в слове, в языке. Эта метаязыковая деятельность при всей ее субъективности, а может быть, именно поэтому, представляет безусловный интерес для лингвистики, связывая сферу сознательного, рационального и чувственного, иррационального в предлагаемых эвристиках. Ср., например:

«Византия была переименована в Константинополь, если не ошибаюсь, при жизни Константина. В смысле простоты

гласных и согласных, это название было, наверное, популярней у турок-сельджуков, чем Византия. Но и Стамбул тоже звучит достаточно по-турецки: для русского уха, во всяком случае... Русское ухо? Кто здесь кого слышит? Здесь, где «бардак» значит «стакан». Где «дурак» значит «остановка». «Бир бардак чай» — один стакан чаю. «Дурак автобуса» — остановка автобуса. Ладно хоть, что автобус только наполовину греческий» (И. Бродский. Путешествие в Стамбул).

«Лингвистические» раздумья автора постоянно перекликаются с размышлениями о русской истории, судьбах России, ее культуры:

«Русь получила — приняла — из рук Византии всё: не только христианскую литургию, но, и это главное, христианско-турецкую (и постепенно всё более турецкую, ибо более неуязвимую, более военно-идеологическую) систему государственности... Не говоря уже о значительной части собственно словаря. Не дай нам бог больше заглядывать в турецко-русский словарь... Добравшись, в конце концов, до Топкапи и осмотрев большую часть его содержимого — преимущественно «кафтаны» султанов, и лингвистически, и визуально абсолютно совпадающие с гардеробом московских государей, я направился к цели моего во дворец этот паломничества...»

В числе турецких по происхождению автор называет и слово «каторга», хотя «Современный словарь иностранных слов» указывает: «ср. — гр. Katergon — галера (особый вид наказания за уголовные и политические преступления — самые тяжелые (первоначально на галерах) принудительные работы для заключенных в тюрьмах или других местах с особо строгим режимом)», да и у других слов (кафтан, бардак) этимологические указания иные. Для писателя же важен сам факт наличия слова в сопоставляемых языках как показатель исторической и культурной общности народов, истоков формирования ментальности. «Лингвоцентризм» в осмыслении явлений свойствен и другим авторам.

С интерпретацией различий языков на основе ландшафтных, звуковых, транспортных, бытовых метафор мы сталкиваемся и в прозе В. Токаревой:

«Язык, кстати, связан с ландшафтом. В Армении гористая местность и слова — тоже гористые. Может встретиться фамилия, где пять согласных подряд: Мкртчян. А в Эстонии равнинная местность. Там такие слова: Сааремаа. Северные языки протяжные. К югу ускоряются. Французский язык набирает скорость, а испанский уже сыплет, как горох на блюдо» (Я есть...).

Все эти попытки метаязыковой деятельности не имели бы смысла, если бы язык был замкнутой в себе и для себя системой, а не порождением человеческой культуры в целом и этнических культур, взаимодействующих друг с другом.

Таким образом, лексическое значение слова выступает как один из видов языковой семантики, а последняя понимается как «**всё** содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением)» [133, с. 438].

СЛОВА ОДНОЗНАЧНЫЕ И МНОГОЗНАЧНЫЕ. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Лексическая однозначность и неоднозначность

Лексическое значение реализует содержательную сторону слов двух основных подразделений в лексической системе — слов однозначных и многозначных, между которыми нет непроходимых границ, хотя и есть существенные различия. Тенденцию к однозначности обнаруживают группы слов, по какому-либо признаку тяготеющих к периферии лексической системы, то есть используемых в достаточно узком кругу коммуникативных ситуаций и не склонных к развитию ассоциативных связей (или не успевших их развить), а следовательно, к лексико-семантическому варьированию, характеризующему структуру многозначного слова. Среди этих групп отмечается терминологическая лексика (*перпендикуляр, астрономия, плебисцит, флексия, артрит, суицид, гемофилия* и т.д.), лексика узкой денотативной сферы (*роща, берёза, плавунец, багажник, бинт, героин, гжель, выдвижной, кирпичина, борщ, сковорода, кастрюля, огурец* и т.д.), слова с предельно абстрактным компонентом значения (*абстрактный, активизировать, антагонизм, воплотиться, героизм, девичество* и т.д.), слова-экспрессивы с разными видами квалификативной семантики (*главарь, зачинщик, головоотяп, голодранец, клыкастый, вляпаться, вкуснота, вразнотык, воскурить, вундеркинд, выдвиженец, выложиться, беспредел, бомж, парубок, сивка, гваздаться, дожитие, жизнеутверждающий* и др.), слова с ограниченными лексическими связями (*смежить, гашёный, впрыснуть, игристый, игреневый, клацать, тазобедренный* и др.). Не склонны к развитию ассоциаций и слова, слож-

ные по своей структуре (*низкопоклонство, снегоочиститель, неплатежеспособность, народонаселение, впередсмотрящий, народнохозяйственный* и др.). Отмеченные характеристики создают лишь тенденцию слов к однозначности, но не жестко ее детерминируют и часто взаимодействуют друг с другом, усиливая однозначность.

По наблюдениям исследователей, идеографически однозначные слова включаются в следующие ведущие для них подразделения: человек, животные, растения, земля, небо, при этом среди имен существительных больше всего моносемантических слов относится к тематическим группам животных и растений, а в кругу имен прилагательных и глаголов однозначность связана с пословными или тематическими ограничениями в сочетаемости: *белокурый, вороной, гнедой, дебелый, зычный, карий, кромешный, пытливый, спёртый, укромный; жмурить, обуть, пахтать, понуривать, тачать, щурить* [146].

Разные группы однозначных слов обладают разной степенью устойчивости моносемии, и некоторые из них обнаруживают склонность к развитию оттенков значения как показателю их промежуточного положения между классом однозначных и многозначных слов. Таким образом, потенции лексико-семантического варьирования содержатся уже в однозначных словах. Так, неустойчивой моносемией характеризуются названия животных, имеющие оттенки разного типа: «о человеке» (*байбак, барбос, бегемот, жеребец, кляча, корова, крыса, мартышка, обезьяна, овца, поросенок, росомаха*), «мех животного» (*белка, енот, колонок, кролик, норка, нутрия, обезьяна, песец, соболь...*), «мясо животного» (*поросенок*) и т.д. Неустойчивой моносемией характеризуются слова, называющие плодово-ягодные растения (*груша, черешня, облепиха, смородина, клубника, клюква* и т.д.) и развивающие оттенок «плод данного растения», а также названия лиц, частей тела животных и др. Н.В. Солоник предложила типологию расчлененных значений, фиксирующую разные стадии лексико-семантического варьирования слов, совмещения признаков однозначности и многозначности. Так, в кругу денотативно расчлененных значений выделяются видо-видовые и

эпидигматические связи единиц: *провизжать* — «*пройти, пролететь, проехать с визгом, издавая визг*». С разными способами интерпретации действия (сигнификативно расчлененные значения) связана расчлененность значения глагола *царапать* «*писать неразборчиво, неумелым почерком // Писать очень быстро, наспех*». Другой пример обнаруживает уже не причинно-следственные отношения, а отношения действия и его результата: *разбухать* — «*Наливаться, напитываться влагой; увеличиваться в объеме от влаги*». В кругу синтагматически расчлененных значений глагола отмечается различие в выражении субъектно-объектных отношений: *скулить* — «*жалобно повизгивать. О собаке, лисице, шакале и т.п. // Издавать тягучие, жалобные звуки; тихо, жалобно плакать. О человеке*» [см. 214, 215]. Графические знаки [,], [;], [//] фиксируют зону переходности между моно- и полисемией в лексической системе языка.

Эти же явления подчеркивают онтологическую природу многозначности слов русского языка, которая связана и с психолингвистическими причинами: необходимостью свертывать бесконечное количество смыслов в обозримое число лексических единиц, что связано и с ограниченными возможностями человеческой памяти, требующей опоры на общую форму, и с ассоциативностью человеческого мышления, участвующего в возникновении, становлении, развертывании концепта, стоящего за словом. Из собственно лингвистических предпосылок многозначности следует напомнить закон асимметрии языкового знака, а также положение о разных стадиях актуализации значения слова: «Между виртуальным словом, как первичным знаком, и словом, актуализированным в конкретном высказывании, лежит ступень так называемого относительного расчленения, «актуализации» его семантики» [253, с. 55]. Вместе с тем в науке были представлены попытки отрицания полисемии (А.А. Потебня, Л.В. Щерба), что оставляет открытым вопрос о том, чем создается целостность, единство смысловой структуры слова, семантическое его тождество самому себе.

Одни ученые разделяют теорию **общего значения** как определенного инварианта, к которому могут быть сведены различные

варианты смысловой структуры слова и его речевых реализаций (В.А. Звегинцев, Ю.С. Сорокин, Л.А. Новиков, Е.Г. Беляевская и др.). Известно, что теория общего значения в разное время подвергалась критике в трудах А.М. Пешковского, Е. Куриловича, С.Д. Кацнельсона, Д.Н. Шмелёва, Л.М. Васильева как не обладающая достаточной объяснительной силой и утверждающая абстракцию, конструкт, реальность которых трудно доказуема даже с применением компонентного анализа. Ср., например: «Соотношение различных ЛСВ между собой позволяет объединить их в одну структуру, но при этом не может быть принято в качестве инварианта, так как оно не составляет целостной единицы само по себе» [28, с. 86].

Вместе с тем отчетливо осознается в структуре многозначного слова упорядоченное единство единиц его смыслового объема, наличие общего семантического стержня, семантического ядра, стабилизирующая роль основного значения слова по отношению ко всем остальным как «опоры и общественно осознанного фундамента всех других его значений и применений» [48, с. 171].

Большинство лингвистов усматривают единство смысловой структуры слова в наличии внутрисловных деривационных отношений между разными единицами смыслового объема слова (Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, А.А. Уфимцева, М.В. Никитин, Д.Н. Шмелёв, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и мн. др.). Ср.: «Лексическая многозначность — функция от компонентного состава лексического значения: поскольку каждый семантический компонент может стать зародышем нового значения и превратиться в архисему (или компонент) нового ЛСВ, то у конкретных существительных выше уровень многозначности, чем у абстрактных» [159, с. 87]. В этом смысле прямому значению автор приписывает роль семантического донора. В самом деле, основное значение слова *крыло* — «плоская поверхность, служащая для передвижения (у птиц)» — мотивирует целую серию других значений (непосредственно или опосредованно), выявляемых в сочетаниях: *крыло самолета* (на базе пространственной смежности, признаков сходства формы и общности функций), *крыло здания* (с актуализацией семы «боковая, крайняя

часть»), *левое / правое крыло парламента* (не центральная, «крайняя» его часть). Ср. взаимопроникновение указанных признаков, их актуализацию и совмещение в текстовом использовании слова:

«ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ПОЛИТСУБЪЕКТОВ

Почему Дума не летает

Ю. ЛУЖКОВ: *«По результатам выборов в Думе появилось ободранное левое крыло, а правого крыла вообще нет. Такая птица не летает...*

...Зато прекрасно содержится в неволе!» (АиФ)

Единицы смысловой структуры слова терминируются, как уже отмечалось, по-разному: лексико-фразеологическая форма слова (В.В. Виноградов), лексико-семантический вариант (А.И. Смирницкий), семема (Н.И. Толстой), словозначение (М.В. Никитин), а смысловая (семантическая) структура слова предстает как системное, упорядоченное множество этих единиц, связанных определенными типами отношений. Спор об общем значении в структуре полисеманта становится в известной мере схоластическим при **когнитивном подходе к явлению многозначности** (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, И.Г. Ольшанский, В.В. Колесов и др.): «Традиционное рассмотрение прямых и переносных значений на определенном уровне анализа не вполне корректно, поскольку «порождение» значений оказывается направленным не от прямого к переносному, а от базовой когнитивной структуры типа фрейма или сценария к лексическим значениям слова» [24, с. 6, см. также 132]. Фрейм констатирует направления преобразования семантики слова, эта базовая структура обуславливает заполнение разных узлов фрейма (слотов) при переносе наименования с одного слота фрейма на другой. И.М. Кобозева иллюстрирует это на примере значений слова *мысль*, связанных метонимическими отношениями: 1) процесс мышления (*свихнувшаяся мысль*), 2) инструмент мышления (*работает*), 3) локальный объект (*та мысль, что...*), 4) результат ментальной деятельности (*пришла мысль*), 5) область ментального действия (*в мыслях он видит себя...*), 6) фило-

софия как совокупность результатов ментальной деятельности (*русская мысль первой половины XX в.*) [101]. Не случайно к числу когнитивных моделей Дж. Лакофф относит наряду с пропозициями, вычленяющими элементы из ситуации и устанавливающими связи между ними, схематические модели образов, а также метафорические и метонимические модели [129, с. 31—32]. Это же объясняет справедливость рассмотрения метафоры и метонимии в качестве универсальных семантических законов (В.Г. Гак). Основное значение слова выступает как прототип — наилучший представитель стоящего за словом концепта, оно способствует опознаванию слова как отдельной языковой единицы и замыкает на себе как средство первичной номинации все глубинные слои смыслов, связанных со словом, которое оно представляет. Гештальты же соотносят значения с поверхностными формами [129]. Если следовать положению современных философов, разделяемому, в частности, Ю.С. Степановым, о том, что форма есть часть содержания, некоторая часть семантических признаков, непосредственно ассоциирующихся с выражением [223, с. 622], становится понятным не только то, что синтагматические партнеры, отмечаемые при толковании значения слова в словаре, как бы поддерживают его содержательные признаки (на базе семного согласования), но и значимость корневой морфемы как основного элемента формы многозначного слова, обеспечивающего содержательное единство последнего. С корнем слова связано не только возникновение, но и развитие, обогащение семантики многозначного слова, генетическая память и пласты культуры, ассоциированные со словом. В этом смысле содержательная структура многозначного слова рассматривается как ассоциативное поле корня слова, исходного, «зародышевого» и конечного пункта в развитии стоящего за ним концепта, обеспечивающего динамику в процессах концептуализации мира (отчасти и в силу отсутствия формально-грамматических ограничителей у корневой морфемы).

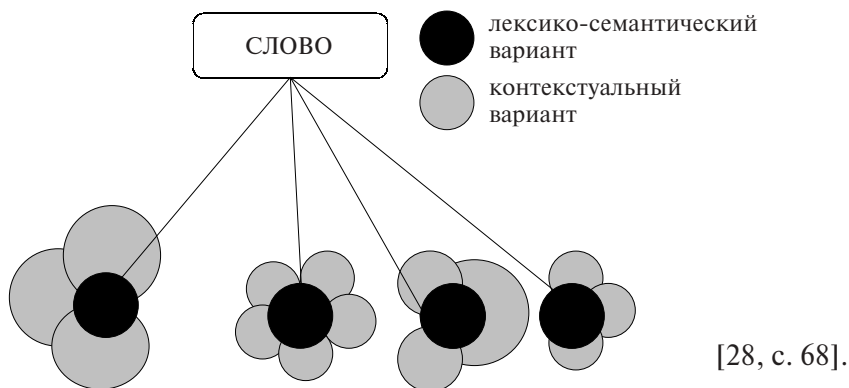
«Развертывание» концепта с опорой на основное прототипическое значение слова иллюстрируется привлечением типовых контекстов для разграничения разных его значений:

слова
деревя
корень зуба
волоса
математический
зла

[см. 190, с. 174].

Свой вклад в осмысление связи разных значений многозначного слова, не нарушающих его единства, вносит и принцип «семейного сходства» Л. Виттгенштейна, согласно которому при категоризации не обязательна жесткая связь между всеми членами категории по всей совокупности признаков, а достаточно попарного сцепления отдельных ее элементов по случайным признакам, что часто наблюдается в смысловой структуре многозначного слова. Ср., например, в БАС: *Сникать* — «1. Склоняться, опускаться, пригибаться. 2. Перен. Приходить в плохое настроение, подавленное, угнетенное состояние; падать духом». Здесь в основе переноса лежит не только концептуальная оппозиция верх / низ, позволяющая моделировать психические явления по типу физических, но и признак «поза, характерная для такого состояния», а также потенциальные эмоционально-оценочные семы исходного значения, актуализированные в переносном. Или: *Русло*. «1. Углубление в почве, по которому течет водный поток. 2. Перен. О направлении, пути развития чего-л.». В подобных случаях происходят те же семные процессы, которые отмечались при семном речевом варьировании лексического значения слова: актуализация, угасание, замещение, включение сем исходного при развитии производного значения. Так, в последнем примере в переносном значении актуализирована потенциальная сема исходного значения — «направление» (она стала основной, ядерной), сема «течение» заменена семой «путь», «развитие», а сема «вода» — семами отвлеченного характера, скрывающимися за дейктическим указателем «чего-л.». Семное речевое варьирование рассматривается как «продолжение» лексико-семантического варьирования: «Контекстуаль-

ные варианты образуют своего рода зону вариативности каждого лексико-семантического варианта. С другой стороны, «качественные» характеристики каждого ЛСВ определяют возможности контекстуального варьирования, за пределы которого контекстуальный вариант выйти не может...

Нетривиально осмысляются связи между единицами смыслового объема многозначного слова в лексикографической теории и практике. Лексикосистемную информацию при подготовке НАСа предполагается соединить с идеографической, учитывающей структуру человеческих знаний о мире, связать с возможностями человеческой памяти, с коммуникативными потребностями. Принцип синхронно-логической мотивированности значений иллюстрируется выделением значений слова **кольцо**:

«предмет в виде обода; что-л., имеющее форму такого предмета; круг людей, обступающих кого-, что-л. со всех сторон; окружение, атмосфера: кольцо ненависти, недоверия», а также слова барашек: «животное; мясо и шкурка; что-л. цветом и характером завитков похожее на эту шкурку: мн. завитки волос, пена на гребнях волн, серёжки ивы и пр.».

Применительно к словам с широко развитой многозначностью (работы Е.А. Чудиновой, Л.М. Попковой, П.Н. Денисова, В.К. Харченко и др.) этот принцип преломляется как принцип

семантического гнездования вокруг двух или нескольких «идей», а выделяемые семантические блоки, комплексы основываются на варьировании идей. Примеры таких блоков обнаруживает толкование слова *команда*:

«I (*распоряжение, приказ*). 1. *Воен. Краткий устный приказ командира по установленной форме.* 2. *Устное приказание, распоряжение руководителя, отдаваемое им в процессе выполнения какой-л. работы.* 3. *Разг. Чьё-л. распоряжение, сделанное обычно в приказном, не терпящем пререканий тоне.* 4. *Информ. Автоматически передаваемый сигнал, вызывающий действие какой-л. машины, механизма.* II (*группа людей, объединенных общностью задания, интересов, условий труда, быта и т.д.*). 5. *Небольшая воинская часть, сформированная для определенной цели или определенного боевого задания.* 6. *Личный состав, экипаж судна.* 7. *Спортивный коллектив, возглавляемый капитаном.* 8. *Группа лиц, подобранных руководителем или политическим лидером для осуществления его целей и программы действий.* 9. *Разг. Шутл. Компания, ватага*» [111, с. 65, 67].

В смысловой структуре слова отмечаются единицы разной степени членимости (типовое употребление, оттенок значения как промежуточная категория между значением и употреблением и собственно значение), их выделение и трактовка во многом зависят от глубины анализа семантики слова и принципов ее отражения в словарях разного типа.

Объективность многозначности как явления языка подтверждается **регулярностью моделей лексико-семантического варьирования** (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, Е.С. Кубрякова, Л.М. Васильев, Л.А. Новиков, А.П. Чудинов и др.) и изоморфизмом отношений внутри- и межсловной деривации (ср.: *дом* — строение и семья — и дериват *домочадцы*). Для глагольной лексики (а глагол имеет особенно емкую семантическую структуру) такая регулярность соотношения семантики первичных и вторичных значений, связанных отношениями производности, охватывает 98% случаев варьирования. А.П. Чудинов и Е.А. Чудинова выделили для слов разных частей речи три основных типа моде-

лей: **общие** (варьирование значений по признакам конкретность — абстрактность, предметность — антропонимность: *гореть, пылать, поселять, наводить* в характеристике чувств; *прийти, застрять, шевелиться* — в характеристике мысли; *мать-земля, хлеб-батюшка* и т.п.); **частные** (связь значений на основе периферийных компонентов семантики слабовероятностного импликационала: *темнить* и *крутить* — «вести себя неискренне, пытаться что-то скрыть, уйти от прямого ответа», *потеть над чем-то, вкалывать, пыхтеть, ломить* — «много и напряженно работать»); **специальные** (включающие сопоставимые вторичные лексические значения слов одной ЛСГ, реализующие интегральные семы: *пачкать, мазать, грязнить* — *платье и репутацию*); термины родства — *отцы-командиры, свой брат-пьянчужка; оттрубить — отзвонить — отбарабанить* (о малоинтересной утомительной работе) [см. 143].

Графически связи значений слов в смысловой структуре представляют как радиальные, цепочечные и радиально-цепочечные, причем тот и другой вид связей наглядно демонстрирует отношения непосредственной или опосредованной мотивации (во втором случае требуются дополнительные семантические шаги при переходе от исходного к производному), что соответствует сетевому способу организации внутреннего лексикона человека.

«1. *Относящийся ко льду, состоящий из льда. Л. кора, л. сосульки, л. крупа. В сравн. ... руки-то холодные, точно л. Покрытый льдом, обледенелый. Л. ветки, л. борода.*

2. *Очень холодный; холодный, как лёд. Л. вода, л. сырость, л. ветер // Окоченевший... ноги были ледяными.*

3. *Перен. Бесстрастно-холодный, приводящий в оцепенение. О взгляде, голосе // Полный безразличия, безучастный, равнодушный. Л. равнодушие, равновесие, спокойствие.*

4. *Похожий на лёд с трещинами. О сорте стекла и изделиях из него. Л. графин, л. стекло»* (БАС) — радиальный тип отношений.

Цепочечный тип отношений представлен в смысловой структуре слова ***рабский***:

«1. Относящийся к рабу, предназначенный для раба (в 1 значении). Р. неволя.

2. Свойственный рабу. Р. душа, р. натура.

3. Перен. Основанный на слепом, некритическом следовании чему-л., полном подчинении кому-, чему-либо. Р. подражание, поклонение».

Радиально-цепочечный тип связи характеризует организацию смысловой структуры слова **зеленый**:

«1. Один из цветов солнечного спектра, находящийся между желтым и голубым.

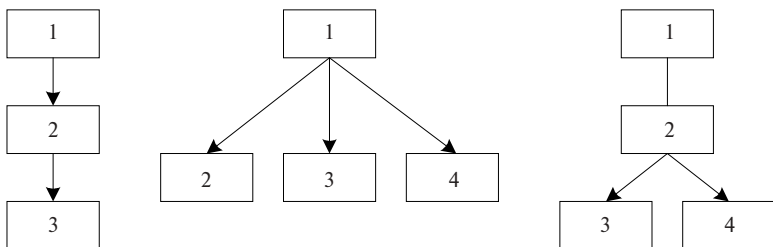
2. Разг. Очень бледный, землистого оттенка. О цвете лица, кожи человека.

3. Только в полной форме. Относящийся к зелени, растительности, образуемый ею: а) навес, б) корм, в) пар, г) удобрение, д) щи.

4. Недозрелый, неспелый. О фруктах, плодах, злаках: з. горошек.

5. Перен. Разг. Очень юный, неопытный по молодости: з. молодежь» (БАС).

Схематически аналогичные приведенным типы отношений можно представить следующим образом:

Как уже отмечалось, названные типы связи оказываются универсальными по отношению не только к смысловой организации слова, но и лексической структуре текста и — шире — всего универсума с его пространственно-временной организацией [61]. Сама возможность их схематического представления

свидетельствует о наличии глубинных структур, которые обуславливают разнообразие сцеплений в смысловой структуре слова, причинно-следственных связей. Как палка служит продлением возможностей человеческой руки, так слово продлевает возможности человеческой памяти за счет импликаций, протекающих от скрытой стохастики любого значения, «развязывания импликационала» (М.В. Никитин). Не случайно в смысловой структуре слова типы отношений соответствуют основным типам логических отношений, организующих межсловные объединения в лексике, — отношения подчинения (включения), внеположенности (соположения), контрадикторности (противоположности) и перекрещивания.

Способы лексико-семантического варьирования значений

Первый тип отношений представлен случаями расширения (генерализации) и сужения (специализации) значений. В случае расширения значений нейтрализуются дифференциальные семы с актуализацией родовой семы (гиперсемы): *идти* «передвигаться с помощью ног» и *передвигаться* вообще (*поезд и., лед, ветер, туман, рыба и.*); *локомотив* (*паровоз и машина любого вида тяги: паровоз, электровоз, тепловоз*); *пушка* (*один из видов орудий и оружие любого вида; пистолет, например*). При сужении, специализации значения результатом движения мысли является переход от рода к виду, от общего к частному: *сахар* — «питательный продукт, белое кристаллическое вещество сладкого вкуса» и «сахарный песок». Здесь уже недостаточно указания только на родовую сему, требуется актуализация дифференциальной семы («мелкий»). Ср. еще: *золотые прииски* (*относящиеся к золоту*) и *золотой перстень* (*сделанный из золота*), *зона* «определенное пространство, район, характеризующиеся каким-либо общим признаком» — *запретная зона* и «Пояс или полоса земного шара с характерными для них общими чертами природы» — *лесная зона*, *машина* (об автомобиле).

Отношения **внеположенности, соположения** лексического значения можно проиллюстрировать случаями перехода от одного вида к другому виду того же рода: *лайнер* — «*крупное морское или океанское пассажирское или товарное судно...*» и «*многоместный пассажирский самолет...*».

Метонимия и метафора относятся к типичным видам семантического сдвига, ведущим к регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелёв, Н.Д. Арутюнова, Е.Л. Гинзбург, Г.Н. Скляревская, М.В. Никитин и др.), хотя трактовка их в литературе не отличается однозначностью. Вряд ли справедливо не видеть общей семантической части у заменяемого и заменяющего в случаях метонимии и утверждать, что она представлена в языке непересекающимися классами слов [ср. 153]. Важно в определении метонимии указание на то, что это перенос наименования с одного класса предметов, объектов или отдельного объекта на другой не только по признакам смежности, но и сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [193], что объясняет широкий спектр видов метонимических переносов. Е.Л. Гинзбург, Н.Д. Арутюнова отмечают функцию предиката, ремы как первичную для метафоры, тогда как функция идентификации субъекта, темы сообщения первична для метонимии. Именно эти позиции дифференцируют метонимическое и метафорическое значение в рамках одного и того же слова. Например, называние лица по деталям его одежды и внешности может служить как номинации его социально-группового статуса, целого по части, так и характеристики (*шляпа, борода, шнурок*).

К числу регулярных метонимических моделей относят обычно следующие: **вместилище** — **вмещающее или его объем** (*тарелка* — *тарелка супа, дом* — «*жилое помещение, квартира*» — «*семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством*», *стакан* — *стакан соку*); **материал** — **изделие из этого материала** (*медь, янтарь, золото* — *названия материалов и изделий из этих материалов* — *украшений, монет* и т.д.); **вмещающее** — **вместилище** (*автомат* — «*телефон-автомат*» и «*кабина, в которой находится телефон-автомат*»); **место** — **совокупность людей и время** (*класс, аудитория, дорога* —

ученики класса, аудитория студентов, молчать всю дорогу); **действие** — место действия, его результат или предмет, средство действия (создание — «действие по глаголу создать» — «то, что создано», крещение — обряд и праздник; диктант, отгадка, компенсация — процесс и результат, остановка автобуса и место остановки, свисток — действие и предмет, орудие его совершения, звонок — то же самое); **форма** — **содержание** (книга — «печатное издание (в старину — рукопись) в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-л. текстом» — интересная книга); **социальное событие** — его участники (конференция, симпозиум, криминал, свадьба); **целое** — его часть и наоборот (малина, груша, брюква, морковь — название растения и его плода, ср. также значения слов голова, хвост как единиц счета поголовья животных; прозвенел трамвай — проехал, звеня; колеса — об автомобиле; лицо — о человеке); **эмоциональное состояние** — его причина (страх, ужас радость — событие именуется с опорой на вызванное им чувство); **внешнее выражение состояния** — **психическое состояние** (трепетать — «быть охваченным мелкой дрожью» — «испытывать страх, ужас перед кем-либо»). Конечно, это далеко не все модели метонимических отношений в лексике, с их дифференциацией по частям речи они представлены у Ю.Д. Апресяна [8].

Представляя собой свернутую конструкцию, метонимия служит сжатую, речевой экономии. Так, по наблюдениям А.Л. Новикова, глагольная метонимия выступает в художественной речи как доминирующее средство изображения динамики движения, которое передается в «обращенной перспективе», с точки зрения наблюдателя (ср. название статьи — фрагмент из текста «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова: «Семафоры проносятся мимо...») [153]. Метонимические модели служат основой использования слова в разговорной речи: *слушали Баха, всю кафедру проговорили, голова прошла, читать Толстого.*

Эти метонимические сокращения по устойчивым формулам активно используются как средство образной конкретизации в художественном тексте (*шоколадные гимназистки, зеленоватые реалисты, серые гимназисты, серая женщина* (женщина в сером платье), *медная усмешка* у М. Горького, см. также [160]). По на-

блюдениям В.А. Сиротиной, художественный текст может создавать метонимический фон для устоявшихся метафорических значений:

«Металлический голос, металлические нотки в голосе, голос звучит металлически — выражения, обычные в языке. Но ср.: ...Заявил... подпоручик Алябьев, постукивая палкой в пол, беленький крестик блестел на его рубахе защитного цвета, блестели новенькие погоны, золотые зубы, пряжка ремня, он весь был как бы пронизан блеском разных металлов, и даже голос его звучал металлически» (М. Горький) [207, с. 76].

Совмещение метонимического и метафорического сдвига автор усматривает в сочетаниях типа: *голубая чистота неба* (ср.: *чистота голубого неба*), *медный звук колокола*, *светлый холод ночи* и под.

Особые модели метонимических отношений отмечаются в литературе в кругу глаголов (*копать землю* и *копать котлован*; *ковать металл* и *ковать оружие*; *рубить стволы* и *дрова*) и относительных прилагательных (*водный* — *относящийся к воде*: *водные пространства* и *водный* — *содержащий воду*: *водный раствор*, *водные соединения*). Будучи средством вторичной номинации, метонимы могут участвовать в построении текстовых номинационных цепочек, обеспечивая тематическое единство (вспомним о типичной для них функции обозначения темы, данного, известного). Это, например, относится к обозначению человека по признакам его социального статуса, деталям внешнего вида, одежды и т.д.

Отношения **перекрещивания** наиболее отчетливо выступают в формулах **метафорического переноса наименований**.

Современная лингвистика переживает своеобразный «метафорический бум». Об этом свидетельствует выход монографий, специально посвященных метафоре («Теория метафоры», «Метафора в языке и тексте»; А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов — «Русская политическая метафора»; В.К. Харченко — «Функции метафоры» и др.), появление исследований по отдельным аспектам метафоры: лексикологическому и лексикографическому —

работы Г.Н. Складневской, антропоцентрическому и когнитивно-прагматическому — работы В.Н. Телии, сборники серии «Роль человеческого фактора в языке», «Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты языка» и др.; эстетическому — вновь обратившие на себя внимание лингвистов «Античные теории языка и стиля», работы А.А. Потебни, А.Н. Веселовского и мн. др., связанные с изучением метафорического строя отдельных писателей и целых литературных направлений.

Причин интереса к метафоре множество, глубинная же кроется в возвращении к истокам человеческого мышления, представляющего мир в его глобальной целостности, неразъятости, синтетичности, во многом обеспеченным образной основой мировосприятия в противовес дискурсивно-логической.

Представление о единстве мира, человека и природы, всех сторон человеческой субъективности, элементы мифологической картины мира находят свое отражение в любом развитом языке, в его метафорическом строе. Роль метафоры исключительно велика в познавательной деятельности человека, использующей сравнение как важнейшую познавательную операцию на пути формирования понятия, на пути получения нового знания.

Лингвокреативная деятельность, выводное знание, связанные с ассоциированием явлений из разных предметных областей, делают оправданным привлечение идеографических классификаций лексики в изучении метафоры.

Н.Д. Арутюнова выделяет следующие семантические типы метафоры: **номинативная** (*белок глаза, журавль колодца*), **образная**, связанная с переходом предметных значений в категорию признаков слов (*волк — хищный человек, чурбан — тупой, бесчувственный человек*), **когнитивная**, выступающая как орудие выделения, познания свойств материальных тел и абстрактных категорий и основа генерализующей метафоры [193]. Здесь автор проводит различие метафоры с символом, для которого реалии действительного мира служат способом выражения трансцендентных смыслов. Важно также указание на сравнительно немногочисленный круг аналогий, лежащих в основе метафо-

рического переноса. Так, в группе метафорических обозначений эмоций отмечаются аналогии с жидким, текучим составом вещества (*страсти кипят, прилив чувств, хлебнуть горя*), с огнем (*гореть желанием, искра сострадания, любовный пыл*), с воздушной стихией (*буря страстей, вихрь чувств, чувства обуревают*), с болезнью, отравой (*лихорадка любви, зависть отравляет душу*), с живым существом (*чувства зарождаются, умирают, воскресают, говорят*).

Ассоциации по сходству, составляющие основу метафорического переноса, касаются признаков **формы, расположения** (*ножка стула, носик чайника, кирпич — о толстой книге, карман десны, кишки; кулак у шестерёнок, купол неба, деревьев*), **размера, количества, интенсивности** (*море и море слов, эмоций; капля воды и жалости*), **цвета** (*золотое кольцо и волосы*), **степени подвижности, ловкости** (*черепаха — о животном и человеке, корова, слон — о животном и неуклюжем, большом и неловком человеке*), **скорости** (*молния и телеграмма-молния, ползет — змея и время*), **общности производимого впечатления** (*пресная, горькая, пряная еда и доклад, чувства, запах и т.д.; холодный день и приём, человек и т.д.*), **функции** (*дворник — очистительное устройство и человек; аккумулятор-энергии и идей*). Однотипные метафорические значения, как уже отмечалось, могут развиваться у слов определенных ассоциативно-тематических полей и у родственных слов (*киснуть, кислый, кислятина — о человеке*). Очень активны в обозначении «непредметных» сущностей, психологического пространства номинации элементов физического пространства, создающие опору для упорядочения, концептуализации абстрактных идей, чувств и т.д.: *точка зрения, линия поведения, круг мыслей, представлений, спираль развития*. Значимы здесь и символические представления, наслаивающиеся на метафорические значения отмеченных слов и других типа: «варяг», «маяк», «азиат», «черносотенец».

С развитием метафорических значений в слове происходит перестройка семного состава: так, метафорическое значение слова *адвокат* утрачивает дифференциальный признак сферы юридической деятельности (*тоже еще адвокат нашелся — в*

разг. речи), слово *банкрот* — сферы финансовой деятельности, становясь обозначением человека несостоятельного в любом отношении. Чаще всего при метафорическом переносе актуализируются потенциальные семы исходного значения. Так, слово *панцирь* имеет в качестве основного значение: «1. *В старину: металлическая, из колец и пластин, одежда для защиты тела от ударов холодным оружием*», где сема твердости выступает как потенциальная, становясь дифференциальной в других значениях этого слова: «2. *Перен. Твёрдое непроницаемое покрытие чего-н. Ледяной п. реки.* 3. *Твёрдый покров некоторых животных (спец.). Черепаший п.*». Или: сема вдохновения и «темы», потенциальная в значении слова *певец* — «артист-вокалист», становится актуальной для значения «*перен. чего. Человек, который воспевает кого-, что-н. (обычно о поэте) книжн. П. природы*». При этом меняется и родовая сема (ср. выделенные элементы в толковании БАС). Семантические признаки грубости, жестокости, дикости и произвола, потенциальные в исходном значении слова «*орда*» («1. *У тюркских кочевых народов в средние века: ставка хана, ранее военно-административная организация у этих народов; становище кочевников*»), актуализируются в переносном значении слова со сменой родовой семы: «*перен. Толпа, скопище, банда. Бандитская о.*». Варьируется родовая и объектная сема в переносном значении слова *копилка*: «1. *Вместилище с узкой щелью для опускания монет с целью накопления.* 2. *перен. Собрание чего-н. занимательного, ценного. К. курьёзов. К. знаний*».

Перестройка семного состава разных значений многозначного слова в процессах внутрисловного варьирования семантики не всегда учитывается в школьных учебниках при освещении лексических явлений (например, в учебнике под ред. Н.М. Шанского).

Единство номинации для разных предметов, названных словом, демонстрируется путем привлечения рисунков. Это позволяет учащимся увидеть, что не сходство предметов лежит в основе единого звукового комплекса многозначного слова, а аналогия в интерпретации разных предметов. Малярная кисть, кисть винограда, кисть руки зрительно не имеют ничего обще-

го, однако абстрагирование от конкретных предметов позволило найти такой способ номинации, при котором существенные признаки семантического сходства называемых реалий, сравнительно далеких друг от друга, дали возможность объединения их в пределах общей звуковой оболочки и сохранения этого общего семантического элемента в разных значениях многозначного слова (признак разветвленности и сходства расположения однотипных частей в целом). Однако это наглядное введение в тему приходит в странное противоречие с последующей формулировкой: «Многозначное слово называет разные предметы, в чем-либо сходные между собой». Однако дело не в сходстве самих предметов, а в сходстве тех семантических признаков, повторяющихся в смысловой структуре одного слова с опорой на сходство звучания, в тех признаках понятий, которые оказались существенными для сближения значений в пределах общей оболочки. В возможностях сближения сравнительно далеких смыслов, отраженных и в словарных толкованиях, с опорой на формальную общность, Д.Н. Шмелёв видит существенное отличие полисемии от синонимии.

Освещение вопросов лексической многозначности, построенное с учетом языковых признаков, не позволяет ограничить поиски тождества слова только установлением общих семантических признаков по ряду причин. Отношения регулярной многозначности обычно охватывают лишь непосредственно связанные между собой лексико-семантические варианты; связи последних могут быть в слове и радиальными, идущими от основного значения, и ступенчатыми. Ассоциативные сцепления смыслов не всегда предполагают сохранение во всем смысловом объеме слова или его части элементов семантического тождества. То, что может быть несущественным в характеристике основного значения, оказывается ведущим в характеристике производного (например, самая возможность перенесения наименований предметов и их свойств на человека содержит потенцию отрицательной оценки; ср.: *лапоть* — о человеке, *махровый* — о преступнике). Очевидно, правило «сложения смыслов», предполагающее семантические приращения, распространяется и

на отношения внутрисловной деривации. Если же и сохраняется общий семантический компонент, то в производном значении он трансформируется или в плане абстрагирования, или отражения еще других признаков исходного. Ср. «школьное» определение прямого и переносного значения: «В словосочетании *железные гвозди* прилагательное обозначает «сделанный из железа», а в словосочетании *железное здоровье* это же прилагательное обозначает «крепкий, сильный». Почему одно и то же слово *железный* употребляется в этих как будто бы далеких друг от друга значениях? Вещи из железа прочные, крепкие. И здоровье может быть очень крепким, как железо. Поэтому и стали крепкое здоровье называть железным. Так у слова *железный* наряду с прямым значением появилось переносное значение». Очевидно, самый путь описательного определения с указанием на контексты употребления слова в прямом и переносном значении соответствует уровню восприятия учащихся и избран правильно. Значения слова *железный* действительно, на первый взгляд, кажутся далекими друг от друга. Но способ сближения в рассматриваемом описании не соответствует тем семантическим признакам, которыми отмеченные значения сближены в словарном их истолковании и не могут быть сближены в силу тавтологичности описания в школьном учебнике, наличия порочного круга в нем. При всей кажущейся ясности неизвестный признак (*железное, крепкое, как железо, здоровье*) определяется также через неизвестный (*железные вещи, крепкие вещи из железа*). Нетрудно видеть, что полисемия слова *железный* объясняется через полисемию же слова *крепкий* без указания на признаки сходства-различия значений определяемого и определяющего (ведь внутри сочетаний *крепкое здоровье* и *крепкая вещь* реализуются разные признаки крепости). В переносном значении слова *железный* отражены такие семантические признаки, которые несущественны для исходного, относительного значения (относящийся к железу, сделанный из железа), но ассоциативно связаны с этим значением и преобразованы благодаря субъективно-характеризующей функции качественных прилагательных.

Попытки определить перенос через предметное сходство (*золотая пшеница* — цветом похожая на золото) не выдерживают критики хотя бы потому, что при возможности сближения по цветовому признаку он не актуализируется в прямом значении слова и не может быть основой для переносного значения в сочетании с теми словами, которые оказываются ключевыми для прямого значения, т.е. выступают условия собственно семантического характера: *золотая пшеница* — светло-желтая, а *золотое кольцо*, хотя обладает тем же цветовым признаком, — это кольцо, сделанное из золота.

Погрешности теоретических установок дают себя почувствовать и в конкретном материале упражнений на прямое и переносное значения слова: «Как возникает переносное значение слов? Расскажите об этом, используя для примера словосочетания *стальная игла* — *стальная воля*». Ответ на поставленный вопрос предполагает специальные семасиологические изыскания, непосильные для учащихся и не **требуемые** в плане синхронного понимания переносного значения как **результата** действия ассоциативных связей при формировании смысловой структуры слов. Произвольная же этимологизация может оказать вредную услугу. Вообще не совсем ясны мотивы гипертрофированного внимания в школьном учебнике (начиная с 3 класса) к типу переносного значения, часто в его индивидуально-авторском употреблении, при забвении иных типов производных значений, не менее значимых в организации лексической семантики.

Принцип нормативности не выдерживается в достаточной мере и при квалификации переносного значения в его отношении к художественным тропам. Так, механизм переноса не прояснен в формулировках фигурального плана типа: «Значит, тёплый как бы перенесено на другой предмет» и тем более в утверждении, что переносное значение «переносит прямое значение слова на другой предмет» [190, с. 177]. В характеристике метафоры никак не учитываются ее когнитивные свойства, роль в процессах мыслительной деятельности на основе закона аналогии, а не только образно-выразительная функция. Диапазон функций метафоры значительно шире.

При всем разнообразии признаков, лежащих в основе метафорического переноса (ср. новые значения слов: *стартовать, вкалывать, заводиться, контактный, лысый, грязный, прорыв, курачий, принудить* и др.), многие из них улавливаются даже младшими школьниками и выступают в их ответах на загадку [180]. Если слово-разгадка — это стимул, то загадка создает ассоциативное поле этого стимула, способствующее ответу. И в этом ассоциативном поле представлены различные виды переноса.

Эвристическая ценность загадки заключается в импликации ряда признаков предметов, нуждающихся в разгадке. При этом не все из указанных признаков равно существенны для распознавания предмета и, следовательно, отражены в структуре лексического значения слова-отгадки. При всей сложности структуры лексического значения слова в системе языка оно не в состоянии вместить в себя все многообразие ассоциаций, связанных с искомым «предметом» в памяти человека. Словарные толкования передают только минимум признаков, закрепленных за словом и необходимых для опознавания предмета, признака, явления («ближайшее значение», по А.А. Потебне, интенционал и сильновероятностный импликационал, по М.В. Никитину, и т.д.). В повышении языковой компетенции младших школьников важна опора не только на словарную лингвистическую информацию, но и на фоновые, энциклопедические знания, позволяющие соотнести ассоциативную структуру текста с ключевым для нее словом-отгадкой. В реальном текстовом функционировании слово эксплицирует и денотативные, и коннотативные признаки (хотя граница между ними условна, подвижна). Коннотативная лексика особо значима для повышения экспрессивности текста, увеличения его воздействующей силы, ибо обращена ко всем сферам человеческой субъективности, включая образную и эмоциональную, что нельзя не учитывать в обучении языку младших школьников. Ср., например, глаголы, передающие разную степень интенсивности действия: *«В открытые окна нежданно влетит. То что-то прошепчет, то вдруг загудит. Притихнет, умчится. Примчится опять»* (о ветре). **Образные** коннотации организуют ассоциативное поле слова *ручей* в за-

гадке: «*Игривый, шаловливый, болтливый, говорливый*»; **функционально-стилистические** и **эмотивные** представлены в загадке о пчеле: «*Домовитая хозяйка полетает над лужайкой, похлопочет над цветком — он поделится медком*». Загадка как учебный текст ориентирована прежде всего на установление сильновероятностных ассоциаций, хотя не исключает опоры и на слабовероятностные, наводимые контекстом. В загадке о зиме указаны элементы прототипической ситуации, а при внесении метафоры возникает прототипический эффект, составляющий суть загадки: «*Хоть сама и снег, и лёд. А уходит — слёзы льёт*». Мыслительные операции аналогии, сравнения возникают и при разгадывании загадки о черепахе: «*Что за камень на дороге? Есть у камня хвост и ноги. Не похож он на птенца. А родился из яйца*». В основе скрытого сравнения — сходство по форме, цвету, фактуре (с камнем), отдельным частям тела и способу появления на свет (с птенцом). Ориентацию на актуальные и потенциальные, сильно- и слабовероятностные семы слова *сосулька* предполагает загадка: «*Висит за окошком кулёк ледяной. Он полон капли и пахнет весной*» (эксплицированы семы формы, «материала», вместимого, времени появления, запаха). Многообразие ассоциаций текстов загадок, представленность в них в наиболее прозрачном виде разных типов переносов в смысловой структуре слова связано с базовым характером лексики, служащей предметом отгадки, ориентированной на уровень знаний о мире младших школьников. Ср.: «*В дом чужого не пущу. Без хозяина грущу*» (актуализированы семы верности, преданности, назначения, связанные со словом *собака*). «*Маленькое, сдобное, колесо съедобное*» (у слова *бублик* актуализированы семы форма и функциональное назначение); «*Посадили зёрнышко — вырастили солнышко*» (у слова *подсолнух* актуализированы семы формы, цвета, способа выращивания). В основе загадки о пальцах — сема функционального назначения: «*Пол подметают, моют посуду, чистят картошку, чистят ботинки*». Та же сема, ядерная в структуре значения слова *ключ*, вместе с потенциальной семой размера представлена в тексте загадки: «*Шевельнул бородкой гном, и вошел хозяин в дом*». Сходство между удочкой и подъем-

ным краном (по форме и функции) устанавливает загадка: «С утра сижу я на реке, подъемный кран держу в руке». Навести мосты между столь разными предметами позволяют и метонимические связи: предмет — место его использования.

Этот учебник фиксирует и системно-языковые переносные значения, и индивидуально-авторские употребления.

Пометой «перен.» нормативные толковые словари отмечают метафоры, не утратившие былой образности, сохраняющие семантическую двуплановость, связывающую по сходству исходное и переносное значение: «*Ветерок спросил, пролетая: — Отчего, ты, рожь, золотая? А в ответ колоски шелестят: — Золотые руки растят!*». В первом случае прилагательное актуализирует потенциальную сему цвета основного значения, во втором — сему особо высокого качества, ценности. Она же реализована в пословице: «*Дождь в засуху — золотой дождь*». И если в приведенных примерах использована языковая метафора, не утратившая своей двуплановости, не отличающаяся оригинальностью, то сочетание «золотой дождь», как и многие метафоры текста с этим названием принадлежат уже не системе русского литературного языка, а индивидуально-авторской речи и оцениваются с точки зрения эстетических ее качеств: «*Брызнули листья с деревьев... запрыгали белками по сучкам... Листья шушат, скребуются, лопочут... Шумит золотой дождь*». Здесь в основе переноса комплекс признаков, воспринимаемых зрительно и на слух.

Ср. также метафорический строй миниатюры Л. Толстого «Какая бывает роса на траве», где метафора **алмазы** организует всю лексическую структуру текста:

«Когда в солнечное утро, летом, пойдешь в лес, то в полях, в траве видны алмазы. Алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и желтыми, и красными, и синими, — это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце».

Мотивированность метафоры поддерживается обилием слов (прилагательных, глаголов) со значением светоизлучения, блеска и цвета. Эти семы наводятся контекстом и в лексическое зна-

чение слова *роса*, создавая его ситуативно-речевую синонимию со словом *алмазы*.

Связь и взаимообусловленность разных значений в структуре многозначного слова обнаруживает себя в случаях диффузности значений (термин Д.Н. Шмелёва), их взаимопроницаемости и создании речевой многозначности (Ф.А. Литвин), нерасчлененности смыслов, семантической емкости, эффекта занимательности: «*Дождь на лужах ставит точки, мол, тепло кончается*». Диффузность значений, нарочитая их нерасчлененность характерна для слова *земля* в его текстовом использовании:

«Когда космонавты с огромной высоты смотрят на родную землю, она кажется им голубой. Но в памяти космических капитанов земля остается такой, какой они узнали её в детстве. Вся моя жизнь связана с землей... Я бегал босиком и чувствовал, что утром земля прохладная... Городской человек редко встречается с землей... Не помнит, как пахнет земля... всё его благополучие зависит от земли. И порой в душе его затихает необходимое, естественное чувство любви к земле».

Земля здесь и планета, и почва, и «рыхлое тёмно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты», и «большая территория Земли (высок.)» — СОШ. Диффузность значений исключена для слов-омонимов, значения которых полностью исключают друг друга. Ср.:

*«Возвращаясь под вечер с поля, Потеряла серёжку Поля.
Ту серёжку нашёл Серёжка, Прибежал, постучал в окошко:
— Отыскалась твоя серёжка!»*

Возвращаясь к сущности когнитивной метафоры, следует отметить её роль в концептуализации непредметных сущностей, в создании особого видения мира прежде всего с опорой на локальные представления о мире физическом (*угол зрения, поле деятельности, арена борьбы, область интересов, линия жизни* и т.д.). Это возможно при наличии в метафоре момента гипотетичности, отрицания и скрытого сравнения (когнитивный оператор *как если бы*). Тем самым метафоричность, свойственная

природе человеческого мышления и выступающая орудием познания мира, концептуализации явлений, помогает соединить разъятые сферы универсума, найти сходство между ними и осмыслить неизвестное, сложное с опорой на известное, более простое. Именно поэтому метафоре свойственна предикатная роль, приписывание нового, неожиданных признаков уже известному на основе подобия. Концептуальное содержание слота фрейма источника переносится в одноименный слот фрейма цели (так, слот направление «геометрического фрейма» может быть перенесен в слот фрейма «человеческая жизнь». Тем самым меняется содержание слота). Ср. *колея* — «канавка» и «привычный ход дел»; *палитра* — «дошечка» и «цветовая гамма». Но попадание целевого фрейма в область «когнитивного притяжения» источникового фрейма еще не предопределяет всех возможных направлений интерпретационной деятельности говорящего, они нелимитируемы, так как создают семантику самых разнообразных миров. Отсюда текстообразующая, стилеобразующая и жанрообразующая функция метафоры (например, в случаях развертывания метафоры в тексте, индивидуально-авторских метафор и приуроченных к определенному стилю, жанру — пословиц, загадок, лирических миниатюр, афоризмов и т.д.). Ср., например: «*В живую воду сердца... погружаю я корни и стебли моего прошлого*» (И. Бунин. Роза Иерихона); «*В каком-то смысле поэт действительно подобен птице, чирикающей независимо от того, на какую ветку она села, — в надежде, что слушатели найдутся, пусть это всего-навсего листья*» (И. Бродский. Шум прибоя), а также приведенные выше загадки. Или: «*Информационные программы — хребет*» любого телеканала»; «*Весь день — Вести*», *вечером — Подробности*» (отношения части-целого по основным значениям слов взаимодействуют со смыслами, рождаемыми названиями телепередач); «*Неприкрытая манипуляция мнением каждого из граждан неизбежно бумерангом будет бить по власти*» (АиФ).

Рассматривая когнитивные основания метафоры, А.Н. Баранов говорит о таких сложных операциях над знаниями, как замена содержания слота, перенесение содержания из одного

слота в другой, введение нового слота во фрейм, уничтожение или элиминация содержания части слота или всего слота в целом, свертывание фрейма к одному или нескольким слотам и т.п. [26, с. 186].

Помогая в переработке человеческих знаний как знаний культурных, метафора способствует эволюции культуры (ср. разные типы моделей метафоры, свойственные разным сферам употребления языка на определенном этапе его развития, разным литературным школам и направлениям), соответственно и функции метафоры приближены к тем, которые характеризуют культуру в целом и описаны ранее. К числу основных функций метафоры В.К. Харченко относит следующие: номинативная, информативная, мнемоническая, стилеобразующая, жанрообразующая, текстообразующая, эвристическая, объяснительная, эмоционально-оценочная, этическая, аутосуггестивная, кодирующая, конспирирующая, игровая, ритуальная [см. 265].

Ранее речь шла о таких типах отношений при лексико-семантическом варьировании слова, как включение (подчинение), смещение (внеположенность, соположение), перекрещивание. Но стабильность лексической формы — настолько значимый фактор для естественной системности языка, что она позволяет объединяться, не нарушая тождества слова самому себе, даже **противоположным смыслам**. Эта внутрисловная антонимия носит название **энантиосемии** и создается противоположностью как денотативных, так и коннотативных сем на уровне системы языка в отличие от той, которая широко может создаваться в индивидуально-авторском, особенно ироническом, использовании. Примерами подобного варьирования семантики в языке могут служить слова: *бесценный* («имеющий очень высокую цену» и «не имеющий никакой цены»), *блаженный* («больной, несчастный» и «в высшей степени счастливый»), *жгучий* («очень холодный» и «очень горячий»), *задуть* («разжечь» и «погасить»), *разбить* (клумбу и здание), *вырезать* (узор и кусок платья), *выбить* («создать» и «разрушить»), *выработать* (шахту и *сверх нормы*) [см. 66]. Как один из видов выделяется эмоционально-оценочная энантиосемия полная (*слава, прославиться*),

неполная, с противопоставленностью на уровне дифференциальных и потенциальных сем (*зверь — перен. о жестоком человеке и том, который рьяно, с азартом что-л. делает*, последние признаки выступают потенциальными в исходном значении), латентная, потенциальная (*бес — злой дух и перен. о живом, ловком, задорном человеке; артист — мастер в какой-либо области и искусный притворщик; околдовать — подчинить себе, своему влиянию и очаровать*) [см. 267].

Явления энантиосемии следует ограничивать от явлений омонимии, даже в тех случаях, когда они отмечены в «Словаре омонимов» О.С. Ахмановой знаком звездочка, фиксирующим процесс незаконченности распада полисемии, ибо элемент противоположности значений здесь отсутствует. Ср.:

* Мера I. Мерить, мерный, мерка, измерение.

Система мер, меры длины, веса, объема; ~ терпения, выносливости.

* Мера II. Мероприятие. Крайние, крутые, отчаянные, строгие меры; принять меры.

* Материя I. Матерчатый, материйка. Шелковая, шерстяная, красивая, дорогая.

Материя II. Материальный, материальность, материалистический, материалист.

Закон сохранения материи, философское понимание материи, высокие материи.

* Отпереться I. Отпереть, отпирать, отпертый, запереться I. Дверь легко отперлась.

Отпереться II. Отпирательство, запереться II, ~ от своих слов, от обещаний.

* Печатать I. Устар. Ставить печать. Печать I, печатка.

Печатать II. Печать II, печатник.

~ на машинке; ~ статьи в журнале, ~ книги в типографии.

* Треснуть I. неперех...Треснутый, трещать, трещина, треск, трескотня. Лед, стакан, арбуз треснул, предприятие треснуло; ~ со смеху.

Треснуть II. перех., прост. Треснуться, ~ кого-н. по голове, его по зубам треснули.

Семантическая точность словоупотребления

Коммуникативная целесообразность словоупотребления предполагает учет семантической точности, функциональной приуроченности, эстетической оправданности использования лексических средств.

В ряду этих требований **семантическая точность** выступает как ведущее, определяющее, поскольку соответствие языковых средств цели, задачам выражения того или иного содержания создается прежде всего учетом семантических признаков, заключенных в слове.

Учет этих признаков предполагает внимание к **употреблению многозначных слов**, поскольку синонимические и иные связи слов по их значению выступают как смысловые отношения многозначных слов.

Семантико-стилистические возможности многозначных слов нередко сужаются до их образного употребления, ориентирующего прежде всего на художественную речь. Между тем еще А.М. Пешковский справедливо отмечал, что «...дело не в одних образных выражениях, а в неизбежной образности каждого слова... Специальные образные выражения являются только средством усиления начала образности, дающим в случае неудачного применения даже более бледный результат, чем обычное употребление слова. Другими словами, «образное» выражение может оказаться бледнее безобразного» [167, с. 158].

Обычное, семантически точное употребление слов уже само по себе выступает как показатель речевой культуры, и не случайно на нем настаивают многие мастера слова, чьи указания, относясь отнюдь не только к художественной речи, приводятся как примеры стилистических правил, рекомендаций. Как определенный стилистический показатель словоупотребления выс-

тупает владение словом во всем объеме его семантических возможностей.

Понятие семантической точности словоупотребления, указывая в целом на преломление единиц смысловой структуры слова в рамках конкретного речевого акта, нуждается в ряде уточнений. Эти уточнения связываются с понятием избыточности, которая иногда выступает как немотивированное нарушение семантической точности, но чаще как ее диалектическое продолжение.

В.А. Звегинцев связывает понятие избыточности с двусторонностью процесса коммуникации, предполагающей не только точность выражения, но и адекватность восприятия, причем первое механически отнюдь не предполагает второго: «С позиции обычной речевой ситуации язык, следовательно, не только то, что я произнесу (произнести можно что угодно), но и то, что многие другие, объединенные в так называемую «языковую общность», произнесенное мною поймут (а я, естественно, заинтересован в том, чтобы они возможно лучше и полнее поняли меня). Так возникает необходимость исследовать язык в его деятельности и с учетом структурных особенностей с «другого конца» — со стороны его понимания» [83, с. 252]. В плане использования избыточности применительно к семантико-стилистическим возможностям многозначных слов типовым приемом выступает увеличение смысловой емкости слов путем контаминации разных его семантических компонентов. Так, контаминация прямого значения слова «гибкий» — способный легко гнуться — и переносного, реализуемого в ограниченном круге связей — гибкая политика, руководство, — служит целям иронического заострения семантически полного, емкого определения к слову «люди» в следующем отрывке из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: «*Гибкие люди. Ходят по идеям, как по лестницам*».

Восприятию смысла обычно предшествует ожидание его законченности, на обмане этого ожидания, на отступлении от привычных ассоциаций основывается построение каламбура: «*Я против жирафа, — шумел шакал, — он **запятнан***» (Ц. Меламед. Лавровый веник). Ср. еще пример контаминации различ-

ных значений слова «горел» для создания предусмотренной семантической емкости в отрывке из юбилейной телепередачи «Голубого огонька»: *«Наш голубой огонек горел не однажды»*.

Семантическая избыточность может использоваться и в тех случаях, когда вследствие близости семантических единиц в структуре многозначного слова, на основе их семантических связей, значение может не выступать в «чистом» виде, расчлененность смысла оказывается неважной, чем создается большая пластичность, подвижность коммуникации, большая активность воспринимающего, свобода его восприятия:

«Шла горячая дискуссия между учителями народных школ и «мундирными» педагогами казенных гимназий. Победила демократия. От имени нашей ученической организации, тогда уже получившей право назвать себя социал-демократической, мы сказали, что призываем учащихся прекратить занятия на пять дней...» (М. Киреева. Не может сердце жить покоем).

Но поскольку основным условием употребления многозначных слов в связи с точностью передачи мысли является использование их в таких контекстах, которые исключали бы двусмысленность, то случаи необычного словоупотребления должны быть контекстно мотивированными. В связи с этим важно внимание к контекстным показателям, создающим условия для правильного восприятия.

Учитываются разные контекстные показатели, свидетельствующие о необычном словоупотреблении, — лексические: *«Дружба и чай хороши, если они горячие, крепкие и не слишком сладкие»* (Э. Кроткий. Отрывки из ненаписанного), словообразовательные: *«Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты»* (там же), синтаксические: *«Я хотел бы остановиться... (пропуск управляемого слова), — и говорил, не останавливаясь, три часа»* (там же).

Учебный текст по отношению к слову основного значения в заглавии также выступает как его ассоциативное поле, как реализация связанных с заглавием ассоциаций: *«Декабрь. Льды закрыли озёра, снега укутали землю. Солнце всё ниже и ниже. И день*

короче воробьиного носа. Рано наступают сумерки». Ср. еще: «**Верба. Сиянье, плеск и щебет во дворе... А верба — вся в пушистом серебре. Вот-вот сорвутся да и улетят Комочки этих сереньких утят. Притронешься, погладишь — как нежны Доверчивые первенцы весны!**» (Е. Евтушенко).

Случаи «игры» в несоблюдение стилистических правил могут выступать как своеобразное проявление высокой речевой культуры, остроумной манеры письма. Представляет интерес наблюдение за теми отношениями, условиями и ограничениями, при которых возможен отход от правил точного словоупотребления, диктуемого типом лексического значения, что выступает, например, как стилистический прием в книге Д. Гранина «Месяц вверх ногами»:

*«В самой Голландии пешеходы давно вывелись. Они бывают только **привозные**, в виде туристов...*

*В Перте мы попросили разрешения посетить резервацию... Пусть откажут — интересно, как откажут. **Отказ был упакован довольно изящно. Культура упаковки в Австралии стоит высоко**».*

Антонимические связи, выступая как семантические отношения многозначных слов, проявляются в соотносительных значениях этих слов, имея семантическую основу для их противопоставления. С опорой на указанное условие становится стилистически возможным оттолкнуться от привычных связей в специальных целях остроумной игры слов:

*«**Умный человек может быть влюблен, как безумный, но не как дурак**» (Ф. Ларошфуко. В мире мудрых мыслей).*

*«Она была **завита**, как овца, и также **развита**»; «Мать, стращая ребенка: — Вот дядя **возьмет** тебя! А дяде не до чужих ребят — он и своих **бросил**» (Э. Кроткий. Отрывки из ненаписанного).*

Нетрудно видеть, что в приведенном контексте слова **умный — безумный, завита — развита, взять — бросить** уже не являются антонимичными.

Наконец, в плане использования семантической избыточности становится возможной актуализация устаревших значений слов в случае ее обусловленности, мотивированности авторским заданием. Пример такой актуализации находим в объяснении С.И. Котковым, автором книги «Сказки о русском слове», ее названия. Ср.:

«Заглянем в русскую старину. Когда-то под сказкой понимали вообще любое сказывание, а содержание того, о чем говорилось, могло быть и вымышленным, и действительным. Так называли, между прочим, и любые достоверные сведения — устные и письменные. Достоверные сведения из старинной письменности, книг старой печати, народных говоров и литературного языка и составят наше повествование о судьбах русского слова. Вот почему и дано этой книжке заглавие «Сказки о русском слове».

В приведенных случаях отход от нормы приобретает особое значение типового или индивидуального стилистического приема. На их фоне отмечаются случаи немотивированного отступления, создающего неточность в выражении, помехи в понимании речевых сообщений.

Д.А. Кожухарь справедливо замечает, что в языке оптимальность определяется функциональной эффективностью. В отличие от техники здесь избыточная точность функционально вредна. Неоправданные коммуникативным заданием подробности и уточнения выступают как своеобразные помехи речевой коммуникации, перегружают «канал связи», подавляют [103].

Применительно к многозначности слова устранения избыточности требуют случаи непредусмотренных авторским заданием ассоциаций, семантических наслоений. Так, представляется излишним указание «по времени» в отрывке:

«Я никогда не предполагал, что увижу Москву четкой, разграфленной, как на плане, не из подслеповатого иллюминатора самолета, но с надежной осязтимой высоты бетонного здания. Это здание — Останкинская телебашня, последнее (по времени) чудо Москвы, недостроенное еще, но уже привычное, род-

ное, видимое почти со всех проспектов и переулков» (А.Н. Макаров. Репортаж с трех высот).

Общеизвестны замечания М. Горького по поводу неожиданных, неоправданных образных ассоциаций — в письмах к начинающим литераторам (например, по поводу фразы «*Дробью рассыпается пулемет*»).

Любопытные примеры непредусмотренной избыточности, связанной с «сопротивлением» самого языкового материала, приводятся в статье Р.Р. Гельгардта [63] (семантическая модернизация некоторых единиц текста, влияние периферийных значений слова в необычных для него в основных значениях сочетаниях, усиление активности одного лексико-семантического варианта при одновременном ослаблении активности другого с точки зрения воспринимающего и др.).

Многочисленны нарушения в использовании многозначных слов, связанные с «ошибками роста», с освоением детьми лексики взрослых. Это прежде всего факты неразличения прямого и переносного значений в структуре многозначного слова («*Я в школу не пойду, — заявил пятилетний Сережа, — там на экзамене ребят режут*» — К.И. Чуковский. От двух до пяти), факты нерасчлененности смысла при восприятии в связи с недостаточно однозначным его выражением («*Не заплакал отец и тогда, когда пришла звезда*» — из ученических работ).

Подробнее функциональные возможности многозначных слов будут рассмотрены в связи с проблемой разнотипности их значений.

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Состояние разработки проблемы

Создав грамматическое учение о слове, В.В. Виноградов заложил основы и лексического учения о слове. К числу базисных относится поставленная им проблема типологии лексических значений, органически связанная с грамматическим учением о слове, поиском качественного своеобразия лексических значений слов, относимых к разным лексико-грамматическим классам. Тем не менее это направление в исследовании типов лексических значений ещё не получило своего полного развития, без чего невозможно построение целостной семантической теории слова.

Разработка типологии лексических значений с учётом самой общей семантической классификации полнзначных слов — их классификации по частям речи — углубляет представления об онтологических свойствах классов слов и их коммуникативной предназначенности в языке.

Проблема типологии лексических значений слова, сформулированная В.В. Виноградовым [49] как исследовательская задача, остаётся открытой до настоящего времени. Без её решения невозможно полностью выяснить семасиологические основы организации лексики как системы, закономерности её функционирования и развития, создать «разработанную семантическую теорию слова» [49, с. 166]. Важным этапом в создании целостной типологии лексических значений является разработка типов лексических значений отдельных лексико-грамматических классов слов и их объединений по межкатегориальным признакам.

Заложив основы семантической типологии лексики, В.В. Виноградов вывел её на уровень надграмматический, безотносительный к распределению слов по таким общим семантическим группировкам, какими являются части речи. Вместе с тем ему присущ последовательный учёт единства лексических и грамматических значений, отражаемых в полнозначном слове, понимание того, что лексическое значение слова — это «его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [49, с. 169], что «семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловой объём определяются грамматическим строем языка» [50, с. 19]. В.В. Виноградов в грамматическом учении о слове отмечал особую смысловую ёмкость и гибкость семантической структуры глагольного слова, лексико-семантический и экспрессивно-стилистический характер различий лексико-грамматических разрядов (ЛГР) имён прилагательных. В свете сказанного «надграмматичность» его первой типологии лексических значений оказалась в какой-то мере явлением вынужденным, объясняемым тем, что «у нас не обобщены и не систематизированы наблюдения над качественным своеобразием значений и форм их связи, их внутреннего объединения у слов, относящихся к разным грамматическим классам» [49, с. 166].

Выявление лингвистических оснований проведения типологии лексических значений и анализ на этой основе типов лексических значений признаков слов (глаголов и прилагательных, составляющих около половины полнозначных слов) показали целостность концепции, предложенной В.В. Виноградовым, часто разрушаемую в классификационных схемах его последователей [см. обзор в 233].

Как отмечалось выше, определение лексического значения у В.В. Виноградова содержит указание и на оформленность предметно-вещественного содержания по законам грамматики данного языка, и на включённость его в общую семантическую систему словаря, которая неоднородна и представлена разными

типами языковой семантики. Определение лексического значения как исходного для типологии понятия открывает путь к установлению типологически значимых признаков для соизмерения лексических значений и определению на этой основе разных типов лексического значения.

Преодолевая атомарный подход к лексике, на заре становления системного её анализа В.В. Виноградов выделяет в качестве типологически значимых совокупность признаков (ономасиологических, системно-структурных и функциональных), отражающих реальность существования лексики как системы и её предназначенность для целей коммуникации. При этом обозначенные признаки эксплицируются в межсловных связях в системе и в тексте и, следовательно, поддаются наблюдению при использовании компонентного и контекстного анализа, а также в ассоциативном эксперименте.

В анализе типов лексических значений признаков слов [235, 169, 256 и др.] наметилась необходимость выявления (с последовательным их разведением) как системно-структурного, так и функционального факторов обусловленности и предназначенности типа лексического значения. Это объясняется направленностью слов в разных по типу лексических значениях на выполнение разных коммуникативных заданий, осуществление разных речевых намерений, на разное речевое поведение. Функциональная ориентация проявляется в стилистически отмеченном типе значения (экспрессивно-синонимическом, по терминологии В.В. Виноградова), во включении субъективных характеристик в тип лексического значения (предикативно-характеризующее), в различии текстового поведения слов, разных по типу лексического значения, выделенному на системно-структурной основе. Без учёта функциональной обусловленности и предназначенности типов лексических значений невозможен лингвистический анализ текста, стилистические исследования. Разные приёмы создания смысловой перспективы слова, нейтрализации его значений, текстовых смещений смыслов базируются на многозначности слов, то есть, по существу, на разнотипности их лексических значений.

С учётом многопризнаковости лексических значений и их иерархической организации в семантической системе словаря В.В. Виноградов выделяет **основные** и **дополнительные** типы лексических значений. В кругу первых свободно-номинативное значение (*каменный* дом, *пить* воду) характеризуется как тип значения, по всем признакам противостоящий фразеологически связанному (страх *берёт*): первое обладает непосредственной связью с предметом, оно способно быть опорным членом синонимических рядов (в парадигматике), словообразовательных гнёзд (в ассоциативно-деривационном измерении), не ограничено строго пословными связями в сочетаемости (синтагматический признак), свободно в функционально-стилистическом отношении. С учётом функционального измерения, связей лексики с общей системой языка выделен в числе основных и тип синтаксически обусловленного значения (*загляденье*, окна *выходят* в сад, он *заслуживает* внимания, *петух* (о человеке)), зависимый от выполнения словом тех или иных функций в предложении. Иерархически более низкий статус, связанный с учётом лишь отдельных признаков, свойствен значениям производно-номинативным, переносным, метафорическим (характер номинации): *капля* и *капли* (лекарство), *облечь* (одеть); конструктивно-обусловленному, устанавливаемому по функции в словосочетании (*плакаться на что*, *разобраться с чем*); экспрессивно-синонимическому, имеющему опорным нейтральный член синонимического ряда и обусловленному значением этого члена (функциональный аспект). При этом основные типы значения обеспечивают ядро и стабильность лексической системы, тогда как дополнительные — её изменчивость и периферию, связь со служебными словами. Рассмотрим некоторые способы представления типов лексических значений слов в учебной литературе. Наиболее распространённый подход отражён в «Лексикологии современного русского языка» Н.М. Шанского [278, см. также 277]. Автор ограничивается указанием на основные типы лексических значений, однако это не исключает вопроса о том, почему именно данные типы лексических значений выступают основными, но ответа на этот вопрос в

пособии мы не найдём. Н.М. Шанский в ряду основных выделяет прямое, или номинативное, значение, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное значение. Правда, первое в этом противопоставлении значение В.В. Виноградов чаще терминологически указывает и на его деривационные, и на синтагматические свойства. Сумма признаков не выявилась в учебной интерпретации основных типов лексических значений. Недостаточная ясность критериев основного противопоставления повлекла за собой неожиданность введения в типологию синтаксически обусловленного значения, выделенного В.В. Виноградовым с учётом коммуникативной функции слова и ограничений, налагаемых ею на лексическое значение слова. Излишне категорично выглядит противопоставление свободно-номинативных значений как обусловленных только предметно-логически-фразеологически связанным значениям как не обусловленным предметно-логическими рамками (в более позднем издании [277] это противопоставление сохранено, а последний тип значения по существу усматривается в значениях фразеологических оборотов). Если бы это было так, не было бы оснований говорить об ослабленной понятийной отнесённости слов фразеологически связанного значения, которая отмечается у этого значения в соизмерении со свободно-номинативным именно по предметно-логическому признаку. Столь же неточно утверждение об отсутствии системной обусловленности свободно-номинативного значения. Недостаточно убедителен в этом сопоставлении и анализ языкового материала. Ср., например: *«безысходным, т.е. не имеющим конца, может быть не только тоска, скорбь, печаль, грусть и отчаяние, но и ожидание, разговоры, упрёки, песня и т.д. Поэтому, если бы связи слова безысходный определялись предметно-логически, оно должно было бы связываться не только со словами тоска, скорбь, грусть и отчаяние, но и со словами любовь, ожидание, разговоры упрёки песня и т.д.»* [278, с. 38]. Если принять ход рассуждений автора, то станет неясно, почему бы морду животного не назвать лицом, а конечности насекомых ногами, ибо препятствий предметно-логического плана и здесь не наблюдается, но поскольку язык по-своему

членит мир, логика языка не совпадает с формальной логикой, и системно обусловленными оказываются все значения слова (ср. в БАС: «членистоногие», хотя «ног» у *кузнечика, мухи, муравья* и т.д. нет). Указание на типовые контексты употребления содержится в толковании всех типов лексических значений слов, в том числе и свободно-номинативных. По словам Л.В. Сахарного, наличие или отсутствие у слова контекста указывает не на наличие или отсутствие у него связи с коммуникативной ситуацией, а лишь на различие в обобщённости типа коммуникативной ситуации, с которым эти связи устанавливаются наиболее прочно [см. 196].

Если же вернуться к слову «безысходный», то опора на данные БАС позволяет увидеть, что возможность формально-логических рассуждений создаётся прежде всего неточностью истолкования данного лексического значения. Безысходный — это прежде всего «не имеющий исхода», а потом уже «конца». Слово же исход, которым мотивировано прилагательное, означает: «2. Освобождение, избавление от чего-либо неприятного, тягостного, трудного. 3. Обнаружение, выявление какого-либо чувства». Эти два значения мотивирующего слова объясняют приложимость признака, названного прилагательным, только к словам, передающим отрицательное эмоциональное состояние человека, негативные явления. Предметно-логической интерпретации этого и подобных значений однозначных слов препятствует и экспрессивно-стилистический ореол их значений, допускающий семантическое согласование со словами того же плана.

Нетрудно видеть, что сложности учебной интерпретации типов лексических значений отражают прежде всего узкие места их теоретической разработки. Иначе типология лексических значений представлена в учебнике М.И. Фоминой [260]. Хотя соответствующая глава учебника названа «Основные типы лексических значений слов», сводная таблица под названием «Типы лексических значений» не даёт их дифференциации на основные и дополнительные. Расширенное представление об основных типах лексических значений позволило автору учесть

всю совокупность системных измерений в семантике слова. Но все выделенные типы как бы уравниваются в правах, бинарно противопоставляются друг другу на базе какого-то одного из системных признаков. А как эти признаки взаимодействуют друг с другом и как это взаимодействие сказывается в типах, отграничивая основные, иерархически более важные от находящихся на нижних ступенях иерархии, остаётся невыясненным, создаётся плоскостная типология вместо объёмной, более соответствующей сложности отражаемого в ней объекта, типологического статуса значений. Иногда случайные признаки не отграничиваются от главных (ср. подразделение переносных на значения с потухшей и живой образностью, что в когнитивных измерениях не имеет существенного значения). Попытка искусственного расчленения единого типа лексического значения создаёт известные перебои в классификации, противопоставляя свободные и несвободные, например, значения по признаку лексической сочетаемости, хотя они противопоставлены и по другим основополагающим признакам лексических значений. Нельзя согласиться со смещением фразеологически связанного значения слова со значением компонентов фразеологических оборотов, утративших свою самостоятельность в лексической системе языка с её расчленением по типам лексических значений слов. Так, фразеологически связанными признаются значения неглагольных компонентов в фразеологических сращениях: *«попасть впросак, точить лясы»*. Компонентам же приписывается статус основного, хотя и переносного значения. Подобный подход связан с нарушением принципа синхронности в установлении типов лексических значений. Не совсем точно определено синтаксически обусловленное значение как такое, которое появляется у слова «при выполнении необычной для него функции в предложении» [260, с. 33]. Известно, что некоторые слова синтаксически обусловленного значения могут выполнять только одну синтаксическую функцию, которая и выступает способом существования данного значения (такова предикативная функция для слов *загляденье, объяденье* и др.). Таким образом, если типология грамматических значений имеет дав-

ную традицию разработки, то типы лексических значений далеки от завершённости их изучения. Ясность в поиск основ типологии лексических значений, определение иерархического статуса отдельных типов, их специфики вносит учебное пособие Д.Н. Шмелёва [286]. Раздел «Типы лексических значений» содержит опыт классификации лексических значений в их обусловленности различными видами парадигматических противопоставлений, ибо, как справедливо полагает Д.Н. Шмелёв, «говоря о типах лексических значений, В.В. Виноградов исходил не только из особенностей сочетаемости различных групп слов, то есть синтагматических отношений, но и из соотношения слов друг с другом, то есть, по существу, из парадигматических связей» [286, с. 210]. Вместе с тем свою классификацию Д.Н. Шмелёв рассматривает не как единственно возможную, а как отражающую один из аспектов существующих различий между лексическими значениями слов. Им вводится и третье измерение в семантику слова — ассоциативно-деривационные признаки слов, связанные с понятием мотивированности. По этому признаку выявлены основные виды соотношения значений внутри слова, с указанием на неравноценность противопоставления свободного номинативного значения и фразеологически связанного, с одной стороны, и прямого-переносного, с другой, на которые распространяется принцип диффузности.

Характерно, что значения, устанавливаемые по ассоциативно-деривационному признаку, не даны в разделе «Типы лексических значений», очевидно, в связи с их иерархически более низким уровнем.

Как следует из обзора специальной [233] и учебной литературы вопроса, к настоящему времени сложился конгломерат разнообразных типологий, аспектов их проведения, разное понимание самих аспектов.

Отмеченные в ходе обзора недостатки в разработке проблемы типологии лексических значений слов можно свести к следующим: 1) недостаточная ясность общесемантических оснований исходной типологии лексических значений, принадлежащей В.В. Виноградову, и хронологических границ установления

типа, 2) редукция классификационных признаков и типов лексических значений, выделяемых на их основе, 3) однолинейность схем, ведущая к разным интерпретациям одного и того же языкового материала в зависимости от избираемого признака и не отражающая всей его сложности, 4) невыясненность состава типологически значимых признаков, смешение существенных и случайных, порождающее чрезмерно дробные классификации, не различающие лексики и фразеологии, 5) недостаточная ясность и однозначность в осмыслении признаков, аспектов, по которым проводится классификация, и статуса однозначных слов узкой семантики, 6) неизученность роли функциональных факторов и способов их отражения в типологии лексических значений, 7) неопределённость границ действия типологии лексических значений полнозначных слов по отношению к словам служебным.

Сложности в интерпретации типов лексических значений

Понятие «свободы» и «связанности» значения не следует смешивать с понятием условий употребления слова. Действительно, любое значение слова реализуется в контексте. Но тип лексического значения как лингвистическая абстракция может содержать и не содержать в своей характеристике указания на связанность значения, на типовой контекст его употребления, на наличие пословных ограничений в сочетаемости, тематическую замкнутость ключевых слов. Если же при характеристике типов лексических значений абсолютизировать роль контекста, отвлекаясь от понятийных элементов, закреплённых в семантике слова, значение слова растворится в условиях его употребления.

Но даже при кажущейся безграничности сочетаний слова границы можно обнаружить в отсутствие «лексического напарника». Так, А.И. Смирницкий указывает как на особенность английского языка на обилие в нём существительных со значени-

ем «случайных» или «временных» производителей тех или других процессов, и на русский язык многие из них могут быть переведены лишь с помощью причастия [212, с. 180]. И если сочетание *странный зритель* обычно, то «*странный спящий*» по меньшей мере не употребительно, а эквивалентного английскому слову «*спатель*» в русском языке нет. Может быть, окказиональное употребление как раз и фиксирует те возможности, которые допускаются логикой связей, но не реализованы языком.

Ср. у Горького разнообразные сочетания со словом *скука*, в которых качественные прилагательные сближаются в характеризующей функции не только с другими качественными (*пыльный, гладкий, большой, жидкий*), но и с относительными прилагательными (*каменный*):

«Когда-то я ходил пешком по гладкой скуке этого края. Теперь... эти степные места кажутся мне ещё более пустынными» (По Союзу Сов.).

«От него (Варавки) веяло пыльной скукой, усталостью, ожесточением...»

Море вовсе не такое, как я думала, — говорила она матери. Это просто большая, жидкая скука. Горы — каменная скука, ограниченная небом» (Жизнь Клима Самгина).

В этих примерах на основе возможных индивидуальных ассоциаций слова соединены вопреки допускаемым языком нормам семантической сочетаемости.

Ср. ещё: *«Наш сильно пожилой автомобиль катится не торопясь, хрипит и чихает, вздымая облака пыли»* (По Союзу Сов.). *«Ему послышалось, что в нём тоже прозвучало торжествующее «Ага!», вспыхнула, как спектр, полоса разноцветных мыслишек и среди них мелькнула линия сочувственных Маргарите.»*

Незаметно для себя... он раз навсегда определил ценность этих щеголеватых мыслей словами: «Допустимо, что всё это так, а может быть, и не так. Но можно жить и не решая эти вопросы».

Коренастый человек с шершавым лицом, тоже литератор, побрякивая, покашливая, растирал ладонью темя, покрытое серым пухом, сообщил... Шершавый литератор, побрякивая, покашливая, ответил...» (Жизнь Клима Самгина).

Находятся также в языке те единичные случаи, которые подтверждают наличие контекстовых лексических ограничений в сочетаемости и для слов свободно-номинативного значения. Так, в силу своего предметно-логического содержания слово «коричневый», казалось бы, допускает сочетаемость со всеми существительными, имеющими данный цветовой признак. Однако ввиду дифференциации сочетаемости синонимичных слов *карий* и *коричневый*, то есть системных ограничений, не употребительно в языке сочетание *коричневые глаза* (ср. *каштановые*, а не *коричневые*, *волосы*). Ср. также недопустимость в языке сочетаний типа «*храбрый ум*», «*храбрая гипотеза*» при возможности аналогичных сочетаний с синонимом «*смелый*». Однако устойчивость понятийного центра, отмечаемая В.В. Виноградовым как основа свободной лексической сочетаемости, а также отсутствие пословных ограничений в связях, отсутствие тематической замкнутости определяемых для указанных прилагательных позволяют и здесь видеть свободно-номинативное значение.

Таким образом, приведённые факты позволяют подчеркнуть, что свободно-номинативное значение не является чем-то самодовлеющим, не соотносительным с несвободными значениями, но в отличие от последних его контекстовая мотивированность не имеет лексической отмеченности в силу прозрачности тех признаков понятия, которые закреплены в лексическом значении слова.

Сложности в интерпретации типов лексических значений однозначных слов связаны с теми из них, которые обладают узкой сочетаемостью и по этому признаку сближаются с многозначными словами фразеологически связанного значения. Но статус самостоятельного, автосемантического слова, прозрачная внутренняя форма (деривационная значимость), вводящая

слово в чёткие парадигмы, меняет их типологический ранг, сближая со словами свободно-номинативного значения, несмотря на ограниченность, узость контекстов употребления (*проливной дождь, кружной путь, перочинный нож, скоростистая смерть*). Со словами фразеологически связанного значения сближаются те группы однозначных слов, у которых узость синтагматических связей сопровождается отсутствием прозрачности в деривационных связях и в парадигматической закреплённости (*щурить глаза, крошечный ад, закадычный друг, завзятый пьяница*), поскольку отношения внутрисловной и межсловной деривации маркируют разные по типу лексические значения. Самостоятельность формы и структуры производных слов, часто категориально разнотипных с исходными, лишает признака фразеологической связанности однозначные слова, даже предельно ограниченные в сочетаемости. Это подчёркивается и случаями нейтрализации формальных различий исходного по роду и числу.

Проблема типологии лексических значений слов как ключевая в современной лексикологии должна освещаться на основе анализа значительных пластов языкового материала с учётом принципа нормативности. Это ставит перед необходимостью выявления прежде всего «хронологических» основ типологии лексических значений. У. В.В. Виноградова она ориентирована на понимание границ современного в толковых словарях и прежде всего в БАС в диапазоне «от Пушкина до наших дней».

Широкая временная перспектива в охвате лексики и свойственное В.В. Виноградову стремление совместить нормативно-стилистический и толково-исторический взгляд на явления языка породили то своеобразие истолкования типов лексических значений слов, которое не было предметом специального рассмотрения и нуждается в учёте. Ср: «следовательно, выяснение сущности значений слова, анализ качественных изменений в структуре значений слов — в их историческом движении, — является одной из основных задач лексикологии» [49, с. 162]. Нетрудно видеть, что задачи синхронной и исторической лексикологии и лексикографии нарочито и сознательно не разгра-

ничиваются. Бинарность этих задач отражена и в практике составления БАС. Она оправдана и теми требованиями, которые В.В. Виноградов ставил перед учёными, — «создание исторических словарей языков с давней письменностью и построение описательных, исторических и сравнительно-исторических лексикологий разных языков» [там же, с. 162].

В указанном ключе и следует, очевидно, воспринимать основы типологии лексических значений слов, а также анализ конкретных примеров, предложенный В.В. Виноградовым. Опыт изучения лексики как системы, синхронно организованной, вносит коррективы в проведение типологии лексических значений слов. Не случайно в связи с подготовкой второго издания БАС встала задача «усиления принципа нормативности в отборе лексики» [217, с. 7]; актуализации словника словаря, устранения архаичных явлений. Следовательно, лексикографическая практика также требует уточнения хронологических границ в подаче лексических значений и их типов, поскольку словарные статьи не механически отражают значения слова, а имплицитно отражают ему типы лексических значений, организующие его индивидуальную смысловую структуру с отражением последовательной внутрисловной мотивации на синхронном срезе.

Сам анализ языкового материала, приводимого В.В. Виноградовым, установление типов лексических значений в связи с исследованием законов изменения значений слов проводится зачастую с привлечением не только данных истории языка, но и истории народа, что важно в когнитивных ориентациях. Так, отмечая переносное значение у глагола *насолить*, автор связывает развитие его с существовавшими некогда представлениями о колдовстве. С учётом синхронного принципа перенос здесь, видимо, должен трактоваться иначе, поскольку произошла смена мотиваций, на возможность которой указывает В.В. Виноградов, но анализ слова всё же даёт в историко-культурном плане. Если прямое значение глагола *насолить* «заготовить солением, положить много соли во что-нибудь», а переносное — «повредить, причинить неприятность», то основа переноса на синх-

ронном срезе уже иная: сходство производимого ощущения и впечатления (неприятное). Сема исходного значения «признак, превышающий меру», переосмыслена по отношению к действиям человека, вызывающего отрицательный для другого результат. Произошла смена родовой семы (действие конкретное-абстрактное), семы, связанной со скрытым актантом (орудийной). Следовательно, идея колдовства предстаёт уже как неактуальная в мотивации значения с учётом принципа синхронности, она вытеснена иными связями значений данного глагола, который тем не менее сохраняет «этимологическую память». Ссылка на историю развития значений слов иллюстрирует также мысль В.В. Виноградова, предваряющую рассмотрение лексики как системы и важную в аспекте связи лингвистических и энциклопедических знаний: «Формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала» [49, с. 164]. Автор прослеживает судьбу слова *концовка*, исходное значение которого «*рисунок в конце...*» связано с профессиональной терминологией работников печати, на его базе в начале XX века развилось значение «*заключительная часть какого-нибудь произведения*». В той же последовательности даются эти значения и в СО, ориентированном на современное словоупотребление, но уже с пометой «*спец.*», как бы оправдывающей подобную внутрисловную мотивацию. Думается, для современного языкового сознания исходным, первичным выступает значение, исторически вторичное, оно менее специализировано в своём применении и имеет более широкие границы и связи с другими словами. Произошло явление обратной мотивации (ср. обратное словообразование). Усиление принципа нормативности предполагает изучение тенденций смыслового развития слов, ибо соответствие этим тенденциям — один из основных критериев лексической нормы, определяющей конфигурацию типов лексических значений слова, его смысловой рисунок. Поэтому проблематика ориентирует на исследование типов лексических значений новых слов; синхронность не препятствует и другой возможности обнаружить лексические нормы, выступающие регуляторами

образования и сцепления значений: «для того, чтобы уловить потенциальные тенденции смыслового развития слов, целесообразно исследовать и способы их индивидуально-творческого применения и преобразования» [В.В. Виноградов, 49, с. 167].

Даже отрицательный языковой материал, отражающий недостаточное владение лексическими нормами, выступает своеобразным их маркером, очерчивая границы системной обусловленности всех типов лексических значений, в том числе и свободно-номинативного. Так, у глагола *нахмуриться* прямое значение (в БАС) — «стать хмурым, нахмуренным. Лицо, лоб, брови нахмурились». Для современного словоупотребления переносное значение связано с актуализацией сем «производить неприятное, гнетущее впечатление», потенциальных в исходном значении, и сменой родовой семы (не состояние человека, а состояние предметов и явлений природы «*тополь н., облако н., небо н.*). Детское восприятие фиксирует потенциальные семы, не служащие базой для общеязыкового переноса (ср. пример в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти»: «Папа, у тебя брюки нахмурились», т.е. собрались складками). В подобных случаях эксплуатируется системная ограниченность структуры даже основного, свободно-номинативного значения, связанная с тем, что в нём закреплён социально-речевой практикой употребления круг имплицитных сем, на базе которых развилось переносное значение, то есть не безграничен и диапазон отзвуков этого последнего в прямое значение слова (если учитывать принцип диффузности значений многозначного слова, допускающей неоднаправленные, но всё же «запрограммированные» системным значением ассоциации). Предел свободе номинативного значения кладут и возможности оперативной памяти человека, хранящей слово со всеми его значениями и употреблениями, находящимися в ассоциативных связях друг с другом, помогающей свернуть информацию по определённым социально заданным правилам. Ограничивать свободу значения только предметно-логическими рамками значит ставить под сомнение системную обусловленность лексического значения вообще, ибо «номинативное значение слова — опора и общественно осоз-

нанный фундамент всех других его значений и применений» [48, с. 171]. Соответственно тип свободно-номинативного значения определяется не только собственным позитивным содержанием, но и отзвуками тех качеств, которые свойственны противопоставленным ему типам лексических значений. Свободно-номинативное значение выполняет опорную функцию и во внутрисловных, и в межсловных модификациях смыслов. Все значения многозначного слова и связанных с ним по значению слов в итоге опосредованы основным, свободно-номинативным и в случаях прямой, и в случаях косвенной мотивации. Любая попытка остаться на чисто предметной, денотативной основе в истолковании типов лексических значений ведёт к противоречиям, обусловленным недоучётом системных факторов. Ср. у В.В. Виноградова: «У слова может быть несколько свободных значений, в которых непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности (ср. шапка — «головной убор» и «заголовок крупным шрифтом, общий для нескольких статей») [49, с. 172]. Нетрудно, однако, видеть, что непосредственной номинации во втором значении нет, о чём свидетельствует деривационная близость компонентов в толковании исходного и производного значения, связанных отношениями сходства по местоположению: «головной» и «заголовок». Из этой поправки возможны два взаимоисключающих вывода: либо свободно-номинативное значение может быть и переносным, либо вторичное значение слова не свободно. В других случаях ощущается стремление описать производные значения как мотивированные на синхронном срезе, производность при этом понимается широко, охватывая и метафору, и метонимию: «Два или больше свободных номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них являются производными от основного (*по крайней мере, понимаются как такие в данный период развития языка*). Если же такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами» [там же, с. 173]. Но это положение справедливо для всех случаев производности (в том числе и примеров типа «шапка»). Таким образом, учёный, с одной стороны, стремится

отграничить производность вторичных номинативных значений от метафоричности, образности, но при практическом анализе обе эти категории смыкаются в понимании производности как синхронной мотивированности (ср. удачное выражение Н.М. Шанского применительно к словообразованию — «этимология на синхронном срезе»). Учитывая изоморфность процессов внутрисловной и межсловной мотивации, следует признать более правильным широкое понимание производного значения с его членением на подтипы переносного (метафорического) и производно-номинативного (метонимического). Признак «выводимости» значений одного из другого релевантен для обоих этих подтипов. Несколько свободных номинативных значений у слова можно усматривать при условии конкуренции в их производности, мотивированности, когда отношения однонаправленной, субординативной мотивации сменяются отношениями взаимной, координационной мотивации.

Статья В.В. Виноградова посвящена типологии лексических значений слов, но уже в самом её начале автор расширяет круг задач, в результате чего понятие типа лексического значения отнесено не только к слову, но и к выражению. Последнее представляется недостаточно терминологичным, не дающим базы для отграничения лексики от фразеологии в их семантической интерпретации. (Ср. у Н.М. Шанского тип «фразеологических выражений», выделенных не без влияния семасиологических взглядов В.В. Виноградова.) В анализируемой статье В.В. Виноградова такое смещение объекта, очевидно, объясняется подходом автора к сверхсловным оборотам («выражениям») как к номинативным единицам. Отмеченное ставит перед необходимостью искать типологически значимые признаки лексических значений в их отличии от фразеологических значений.

Речь идёт в первую очередь о типе фразеологически связанного значения слов, в самом своём названии сопряжённом с разными объектами. Его расширительное толкование в концепции В.В. Виноградова связано также с задачами историко-лингвистическими — проследить генезис фразеологически связанных значений и пути их исчезновения, перехода слов в компо-

ненты фразеологизма, что и объясняет синкретичный подход к лексическому значению слов и выражений. Вместе с тем, затрагивая вопросы синхронной лексикографии, учёный стремится к большей определённости признаков фразеологически связанного значения, к отграничению его от целостного значения фразеологического оборота. Так, анализируя недостатки в построении «Толкового словаря» под ред. Д.Н. Ушакова, он отмечает, что «в подавляющем большинстве случаев не разграничены свободные значения слова и значения, фразеологически связанные, выводимые из двух-трёх уже застывших, устойчивых фраз». Этому признаку противоречит искусственная экспликация значений, например, значения «успех, слава, триумф» у слова лавр, у которого «такого значения в живой современной речи нет» [52, с. 239). Но этот тип фразеологически связанного значения сохранён у прилагательных в БАС: *тёплые* (дела, делшки) в значении тёмные, «мошеннические»; *круглая* сумма, состояние в значении «крупная, значительная»; *крепкий* сон («непробудный, глубокий»); *короткая* расправа («быстрая и решительная»); *привычный* вывих, спец. («повторный»); *свободный* (смысл зависит от области знания: падение, ковка, вектор, знание, удар, член и др.). Таким образом, вычленение синхронного плана в проведении типологии лексических значений и анализ широких пластов словарного материала позволяет однозначно определить критерии выделения разных типов лексических значений как способа систематизации столь множественного объекта, как лексика.

Многие разночтения в освещении структурных основ типологии лексических значений порождены недостаточным вниманием к тому хронологическому фону и общей семантической концепции, на которые опирается концепция В.В. Виноградова.

По наблюдениям составителей РАСа, 90% ассоциаций дают слова свободно-номинативного значения. Между тем за пределами словарей остаётся, «как ни парадоксально, собственно свободная сочетаемость слов, составляющих основной активный фонд лексики (в отличие от фразеологически связанной сочетаемости, исчерпываемой словарями почти полностью)»

[111, с. 72]. В проекте НАСа право на исчерпывающее описание сочетаемости предполагается предоставить словам разнотипным по значению, «независимо от того, реализуется ли она в стандартизованных словосочетаниях или типовых, воспроизводимых контекстах» [там же].

Признание интерпретационной природы значения слов и гипотеза «о когнитивном основании любого процесса концептуализации в языковых формах» [241, с. 25] распространяются на любые по типу лексические значения, включая связанные. Поэтому нет смысла видеть в них только объект фразеологии [ср. 243].

В типологии лексических значений у В.В. Виноградова соответствующим образом преломляется его учение о формах слова: «То, что традиционно принято называть разными *лексическими значениями* слова, под иным углом зрения может быть рассматриваемо как *лексико-фразеологические формы слова*. *Лексико-фразеологическая форма слова* — это форма, реализующая одно из лексических значений слова и связанная со строго определёнными *фразеологическими* контекстами» [50, с. 42]. Термин «фразеологический» здесь, по существу, смыкается с понятием «фразовый», релевантным для любого типа лексического значения в его системной обусловленности.

Изучение типов лексических значений признаков слов вносит свои коррективы в номенклатуру и свойства типов лексических значений, устанавливаемых безотносительно к лексико-грамматическим классам и разрядам слов. С учётом ономаσιологических, системно-структурных (парадигматических, синтагматических, ассоциативно-деривационных) и функциональных (функционально-стилистических, динамических, текстовых) характеристик выступают в их основных признаках типы свободно-номинативного, лексически связанного, фразеологически связанного и синтаксически обусловленного значений, а также значения стилистически нейтрального и стилистически отмеченного (экспрессивно-стилистического).

Иной уровень лингвистической абстракции (по сравнению с общей типологией лексических значений) и дополнительные

характеристики, им предполагаемые, сама признаковая природа слов предопределяют отчётливое выражение связанности значения, включение категориальных и субкатегориальных сем в типологию лексических значений, особые виды синтаксической обусловленности, сквозное вмешательство в типологические характеристики синтаксических факторов, тематической и рематической ориентации. Отмечается ядерная роль свободно-номинативного значения в организации парадигм признаков слов, максимальный объём его семантически значимых позиций (в словаре и в тексте), разнообразие синтагматических связей (от пословных до надтематических), типизация ключевых слов по семам любого ранга, частотные и разноплановые ассоциации, последовательный перевод синтаксических структур производящего на уровень производного слова. Вырождение свободы по всем измерениям наблюдается у слов фразеологически связанного значения, периферийных в лексической системе (ср. семантические неологизмы: *стёртая* форма (болезни), *точечный* (массаж), *точечный* (дом), *шариковая* бомба и др.). Лексически связанное значение оказывается промежуточным между двумя полярными типами. Ср., например, синонимические ряды в гнезде с глаголом уйти: «...*уйти* (с.-н.), удалиться, убраться (разг.), ретироваться (разг.)... и углубиться, погрузиться, *уйти во что* (л. связ.)». Или: «*беспробудный, непробудный, беспросыпный* (фр. связ.). *О пьянице, пьянстве*» (АСС).

Многие прилагательные (*мягкий, холодный, тёплый, свободный, тяжёлый, чёрный, твёрдый* и т.д.) и глаголы развивают серии лексически связанных значений, ориентированных относительно субъекта, его ментальной и психологической сферы, деятельности, мира идеальных объектов.

Производный, зависимый характер лексически связанных значений отражается и на особенностях их синтагматики. Несравненно чаще, чем у свободно-номинативных значений, она представлена гомогенными, тематически замкнутыми ключевыми словами при отсутствии пословных ограничений в сочетаемости. Эта особенность лексически связанных значений на-

ходит широкое отражение в способах их лексикографической интерпретации: в словарные дефиниции БАС включается указание на тематические группы ключевых, в пределах которых сохраняется значение лексически связанного типа:

Спокойный — «2. Не испытывающий волнения, тревоги и т.п.; находящийся в состоянии душевного покоя. **О человеке**. 3. Отличающийся спокойствием характера, уравновешенный. **О человеке**. 4. Проявляющийся не бурно; сдержанный. **О чувствах, переживаниях и т.п.** 7. Разг. Удобный. **Об одежде, мебели и т.п.** 8. Приятный для глаза, не раздражающий. **О цвете, свете**». *Тяжёлый* — «2. Грузный, массивный, приземистый или кажущийся таким. **О человеке, животном**. 4. Лишённый лёгкости, быстроты, неуклюжий. **О походке, движениях**. II. Тягостный, мрачный, гнетущий. **О чувствах, переживаниях и т.п.**». *Мёртвый* — «3. Лишённый признаков жизни; пустой, бесплодный. **О земле, равнине и т.п.** // Лишённый движения; опустелый. **О доме, улице и т.п.** 4. Перен. Бледный, холодный, тусклый. **О свете**. // Не образный, не выразительный; бледный. **О словах, речи**. 5. Перен. Оторванный, далёкий от жизни; бесплодный. **О науке, знаниях и т.п.**». *Тонкий* — «4. Очень небольшой по величине, объёму; состоящий из мелких или мельчайших частиц (обычно о сыпучих телах). 6. Имеющий изысканный, утончённый вкус, запах и т.п. **О пище, питье и т.п.** // Изысканный, изящный. **О слове, выражении и т.п.**». *Низкий* — «7. Простой, не торжественный; простонародный. Противопол. высокий. **О стиле речи, жанре художественного произведения**. 8. Густой, небольшой высоты. **О звуке, тоне, голосе и т.п.** Противопол. высокий».

В ЛСГ глаголов перемещения в пространстве максимум синтагматических ассоциаций связан с локальными распространителями действия по прямому свободно-номинативному значению глагола. Ср.: «войти в дом (191), в дверь (86)», «в образ (2), в союз (1)». Аналогичные отношения складываются у глагола *входить*: «в дом (127), в состав, в рост (4), в мир, в образ, в семью, в моду, в союз (2), в обязанности, в экстаз (1)».

Ср. ещё ассоциации по свободно-номинативному и лексически связанным значениям, сохраняющие синтаксические связи, обусловленные значением приставочной семы: «подойти к дому (29), к столу (22)» и «к аудитории, к вопросу (2), к проблеме, к цели (1)»; «прийти в гости, в институт (7)» и «к выводу, к победе, к финишу (1)»; «упасть в яму (43), в лужу (26), на пол (25)» и «в глазах (9), во мнении (1)» [Словарь ассоциативных норм].

В большинстве случаев количественные данные ассоциативного эксперимента подтверждают разграничение значений на свободные и связанные в их синтагматическом измерении, первые характеризуются максимумом синтагматических реакций, вторые — минимумом. Это справедливо и для глаголов, и для прилагательных. Ср., например, количественную представленность ассоциаций по связанным значениям прилагательных: «*белый* — армия (2), гвардия (1); *большой* — друг, бизнес, вопрос, день, дурак, праздник, ум (2—1), спрос, удар, успех, флегма, футбол, хаос (1); *добрый* — молодец (9), день, вечер (3), взгляд, дух, помощник (1); *небольшой* — вечер, вопрос, одолжение, ошибка, пост и т.д. (1); *полный* — курс (3), беспорядок, график, день, дурак, отчаяние, провал, ход (2), недостаток, объём, состав, список (1)» и т.д. [там же].

Ассоциативное поле глагола войти в РАС представляет динамический фрейм — сценарий с серией распространителей, называющих 1) куда можно войти, 2) каким способом, 3) с какими последствиями, 4) с соблюдением каких правил этикета и т.д. Замыкается это поле на свободно-номинативном значении глагола. Ср: «войти: в дом 80, в дверь 75; выйти 50; в доверие 30; в комнату 29; в положение, дверь 23; дом 10; и выйти 8; в класс 7; внутрь 6; в роль, зайти, комната 5; положение, увидеть, уйти; без стука, в аудиторию, в вагон, в воду, в зал, в контакт, в кураж, в окно, доверие, постучать 3; в жизнь, в кабинет, в круг, в открытую дверь... прийти... 2; без спросу, быстро..., в дело, в замок..., в моё положение, ...в ночь, в образ, в общество..., в храм, ...в раж, в собор, в штат., во вкус, во двор, гости, ковёр, комнату, неожиданно, неслышно, ноги, окно, осторожно, открыть, подойти,

попасть, порог, появиться, разрешите, решительно, ручка двери, стук, стучать, туда не знаю куда; умыться, через закрытую дверь, эгоизм I».

С учётом синтагматического аспекта вычленение одного из опорных показателей типа лексического значения возможно на синтаксической основе. Наблюдение над синтагматикой глагола в разных его значениях позволяет заметить постепенное включение разных видов ограничений для дифференции значений. Ср. разнообразие таких включений у глагола ЛСГ положения в пространстве стоять:

«1. *Находиться на ногах, не двигаясь с места. О человеке, животном.* 2. *Выполнять какую-либо работу, заниматься каким-либо делом, связанным с пребыванием на ногах. С. на дежурстве, на часах, в карауле, и т.п. С. вахту, с. на вахте. С. на молитве.* 3. *Быть установленным, укрепленным на каком-либо основании, опоре, держаться на чём-либо. С. на ч.-л.* 4. *Быть неподвижным, не двигаться, не трогаться с места. О человеке, животном.* 5. *Находиться в бездействии, не работать. О механизмах или о заводе, фабрике и т.п.* 6. *Находиться в стоячем положении где-либо на ногах. О человеке, животном.* 7. *Иметь временное местопребывание, размещаться где-л. (на отдых, постой, стоянку).* 8. ... *О воинских частях...* 10. *С. за кого, что-л.* 11. *В предложных сочетаниях с некоторыми существительными употребляется в значении: занимать то или иное положение (среди кого-л. или по отношению к кому-, чему-л.).* 14. *Быть, сохраняться, удерживать. О состоянии чего-либо...* 17. *С отрицанием. Разг. Не жалеть чего-либо (денег, расходов и т.п.). Не стоять за чем-либо».*

При совпадении синтагматических признаков (значения 1, 4, 6) и, следовательно, их недостаточной диагностирующей силе способом семантического расчленения значений выступают элементы структуры предложения (а не только словосочетания). Последнее с определённой вывеляет сопоставление со свободно-номинативным значением глагола: «1. Находиться на

ногах, не двигаясь с места». В нём фиксируется положение тела в пространстве при вторичности дифференциальной роли семы неподвижности (толкование через обособленный член). Эта сема становится родовой, основной в 4-м, лексически связанном значении: «Быть неподвижным...».

Таким образом, разработка типологии значений классов слов не только вносит свой вклад в создание целостной типологии лексических значений слов *как одного из способов* систематизации лексических единиц по их сущностным семантическим признакам, но и подчёркивает приоритетный характер инклюзивных отношений в лексике, нежёсткий способ организации не только лексической, но и лексико-фразеологической системы.

В её полевой структуре тип фразеологически связанного значения оказывается пограничным, переходным между лексикой и фразеологией, формируя в концепции В.В. Виноградова один из типов фразеологических единиц — фразеологические сочетания. Два других типа фразеологических единиц демонстрируют постепенное вырождение свободы словного значения, доходящее до максимума во фразеологических сращениях. Существует своеобразная *симметрия* между типами лексических значений слов и типами фразеологических единиц: слово свободно-номинативного значения — фразеологическое сращение (крайние полюса в лексико-фразеологической системе); слово лексически связанного значения (производно-номинативного или переносного по характеру номинации) — фразеологическое единство (постепенное сближение, например, по признаку мотивированности значения); слово фразеологически связанного значения — фразеологическое сочетание (зона включения первого в состав второго, пересечения лексики и фразеологии, их частичного наложения). Образно это можно представить в виде складной книжки с переходными случаями на переплёте, на месте сгиба.

Исследование переходных явлений в русском языке со стороны фразеологии [78] также подтверждает излишнюю жёсткость традиционно-альтернативного подхода к пониманию

природы компонентов фразеологизма («слово или не слово»), предлагая гибкую диалектичную исследовательскую позицию, более соответствующую языковой реальности.

Н.Н. Кириллова также признаёт существование в каждом языке четырёх типов номинативных единиц: «1. ЛЕ с лексической семантикой, или нейтральная лексика. 2. ЛЕ с фразеологической семантикой, или стилистически нагруженная лексика. 3. ФЕ с лексической семантикой, или аналитические слова и стёртые метафорические обороты типа... «выдержать что-либо»... 4. ФЕ с фразеологической (субъективной) семантикой. Названные типы слов и словосочетаний свидетельствуют о сложном переплетении лексической и фразеологической систем» [99, с. 48].

Таким образом, в кругу основных типов лексического значения (по данным семантического анализа признаков слов) **свободно-номинативное** предстаёт как тип лексического значения, определяющий ядерное положение слов в лексической системе языка, характеризующийся непосредственностью номинации, максимальной свободой в проявлении лексико-системных и функциональных свойств и в текстовом употреблении слова.

Фразеологически связанное значение — тип лексического значения, определяющий периферийное положение слов в лексической системе языка, характеризующийся опосредованным характером номинации, максимальной связанностью в проявлении лексико-системных и функциональных свойств и в текстовом употреблении слова.

Лексически связанное значение — тип лексического значения, определяющий промежуточное положение слов в лексической системе языка между центром и периферией, характеризующийся опосредованным характером номинации, отсутствием максимальной свободы и максимальной связанности в проявлении лексико-системных и функциональных свойств и в текстовом употреблении.

Общая схема типологии лексических значений с учётом семантики признаков слов может выглядеть таким образом:

Аспекты типологии Уровни обнаружения	Ономасиологический, системно-структурные аспекты	Функциональный
Собственно лексический	<u>Св.-ном.-лекс. связ.-фр. связ.</u> Прямое, произв.-ном., перен.	<u>Стилистически нейтральное — стилистически отмеченное</u> (экспрессивно-стилистическое) экспрессивно-синонимическое
Общей системности языка	<u>Синтаксически обусловленное</u> Конструктивно обусловленное Текстуально обусловленное	Предикативно-характеризующее

(Основные типы лексических значений выделены подчеркиванием.)

Текстовые последствия разнотипности лексических значений

Основное, свободно-номинативное значение является фундаментом всех других значений и употреблений многозначного слова, а также основой *текстопостроения, реализации сценариев, фреймов, в соответствии с которыми хранятся знания в нашей памяти*. Вот почему так важна познавательная информация, заключённая в учебных текстах [180]: она формирует с опорой на лексические экспликативы определённую картину мира, управляет пониманием. Лексическая структура многих текстов, действительно, выстраивается по типу сценариев, передающих стереотипную, *базовую, прототипическую информацию*: «Многое

можно сделать руками: собрать ягоды, грибы, свить верёвку, сплести корзину. Но самые искусные руки не могут шить без иглы, не могут рубить без топора. Человек давно придумал для своих рук помощников, имя которым — инструменты». С помощью основных, свободно-номинативных значений глаголов и существительных на базе их семантического согласования по ядерным денотативным семам передаются типовые операции с инструментами, складываются стандартные семантические отношения в текстовой парадигме: действие — средство действия — объект действия — его результат. Прототипическая ситуация представлена в лексической структуре и другого текста, также отражающего стереотипный сценарий: «В нашем селе живёт одинокая старушка. Её сыновья погибли на войне. Мы заботимся о Екатерине Ивановне. Девочки убирают комнату, ходят в магазин, готовят обед. Мальчики колют дрова, приносят воду. Мы говорим с Екатериной Ивановной о школьных делах, слушаем её рассказы и сказки...». Поскольку основное значение прежде всего всплывает в сознании при изолированном употреблении слова, естественна ориентация на него в заданиях и кроссвордах, предполагающих определение лексического значения слова по его толкованию. Ср., например: «Белое сладкое вещество, которое готовится в нашей стране из свёклы. Сосуд, в котором кипятят воду для чая и заваривают чай...».

Разнотипные лексические значения дают основу текстовому употреблению выделенных признаков слов в следующих фрагментах [см. об этом подробнее 201].

1. «Немалая их (денег. — Н.С.) **толика перешла** (лекс. связ.) в просторные карманы русских вельмож, но рука дающего не оскудевала, ибо розданное возвращалось сторицей в виде выгодных договоров и контрактов. ...И царица **повернулась** (с.-н.) спиной к незадачливому своему слуге. Обер-полицейстер давно уже **исчез** (с.-н.) за дверь, а государыня всё не могла **успокоиться** (с.-н.). Жилка на виске уже не **возмущалась**, а **буйствовала** (оказ. связ.). Прекрасное чело — обширное и выпуклое, подлинный подарок художникам, писавшим Екатерину, **заволокло** (синт. обусл.) облаками. Се-

рые (с.-н.) *глаза потемнели* (лекс. связ.) и *метали молнии* [С. Наровчатов. Абсолют]. *Цесаревич вскочил* (с.-н.) *с кресла и заметался* (экспр.-син.) *по комнате* [там же].

2. Он (Михаил. — Н.С.) *не закрыл в эту ночь глаз и на полчаса — всю жизнь свою перекатал, перебрал* (окказ. фраз. связ.) *заново... А зимой, когда их словесные костры разгорались, можно сказать, арктические холода от Пинегии отступали* (окказ. лекс. связ.) [Ф. Абрамов. Дом]. *Разве через такие заломы и завалы ему приходилось проламываться* (лекс. связ., констр. об.) *в жизни?* [там же].
3. *Обезголосевшая, чёрная* (с.-н.) *лицом бабушка коротко и хрипло вскрикнула, упала среди двора, забилась на земляной тверди — она, видно, до этого чёрного* (фраз. связ.) *часа, до самого рокового известия ещё на что-то надеялась, верила в чудо* [В. Астафьев. Последний поклон].
4. *Зеркало показало ему озабоченное и вытянутое лицо с прикушенной нижней губой и ледяным* (лекс. связ.) *блеском очков* [М. Горький. Жизнь Клима Самгина]. *Самгин подумал, что говорит она, как провинциальная* (с.-н.) *актриса в роли светской* (с.-н.) *дамы* [там же].
5. *Словно жители других планет, они были притягательны и пугающи, но чем бы ни грозило вступление в их силовое* (фр. связ.) *поле, — стоило рискнуть* [Ю. Нагибин. Берендеев лес].
6. *В некошеных полях за парком воздух переливался* (констр. обусл., occas. лекс. связ.) *бабочками среди чудного обилья ромашек, скабиоз, колокольчиков — всё это скользит* (констр. об., occas. лекс. связ.) *у меня сейчас цветным мазевом перед глазами, как те пролетающие* (лекс. связ., констр. об.) *мимо широких окон вагона-ресторана бесконечно обольстительные* (экспр.-син.) *луга, которых никогда не обследовать пленному* (окказ. лекс. связ.) *пассажиру*» [В. Набоков. Другие берега].

Условия употребления слов того или иного типа значения (свободно-номинативного, фразеологически связанного, лексически связанного, синтаксически обусловленного), часто с их

контаминацией, могут нарушаться в целях языковой игры, создания юмористического и сатирического эффекта:

*«Все артерии у него были сонные...
Прислуживаться к начальству?
Нет уж, увольте... —
И его уволили...
Мороженое и годы охлаждают человека»*

(Эмиль Кроткий. Отрывки из ненаписанного).

Применение разных цветowych прилагательных к одному существительному ввиду разнотипности их значений рождает загадку:

*« — Она красная?
— Нет, чёрная.
— Почему же она белая?
— Потому что зелёная»*

(О чёрной смородине).

Ср. ещё:

«Не дадим занести зелёного змия в красную книгу» (из разговорной речи).

В других случаях непреднамеренное расширение связанности рождает ошибки типа «закадычный пьяница», «закоренелая москвичка», «поставить концерт» (в разг. речи).

Рассмотрим подробнее текстовые последствия разнотипности значений относительных прилагательных на материале рассказа Ю. Нагибина «Берендеев лес».

Текстовые функции разных по типу лексического значения относительных прилагательных весьма разнообразны, несмотря на ограниченность их смыслового объёма по сравнению с качественными. Прямое свободно-номинативное значение используется как средство объективации, локального представления ситуации. Не случайно прилагательное «новгородский» в зачине рассказа, определяющем место происходящего: «в зоне отдыха» большого новгородского завода. Правда, широта и свобода ис-

ходного значения, значение принадлежности в широком смысле слова, создавая условность ситуации, всё же потребовали введения качественного уточнителя (прилагательного большой). Позиция зачина обусловила использование основного значения и другого относительного прилагательного, вводящего действующих лиц с характеристикой их по месту рождения: «*коренной* москвич». Позиция заглавия рассказа обуславливает яркую его метафоричность, нуждающуюся в текстовом раскрытии, при общей тенденции сохранения прямого значения относительных прилагательных. Общее значение предметного отношения, свойственное относительным прилагательным прежде всего в их основных, свободно-номинативных значениях, позволяет в самых общих чертах указать на разновидность «предмета», как бы намекнуть на неё, избегая подробностей и углубления в характер семантических отношений определяемого. Эта черта отличает использование относительных прилагательных в художественном тексте с его условной точностью от применения их в научном тексте с чёткой конкретизацией характера отношений. Например:

«Нину больше не устраивали смешные книжки про зверей, которые он делал для детских издательств», «У вдовы артиллерийского генерала был приобретён участок, гараж с двухкомнатной пристройкой», «Он не придумал значения болтовне Никиты, в каждой сельской местности есть свои легенды: лесные, озёрные, речные, кладбищенские».

Отсутствие строго регламентированного семного набора гипонимов, выступающих однородными членами, придаёт речи непринуждённость, разговорный колорит.

Широта основного, свободно-номинативного значения относительного прилагательного объясняет его текстообразующие потенции, способность организовать структуру сложного синтаксического целого и раскрывать в ней своё значение, не выражаемое полностью в пределах двусловного словосочетания с отвлечённым существительным:

«Она полюбила и сад, и огород, и сезонную обязательность древних хлопот: вскапывать, сажать, полоть, окучивать, по-

ливать, собирать, сжигать сладкий осенний мусор; нравилось зависеть от того, что происходит в серьёзном вечном мире природы, от солнца, дождя, снега и ветра».

Ср. также использование возможностей относительного прилагательного сочетаться с широким кругом имён отвлечённого значения в основном и лексически связанном производном значении:

*«И хотя всё труднее становилось преодолевать инерцию **возрастной** огузлости, тяготеющей к покою, ей всегда хотелось ехать в Москву, так же, как и всегда хотелось вернуться назад», «Это не **личное**, а **родовое** свойство».*

Использование подобных сочетаний в авторской речи (возрастной слом, жизненные ценности, подъёмная пора, сложные психологические игры) создает абстрактный характер изложения, отражая стремление не только описать, но и научно осмыслить, исследовать явление, создавая эффект углублённого психологизма.

Рассказ Ю. Нагибина «Берендеев лес» сюжетно ограничивается сферой дружеского общения, бытовой, семейной. Тем более наглядно вторжение языковых средств, традиционно сопрягаемых с производственной, профессиональной, научной деятельностью, в иностилевую среду. Относительные прилагательные с их функцией классификации, выступая предельно точными номинациями, отражают профессиональный подход к вещам, научный способ мышления, даже применительно к бытовым реалиям. Этим создаётся эффект современности, запрограммированной самим писателем в рассказе «Берендеев лес»:

*«...помимо своей **материальной** сущности, вещи обладали и куда более значительным смыслом — были символами, знаками времени. В наборе, каким обставлена жизнь современного человека, ничуть не меньше поэзии, чем в лютне, кубке, шандале, **кружевном** воротнике, шпаге, перевязи, шляпе с пером, трубке с длинным чубуком на картинах **голландских жанристов**».*

Задача создания примет времени объясняет предельную точность описания деталей с помощью относительных прилагательных и свободного, и связанного значений, нарочитое отталкивание от метафоричности, известной неопределённости, вольности значений качественных и окачествляемых прилагательных.

*«Соблазнительно выглядело их снаряжение: **прицепные** лодки, тугие яркие мешки на крыше, очевидно, с палатками и **надувными** лодками, акваланги и **подводные** ружья в открытых багажниках», «Небольшие нарядные **финские** домики нетесно расставлены в душистом от смолы бору, плотно устланном ковром из сухих игл», «...но вдруг напомнил о себе возле **заправочной** станции, где сквозь **бензиновую** вонь отчётливо пробилась духовитый и манящий запах горячих котлет», «На площадке перед столовой было тесно от **частных** машин», «Это чувство вбирало в себя всё, что набирала дорога: ...**встречные** и **попутные** машины с весёлыми пассажирами, знающими такое о жизни, чего не знала Нина, оснащёнными всем, что создаёт **бытовой** обиход **нынешнего** дня, — фотоаппаратами, заряженными на слайды, и киноаппаратами, неугомонными транзисторами и карликовыми **кассеточными** магнитофонами, ракетками для бадминтона и **подводными** ружьями, красивой и удобной **спортивной** обувью, обтяжными, нарочито заношенными джинсами, **дорожными** сумками-холодильниками и работающими на бензине печками, **складными** велосипедами и **разборными** палатками».*

Характерно использование последних двух прилагательных в антонимической функции, но представлен не обычный вид антонимической парадигмы (градуальная, качественная), а тот, который связан с выражением противоположной направленности действий. Речевой контраст отражает и авторское шутовско-снихождительное отношение к изощрённости в экипировке современных туристов. Нарочитое нагнетание относительных прилагательных с их подчас номенклатурной семантикой не разрушает единства стиля, поскольку оно выполняет опреде-

лѐнное авторское задание: передать неожиданный поворот в психике героини рассказа «Берендеев лес», вдруг почувствовавшей, как безнадежно она отстала от интересов людей своего возраста, живя в загородной тиши и уединении. Этот другой, манящий мир породил в душе Нины горькое чувство обделѐнности, неудовлетворѐнности жизнью, что и составило психологический центр рассказа.

Героиня, с точки зрения которой идёт повествование, использует не только специальную лексику, связанную с работой мужа — художника по профессии и автолюбителя, но и профессионально-техническую в её прямом и переносном значении, что обусловлено техническим образованием Нины (инженер-сантехник):

*«она всю жизнь работает, но не может сказать, что очистка **питьевых** вод и «ликвидация последствий» поглощает её без остатка».*

Ср. переносное употребление в несобственно-прямой речи физического термина:

*«Словно жители других планет, они были притягательны и пугающи, но чем бы ни грозило вступление в их **силовое** поле, — стоило рискнуть».*

Таким образом, колорит специального, фразеологически связанного значения относительного прилагательного даёт себя остро почувствовать в иностилевой среде, где оно получает смысловые надбавки, ассоциации психологического плана, выходящие за пределы словарного указания.

Вместе с тем в речи персонажа техническая терминология представлена избирательно, органично для героини. Нарушение этой органичности выступает специальным стилистическим сигналом изменения внутреннего настроения, создавая почву для речевых оценок:

*«Павел Алексеевич сбоку внимательно посмотрел на жену. Салон — **технический** термин, но он не входил в словесный обиход*

Нины и прозвучал из её уст чуждо, жеманно и неприятно. Когда человек, особенно женщина, вдруг прибегает к непривычной лексике, это почти всегда знак внутренних сдвигов, смещений».

Ситуация спора на общекультурные темы обуславливает широкое введение специальной лексики из разных областей знания:

«Наука физика так же далеко ушла от обывательского языка, как и от обывательского предметного мышления», «Если нет этической основы, грош всему цена», «Ему объяснили, что в век сверхзвуковых и космических скоростей... надо уметь мыслить по-современному».

Широко используется в художественном тексте способность относительных прилагательных разного типа лексических значений вступать в классификационные парадигмы (в отличие от синонимо-антонимических у качественных прилагательных). Ограниченность вида парадигматического объединения относительных прилагательных объясняется их объективно-классификационной функцией, отсутствием ориентации на познающего субъекта и субъективного представления качества, требующего отражения «оттеночных» парадигматических значимостей. Однако отражение в художественном тексте сферы профессиональной деятельности персонажа обуславливает введение гипонимов, относимых к этой сфере:

«Павел Алексеевич был оформистом и участвовал в выставках маленькими пейзажными работами. Чаще всего то были сельские пейзажи, изредка городские; особенно удавались ему ленинградские виды».

Повторная номинация варьируется за счёт существительных (работы, пейзажи, виды), принимающих в качестве классификаторов относительные прилагательные. Использование гипонимов — относительных прилагательных как сигналов специальной сферы служит изображению причастности персонажа к этой сфере, осведомлённости о её понятиях:

«Она закрыла глаза и долго сидела так, безвольно отдаваясь тряске и слушая, ...как дробно барабанит дождь в лобовое стекло и вдруг хлыстом ударяет в ветровое».

Разнообразны гипонимы — относительные прилагательные и в авторской речи как средство точной номинации при лаконолизме определения:

«От шоссе отходили боковые дороги — бетонные и асфальтовые, но Павел Алексеевич не обращал на них внимания и уверенно гнал машину вперёд, руководствуясь грубым чертежом местности, который его друг приложил к письму», «Они проползли Вышний Волочек, бесконечно растянувший вдоль шоссе свои сельские окраины и с городской спесью развесивший над всеми перекрёстками никому не нужные автоматические светофоры, и вскоре оказались посреди Валдайской возвышенности».

Выражению авторской иронии служит оценочное существительное «спесью» при сохранении относительного значения определения, лишь опосредованно участвующего в создании речевого контраста за счёт своих потенциальных качественных сем. Наряду с явной, безусловной гипонимией в примере содержатся и обусловленные гипонимы, один из которых назван (боковые дороги), а другой воспринимается из контекстной взаимобусловленности смыслов (гнал вперёд, т.е. ехал по прямой дороге). В ряде случаев прямое, свободно-номинативное значение относительного прилагательного может оказаться узколексическим. Повторная номинация в художественном тексте осуществляется в этом случае за счёт варьирования определяемых общей тематической зоны:

«Гонорар обернулся загородным жильём», «Из этого вовсе не следует, что Нина тяготилась загородным жильём», «Это надёжнейшие люди, им можно доверить не только загородную холупу, а целое государство, и там гвоздя не пропадёт».

В контексте рассказа использованы гипонимические связи слов загородный — городской:

«Но в иных поворотах и взлётах шоссе открывались городские кварталы со старыми приземистыми «тверскими» домами и новыми башнями, заборами, паровозными депо, портовыми кранами».

Относительность свободы даже основного значения слова подчёркивается окказиональными словосочетаниями с относительными прилагательными, их расширенным употреблением и установлением иной логики связей по сравнению с той, которая реализована в системе значений прилагательного в языке. Используются потенциальные семы, заложенные в исходном узлом значении, ассоциативно с ним связанные:

«Тогда холодные капли выжимались из каких-то щелей ей на колени, руки и губы, у них был противный, не дождевой, а жестяной и резиновый вкус».

Противоестественность семы «вкус» в семантике относительных прилагательных подчёркнута качественным прилагательным противный. Характерно, что и в этом случае автор избегает способа метафоризации и отдаёт предпочтение более определённым по семантике относительным прилагательным.

Приём отталкивания от метафоры, описательное выражение авторской оценки, интеллектуализация повествования, отчасти обусловленная также задачей имитации речи главной героини, встречается в тексте не однажды:

«Глянцевело шоссе, глянцевели поля, деревья, травы — отсюда пришёл крепкий августовский дождик, который она приняла за безнадежную осеннюю течь».

Относительные прилагательные лишь уточняют экспрессивные признаки, передаваемые качественными «соседями» и контрастом имён существительных (уменьш.-ласкат. дождик и течь). Пейзаж перекликается с перепадами настроения героини, неожиданно снявшейся с насиженного места, попавшей в «Берендеев лес», но почувствовавшей не безнадежную осень, а освежающий августовский дождик в этих переменах.

В иных случаях сохраняется основное значение прилагательного при метафоризации определяемого:

«Она опять служит душевному комфорту Павла Алексеевича...», «И то, что мелькнуло в дороге, выбив на миг из душевной летаргии, развеялось без следа...», «Возможно, он и разобрался бы в душевных крутнях жены, но тут его резко повело в сторону», «Вы прячетесь за какой-то научный волянюк, ровным счётом ничего не говорящий людям», «У тебя кретинизм не только топографический, но и акустический», «Тогда он приписал это дорожной лихорадке, вполне естественной, ведь Нина так давно не покидала дом».

Бытовая тема с её конкретностью, ориентацией на первичные потребности человека также обуславливает использование относительных прилагательных в их исходном, основном значении:

«Она плохо помнила не только разговоры, которые велись за бесконечно растянувшейся грибной вечерей (грибная икра, маринованные и солёные грибы с луком и картофелем, грибной суп, жареные грибы), но даже облик друзей Павла Алексеевича, и в толпе нипочём не узнала бы их».

Так в использовании языковых средств даже строго ограниченного лексико-грамматического разряда чуткий к языковым тенденциям современности писатель учитывает и общую демократизацию языка, и влияние на язык процесса урбанизации с его речевым «кодом» и социально-психологическими переменами, и веяние эпохи научно-технической революции с её достижениями и издержками.

Не менее разнообразны текстовые функции и других полных слов с разнотипными лексическими значениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В изложении основных проблем и понятий лексикологии современного русского языка учитывались такие аспекты их разработки, как системно-структурный, функционально-прагматический, когнитивный, лингвокультурологический.

Учет их совокупности позволил иначе взглянуть на многие лексические проблемы, включая и традиционные для данного раздела современного русского языка. Это касается прежде всего освещения активных процессов в русской лексике, лексического значения и его функциональных потенций, проблемы системности лексики и типологии лексических значений и др.

Книга отнюдь не претендует на полноту описания всей лексикологической проблематики, служа дополнением к тому, что представлено в учебной литературе, приоритетными в ней оказались семантические проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адмони В.Г.* Статус обобщенного грамматического значения в системе языка // Вопросы языкознания, 1975, № 1.
2. Актуальные проблемы функциональной лексикологии. СПб., 1997.
3. *Алаторцева С.И.* Русская неология и неография (современное состояние и перспективы). СПб., 1998.
4. *Аликаева Г.В.* Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов // Филологические науки, 1999, № 1; см. также: Гнезда слов со связанными корнями в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
5. *Алпатов В.М.* О понятии слова в европейской и японской традициях // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
6. *Аникин В.П.* Фольклор в лирике А.С. Пушкина (методологические заметки) // Филологические науки, 1999, № 3.
7. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
8. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. I—II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
9. *Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992.
10. *Аристова В.М., Якубович А.Е.* Актуализация значений заимствованных слов-англицизмов в русском языке // Развитие семантической системы русского языка. Калининград, 1986.
11. *Аркадьева Т.Г.* Этимонимы в лексической системе современного русского языка. Л., 1990.
12. *Арутюнова Н.Д.* Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
13. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
14. *Арутюнова Н.Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура / Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
15. *Арутюнова Н.Д.* Язык // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

16. *Арутюнова Н.Д.* Язык и общество // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
17. *Аспекты и приемы анализа текста художественного произведения.* Л., 1983.
18. *Аспекты семантических исследований.* М., 1980.
19. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
20. *Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
21. *Бабенко Л.Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Свердловск, 1990.
22. *Балахонова Л.И.* О путях вхождения диалектной лексики в современный литературный язык и о ее лексикографической репрезентации // Новые слова и словари новых слов. СПб., 1997.
23. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
24. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
25. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. М., 1994.
26. *Баранов А.Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
27. *Беликова Н.Н.* Функционирование неcodифицированной лексики в тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.
28. *Беляевская Е.Г.* Семантика слова. М., 1987.
29. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
30. *Береговская Э.М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания, 1996, № 3.
31. *Богданов С.И.* Форма слова и морфологическая форма: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1998.
32. *Болотнова Н.С.* Лексическая структура текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
33. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. М., 1983.
34. *Бондалетов В.Д., Фоянкова О.И.* Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.
35. *Бондарко А.В.* О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998.
36. *Будагов Р.А.* К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике // Вопросы языкознания, 1981, № 2.
37. *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. Ч. II. М., 1953.

38. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
39. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
40. Васильев Л.М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1985.
41. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
42. Васильева Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2001.
43. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
44. Васильченко С.М. Бытовая лексика и ее отражение в словарях // Актуальные проблемы разработки Нового Академического Словаря. Л., 1990.
45. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
46. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
47. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания, 1999, № 2.
48. Виноградов В.В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
49. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
50. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
51. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания, 1995, № 1.
52. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
53. Вириячева С.Г. Межчастеречные лексические парадигмы в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.
54. Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983.
55. Воркачёв С.Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Эмоции и язык. Волгоград, 1995.
56. Воробьёва О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
57. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.

58. *Гак В.Г.* Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М., 1991—1992, т. 1—3. Рецензия // Вопросы языкознания, 1993, № 1.
59. *Гак В.Г.* Собственные существительные // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
60. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
61. *Гак В.Г.* Типология аналитических форм глагола в славянских языках (иррадиация и конкатенация) // Вопросы языкознания, 1997, № 2.
62. *Гаспаров Б.* Язык. Память. Образ. М., 1996.
63. *Гельгардт Р.Р.* Помехи в понимании речевых сообщений // Русский язык в школе, 1968, № 3.
64. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
65. *Гинзбург Е.Л.* Словообразование и синтаксис. М., 1979.
66. *Горелов И.Н.* Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // Вопросы языкознания, 1986, № 4.
67. *Грачев М.А.* Происхождение и функционирование русского арго: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
68. *Грачев М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня. Н. Новгород, 1992.
69. *Дейк Ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
70. *Денисенко В.Н.* Функциональная структура семантического поля (наименования изменения в русском языке) // НДВШ. Филологические науки, 1995, № 1.
71. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993.
72. Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986.
73. *Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н.* Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания, 1993, № 2.
74. *Дымский А.С.* О критериях отграничения предложно-падежных сочетаний от наречий в современном русском языке // НДВШ. Филологические науки, 1978, № 6.
75. *Ермакова О.П.* Семантические процессы в русском молодежном жаргоне // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
76. *Жаналина Л.К.* Язык и речь: оппозиции // НДВШ. Филологические науки, 1996, № 5.
77. *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001.
78. *Жуков А.В.* Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород, 1996.

79. *Журавлёв А.П.* Звук и смысл. М., 1991.
80. *Залевская А.А.* Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
81. *Залевская А.А.* Семантика слова и контекст в психолингвистическом аспекте // Значение и его варьирование в тексте. Волгоград, 1987.
82. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1964.
83. *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
84. *Золотова Г.А., Дручинина Г.П., Онипенко Н.К.* Русский язык. От системы к тексту. 10 класс (для школ и классов гуманитарного профиля). М., 2002.
85. *Золотова Г.А.* О «Синтаксическом словаре русского языка» // Вопросы языкознания, 1980, № 4.
86. *Ильенко С.Г.* Русистика. Избранные труды. СПб., 2003.
87. *Калимуллина Л.А.* Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка (синхронический и диахронический аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.
88. *Калинин А.В.* Лексика русского языка. М., 1971.
89. *Калнынь Л.Э.* Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкознания, 1998, № 6.
90. *Камчатнов А.М., Николина Н.А.* Введение в языкознание. М., 1999.
91. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
92. *Караулов Ю.Н., Коробова М.М.* Языковая способность в зеркале ассоциативного поля (лонгитюдный эксперимент и интерпретация) // Известия РАН. Сер. лит. и яз., т. 52, № 2, 1993.
93. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.
94. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
95. *Караулов Ю.Н.* Семантическая иерархия в словаре и ее отражение в синтаксисе // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985.
96. *Касевич В.Б.* Семантика. Морфология. Синтаксис. М., 1988.
97. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
98. *Кирвалидзе Н.Г.* Прагматический аспект дейктических средств языка (на материале современного английского языка) // НДВШ. Филологические науки, 1988, № 6.
99. *Кириллова Н.Н.* К вопросу о разграничении лексического и фразеологического значений // Лексическая, категориальная и функциональная семантика. Л., 1990.

100. *Клименко Т.И.* Виды семантических отношений в системе имен прилагательных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
101. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
102. *Ковтун Л.С.* О значении слова // Вопросы языкознания, 1955, № 5.
103. *Кожухарь Д.А.* К вопросу о точности и неопределенности в языке и речи // Проблемы лингвистической стилистики. М., 1970.
104. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Вселенная в алфавитном порядке. Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.
105. *Колесов В.В.* Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.
106. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
107. *Колодкина Е.Н., Сунцова Т.В.* Стратегии идентификации личных имен // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе. М.; Пенза, 1998.
108. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. М., 1980.
109. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
110. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.
111. *Корованенко Т.А.* Проблемы семантики в Новом Академическом Словаре (сокр. НАС) // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.
112. *Котелова Н.З.* Типология лексической и синтаксической сочетаемости слова и систематизация приемов ее характеристики в толковом словаре // Современность и словари. Л., 1976.
113. *Котцова Е.Е.* Родо-видовые отношения в системе семантических связей глагольных слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
114. *Кравченко А.В.* Загадки рефлексив: избыточность или функциональность? // Филологические науки, 1995, № 4.
115. *Кривонос Б.А.* О соотношении единиц языка и мышления // Вопросы языкознания, 1989, № 1.
116. *Кругликова Л.Е.* Лексико-фразеосемантическая группа качественных наименований лица в русском языке XI—XX вв.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1995.
117. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте конца XX столетия (1985 — 1995). М., 1996.
118. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
119. *Кубрякова Е.С.* Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. К 60-летию Ю.Н. Караулова. М., 1995.
120. *Кубрякова Е.С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

121. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
122. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
123. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
124. *Кузнецов А.М.* Варианты лексико-парадигматических структур // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
125. *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1976.
126. *Кузнецов П.С.* Опыт формального определения слова // Вопросы языкознания, 1964, № 5.
127. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. 2-е изд. М., 1989.
128. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
129. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988.
130. *Ларионова Е.В.* Новейшие англицизмы в русском языке // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1993.
131. *Левашов Е.А.* Об одной словарной триаде // Русская речь, 1995, № 5.
132. *Лещева Л.М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1997.
133. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (сокр. ЛЭС).
134. *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз., т. 52, № 1, 1993.
135. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
136. Логический анализ языка. Язык о языке. М., 2000.
137. *Лосев А.Ф.* Философия имени // А.Ф. Лосев. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
138. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. М., 2000.
139. *Луков В.Д.* Из материалов к русскому идеографическому словарю // Русская речь, 1994, № 6.
140. *Луков В.Д.* Проблемы отражения лексической семантики в идеографическом словаре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
141. *Матлина Г.А.* Гипонимические связи глаголов // Слово как предмет изучения / Под ред. В.В. Степановой. Л., 1977.
142. *Медникова Э.М.* Значение слова и методы его описания. М., 1974.
143. Многозначность в лексике современного русского языка. Екатеринбург, 1999.

144. *Мокиенко В.М.* О собственных именах в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
145. *Морковкин В.В., Морковкина В.А.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
146. *Муране С.Н.* Однозначные слова, их основные разряды и семантические свойства // Слово как предмет изучения. Л., 1977.
147. *Найда Ю.Д.* Компонентный анализ значения. Введение в семантические структуры // Реферативный журнал, 1976, № 4. Серия 6.
148. *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественного и искусственного языков. М., 1979.
149. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
150. *Никитина С.Е.* Лингвистика фольклорного социума // Логический анализ языка. Язык о языке. М., 2000.
151. *Никитина Т.Г.* К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания, 1995, № 2.
152. *Николина Н.А.* От морфемы к слову // TEXTUS. Языковая деятельность: переходность и синкретизм. М.; Ставрополь, 2001.
153. *Новиков А.Л.* Семафоры проносятся мимо. Об одном типе метонимии в русском языке // Русская речь, 1994, № 5.
154. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982; см. также: Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. СПб., 2001.
155. *Норман Ю.Б.* Грамматика говорящего. М., 1994.
156. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1989.
157. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVII. М., 1986.
158. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
159. *Ольшанский И.Г.* Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки, 1996, № 5.
160. Очерки истории языка русской поэзии XX в. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М., 1995.
161. *Павлов В.М.* Понятие лексемы и некоторые спорные вопросы теории словосочетания // Известия АН СССР, ОЛЯ, т. 41, № 3, 1982.
162. *Павлович Н.В.* Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
163. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. М., 1996.
164. *Панов М.В.* О парадигматике и синтагматике // Известия АН СССР. Серия лит. и яз., т. 39, № 2, 1980.

165. *Петров В.В.* Язык и логическая теория: В поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания, 1988, № 2.
166. *Петрова Н.А.* Личные местоимения в коммуникативном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 1995.
167. *Пешковский А.М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.
168. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
169. *Пономарёва З.Н.* Типы лексических значений глагола и его видовые характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
170. *Попов И.А.* Областная лексика в словаре литературного языка (на материале языка художественной литературы) // Актуальные проблемы разработки Нового Академического Словаря русского языка. Тезисы. Л., 1990.
171. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения): Учебное пособие. Воронеж, 1984.
172. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
173. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.
174. *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
175. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Киев, 1993.
176. *Привалова М.И.* Собственные имена и проблема омонимии // Вопросы языкознания, 1979, № 5.
177. Принципы и методы семантических исследований. М., 1996.
178. Проблемы исследования слова в художественном тексте. Л., 1990.
179. *Проскуракова И.Г.* Слово в учебном тексте. СПб., 1994.
180. *Рамзаева Т.Г.* Русский язык: Учебник для 1—4 классов 4-летней начальной школы. М., 2000—2003.
181. *Рогожникова Р.П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2003.
182. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
183. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
184. *Руделёв В.Г.* Слово в словаре // Слово II. Тамбов, 1997.
185. *Руденко Д.И.* Семантика имени и семантика количества // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992.
186. *Руденко Д.И.* Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания, 1988, № 3.

187. *Руднев В.* Прочь от реальности (исследования по философии текста). М., 2000.
188. *Рузин И.Г.* Природные звуки в семантике языка (Когнитивные стратегии именования) // Вопросы языкознания, 1993, № 6.
189. Русский язык конца XX века. М., 1994.
190. Русский язык. 5 класс / Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М., 2001.
191. Русский язык: Учебник для 5 класса (Т.А. Ладыженская и др.) / Под ред. Н.М. Шанского. 19-е изд. М., 1990.
192. Русский язык для средней школы. 5 класс / Под ред. М.В. Панова. М., 1995.
193. Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
194. *Рябцева Р.К.* Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
195. *Сафонова Н.В.* Лексический бум последнего десятилетия (1986—1996 гг.) // Слово II. Тамбов, 1997.
196. *Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику. Л., 1989.
197. *Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов: на материале некоторых русских глаголов. М., 1975.
198. *Селиверстова О.М.* Местоимения в языке и речи. М., 1988.
199. Семантика и категоризация. М., 1991.
200. Семантические и эстетические модификации слов в тексте. Л., 1988.
201. Семантические основы текстового слова: Методическая разработка и материалы к спецкурсу / Авт.-сост. Н.Е. Сулименко. Л., 1988.
202. *Сергеева Е.В.* Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. СПб., 2002.
203. *Сергеева Е.В.* Религиозно-философский дискурс В. Соловьева: лексический аспект. СПб., 2002.
204. *Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
205. *Сидоров Е.В.* Проблемы речевой системности. М., 1987.
206. *Синенко В.С.* Имя и судьба // НДВШ. Филологические науки, 1995, № 3.
207. *Сиротина В.А.* Метонимия и метонимический эпитет в художественной речи // Русский язык в школе, 1980, № 6.
208. *Скворцов Л.И.* Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. М., 1996.
209. *Скорикова Т.П.* Акцентогенные свойства слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1995.

210. Слово. Семантика. Текст. Сб. статей в честь проф. В.В. Степановой. СПб., 2002.
211. *Смирницкий А.И.* Значение слова // Вопросы языкознания, 1955, № 2.
212. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1965.
213. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
214. *Солоник Н.В.* Расчлененные значения и способы их включения в синонимические связи // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л., 1981.
215. *Солоник Н.В.* Структура значения глагольных слов и их синонимические связи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
216. *Сорокин Ю.А.* Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Фразеология в контексте культуры. М., 1996.
217. *Сороколетов Ф.П.* Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Современность и словари. Л., 1978.
218. *Спивак Д.Л.* Лингвистика измененных состояний сознания. Л., 1986.
219. *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
220. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
221. *Степанов Ю.С.* К универсальной классификации предикатов // Известия АН СССР. Серия лит. и яз., 1980, т. 39, № 4.
222. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
223. *Степанов Ю.С.* Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998.
224. *Степанова В.В.* Границы слова в тексте // Проблемы лексико-синтаксической координации. Л., 1985.
225. *Степанова В.В.* Значение слова и классификация слов по значению // Слово как предмет изучения. Л., 1977.
226. *Степанова В.В.* Значение слова и связи слов по значению // Трудности преподавания русского языка в школе. Л., 1979.
227. *Степанова В.В.* Признаки слова как основа классификации лексических единиц. Лекция. Л., 1976.
228. *Степанова В.В.* Функциональные ориентиры в семантике слова и их текстовое воплощение // Проблемы исследования слова в художественном тексте. Л., 1990.
229. *Степанова Е.И.* Калькирование с английского языка как современная тенденция в процессе заимствования // Новые слова и словари новых слов. Л., 1990.
230. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
231. *Столович Л.Н.* Жизнь — творчество — человек (функции художественной деятельности). М., 1985.

232. Сулименко Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики: Учебное пособие к спецкурсу. СПб., 1994.
233. Сулименко Н.Е. Общие вопросы типологии лексических значений слов одного лексико-грамматического класса // Глагол в лексической системе современного русского языка. Л., 1986.
234. Сулименко Н.Е. Семантические примитивы в ассоциативно-вербальной сети: этнокультурный аспект // Актуальные проблемы функциональной лексикологии: Сб. статей в честь проф. В.В. Степановой. СПб., 1997.
235. Сулименко Н.Е. Слово в контексте гуманитарного знания: Учебное пособие. СПб., 2002.
236. Сулименко Н.Е. Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1983.
237. Сулименко Н.Е. Фрагменты наивной картины мира по данным неологического словаря // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь проф. С.Г. Ильенко. СПб., 1998.
238. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
239. Суховой Е.А. Лексические средства адресации в газетных текстах переписки с читателем: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
240. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Филология, 1999, № 1, 4, 6.
241. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996.
242. Телия В.Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
243. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
244. Толстой Н.И. Еще раз о семантике имен собственных // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов. Минск, 1970.
245. Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания, 1986, № 6.
246. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
247. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1999.
248. Тухарели Н.Л. Тематическая группа наименований лица в лексической системе русского литературного языка // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1996.
249. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке. Уфа, 1998.

250. Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Л., 1986.
251. *Улуханов И.С.* Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания, 1992, № 2.
252. *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, 1998, № 2.
253. *Уфимцева А.А.* Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
254. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974.
255. *Уфимцева Н.В.* Образы обыденного сознания современных русских // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы международной научной конференции. М., 1996.
256. *Ушакова С.В.* Тип синтаксически обусловленного значения глагольного слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993.
257. *Филин Ф.П.* О слове и вариантах слова // Ф.П. Филин. Очерки теории языкознания. М., 1982.
258. *Филлмор Ч.* Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983.
259. *Флоренский П.А.* Метафизика имен в историческом освещении // П.А. Флоренский. Сочинения. Т. II. М., 1990.
260. *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1978.
261. *Фрумкина Р.* Люблю отчизну я, но странную любовью (Идеологический дискурс как объект научного исследования) // Новый мир, 2002, № 3.
262. *Фортуатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. М., 1964.
263. *Хаззагеров Г.* Персоносфера русской культуры // Новый мир, 2002, № 1.
264. *Хан-Пира Эр.* Привносит ли лексиколог системность в лексику? // Русская речь, 1999, № 2.
265. *Харченко В.К.* Функции метафоры. Воронеж, 1992.
266. *Хохлов А.В.* Семное варьирование глагола в художественном тексте (на материале прозы В.М. Шукшина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.
267. *Цоллер В.Н.* Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // Филологические науки, 1998, № 4.
268. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991.
269. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
270. *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // Вопросы языкознания, 1996, № 1.

271. *Чернейко Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени // Вопросы языкознания, 1995, № 4.
272. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.
273. *Чернышева М.И., Филиппович Ю.Н.* Историко-лексикологическое (тематическое) исследование: экспериментальный опыт на основе информационной технологии // Вопросы языкознания, 1999, № 1.
274. *Черняк В.Д.* Синонимы в системном и текстовом аспекте. Л., 1987.
275. *Чурилина Л.Н.* Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб., 2002.
276. *Шаклеин В.М.* Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2000, № 1.
277. *Шанский Н.М., Иванов В.В.* Современный русский язык: В 3 ч. Ч. I. М., 1981.
278. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М., 1972.
279. *Шапошников В.Н.* Иностранные слова в современной русской жизни // Русская речь, 1997, № 3.
280. *Шарандин А.Л., Денисов Ю.Н.* Лексико-семантическая классификация русского глагола в свете постулата о лексическом значении слова // Слово II. Тамбов, 1997.
281. *Шарандин А.Л.* К вопросу о грамматической концепции толкового словаря // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь проф. С.Г. Ильенко. СПб., 1998.
282. *Шведова Н.Ю.* Русский семантический словарь. Вып. I. М., 1998.
283. *Шведова Н.Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания, 1999, № 1.
284. *Шенк Р., Бирнбаум Я., Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Компьютерная лингвистика. Вып. 24. М., 1989.
285. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
286. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
287. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
288. *Юрченко В.С.* Предложение и слово (проблемы их соотношения) // Филологические науки, 1996, № 2.
289. Язык и интеллект. М., 1995.
290. Язык и личность. М., 1989.
291. Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
292. *Blanar Y.* Teoria vlastného mena. Bratislava, 1996.

СЛОВАРИ — ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Ахманова О.С.* Словарь омонимов русского языка. М., 1986.
- Быков В.* Русская феня. Смоленск, 1994.
- Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. СПб., 2002.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. (Словарь Даля).
- Елистратов В.С.* Словарь московского арга. М., 1994.
- Кондратьева Т.Н.* Метаморфозы собственного имени. Опыт Словаря. Казань, 1983.
- Крысин Л.П.* Современный толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.
- Максимов В.И.* и др. Словарь перестройки. СПб., 1992.
- Мифологический словарь. М., 1993.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
- Морошкин М.М.* Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы. М., 1989 (НРЛ).
- Новый объяснительный словарь синонимов. Проспект. М., 1995.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. СПб., 1997 (СНСЗ-80).
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1992 (СОШ).
- Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов: В 2 т. М., 1999.
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М., 1984.
- Русская ономастика и ономастика России / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1994.
- Русский ассоциативный словарь. Кн. 1—6. М., 1994—1998 (РАС).
- Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1982 (РСС).

- Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.
- Словарь новых слов русского языка (середина 50—середина 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995 (СНС).
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981—1984. Т. 1—4 (МАС).
- Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Л., 1970—1971. Т. I—II (АСС).
- Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991—1994, т. 1—6.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1948—1965 (БАС).
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992.
- Современный словарь иностранных слов. М., 1993.
- Тихонов А.Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1996.
- Толковый идеографический словарь русских глаголов. Проспект / Под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998.
- Тушиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1993.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
- Юганов И., Юганова Ф.* Русский жаргон в 60—90-е гг.: Опыт словаря / Под ред. А.Н. Баранова. М., 1994.
- Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга / Под ред. А.Н. Баранова. М., 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ	4
Принцип антропоцентризма в лексикологии	4
Слово в когнитивной парадигме	13
Лингвокультурологический аспект анализа слова	29
Коммуникативные аспекты изучения слова	47
АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ	51
Способы пополнения современного словаря	54
Заемствования (внешние и внутренние)	57
Перегруппировка пластов активного и пассивного словаря	75
Сохранение общезыковых тенденций в развитии лексики	76
Лексические новации в ассоциативно-вербальной сети и неологических словарях	80
СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА	88
О форме слова в аспекте лексикологии	90
Слово и другие единицы языка	93
Слово в аспекте лексикологии	97

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ЛЕКСИКИ	126
Этапы и трудности изучения русской лексики	126
Парадигматические отношения в лексике	139
Синтагматические отношения в лексике	158
Ассоциативно-деривационные отношения в лексике	169
Лексикосистемные связи слов в их учебной интерпретации	184
ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ЕГО СТРУКТУРНЫЙ ХАРАКТЕР И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИИ	192
К определению лексического значения	192
Структура лексического значения и его функциональные потенции	207
СЛОВА ОДНОЗНАЧНЫЕ И МНОГОЗНАЧНЫЕ. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА	262
Лексическая однозначность и неоднозначность	262
Способы лексико-семантического варьирования значений	273
Семантическая точность словоупотребления	290
ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ	296
Состояние разработки проблемы	296
Сложности в интерпретации типов лексических значений	304
Текстовые последствия разнотипности лексических значений	321
Заключение	333
Литература	334
Словари — источники иллюстраций	348

Учебное издание

Сулименко Надежда Евгеньевна

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК
Слово в курсе лексикологии

Учебное пособие

Подписано в печать 10.02.2014.

Электронное издание для распространения через
Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б,
комн. 324. Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.